

**Олжас
Сулейменов**

Так было...

*Эта книга издана при спонсорской
поддержке известного
тележурналиста и мецената —
Арманжана Байтасова*

**Олжас
Сулейменов**

Так было...

ВОСПОМИНАНИЯ
ВЫСТУПЛЕНИЯ
ИНТЕРВЬЮ

АЛМАТЫ, 2023

Сүлейменов Олжас

С89 Сулейменов Олжас
Так было... Алматы: «Service press», 2023. – 424 С., илл. 16 С.

ISBN 978-601-354-123-5

«Так было...» является первой книгой мемуаров Олжаса Сулейменова, написанной в жанре, который можно обозначить как — живые свидетельства памяти поэта, не раз бывавшего в эпицентре истории. А порой, и определявшего ее.

Жизнетворчество Олжаса Сулейменова, обобщенное им в этой книге, можно охарактеризовать как самосознание культуры. История с юности признала в поэте своего творца, вернувшего тюркской историологии несколько доказательных тысячелетий, приблизившего к началу культур и знанием сблизившего биографии народов на маршрутах в будущее, подарив им историческую память и право на действие в XXI веке.

В первой части книги собраны воспоминания о ключевых событиях биографии поэта, встречах и дружбах с выдающимися историческими фигурами, светлых и трагических страницах истории XX — начала XXI веков, малоизвестных широкому читателю. В разделе «Память мира» автором собрано несколько историко-лингвистических новелл из «1001 слова» — научного проекта, которому автор посвятил более 60 лет. В этом разделе Олжас Сулейменов раскрывает метод археологии слова, исследуя начала культур, развившихся из первых знаков древнего мира.

Вторую часть книги составляют документы эпохи — избранные общественно-политические публикации, выступления и интервью Олжаса Сулейменова 1970-2000-х годов. Книга содержит архивные видео (1960-2000-е гг.) в форме QR-кодов со ссылкой на размещенные на YouTube оригиналы для иллюстрации некоторых глав визуальными источниками в интерактивном формате.

Книга рассчитана как на исследователей истории, литературы и культуры, так и на широкого читателя.

570769

УДК 821.512.122

ББК 84 (5Каз)

ISBN 978-601-354-123-5

© Сүлейменов О.О., 2023

ЧАСТЬ I

Воспоминания

ПОЭЗИЯ
— ЭТО ВСЕГДА ПОСТУПОК

НАЧАЛО

Когда-то мама дала мне четыре мудрых совета. Один из них: «...Каждому, кто подал тебе руку — подавай в ответ, здороваясь, потому что один из сорока — святой...». С тех пор я пожал тысячи рук. Возможно, некоторые из них были святыми. С годами понял ценность других ее мудрых слов: «будь с гордым горд, он не сын пророка, с вежливым будь вежлив, он не раб твоего отца» или «если встретил человека, обрадуй его, может быть, ты видишь его в последний раз...». Она сформулировала философию доброго человека.

Когда мне исполнилось 40 лет, мама спросила: «Олжас, мы за стол не сядем, пока ты мне не расскажешь. За эти 40 лет ты кого-нибудь подвел? Предал кого-нибудь? Друга или учителя...».

Я подумал, тщательно перебрал прошедшие десятилетия и ответил, что не стыжусь своих прожитых лет. За это время я никого не предал, не написал и не подписал ни одной подлой бумаги. С тех пор каждое десятилетие, каждый юбилей сам даю себе такой отчет.

Спрашиваю себя, удалось ли сохранить то, что доверила мне мама — Фатима Насыржановна Сулейменова.

Детство мое прошло в Алма-Ате. Я родился на улице Крепостной, сейчас Станиславского. Не знаю, какое отношение имеет Станиславский к этой улице, но крепость к ней имела прямое отношение. Та самая крепость, описанная в фурмановской повести «Мятеж». Высокий глиняный вал на границе Малой и Большой станиц. Там стоял наш домик.

Отец — Омар Сулейменов — служил в этой крепости офицером Казахского кавалерийского полка. В 1936-м его репрессировали. Вызвали в Ташкент, в Туркестанский военный округ, но он отпросился на время, потому что должен был родиться я. Через 4 дня он уехал навсегда. Получилось, что я фактом своего рождения на несколько дней продлил ему свободу.

Через месяц мама с дедом Насыржаном отправились в Ташкент выяснять, где он и что с ним. Им сказали: не приезжал, не знаем. Вернулись, пошли в штаб полка. А штаба нет. И полка нет.

Потом, анализируя все, я понял — что это было. Открыл одну неизвестную страницу сталинизма.

Сталин готовил 1937 год. Чтобы национальные военные части, которые были в каждой республике, не помешали уничтожению политических элит и интеллигенции, их заранее расформировали. Рядовых распустили по аулам, командиров посадили или расстреляли. В 1937-м начались формальные суды, когда арестовали Сейфуллина, Майлина, Жансугурова. 1936-й же проходил тихо. Спустя много лет, Лев Николаевич Гумилев сказал мне, что сидел с моим отцом — кавалеристом Омаром Сулейменовым в одном лагере на Севере.

Родственники по отцовской линии хотели забрать меня с мамой в Баян-аул, но дед Насыржан не отпустил нас из Алма-Аты (кто знает, может, я стал бы неплохим акыном в привольных степях Павлодарщины).

...Мои предки с материнской стороны были саманщиками. Много домов Алма-Аты построено их руками. Бадельбаевы, можно сказать, живут в Алма-Ате с первого дня ее истории. Не раз город разрушался землетрясениями, уносился наводнениями, но упорно отстраивался на том же месте. Алма-Ата была уютным, зеленым городком. Я посвятил своему городу строки:

Он не входил в число столиц империй,
и лавры не растут — венца в наш герб
не ввить.
Чтоб быть единственным, не важно —
первым
или последним быть.
Мой город во вселенной знаменит
тем, что другим его не заменить.
... Здесь я увидел свет одной весной
в домишке возле крепостного вала
(точней, на Караванно-Крепостной),
здесь мать меня в ладонь поцеловала,
сказала “Будешь мастером, сынок,
несовершенства мира обернутся
на руки эти
и падут у ног,
коснешься их и — красотой очнутя”.
Здесь я гонялся взапуски с луной,
спал на речных камнях, согретых солнцем,
я видел столько добрых валунов,
теснившихся, чтоб дать свободу соснам.
Нет в этом граде улочек кривых,
прямые, искренние марши улиц —

пожизненных моих дорог язык.
Стремительные, злые трассы улиц
прожектами такими обернулись,
такой свободой напрямик идти,
не ведая о кривизне пути!
Здесь родина мальчишеских обид,
здесь край несбывшихся на счастье — снов.
Без этих идиллических основ
вселенная моя не устоит.

Во время эвакуации вся московская интеллигенция обитала здесь. Ученые, писатели, киношники. Здесь снимались многие фильмы – «Шесть часов вечера после войны», «Два бойца», «Иван Грозный». Мы, дети, этого особо не видели. Летом хватало ведерко, набирали воды из колонки на нашей улице и бежали на Зеленый базар (тогда он назывался колхозным рынком) продавать эту воду кружками. Все пацаны занимались таким, своего рода, бизнесом. Я жил на руках деда и бабушки. И был дядя Турсун, который больше походил на моего старшего брата. Грузовики со свёклой поворачивали в Малой Станице на сахарный завод. И снижали скорость. Зима. Я был самый маленький, лёгкий, меня закидывали в кузов. И я сбрасывал эти корнеплоды на дорогу. Где-то на очередном подъёме скорость совсем падала, и я вываливался на дорогу вместе со сладким подарком. И мы лакомились. Хлеба полагалось 300 граммов на одного иждивенца. Это было больше, чем в Ленинграде в 6 раз. Но все равно не хватало. Дядя Турсун меня и подкидывал в тот грузовик. Ему было 16 лет. Боевой парень. Руководил местной шпаной на улице Крепостной. Там был глиняный вал, где они собирались время от времени. Устраивали бои улица на улицу.

А мы наблюдали, сидя на валу. Болели за своих. Такие вот были гладиаторские бои. Помню где-то в 43-м году один бой, когда эти ребята, перед тем как уйти на фронт, собрались, чтобы попрощаться друг с другом. Улица на улицу. Завтра они вместе в одном строю будут сражаться. А здесь сводят последние счета, раздают долги. Но злобы и ненависти не было. Хотя все окрестные улицы находились во взаимном напряжении.

На нашей улице стояла хлебная лавка, куда со всей округи мальчишки приходили с карточками за пайкой. В шесть утра лавка открывалась, и каждый пробивался внутрь, рассчитывая на свои локти и ловкость. Нам полагались буханка хлеба и довесок. Этот довесок доставался мне сверх положенных трехсот граммов. А на соседней, на «их» улице была водопроводная колонка, где мы брали воду, ступая с ведрами на

«чужую» территорию. Напряжение, конечно, существовало, но этот антагонизм, как я сейчас понимаю, и развивал нас всех, держал в форме, делал из мальчишек мужчин.

По-своему там вырабатывался кодекс чести. Нельзя подводить. Нельзя клеветать друг на друга. Нельзя отвернуться от того, кто нуждается в помощи. Это все воспитывалось с детства в каждом из нас. Поэтому, я думаю, то, чему нас не научили в школе, уличная школа преподавала очень хорошо.

В четвертом классе нас всему учил Яков Степанович Галай. И грамматике, и арифметике. Небольшого роста, широкоплечий, всегда в военной гимнастерке, подпоясанный широким офицерским ремнем. Иногда менял галифе на штатские брюки, но от сапог не отказывался.

Потом узнали, что у самого-то образование было «неполное среднее», как тогда говорили (семь классов успел закончить перед заводом и войной, где командовал танковым взводом, получил ранение, демобилизовался). Днем учил нас, вечером учился сам: в вечерней школе, в восьмом классе. Яков Степанович запомнился еще и потому, что он стал моим первым читателем.

В нынешних школах в четвертом классе сочинений не пишут. Еще рано. А мы тогда писали, и первым было — «Как я провел лето». А как тогда проводили летние каникулы? С утра пропалывал огород, окучивал картошку, нянчил сестренку. Иногда удавалось с соседскими мальчишками сбежать на Казенок — пруд в Парке культуры. Забирались на деревья и оттуда сигали в воду. Обо всем этом и рассказывал на нескольких тетрадных страницах.

Яков Степанович прочел мое сочинение вслух, перед классом. Сегодня понимаю, что это и была первая публикация. Внимание, с которым слушал класс мое произведение, и похвала учителя так возбуждали, что я не удержался, вскинул руку, вскочил и сообщил — не все, не все я описал! Мы еще ходили в горы: я чуть не наступил на змею-желтопузика, насобирали дикий ревеня, принес целую охапку — всем во дворе хватило!

С того дня я стал вести дневник, в который записывал главные события прожитого дня, чтобы ничего более не забывать.

Ни дневников тех, ни школьных сочинений, конечно, не сохранилось. Как и первых повестей и романов, написанных в отрочестве на тетрадных листах. Я не дорожил теми рукописями, значит, понимал их несовершенство. Пока пишешь — «гениально!», перечтешь через неделю — «в печь!». Следовательно, рос, развивался, не останавливался. Графоман и через год, и через десять не понизит собственной

оценки своего творения. И будет навязывать ее всем, кто решится его прочесть (потом я знал графоманов и на посту президента страны). С опытом приходит понимание, что начинаешь писать по-настоящему, только когда освоишь науку чтения. Читать — это постигать глубины текста, смысловые связи, о которых мог и не догадываться сам автор. Ценители слова делятся на слушателей и читателей. Устное слово звучит и в темноте. Написанное нуждается в свете. Взгляд твой, как луч прожектора, скользит по поверхности слова, вдруг замирает и продавливая темные пласты смыслов, наслоившихся за тысячелетия.

Я и сейчас продолжаю учебу в этой бесконечной школе чтения.

...Первый класс я еле закончил: читал хуже всех. Учительница вручила маме книгу из школьной библиотеки — «Рассказы о Ленине». Осенью школа должна была убедиться, что я могу прочесть любой из этих рассказов. Только тогда переведут во второй класс. Это называлось «оставить на осень».

Мама с утра освобождала меня от всех домашних занятий — даже от полива огорода — только читай! Ребята с нашей улицы убежали на Казенок — а я читал. Книга была большая, с картинками, буквы крупные. Никакая другая наука в дальнейшем не давалась мне так тяжело. В прямом смысле — из-под палки я осваивал, обретал умение складывать буквы в слова, а слова — в осмысленные предложения. К концу лета мама вздохнула с облегчением: у меня стало получаться. В следующий класс перевели.

Но вместе с этим успехом мама получила другую «головную боль». Я полюбил чтение. И так сильно, что маме теперь пришлось бороться с этой моей неожиданной страстью. Детской литературы в те времена издавалось мало. И я читал все напечатанное, что попадало в руки. Тогда в каждом знакомом мне доме была библиотека, пусть в несколько книг или в несколько десятков. Украшением нашего книжного шкафа было первое послевоенное издание собрания сочинений Льва Толстого. Двенадцать тяжелых томов в белой бумажной обложке. Я их осилил в третьем и четвертом классах. Читал даже в школе, на уроках, по дороге домой, ночью под одеялом, подсвечивая фонариком, пока не иссякнет батарейка. Литературу называли духовной пищей, и я согласен с этим определением, потому что мне приходилось голодать без книги, как без хлеба. После Толстого читать оказалось нечего, и *«однажды мама застала меня с «Капиталом»*. Это из стихотворного рассказа, открывшего мой первый сборник «Аргмаки» (1961 г.).

Рассказ был посвящен урокам чтения, титанической маминой борьбе с этой пагубой: «Глаза ведь дороже, чем книжка!». Стихотворение заканчивалось мудрым юношеским выводом: «не ослеп, прозревал твой упрямый мальчишка!».

Чтобы написать свою первую книгу, надо прочесть, впитать в себя тысячу написанных до тебя. Пусть не буквально, но следовать этому закону приходится каждому писателю. В последние десятилетия кино, телевидение, интернет заменили книгу. Нечитающее поколение — это наступающий провал в культуре и технической цивилизации. Поэтому важно вернуться к книге. Если еще не поздно.

* * *

В 1943 году мама вышла замуж за Абдуали Карагулова, известного журналиста, одного из немногих выпускников КИЖА (Коммунистического института журналистики). Он был редактором областных и республиканских газет. Я никогда не слышал, чтобы он кого-нибудь хулил. И нас такими воспитал. Наш дом никогда никому не был должен: обходились тем малым, что имели. И никому в помощи наш дом не отказывал. Ни большого национализма, ни малого (жузовского) в доме не было. Я узнал, что казахи делятся на три жуза, только придя на работу в Союз писателей. Спросил у отчима: к какому жузу я отношусь. Он ответил: «Фатима — из Большого жуза, Омар — из Среднего, я — из Младшего. Значит, ты сын всех трех жузов, настоящий казах». И с тех пор, когда меня спрашивали, из какого я жуза, у меня был ответ — из жуза «казах».

Он отговорил меня от поступления на факультет журналистики КазГУ, сказав: «Олжас, я много лет работаю. Лучше быть средним инженером, чем средним журналистом. Не ошибись...».

В итоге, я поступил на нефтяное отделение геолого-географического факультета, о чем не жалею. Геология стала для меня настоящим увлечением. Пять месяцев трудился в геологической партии, когда проходил производственную практику в прикаспийских пустынях на Мангышлаке летом 1957 года. Мы искали выходы нефти в водных источниках, хотя сначала приходилось искать сами водные источники, потому что и они в пустыне — редкость. Пять месяцев в поле. Машина ГАЗ-51, в ее кузове бочка с пресной водой, мешок муки и консервы «Килька в томате». С тех пор я эту кильку видеть не могу.

Но мне повезло почувствовать красоту моего края. Я сумел увидеть в этой совершенно изможденной, измученной пустыне затаенный смысл и прелесть. Как и с людьми: невзрачный на первый взгляд

человек оказывается внутренне красив и щедро талантлив. Такими оказались и пустыни Прикаспия: стоило к ним внимательно и уважительно приглядеться, заглянуть в нутро, и выяснилось, что там несметные богатства.

Помню тему дипломной работы: «Механика образования соляных куполов Эмбинской нефтеносной структуры». Сделал работу совсем не ученическую.

Дело в том, что прежде считалось так: соляной купол растет вверх под воздействием неизвестных сил и при росте разрывает нефтяные пласты. А я в своей работе это опровергал. Посмотрел разрезы множества месторождений и обратил внимание на то, что соляной шток растет тем быстрее, чем сильнее на него налегают пласты. Соль вздымается и происходит рост. По мере приближения к поверхности скорость роста замедляется. Уже нет того давления. Поэтому я выдвинул теорию, согласно которой чем больше давление на соляной шток, тем он быстрее растет. И доказал ее фактами и цифрами.

Профессор Брод, мой научный консультант в Москве, заведовавший кафедрой в МГУ, согласился с выводами. Но мой научный руководитель в Казахстане профессор Авров был против, посчитав эти выводы ошибочными. Арбитром в споре выступил декан факультета с запоминающейся фамилией Шмайс. Он вчитался в проект и попросил комиссию быть снисходительнее к юному «первооткрывателю». Я получил диплом. А через десять лет в каком-то иностранном геологическом журнале появляется статья, которая один в один повторяет выводы моей студенческой работы. Американские геологи, исследуя соляные купола Южной Америки, предложили парадоксальный, но, как оказалось, точный механизм их образования и сделали заключение: это имеет большое практическое значение, поскольку под пластами земли, прорванных соляными куполами, собирается нефть.

Меня как раз это и привлекало сильнее всего в геологии. Не походы по степям и пустыням, не песни у костров, а разгадывание тайн, которые хранит земля.

Работая над дипломом, я обратил внимание на то, что соляной шток растет очень быстро, когда на него налегают большие пласты земной коры. Они, встречая его сопротивление, рвутся и соль вспучивается. И соляной столб рвется вверх. Но как только приближается к поверхности и давление уменьшается, скорость его роста сразу становится меньше. Такой парадокс существует в природе. Видимо, это относится и к литературе, а может, и к любому творчеству. Говорят, цензура задерживала развитие литературы. Мы тоже работали в

условиях жесткой цензуры и в борьбе с ней находили такие изощренные ходы, что настоящая литература прорывалась со страшной силой. Так было и в театре, и в кино, и в живописи. Вероятно, сопротивление рождает в человеке активность:

..Когда последняя надежда — мы,
когда нас молят
яростью оваций,
мы откровением ослепим умы!
Взгляните на меня,
когда мне —
двадцать!

Поэзия — это неподдающийся точному материалистическому анализу дух поиска идеала. Идеал — это тот светлый горизонт, к которому прорываешься всю жизнь.

ЭСТАФЕТА ЧОКАНА

Начало лета 1957 года. Я — студент геологического факультета КазГУ, собирался на практику в пустыни Прикаспия. Последние зачеты весенней сессии. Библиотека, университет, дом.

Мне уже несколько раз за эти дни встречался на улицах этот человек. Он, казалось, следил за мной. Но довольно странно: всегда шел навстречу и не прятал взгляд, а упорно, внимательно вглядывался мне в лицо. Нынешнее поколение студентов однозначно расценило бы такой повышенный интерес сорокалетнего мужчины к юноше. У меня же никакого ответа не возникало, кроме некоторого беспокойства. Незнакомец был инвалидом: вместо левой руки — протез, обтянутый черной кожаной перчаткой.

Я помню место, где у нас началось знакомство. Мой постоянный маршрут «Университет — Дом» проходил по улице Дзержинского мимо Соснового парка.

На завтра у меня был билет на самолет до Гурьева. И незнакомец, словно узнав об этом, остановил меня. Извинился, представился.

Мажит Бегалин. Кинорежиссер. Будет снимать фильм о Чокане Валиханове. Ищет возможных исполнителей главной роли. Ему показалось, что я бы подошел. Попросил прийти на кинопробы. Дал бумажку с заранее написанным адресом. Я поблагодарил за такую честь, но признался, что готовлюсь в геологи, а не в киноартисты. И поездка на практику мне важнее всего.

...Потом, уже учась в Москве, в Литературном Институте, я увидел фильм Мажита Бегалина «Его время придет». Чокана прекрасно сыграл профессиональный артист — Жантурин. Правда, он возрастом был постарше своего героя (Чокан дожил до 30). Главным в этой истории считаю то, что, благодаря фильму, узнал первые сведения о Чокане. XX съезд (1956 г.) политически реабилитировал и Чокана Валиханова, которого ретивые белсенді¹ вычеркнули из истории как представителя чужого класса: являлся потомком хана Абылая, закончил кадетский корпус, служил в Генштабе императорской России. Из средней школы наше поколение вынесло только одно имя, воплощающее казахскую историю — Абай. Фильм Мажита Бегалина вернул из забвения второе — Чокан.

...В советской России произведения Чокана и литература о нем не были запрещены. И я свободно находил материалы об этой личности в Ленинской библиотеке. Прочел воспоминания о Чокане — И.Б.Мушкетова, П.П.Семенова-Тяньшанского, Г.Н.Потанина... «Я полюбил Вас как брата и даже больше, чем брата..». Ни о ком больше Федор Достоевский не написал так щедро и проникновенно. И хотя при жизни Чокана свет увидели только две его статьи, помещенные в «Записках Императорского Русского географического общества» («Очерки Джунгарии» и «О состоянии Алтышара» 1861 г.), впечатления о них позволили выдающемуся русскому востоковеду Н.И.Веселовскому написать «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских² ханов и в то же время русский офицер Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд».

Сколько самых дорогих и хрупких качеств нужно было из века

¹ Белсенді — «активист» (каз.)

² До октябрьской революции казахов в России называли киргизами, ибо этноним «қазақ» (самоназвание казахов) путался с сословным русским названием «казак».

в век собирать и, рискуя целыми поколениями, сохранить в одном роду, чтобы появился Чокан. Как трудно даются народу гении и как легко он их теряет! Но суров закон жизни на земле: если народ не дал человечеству несколько великих людей, он не оправдал своего существования в истории. Поэтому все народы, населяющие Землю, рожают Человека. И только самые невежественные из обществ людских — боятся и уничтожают таланты. Замахиваются на свое будущее.

Чокан умер в 1865 году. После него никто из казахских историков достойно не продолжил его начинаний. Никто не сделал «великих и важных откровений» о судьбе казахского и других тюркских народов. В этом я убеждался, проводя недели в Ленинке, в поисках трудов дореволюционных и советских ученых, которые бы объяснили мне происхождение и биографию моего народа. Я понял одно — казахи отнесены наукой к категории народов «неисторических», неизвестно когда и как возникших из болота «проклятого прошлого». Я почувствовал оскорбление, нанесенное мне наукой. Юность проходит под знаком вопроса «Кто — я?». Но самоутверждение невозможно без ответа на вопрос: «Кто — мы?». И если учебники тебе говорят, что «Мы — ничто», тогда и твое «я» становится ничтожным.

Именно в те годы и, во многом, благодаря Мажиту, я принял эстафету Чокана — осознал свой долг, обязанность внести хотя бы лучик света в темноту, в антрацитовую плотности темноту нашей истории.

В эссе «Ты — мой герой» 1962 года провозгласил эту свою программу:

«Меня не удовлетворяют общие заявления о невежественном, темном прошлом моего племени. Этими положениями пользуются идеологи колониализма. Они и сейчас заявляют, что народы Востока, не имевшие ни государственности, ни культуры, не способны к равному развитию. Своей пассивностью мы аргументируем эти доводы.

Мне двадцать шесть лет. Имею диплом геолога-разведчика и литературную специальность. Подхожу к изучению истории как геолог и как поэт. В последние годы перерыл сотни исторических книг. Гонорары использую для работы в крупнейших библиотеках Советского Союза. Ищу то, что мне еще не дали мои отцы из Академии наук. И это исследование грех порицать: знаю прошлое России, Китая, Америки, Греции, Франции, Грузии, Ирака, но еще не знаю истории казахов.

Эпоха кочевников не проявлена. Имею смелость заявить сейчас, что многие темные места истории книжных народов необъяснимы без знания истории тюрков. Убежден, что когда-нибудь

появится подлинная, реалистическая книга «Истинная история», в рождении которой, надеюсь, будем повинны и мы. Только поэты могут объяснить значение слов, созданных древними языкотворцами.

Знание родной истории — необходимое условие развития интернационального сознания.

Наше поколение кристаллизуется. В народе происходят реакции чести. Униженным недоступна радость. Поэты обязаны поставлять в народ энергию для реакций чести».

...Литературная тропа заводила меня и на киностудию «Казахфильм», где я несколько лет проработал с Тремя Китами — так мы называли группу режиссеров (Шакен, Мажит, Султан). Они же себя нарекали просто — Основоположники. Действительно, национальный игровой кинематограф начинался с них. Творческая атмосфера, создаваемая ими, влияла и на писателей, художников и архитекторов — на всю культуру. Мы безоговорочно признавали их право быть нашими учителями не только потому, что они были старше нас. В каждом из них была такая доброта, такое человеческое обаяние, какое я потом редко встречал в среде литературных или ученых аксакалов. Несмотря на разницу в возрасте, мы стали близкими друзьями и товарищами. Называли друг друга по имени, обращались на «ты».

...Мое внешнее сходство с Чоканом стало причиной знакомства с Мажитом. И потом, все годы нашей дружбы он хотел, чтобы я действительно походил на Чокана и мыслями, и делами. По его настоянию я находил часок, чтобы попозировать скульпторам и живописцам, творившим образ Валиханова в полотне и в камне. И для той бронзовой фигуры, что стоит в Алма-Ате у Академии наук, он заставлял позировать.

Наше поколение многое сделало для самосознания нации, мы доказали себе, что мы не наследники, но активные продолжатели добрых замыслов и дел своих предков. Только такое эстафетное сотрудничество поколений обеспечивает жизнь народа в истории, продлевает его дорогу в будущее.

ИСПРАВЛЯЯ МЕТАФОРой МИР

I

Начинал с рассказов. В студенческие годы печатался в детских и молодёжных газетах. После окончания геологического поступил в Литературный институт им. Горького в группу переводчиков с казахского на русский. Переводил прозу и стихи: профессиональный литератор обязан овладеть всеми жанрами.

Лекционных курсов не помню. В памяти остались отдельные эпизоды.

Профессор Пухов, невысокий, дворянско-интеллигентный старичок, влюблённый в Пушкина.

В первую же осень организовал нам автобусную поездку в Болдино. Свинцовый октябрьский дождь. Непролазные дороги. За километр от цели застряли. Со стороны села идёт по обочине мужик. Студенты окружили: живой болдинец. «Дед, небось Пушкина видел? Он у вас в Болдино жил». Мужик оглянулся на виднеющееся в лесу село и обстоятельно объяснил: «Я летось в Краюхе пробыл, дочке помогал. Кто его знает, можа старуха кого и пустила на постой. Здесь разные бывают. А из себя какой?».

Эта встреча прибавила нам энергии — мы враз вытолкнули автобус.

Профессор Водолагин (мы звали его между собой, почему-то, барон Водно-Влаген) обучал истории СССР. Бывший секретарь сталинградского обкома по идеологии. От старых пристрастий остались, кажется, усы по-сталински. Новое поддерживал: побрил голову под Хрущёва. И сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что он и далёкое будущее предвидел: бровями был вылитый Брежнев.

На ознакомительных лекциях, проверяя познания нового набора в своём предмете, применял индивидуальный подход. Грузина спрашивал про Георгиевский договор о вхождении под покровительство; украинца пытал о документах Переяславской Рады. Мне он задавал вопрос, подмигивая аудитории:

— «А ну-ка, расскажи, когда вы в первый раз пошли на Русь?»

Я попросил уточнить:

— «Под «вы» имеется в виду Казахская ССР?»

Древнерусскую литературу преподавал профессор Сидельников. Вместе с Ауэзовым издал в 51-м том казахских сказок в Москве, за что

обоим приписали буржуазный национализм: в сборник «просочились» сказки, где персонажили мудрые ханы и богатеи.

Именно Сидельников предложил мне тему для курсовой: «Слово о полку Игореве». Я, из уважения к профессору, отнесся к работе слишком серьёзно — не переписал, как и надо было, пару страниц из учебника, но пошёл в Ленинскую библиотеку, залез в каталоги, и курсовая завершилась через пятнадцать лет книгой «Аз и Я».

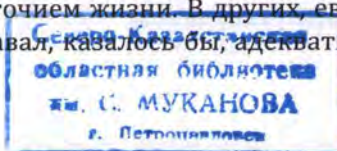
...По вторникам проводились творческие семинары. Нашим руководил поэт Лев Озеров, опытный переводчик. В семинаре — ребята и девушки из Москвы, Литвы, Азербайджана, Грузии, Армении, Чеченоингушетии. Многие уже с дипломами других вузов. Мыслящие, знающие, свободные в суждениях и оценках всего. Мы были учениками и учителями друг другу. Здесь формировалось мировоззрение, редактировался характер. Тимур Зульфикаров, Суламита Фридбург, Саша Эбаноидзе...

Мечтаю издать книжку о времени, проведенном в стенах Литинститута, о студенческой среде, которая жила лозунгом: «Хочешь быть счастливым? Будем!».

II

Переводы стихов не получались: много отсебятины, рваные размеры. Гладкий одиннадцатисложник «бармак», коим работали погововно все мои авторы, не гляделся на русском. Он соответствовал размеру популярной песни «Эй, камаринский, камаринский мужик!» и, как я ни изворачивался, во всех предложенных мною стихах слышался этот плясовой мотив, который не желал монтироваться с нешуточным содержанием — революция, трагическая, безответная любовь авторов к партии.

Я убеждался — прозу можно пересказать почти стопроцентно, стихи теряют в переводе, подчас, самое главное. Переведённое стихотворение — это перевёрнутый ковёр: узор виден, но — не волшебный ворс поэзии!.. Конечно, чаще встречались «ковры» без этого излишества — типа паласов, но у меня и с такими не ладилось. Задавали работы идиомы, например, такая, как традиционное обращение к близкому, самому дорогому человеку: «о, баурым!» — буквально «о, моя печень!». В Древнем Риме и Вавилоне это выражение поняли бы правильно, потому что и у них печень считалась главным органом, средоточием жизни. В других, европейских культурах — сердце. Я и передавал, казалось бы, адекватно — «о, моё сердце!». Но автору не

нравилось, он требовал буквального, я убеждал — для русского читателя такое обращение больше говорит не о чувствах лирического героя, а напоминает жалобу на цирроз. Автор сопротивлялся, и я в конце концов понял причину: для казахского слуха выражение «о, моё сердце» было равносильно признанию в стенокардии.

И таких несовместимостей наши культуры наработали достаточно, чтобы начинающему толмачу прийти в отчаяние. Я сдался после одной рядовой встречи с рядовым, на мой взгляд, автором. Он приехал по делам в Москву, разместился в люксе одноимённой гостиницы. Я принёс перевод его поэмы об окончательной победе бедняков над ненавистными баями. Поэт отвлекся от застолья, полистал рукопись. Стол с ним делил его штатный, московский переводчик. Он тоже глянул, тоже не одобрил. Автор ещё раз выпил и закурил удила:

Не моё! У меня — огонь! Пламя! Я в стихах пою! А у тебя — рычание.
Меня, тогда, главное — завести, и я поехал: «Хочешь петь? Пей!».

Покончил с переводческой деятельностью. Начал рифмовать своё.

III

Каждый день ездил троллейбусом от Бутырского хутора (общезжитие) до Тверского бульвара (институт) и обратно. На пути следования (где-то посередине) располагалась редакция «Огонька» (ул. Правды). Другие журналы — далеко в стороне от троллейбусного маршрута. Этим и объясняется выбор редакции, оказавшийся счастливым. Первое же стихотворение «Аргамак» принёс в «Огонёк». Отделом поэзии заведовал пожилой, флегматичный поэт Кудрейко. Книг его не читал, но имя было знакомо по хрестоматии, благодаря Маяковскому, в свое время наотмашь охарактеризовавшему московскую литературную среду:

*Кудреватые мудрейки,
Мудреватые кудрейки —
Кто вас,
к черту,
разберет!*

Кудрейко показался навсегда ушибленным этой оценкой. При разговоре смотрел не в глаза, а на кончик своего красного карандаша, только что вспахавшего страницу с моим творением.

Я переделал, пришёл через неделю. Он опять аккуратно исчеркал и ровным, тихим голосом объяснил свои карательные действия.

Я усиливал, и снова меня отбрасывали на исходные позиции. Крепость Кудрейко не сдавалась, но и во мне нарастало сопротивление.

Возвращался в общагу, до рассвета изводил бумагу. Казалось, предел совершенства, рифмы, аллитерации, образы — все на месте. Каждый звук, как стук копыта. Они в своём болотном журнале такого степного стиха отродясь не видели!

Машинистка в институтской канцелярии, вздыхая, перепечатывала двадцатый, тридцатый вариант, говорила осторожно-доброе «Значительно лучше». Я летел в «Огонёк»!

Потом ехал в общежитие по сумеречной Москве с измятой, окровавленной страницей в кармане пальто. Что теперь? Геологию бросил, с переводами не получилось. Возвращаться в Алма-Ату и пожизненно в «Трамвайтрест»? Мама в детстве всегда пугала этим таинственным словом: «Если плохо будешь учиться — в Трамвайтрест пойдёшь!». Все, баста! Хватит с меня мудреватого-ноздrevатых! В Трамвайтрест!

И через день-другой прозвучит в тебе звонкая труба — баста! И ты опять сядлаешь взмыленного аргамака.

(Есть ли какая-нибудь хитрая связь между итальянским basta со значением «кончай» и казахским «баста» — прямо противоположным «начинай»? Но между этими перетекающими друг в друга командами — вся наша жизнь).

...У тогдашнего «Огонька» была, как я узнал, репутация черносотенного. Печатал он только «почвенников» или «союзников». Позже, анализируя, я понял — Кудрейко одолевали сомнения. То, что я выбрал именно этот журнал, вроде, о чем-то свидетельствовало. Но по «Аргамаку» нельзя было судить об «антисионистской» направленности моих взглядов. А других вещей я ему не показывал. Их у меня просто не было. Запретить мне навещать его он не мог: работа с молодыми входила в круг его обязанностей. Оставался один путь — отшибить охоту. Но и с этим не все ладно: с каждым разом становилось все труднее пускать в ход «красную дубинку». Мы оба чувствовали — стихотворение крепло. Оно стало для меня учебным полигоном, школой стихового письма. «Что такое скульптура? Это кусок породы, от которой отсечено все лишнее». Сам того не очень желая, Кудрейко преподавал мне уроки отсекаания лишнего, пытаюсь отсечь меня от своего журнала. Я ускороенно прошёл, как бы, два Литературных института,

один — на Тверском бульваре, другой — на улице Правды. (Нет, был ещё и третий — на Бутырском хуторе. Общежитие).

«Они любви нас нелюбовью учат» — эти слова Риммы Казаковой заставляют с благодарностью вспомнить многих встреченных мною в жизни таких педагогов. Хотя, естественно, не так тепло, как тех, что учили любовью.

IV

Моя стипендия сообща проедалась в первые же дни месяца. Потом небольшие (по возможностям) переводы из дома, от мамы и отца, от тётки Сарвар, дяди Фазыла, Артыка... И это уходило на «казахское гостеприимство».

В жутких промежутках меня подкармливал четвёртый, женский этаж в общежитии. Девушки более экономно использовали свои студенческие средства.

Суламита завела толстую тетрадь. «За каждый ужин будешь вписывать сюда новое стихотворение». После «каторги» Кудрейко набросать несколько строф — не труд. Во мне распрямлялась пружина — гены Пешего Мусы, импровизатора, деда по отцовской линии. Пока Суламита на кухне жарила котлеты, я успевал заполнить пару страниц. Иногда спонтанно, но чаще это были «домашние заготовки». Она входила с благоухающей сковородкой и не допускала до тарелки, пока не продекламируешь написанное.

Однажды Суламита сообщила, что ужин состоится в другом месте. Так впервые встретился с Борисом Слуцким.

*Что-то физики в почёте,
Что-то лирики в загоне:
Знать, в стремительном полете
Не взметнулись наши кони!..*

Седой, крепкий телом и литературным именем человек. Один из возбудителей поэтической волны послесталинской оттепели.

Зашли в кабинет. Большая комната — книжные полки и скульптуры. На пустом письменном столе увидел свою «котлетную» тетрадь.

«Я слышал, вы за ужин рассчитываетесь стихотворением. Здоровые традиции нарушать не будем. Подарите мне одно из этих. Я уже выбрал. (Он открыл тетрадь, прочёл): «Ребята, судите по мне о казахах». Эту строку не жалко? Я сейчас пишу о Назыме Хикмете. Никак не могу найти ключа к его образу. Слишком близко его знаю. И вот

он ключ — судите народ по поэту. Мне бы такая строчка не явилась. «Ребята, судите по мне о евреях». Даже Карл Маркс или Эйнштейн не имели бы право на такое заявление. Евреи слишком многообразно известны миру. И одна личность, даже самая выдающаяся, не может представить собой всей этой мозаичной расы. А турки в нынешнем мире не так славны. Казахи — тем более. Может быть, это и хорошо. Сознание, что ты не сам по себе, а по тебе судят обо всем народе, должно воспитать личность. Я казахов на войне встречал. Хорошие солдаты, исполнительные, нетребовательные. Но поэт — более собирательный образ. В нем все качества племени — и дурные, и хорошие. Многие, с кем вы мимоходом встречаетесь или встретитесь, никогда не общались с казахами. Они будут знать о вашем народе только то, что увидят в вас. Любой, даже случайный штрих вашего поведения гиперболизируется в портрет казахов. Выпили ненароком: казахи — пьяницы! Уступили в драке: казахи — трусы! Изобрели велосипед: казахи — гении! Никаких полутонов, это свойство массовой психологии. Литературная среда подвержена тому же. Знание казахской поэзии в Союзе близко к нулю. В мире и того меньше. Может быть, в оригиналах гениальна, но в переводах никого ещё не заинтересовала.

Вы собираетесь обходиться без переводчиков. Значит, берете на себя обязанность в единственном числе представлять всю оригинальную казахскую поэзию перед российским читателем. Да-да, именно по вашим вещам будут судить о ней в целом, во всей глубине. Теперь на переводчиков не свалишь. У ваших русских сверстников доля полегче. За ними великая история, слава предков, громадное культурное наследие.

Нынешний русский поэт имеет возможность быть посредственною. Вы — нет. Любите скульптуру? Я недавно увлёкся, вот сколько насобирал. Вучетич удивился: «Это ты навалял?» Прелестная терминология. Поэт должен интересоваться всем, не только строчки коллекционировать. Отвлекайтесь от стихов, не думайте, что этим обкрадываете мировую поэзию. Тогда стихи пойдут. А упрётесь взглядом в одну точку, вспугнёте музу. Она не любит домогательств»...

Некоторое время спустя вышел новый сборник Слуцкого. Стихи, посвященные турецкому другу, начинались со строк:

*...Судите народ по поэту,
Я о турках сужу по Назыму Хикмету,
По-моему, турки голубоглазы...*

V

Урок Слуцкого помог сформулировать то, что я давно ощущал, но не находил системного определения. После двадцати пытаешься упорядочить наброски жизненного плана. Ответ на юношеское «кто — я?» зависим от знания основы «кто мы». Я остро завидовал тем, кому не надо было заботиться о фундаменте своего «я»: чернозем истории извергал из глубин тысячелетий мощное, как взрыв до небес, древо жизни нации. И мои друзья могли лететь яблочками в пышной кроне.

...Я стал восстанавливать для себя историю казахов. Начал с недавней. Осваивая Ленинку, отыскивал неизвестные страницы.

По переписи 1926 г.: «казахи — самая крупная тюркоязычная национальность Советского Союза — 6 млн. 200 тысяч человек».

К 1939 г. осталось около двух миллионов. От этих цифр леденела душа.

Есть ли другой народ, заплативший такую цену за счастье называться нацменьшинством?

Какой же надо обладать овечьей покорностью, чтобы позволить сотворить с собой такое!...

Вся степь усеяна телами умерших от голода, а казахские газеты тех лет захлебываются стихами о заре светлого будущего, встающей над пробужденным краем. Клеймо безропотности, заискивающей, трусливой лжи выжжено на лбу нашей писанины, которую и литературой назвать было грех. Сильных уничтожили, слабые плодились. Их безответность провоцировала все новые насилия.

*Смотри, на кургане, где ветер поет,
Где слышится волчий плач,
Вцепившись корнями в сердце мое,
Шатаясь, стоит карагач!..*

Эти строчки из тетрадного стихотворения отметил Леонид Мартынов. Его «Лукоморьем» в то время зачитывалась молодежь. Эта необычной пластики поэзия была мне особенно близка. Слуцкий понял и показал тетрадь Леониду Николаевичу.

Он пригласил меня к себе на Ломоносовский проспект. Я с порога начал было говорить о своем отношении к его вещам, он остановил:

— Полно. Будет. Так-то вот. Хотя, не скрою, пятерки получать всегда приятно. В душе мы все отличники. Вот и вам я ставлю за первые экзерсисы «хорошо». У большого читателя выпросить добрую отметочку будет потруднее — вот.

...Вы еще не читали Чокана Валиханова? Был такой гений у нас. Почему — наш? Такие рождаются от двух родителей. Степь одна бы не смогла произвести. И Россия без Европы не породила бы ни Пушкина, ни остальных из Золотого века. Без немецкой философии, без Байрона и французского романа. Александр Сергеевич вместе со сказками Арины Родионовны впитывал Вольтера. Поэтому и стал — Пушкин.

...История, скажу, не сплошное «худо», бывает и «добро», если выводы делать. Русь вот по истории своей то сверху, то снизу, на спине. Истязали, насиловали, страдала, но рожала! И черненькие, и рыженькие — все ее дети, деточки, детища. Благодаря им вставала, выпрямлялась уже не Ева, но Адам. Не Русь, а Урус. И навязывает окружающим свою любовь. Топчет, как кочет, кого захочет.

Чокан — порождение такой любви. Да и вы, и целое поколение вам подобных. Ну так используйте вашу сложную генетику! Не давайте степи залежаться. Не то насилие в привычку, в удовольствие станет и ей самой. Тогда ничего не породит.

Вот если такие, как вы, напомним ей, что когда-то была Адамом, встанет, даст бог, настоящим Казахстаном, братом России.

Вы знаете, я — омский. Жили мы рядом с Казачьим базаром. У нас часто тамыры из степи останавливались. Имен не помню, но помню, что называли себя адамами. Потом, уже взрослым, узнал: «адам» по-казахски просто «человек». А мальцом, когда закон божий проходили, библейского Адама представлял долго в образе казаха. Кнут за поясом и малахай как нимб. Так вот.

...Летом 1960-го в «Литературной газете» появилась большая подборка моих стихов. Предисловие Леонида Мартынова под крупно набранным заголовком «Доброго пути». Такого рода публикации с напутствием мастера стали традиционной рубрикой в «Литературке».

VI

Суламита собрала сборник, отнесла в издательство «Советский писатель». Внутренние рецензии-рекомендации предпослали Л. Мартынов, Б. Слуцкий. Будущую книжку назвал «Аргамак».

...Потом — нелепая драка в общежитии. Меня исключают из института, рукопись — из плана. В феврале 1961-го возвращаюсь в Алма-Ату, сдаю «Аргамак» в местное издательство. Устраиваюсь репортером в «Казахстанскую правду». Одиннадцатого апреля вызывает главный редактор Федор Боярский: «Завтра человек будет в космосе. Готовь стихи в номер».

Сейчас сообщу — «Человек — на Марсе!» — мало кого взволнует. Уже ничего особенного. Спросите на улице имя первого астронавта, ступившего на Луну. Один из тысячи, возможно, вспомнит.

Завтра вся планета ахнет, возликует, до конца не веря — не может быть!..

А сегодня редактор провинциальной газеты буднично, в тоне рядового редакционного задания сообщает эту эпохальную новость. «Под правительственным сообщением пойдут твои стихи. Надо с настроением, понял?». Потом не сдержался: «Ты же инженер, должен ображать — человек, гомо, как его там, в другое состояние переходит. Возвысь его, бедолагу!».

Не справлюсь. В редакции служили более опытные стихотворцы. Напомнил редактору о них. Но Федор Федорович грянул ладонью по столу: «Партия сказала — надо! Комсомол ответил — есть! Исполняй!».

В стране сотни газет, а это — сотни редакторов. Все они накануне взлета Гагарина получили по партийным каналам проекты правительственного сообщения. И только один редактор не побоялся разгласить секрета, подошел творчески.

12 апреля розовые листовки с моим стихотворением кружили над городом, над улицами заполненными счастливыми людьми. Мне дважды довелось видеть счастливым мой город. В мае 1945-го и апреле 1961-го. Посчастливится ли увидеть еще?

За неделю написал поэму «Земля, поклонись человеку!». Писал безостановочно. Кричал! Потому что молча такие вещи не пишутся. Расхаживал по комнате, пугал домашних. Но в итоге мне удалось уже в апреле сдать в производство поэму.

В мае она вышла отдельным изданием, в лакированной обложке, черной, как космос, прочерченной красной трассой названия. Скорости событий и поэтической биографии становятся космическими. Поэма полностью звучит по центральному радио, читают по телевидению. В начале июня лечу в Москву, чтобы оттуда — в Париж и Нью-Йорк — выступить с поэмой в университетах:

«..Мир,
Земля,
Шар земной —
Сочетание слов,

Сочетанье народов.
Мечей
И судеб.
Сколько твёрдых копыт
Над тобой пронесло!
Все пустыни твои
Нас, безжалостных, судят.

...Кто в пути.
Кто спешит.
Тот услышит гудение крови.
Человек на скаку
Хочет крыльями с силой взмахнуть
И лететь, распластав на лице
Соколиные брови
И смеяться над бездной,
И верить в правдивость цветов,
В повороты крутые,
И — в ярость весеннего неба.
Мы создали себя
Обобщением боли веков.
Мы коснёмся губами полей.
Где никто до нас
Не был..

...Люди!
Граждане всей вселенной!
Гости галактик!
Хозяева Шара!
Вы не хотите
пропасть бесследно?
Живите,
Живите,
Живите с жаром!
Живите, люди!
Живите, люди.
Вы совершили свой первый подвиг.
Преодолели земную тягость,
Чтобы поэты это запомнили —
Преодолейте земные тяжбы!»

Пока дооформлялись документы, остановился в общежитии Литинститута. Друзья «обмыли» и первую границу, и первые книги (к тому времени «Аргамачи» появились).

Вскочил из-за стола самый тихий из наших отличников:

— Пойду какому-нибудь подлецу разобью рожу вдребезги! Пусть исключают — хочу в Америку!

...После возвращения — публикуюсь в газетах, рассматриваются документы о приеме в Союз писателей. Получаю телеграмму от ректора: «Можете вернуться в институт продолжить учебу».

Отвечаю молнией: «Согласен вернуться в качестве преподавателя». Переписка на том оборвалась.

Мне уже некогда было проходить институтскую программу: вырисовывалась своя. Мой предок Олжабай-батыр завещал потомку из седьмого колена стать Бильга (знающим). Этот завет, записанный чагатайским слогом, дошел в шежере, переданном мне академиком Маргуланом. Я до сих пор думаю над этим: батыр, потомственный воин, предводитель правого крыла конницы Аблай-хана, мог бы оставить другой, более объяснимый обстоятельствами его жизни и среды завет — стать военачальником, например, или пойти ханской стезей. Но он сказал, что сказал. А наше дело исполнять.

Самое трудное — отделить главное от вороха второстепенного. Наказ мне всегда в этом помогал. Упорство не путал с упрямством. Шел на компромиссы, отступал, когда знал, что «геройство» может помешать исполнению программы.

Великий старик в своем восемнадцатом сабельном веке увидел нужду народа в моем знании — «кто есть мы». И в романтических наметках формулировались задачи дилетантского размаха — восстановить все забытое, утерянное этносом, чтобы «я» каждого обрело твердую почву под ногами. Хватит щеголять своей забитостью и проклятым прошлым. Я отказываюсь верить учебникам, унижающим нашу историю будущего. Знай семь веков, как семь своих предков. Не жди уважения — заслужи его. С гордым будь горд: он — не сын пророка. С вежливым будь вежлив: он — не раб твоего отца.

Следуй этим заповедям отцов и возвысишь степь, не унизив горы!

Мои первые статьи и обращения к молодым читателям, первые подборки стихов в начале 60-х как бы снимали чадру запретности с исторической темы в казахской литературе.

Работать в библиотеках страны помогали стихи.

Каждый год — по сборнику: «Ночь-парижанка», «Солнечные

ночи», «Доброе время восхода»... Первый лауреат премии Комсомола Казахстана (1964). Первый поэт, удостоенный премии Ленинского Комсомола СССР (1967). Это все действовала моя «космическая» поэма. Но с гибелью Гагарина этап комсомольско-лирического взлета завершился и в моей творческой биографии.

Во владимирских лесах на обелиске, воздвигнутом рядом с местом падения гагаринского самолета, отлиты слова: «Земля, поклонись человеку». Уже без восклицательного знака.

* * *

Два десятилетия (с 60-х до начала 80-х) войдут в историю нашу как период подъема многонациональной советской культуры. Это время не только хронического ее расцвета, как из года в год талдычили доклады, но и бурного «плодоношения» — какие таланты проявились во всех без исключения искусствах и науках!

Поэтам моего поколения дано было счастье ощущения своей необходимости. На встречи с поэтами народ ходил, как на футбол. Такого уже не будет, наверное, никогда. В многотысячных залах, в цехах и на полевых станах стихи отвечали на вопросы, коих в обществе накопилось больше, чем восклицательных знаков официальной пропаганды.

Наши аргмаки летели по планете. Мы учили своих зарубежных собратьев завоевывать аудитории. В составе «поэтической сборной страны» выступал в залах Евразии, Америки, Африки. Творчество поэтов заметно влияло на сознание страны, подготавливая перемены...

И я верю — какие бы невзгоды ни обрушились на мир людей, он устоит, пока жива его культура.

МГНОВЕНИЯ

(О поэтах-шестидесятниках)

О парнях-коллегах по литературному цеху я бы хотел начать, вспомнив Геннадия Ивановича Толмачева, с которым дружил больше сорока лет, с февраля 1961 года, когда поступил на работу в «Казправду», где он уже был штатным сотрудником. И прожил журналистом-газетчиком до конца (2006 год) — был редактором газет и журнала «Простор». Образцовым редактором, если его именем спонсорами названа Премия, которая ежегодно вручалась лучшему редактору одной из областных газет республики (и не малая премия — 5000 долларов).

Геннадий был — человеком-праздником. Каждая встреча с ним поднимала настроение, настраивала на шутку. Хотя, оглядываясь на те времена, вспоминаю, что годы были не шуточные — в них вместились пятилетки борьбы за Кунаева (Геннадий Иванович помогал Димашу Ахмедовичу писать книгу воспоминаний), Перестройка и первые десятилетия назарбаевского режима. И все равно человек-праздник своим участием в моей биографии постоянно смягчал чересчур заостренные ее грани.

Веселый, остроумный, словоохотливый, незлопамятный спорщик, умеющий уступать, когда неправ, но убежденно отстаивавший выстраданную правоту — как свою, так и чужую. В легко возникавших диспутах он умел пустяки превращать в трудно разрешимые проблемы, а весьма непростые вопросы своей манерой дискутировать напроочь лишал драматизма. Эта его редкая способность выручала и меня в разные времена.

«Гена и гений — одного корня!» — горячо утверждал он. Не каждый соглашался с подобной этимологией, но то, что он «человек-праздник», признавали все, кто имел радость с ним дружить.

Последние его годы мы виделись реже (с 1995 года я был Послом в Италии, а с 2001-го — Постоянным Представителем Казахстана в ЮНЕСКО). В декабре 2006-го он не вышел из больницы. Я прилетел на проводы, сказал несколько слов. Пытался успокоить его супругу Людмилу.

Его сын Валерий работал вместе со мной и в Италии, и в Париже, так что фамилия Толмачев и сегодня рядом — Валерий Геннадьевич трудится в Алматинском Центре сближения культур под эгидой ЮНЕСКО.

Геннадий Иванович знал, что он человек-праздник и не обижался, когда «попадал». Помню, как он в какой-то новой компании хвастался своей спортивной сноровкой (мы часто играли в команде ветеранов в волейбол):

— Помнишь, Олжас, как я падал, поднимая тот мяч!...

— Помню. Вставал долго.

Вспоминая литературных друзей, почти ровесников (все они были старше меня на три года) — Роберта, Андрея, Евгения — я нахожу в каждом эпизоде что-то похожее на «Толмачевское».

* * *

В одном из стихотворений Роберт Рождественский назвал имена своих друзей: «Олжас, Мумин, Виталий...».

С Робертом дружилось легко. Наши отношения на протяжении двух с лишним десятков лет ни разу ничем не были омрачены. Они отличались ровностью — ни конфликтов, ни чрезмерной близости. Спокойные товарищеско-дружеские отношения. Всегда утепленные шуткой.

Роберт был начисто лишен амбициозности, которой как колючей проволокой обносили себя некоторые даже не столь знаменитые братья по перу. Они сами, как и должно было, ранились об эти колючки: у них заводились и поклонники, и враги, но только друзья не случались.

Дом Роберта был ему под стать — всегда открыт, просторен и добродушен. В жару — прохладен, зимой — согреет. Каждый, кто однажды был принят, и в следующий раз, даже не успев заранее предупредить о своем визите, не смущаясь, нажимал кнопку звонка, зная, что в этот дом (на Горького или в Переделкино) он всегда зван. Чаек хозяин и сам организует, а если Алла дома, то и разогреть чего-нибудь найдется.

...Летом 81-го убежал из раскаленной, шумной Москвы в Дом творчества киношников на Матвеевской. Нацелился поработать недели две. Большая, прохладная комната, хороший письменный стол, кресло, удобная кровать, родниково-свежий душ. Замечательно. В самом юношеском настроении подался в столовую: время было обеденное. На подходе, в хорошо затененном широком коридоре встретил меня характерный, нагоняющий аппетит, шум из зала — стук ложек и вилок о тарелки, оживленный говор. Он напомнил мне такие же многолюдные столовые в пионерлагерях, на офицерских сборах.

У Симонова есть точная корневая рифма «зал» и «залп». Я вошел в обеденный зал и от неожиданности остановился. До сих пор помню это ощущение — кадр из фильма ужасов. Никогда и предположить не мог, что сто стариков и старух, собранных в одном месте, могут произвести такое ошеломляющее впечатление. Каждому из обедающих было за восемьдесят. Давно облетевший цвет советского кинематографа, секс-символы 30-х, 40-х... Ни одного молодого лица. Потом я узнал, что Дом творчества в основном выполнял функции Дома престарелых работников кино. Всю жизнь отдавшие любимому искусству, они, не успев обзавестись детьми и внуками, доживали век вместе, одной трагически-веселой семьей.

Я с детства привыкший к структуре семьи азийской, где старики всегда в окружении пожилых, молодых и юных, к такой картине — толпа одиноких старцев — был попросту не готов.

Настроение мое испортилось мгновенно и напрочь. В столь гнетущей атмосфере работать не представлялось возможным. Надо было спастись. Нужна немедленно другая среда!.. Настоящий, живой дом с детскими голосами!..

Я вызвал такси и уехал в Переделкино. Нашел зеленый заборчик, не запирающуюся калитку, под соснами увидел их и словно вынырнул. Роберт, Алла, Катя, маленькая Ксения — мое тогдашнее спасение.

Хочется вспоминать о чем-нибудь повеселее.

Роберт переводами занимался не часто. Поэты с отчетливо сильной индивидуальностью не могут переводить адекватно: невольно подчиняют стиль оригинала своему. Но он все же перевел поэму нашего общего друга, таджикского поэта Мумина Каноата, издал в Москве — книга удостоилась Государственной премии. Читаешь, узнаешь слог Рождественского. Мумин не возражал, он согласился с этим, как с неизбежным. И с премией — тоже.

Мы знали практически всех своих коллег, товарищей по литературному цеху. Знакомились не только заочно, по книгам, но и на Днях литературы в разных республиках. По путевкам объездили самые отдаленные уголки Советского Союза.

Книги писать не научишь. Лев Толстой и Чехов Литературного института не заканчивали. Но у каждого были учителя, которым подражал, чьи уроки помогали освоить ремесло. Иногда один урок определял судьбу будущего профессионала. Если, конечно, студист понял суть урока.

... Всесоюзное совещание молодых поэтов в Москве. Так назывались семинары начинающих стихотворцев, проходившие под руководством опытных литераторов.

Роберт вел один из семинаров. Я ему ассистировал. Цель совещания — поддержать ростки гражданственности в поэзии нового поколения.

Какая-то из газет посвятила целую полосу мероприятию. (Готовилась более щедрая подача — разворот, две внутренних полосы под общим заголовком — «Поэтом можешь ты не быть (на второй полосе), но гражданином быть обязан!» (на следующей). Материалы были сверстаны, набраны, однако, в последний момент поступил более важный официоз, и третья полоса вылетела. Дежурный редактор в типографии не решился взять на себя ответственность — заменить ставшую нелепой шапку оставшейся полосы. Он решился только исправить запятую на восклицательный знак. Ополовиненный материал вышел.

Напутствие классика начинающим поэтам получилось впечатляющее кратким: «Поэтом можешь ты не быть!».

То совещание не подарило стране новых имен.

Работа семинара строилась так. Загодя, читали произведения участников и в течение недели успевали обсудить. Собственно, дискутировали сами молодые. Мы лишь подводили итоги. Запомнилось обсуждение стихов юниора из Туркмении. Откровенно слабые. И подстрочники, и переводы. Все выступавшие высказались отрицательно. Завершал Роберт: «Действительно, сыровато. Даже можно сказать определенной — много воды». Наш милый туркмен, совсем было увядший под иссушающим огнем товарищеской критики, взбодрился, вскочил: «Спасибо, большое спасибо, Роберт Иванович!».

В перерыве, после кефира, Роберт спросил у меня: «Может, ты понял, чему он так обрадовался? Мне даже неудобно стало. Зря мы так строго». Я доходчиво объяснил, что таинственной бывает и азийская, а не только русская душа, однако, в данном случае, думаю, все просто. Для туркмена, выросшего в пустыне Кара-Кум, сообщение, что в его твореньях много воды, звучит как высокая похвала. Это абсолютно то же, что вологодскому писателю Василию Белову, не просыхающему от сырости, прямо в глаза заявить — в твоих романах много солнца!

Но подобные недоразумения в нашей «профессорской» практике случались не так часто. Обычно Роберта понимали. Не умеющих он жалел, агрессивную посредственность — не жаловал. Уравновешенный, спокойный, в обычном прозаическом разговоре

позволявший себе расслабиться, говорить сбивчиво, заикаться, он преображался, читая стихи. Казалось бы — тяжеловес, битюг, на глазах превращался в аргмака и уходил вперед, оставляя в пыли стройноногих спринтеров.

У него была реакция бойца. Он проявлял себя в ситуациях, которые военные считают нештатными. Такая случилась при первой же моей встрече с Робертом.

...Во время всесоюзных писательских съездов (они проходили в начале лета, делегации из республик в свободные от заседаний дни (обычно — выходные) развлекали общественность Москвы и Подмосковья демонстрацией расцвета национальных литератур. При этом случались и ягоди.

В середине 60-х меня впервые избрали делегатом на съезд. Группе казахских поэтов досталось выступать в Зеленом театре, что в Парке культуры. Этот поэтический концерт как следует не афишировался, поэтому народу в зале под открытым небом собралось немного. На сцене, мне кажется, было поначалу едва ли не больше. Да и жарко сидеть на солнцепеке — зрители жались в тени под стенами. Нас хоть раковина крыши спасала. Казахские классики все как на подбор в черных бостоновых костюмах. Строгие галстуки. Благородные седины. С грустью вспоминаю наших аксакалов — Таир, Халижан, Хамит, Гали... Томики избранного на коленях, с закладками. Закаленные исполнители собственных стихотворений и воли Союза Писателей СССР. Поручено — исполнят. Прочтут что надо на родном языке, а переводы на русский с «выражением» продекламирует молодой Сулейменов.

Я сидел во втором ряду президиума, с самого края. На другом фланге этого ряда видел хмурого Роберта Рождественского. По программе ему предназначена была почетная роль замыкающего. Я страдал от унижения, представляя, как буду выступать перед пустыми садовыми скамейками. А ему каково? Ему, славному и знаменитому во всех городах и весях страны.

Алексей Сурков (ведущий встречи) во вступительном слове рассказал, как положено, о путях развития казахской словесности. Излишне подробно, чем вызвал отток и без того немногочисленной аудитории. Завершая свою речь, Сурков объявил нам, что «вечер транслируется по всему Парку культуры и отдыха. А это, товарищи, — тысячи благодарных слушателей. Пусть вы не услышите их бурных аплодисментов, но...».

Но нам довелось услышать.

По восточной традиции на мушайре или айтысе (состязание поэтов) первыми выступают лучшие. За несколько дней до этого Секретари Союза утвердили порядок. Не помню, кому доверили честь открывать мушайру, но точно знаю, что все остальные классики с этим выбором, как обычно, не согласились. Но, как обычно, смирились.

Все шло гладко, скучно, без происшествий, пока не завершился список классиков. Далее должны были выступить два-три рядовых поэта, не отмеченные ни талантами, ни заслугами.

И тут случилась заминка. Алексей Сурков, до того момента уверенно без ошибок произносивший непривычные для русского слуха фамилии выступающих, вдруг запнулся, вгляделся в список, поднес его к глазам и, наконец, почему-то неуверенно объявил:

«Выступает лирический поэт Увядаев».

Наши переглянулись. После секундной паузы встал из второго ряда, вышел к микрофону маленького роста, неестественно прямой человек и начал с обескураживающего заявления:

«Уважаемый председатель ошибся! Моя фамилия — не Увядаев (при этом он повернулся, строго посмотрел на обомлевшего Суркова и четко по складам произнес в зал), а У-я-ба-ев!».

И без паузы перешел на казахский текст — стихи о победе колхозного строя. Я готовился прочесть перевод. Но мне больше не довелось выступать. И никому из оставшихся от казахского списка.

Уябаева после первого стихотворения не отпустили. Немногочисленная аудитория оказалась неожиданно активной. Когда три десятка человек, словно проснувшись, яростно хлопают в ладоши и во все глотки скандируют «У-я-ба-ев!!!», устоять невозможно. Лирический поэт, не ожидавший такого эффекта, слегка удивился, но дал себя уговорить. И более раскованно прочел второе стихотворение — о голоде 30-х годов. Пока он читал, зал стремительно заполнялся: трансляция, как и обещал председатель, делала свое дело. Стихам о голоде аплодировало уже более сотни любителей казахской лирики. По всему парку из громкоговорителей разносился крепнущий многоголосый призыв: «У-я-ба-ев!».

Наши классики потрясенно переглядывались. Кто он такой, в самом деле? На съезд взяли случайно!... Почему такой успех?

За пятнадцать минут зал наполнился до отказа. Вновь прибывшие с порога включались в действие — таких оваций Зеленый театр, уверен, не слышал ни до, ни после того озорного воскресенья. Буйная энергия раскрепощенных масс фонтанировала в самом центре Москвы.

Уябаев иссякал. Ошалевший от негаданного признания, весь в поту, он неловко раскланивался, прижимал руки к сердцу, пытался к своему стулу. Неутихающий шквал аплодисментов и рев сотен ликующих глоток тащили его обратно³.

Шутка затянулась. Уже было не смешно. Суркова, пытавшегося унять стихию, никто не слушал. Повлиять на ситуацию могло только чудо. И чудо свершилось. Я не заметил, как Роберт оказался на авансцене. Он стоял у микрофона, подняв правую руку ладонью в зал.

Скандеж прекратился. Зал словно почувствовал смущение. Аплодисменты сошли на нет, почти утихли. Потом — снова и по нарастающей, но теперь другие, настоящие, уважительные. Узнали Рождественского.

Остальное — понятно.

Через несколько лет мы с Робертом вспомнили этот случай. Поздно вечером сидели в кабинете председателя инкомиссии Союза писателей. Николай Трофимович Федоренко (старый дипломат, бывший посол в Китае, профессор, востоковед) в тот вечер пребывал в отчаянии. Завтра утром ему открывать конференцию МАЛКа (Международная Ассоциация литературных критиков):

— Важнейшее мероприятие. Будет секретарь ЦК. Мне представлять руководящий состав МАЛКа!..

Я называю имя председателя — уважаемый профессор Сорбонны Ив Гандон. Зал сдерживает смехок. Мы же сплошь интеллигенты. Следом представляю заместителей председателя. Какой провокатор предложил их выбрать? Называю венгерского критика Иржи Ёбать! И в довершение — многоуважаемую критикессу из Индии мадам Мудак! Всё. Конференция на этом закончится. Что делать?

Ноу проблем, — сказал Роберт, — надо чуть изменить имена. Гости спишут на особенность русского прононса. И потом — это принято в международной практике. Вы же знаете, как на самом деле звучит фамилия Пен Де Хуэй. Мы с Олжасом поможем. У нас был хороший учитель. Сурков. Большой мастер облагораживать фамилии.

Утром на конференции успокоенный Федоренко в присущей ему вальяжно-аристократической манере объявил имена восседавших в президиуме руководителей МАЛКа:

— Позвольте представить известного всему читающему миру литератора, профессора Ив Гадона.

³ Фамилия «Уябаев» происходит от слова «Уя» — «гнездо» (каз.).

Мэтр, привстав, благодарно раскланялся в ответ на продолжительные аплодисменты. Он, к счастью, не последовал примеру моего незадачливого земляка — не стал настаивать на том, что на самом-то деле он — Гандон.

И далее все было столь же пристойно.

III

Мы не утомляли друг друга чересчур серьезными разговорами. Шутливой реплики бывало достаточно, чтобы активизировать или выровнять диалог, который постоянно происходит в твоём сознании.

Несмотря на совсем небольшую разницу в возрасте (он был на три года старше), я считал его одним из своих учителей. Как и всех (немногих), чьи стихи я перечитывал. У нас не было принято показывать друг другу рукописи, устраивать обсуждения. Лишь однажды я слышал, как Роберт рассказывал замысел еще ненаписанной поэмы.

В октябре 1977 года Константин Симонов вывез в Париж, как он говорил — «поэтическую сборную СССР». Рождественский, Евтушенко, Высоцкий, Окуджава, Коротич и я. Андрея Вознесенского среди нас не было: он не выступал в одной компании с Евгением Александровичем. В то время ходила по Союзу Писателей шутка. Началась третья мировая война. Старшина выстроил поэтов в шеренгу и подал команду: «На первый-второй рассчитайсь!». Поэты: «Первый!... Первый!... Первый!...».

Они предпочитали ходить разными курсами, не пересекаться. Но однажды Евтушенко сам позвонил Вознесенскому:

— Слушай, ну ведь какая-то ерунда! Мы — два великих русских поэта. А отношения между нами странные. И это сказывается на развитии русской поэзии. Пора кончать! Я тебе предлагаю вот что. Завтра приходи в ЦДЛ ближе в семи часам вечера. Там будут показывать какой-то американский фильм, вся Москва соберется и увидит, что мы вместе.

Вознесенский охотно согласился:

— Конечно, приду.

И ровно без пятнадцати семь он входит в холл, где действительно собралась вся столичная богема. Видит: Евтушенко беседует с какой-то девицей. Андрей подошел поближе: «Здравствуй, Женя». Тот продолжает беседу. Вознесенский решил, что его не услышали, еще громче: «Здравствуй, Женя». Тот опять не отвлекся. Тогда Вознесенский почти закричал: «Женя, здравствуй!». Евтушенко, наконец, обернулся: «А, здравствуй, старик!». И вернулся к интересной беседе. Спектакль окончен.

Таким образом, он всем показал, кто есть кто. Довел свою партию до конца.

У казахов на любой случай есть подходящая мудрость. «Две архарьи головы в одном котле не поместятся. Особенно, с рогами».

Я всегда считал, что архарам не стоит биться за место в котле. Стоять на вершине горы, подпирая рогами небо — вот их удел. А гор высоких на всех хватает.

Поэты шестидесятых стали глашатаями Возрождения, начавшегося после смерти Сталина. Они сделали советскую поэзию читаемой и слышимой миллионам. На вечера поэзии шли валом как на футбол. Да и проходили они чаще во Дворцах спорта и на стадионах: обычные залы не вмещали желающих. Такого интереса к себе поэзия не вызывала никогда и нигде. Не газеты, но стихи брали на себя роль неформальной журналистики — глашатая правды.

Критики научились отличать чистых поэтов, работающих «на века» от «эстрадников», пишущих, дескать, только на злобу дня. Но как светло было это яростное Слово Дня. Как очищающе высветляло оно сознание общества, встающего с колен. Их книги стоят в одном ряду. Книги моих друзей-учителей. В алфавитном порядке. Ахмадулина, Вознесенский, Высоцкий, Евтушенко, Мартынов, Окуджава, Рождественский, Симонов, Слуцкий...

Можно и в другом порядке перечислить эти фамилии — суть не изменится: они были Первыми.

Мир пытался понять причину необыкновенной популярности поэтического слова в СССР. Поэтому и первый вечер советской поэзии в Париже собрал четырехтысячную аудиторию. И ни одного пустого кресла. Интеллигентный зал, слегка удивленный своей многолюдностью. В Европе стихи привыкли слушать в небольших салонах, попивая кофе при свечах и томно шепча. И тиражи сборников — несколько сот экземпляров. А наши книги выходили по сто, по двести тысяч. Даже в переводах они вызывали подчас больший интерес зарубежных читателей, чем книги местных авторов. Некоторые из выступавших были достаточно известны во Франции. Раньше всех — Евтушенко: у него еще в 64-м вышел сборник в Париже. В нашей группе было два барда. В Союзе они тоже нечасто встречались на одной сцене. И поэтому волновались. Особенно Окуджава. Особенно Высоцкий. Французам более по слуху пришлось шансоновое, негромкое исполнение Булата: надрывная цыганщина «Коней» еще не ассоциировалась с судьбой автора.

В тот приезд с Булатом приключилась отдельная история. Он очень хотел привезти из Франции дубленку для своей жены Ольги,

всё расспрашивал посольских, где и как выгоднее ее приобрести на свои суточные. Получалось, что на дублинку франков должно хватить и даже что-то еще оставалось «на мороженное». Кто-то ему сказал, что в районе пляс Пигаль есть магазины, где искомый товар можно приобрести дешевле. И Булат отправился туда. А площадь Пигаль, как известно, это район «красных фонарей», самое злачное место в Париже, там в каждой подворотне неискушенного иностранца пытаются совратить.

Булат увидел афишу, где было написано, что можно посмотреть эротический спектакль плюс выпить бокал шампанского и все это стоит как раз тех денег, которые у него оставлены «на мороженное». Не устоял, нырнул в подвальчик. Там ему поднесли шампанское, потом занавес открылся и для него — оказавшегося единственным в заведении зрителем — выступили артисты с эротическим шоу. Когда действие завершилось, Окуджава выложил на стол ровно те деньги, о которых узнал из афиши, и уже собрался уходить, но не тут-то было.

— Мёсье, — остановили его, — вы обязаны заплатить по счету. — И показывают ему бумажку, где значится сумма, которая превышает все его командировочные.

Булат стал пререкаться с помощью жестикуляции — ведь на афише было написано одно, а в счете совершенно другое. Где там! Служители «театра» пообещали вызвать полицию, нашли русскоговорящего и объяснили, что поскольку в зале он был один, то обязан заплатить и за всех других, кто не пришел. За весь зал — хорошо еще, что не четырехтысячный.

Вернулся Булат в отель в самых расстроенных чувствах. Мне пришлось выручать товарища и выдать ему из гонорара за вышедшую тогда на французском языке «Глиняную книгу» сумму, необходимую для дублики. Так что в Москву Окуджава вернулся с подарком для жены.

...Роберт те дни был как всегда добродушно спокоен. Вкус и чувство юмора позволяли ему быть патетичным, не впадая в пошлость.

Нервничал Евтушенко: аплодисменты, достававшиеся коллегам, истязали его. Последнему выступающему всегда кажется, что оваций до финала не хватит.

Вечер удался. Зал никого не обидел. И не возвеличил.

На утро в газетах подробные информации о вечере. В одном самом большом материале, в самой заметной газете всех поименовали правильно, и только Евтушенко не повезло: его назвали Сергеем.

День прошел в походах по журналам, издательствам. В одном из книжных магазинов состоялась презентация моей «Глиняной книги». Представляли ее читателям Константин Михайлович Симонов и автор перевода Леон Робель. В отель я вернулся поздно и долго не мог заснуть. Поспать так и не пришлось. Часа в три ночи позвонил Роберт:

— Старик, Сережа в истерике. Надо помочь.

Сережей успели прозвать Евгения Александровича. Мы зашли к нему в номер. Он был безутешен.

Возле нашего отеля на площади Республики мы обнаружили чудную стекляшку, где подавали большое блюдо круглых бретонских устриц и батарею бутылок прохладного божоле. После десятой бутылки кудахтанье прекратилось. Встретили утро почти галльским кукареканьем.

Успокоенный Евгений ушел спать. Мы с Робертом еще долго ходили по пустым парижским улицам, вымощенным матово лоснящимся в первых лучах солнца камнем. Мостовые ассоциировались с Красной площадью. Прошлись, печатая шаг как кремлевские курсанты, идущие на пост номер один.

Тогда Роберт и рассказал мне о будущей поэме «210 шагов». Именно столько, оказывается, делают курсанты от караульного помещения в Кремле до ступенек Мавзолея.

Прочел несколько строф из черновика. Я сходу предложил сделать строф ровно двести десять. Но Роберт не согласился с такой формализацией.

В том же году он закончил поэму. Не всем критикам она пришлась по вкусу. И сегодня еще найдутся любители порассуждать об «ангажированности» поэзии Рождественского. Он сам, в свое время достойно объяснил природу своей «ангажированности».

Мы любили нашу великую страну, гордились ее героями, презирали ее подлецов и смеялись над ее дураками. Историю СССР мы делили на две части — до смерти Сталина и после. Мой отец сгинул в сталинских лагерях через несколько дней после моего рождения. Роберт был назван в честь Роберта Эйхе, расстрелянного в 37-м. И не забывал этого. Наверное, вместе с именем ему передался дух комиссарства, придававший драматизм его поэзии.

Такие, как Роберт (и себя отношу к их числу) хотели видеть нашу страну великой разумом, доброй державой. Воспитывая сознание общества, готовили перемены. И не наша вина, что вместо созидательных перемен случилось разрушение.

Роберт как никто другой из своего поколения был поэтом великого государства. Поэтому, наверное, и не перенес его гибели. Трагически сказалась травма головы, которую он получил, поскольку знувшись на веранде в Индии.

* * *

С Андреем Вознесенским мы дважды побывали в экстремальных ситуациях. Одну он описал в стихотворении, которое в том же 70-м году напечатал «Новый мир»:

«...Олжас, сотрясение — семечки!
Олжас, сотрясение — семечки,
но сплевываешь себе в лицо,
когда 37-70
летит через колесо!
(20 метров полета,
и пара переворотов.)
Как: «100» при мгновенье запуска,
сто километров запросто.
Азия у руля.
Как шпоры, вонзились запонки
в красные рукава!

Кто: дети Плейбоя и Корана,
звезда волейбола и экрана,
печальнейшая из звезд.
Тараним!
Расплющен передний мост.
И мой олимпийский мозг
впечатан в металл, как в воск.
Как над «Волгою» милицейской
горит волдырем сигнал,
так кумпол мой менестрельский
над крышей цельнолитойной
синим огнем мигал.
Из смерти, как из наперстка.
Выдергивая, как из наперстка,
защемленного меня,
жизнь корчилась и упорствовала,
дышала ночными порами
вселенская пятерня.
Я — палец ваш безымянный
или указательный перст,
выдергиваете меня вы,
земля моя и поляны,
воющие окрест.

Звезда моя, ты разбилась?
Звезда моя, ты разбилась,
разбилась моя звезда.
Прогнозы твои не сбылись,
свистали твои вестя.
Знобило.
Как ноготь из-под зубила,
синяк чернел в пол-лица.

Бедная твоя мама...
Бедная твоя мама,
бежала, руки ломала:
«Олжас, не седлай АТЕ,
сегодня звезды не те.
С озер не спугни селезня,
в костер не плескай бензин,
АТЕ-37-70
обидеться может, сын!»

(Потом проехала «Волга» скорой помощи,
еще проехала «Волга» скорой помощи,
позже
не приехали из ОРУДа,
от пруда
подошли свидетели,
причмокнули: «Ну, вы — деятели!
Мы-то думали — метеорит».
Ушли, галактику поматерив.
Пролетели века
в виде дикого гусака
со спущенными крыльями, как вытянутая рука
официанта с перекинутым серым полотенцем.
Жить хотелось.
Нога и щека
опухли,
потом прилетели Испуги,
с пупырышками и в пухе.)

Уже наши души — голенькие.
Уже наши души голенькие,
с крылами, как уши кроликов,
порхая меж алкоголиков
и утренних крестьян,
читали 4 некролога
в «Социалистик Казахстан»,
красивых, как иконостас...

А по траве приземистой
эмалью ползла к тебе
табличка «37-70».
Срок жизни через тире.

Враги наши купят свечку.
Враги наши купят свечку
и вставят ее в зоб себе!
Мы живы, Олжас. Мы вечно
будем в седле!
Мы дети «37-70»,
не сохнет кровь на губах,
из бешеного семени
родившиеся в свитерах.
С подачи крученые все мячи,
таких никто не берет.
Полетный круговорот!
А сотрясенье — семечки.
И только потом рвет..»

В то лето в Алма-Ату на гастроли прибыл «Современник», дали несколько спектаклей в театре русской драмы им. Лермонтова. На один из них прилетел Андрей Вознесенский. Я его утром встретил, устроил в гостинице. Навестили моих родителей, попили чаю с небольшим коньячком. Андрей почти не пил, я на радостях принял пару рюмок. Вечером собрались в театр. Мама моя, Фатима Насыржановна, была против того, чтобы я садился за руль. Я всегда ее слушался, но тогда не получилось.

После спектакля поехали на Первوماйские озера, километров двадцать за городом. С нами актриса Татьяна Лаврова и одна из зрительниц — моя знакомая волейболистка (в стихотворении эти героини — «звезда волейбола и экрана, печальнейшая из звезд!»). Настроение у всех — на пять с плюсом. Развели костер, постреляли шампанским. Возвращались на рассвете. Часа в четыре. Андрей и Татьяна на заднем сиденье. И этот бросок описан: «Сто километров — запросто!/ Азия у руля./ Как шпоры, вонзились запонки/ в красные рукава!»

Боюсь, что спидометр показывал скорость поболее. В последний момент я успел крутануть руль, иначе бы мы все вылетели через ветровое стекло. А так, переднее левое колесо боком врезалось в бетонный бордюр круга, выросшего перед нами. Такие круги, заполненные газоном с цветами, устраивали в самых неожиданных местах

автомобильных трасс, обозначая таким образом перекресток магистральных дорог.

И вот спасительный поворот руля обеспечил нам первый переворот с приземлением на крышу, затем естественно последовал второй переворот, и на другом конце газона мы оказались на всех четырех колесах. У Андрея — «семечки» (сотрясение мозга, к счастью, легкое). У Татьяны — синяк на всю щеку. «А вечером — спектакль!» У меня — ушиб колена и, наверное, тоже по голове досталось. Волейболистка умело сгруппировалась и — ничего. Двери заклинило, не открывались. Ветровое и заднее окно выдавило — вылетели и лежали на газоне целенькие. Выбрались наружу через пустые рамы. А было летнее утро. Солнце встает. Вокруг на всех четырех дорогах — никого. Мы стоим по колена в цветах и открываем уцелевшую бутылку шампанского.

«Враги наши купят свечку/ и вставят ее в зоб себе!/ Мы живы, Олжас. Мы вечно будем в седле!»... Потом, в Москве, Андрей показал свежий номер «Нового мира» с опубликованным стихотворением и шариковым пером вычеркнул «зоб» («это редактор!») и надписал слово, которое было в рукописи. Оно начиналось с «ж». Мы отметили публикацию в ближайшем кафе и куда-то поехали. Андрей — за рулем своей «Волги». Он по природе своей не был водителем-лихачом, и не пил «без оглядки». А в тот день и вовсе не притронулся. Но возле Кремля въехал какому-то «Жигуленку» в зад. Не сильно, но отметился. Я тогда сказал ему: «Андрей, нам вдвоем на одном авто, видимо не положено. Даже на Пегасе». После этого мы все же заехали посидеть в Дубовом зале ЦДЛ, где я написал ему несколько строк в стиле Николая Гумилева:

Это кажется мне —
Махамбет, как стрела,
в китайской стене,
головою — в кирпич,
а штаны с бахромой —
оперенье;
грозный мой Махамбет,
ты давно —
персонаж в оперетте,
я тебе не завидую,
не позавидуешь мне.
Ты не пытайся понять
нашу странную речь,
вылезай из треклятой стены:
уже сделана брешь,
сквозь которую эпос кипящий

вливается в прозу,
исправляя метафорой мир,
выпрямляя вопросы.

Андрей! Мы с тобою — кочевники,
нас разделяют пространства
культур и эпох,
мы кочуем по разным маршрутам,
как бог и религия.
Я хочу испытать
своим знанием
веры великие,
о которых мой гордый рубака,
и ведать не мог.
Я шепчу по-этрусски о будущем —
ты расшифруй
крик и предназначенье
в стены вонзаемых рун,
невегласам учёным доверь
истолкованный бред,
да мудреют они,
узнавая познания вред.
Я хожу по степи не сгибаясь,
как указательный палец —
(указательный палец сгибается
только курком).
Это кажется мне —
Аз и Я — Азия,
ошибаюсь.
Мы кочуем навстречу себе,
узнаваясь в другом.

Вознесенский меня как-то укорял: «Зачем годы просиживаешь в библиотеках, чего копаешься в каких-то знаках? Что есть выше стихов! Давай будем ездить, выступать». Конечно, стихи — это важно. Но у Андрея в прошлом были Карамзин, Веселовский, Преображенский, десятки ученых-историков, лингвистов. А у меня в XIX веке кроме Чокана Валиханова из историков — никого. Этот пробел надо было восполнять.

Где-то в начале 70-х я попросил его перевести стихи Махамбета. Знаменитый в нашем народе поэт XIX века. Поднимал восстание против своего друга детства хана Джангира, «притеснителя народа». Обезглавили. Стихи, трудно переводимые на другой язык. Не о розах и соловьях. Кипящая ненависть и кричащая боль.

Андрей взялся помочь. Я читал его переводы. «Андрей, это не Махамбет. Это — Вознесенский». Он переводил современного американского поэта из непризнанных гениев — получился Вознесенский. Даже, если бы Шекспира или Данте — все равно выпирала бы речь Вознесенского. Ему не дано было быть транслейтером. Однако, работа над стихами Махамбета обогатила, как сказал бы живописец, палитру Вознесенского новыми красками. Книга переводов не получилась, но появился цикл новых стихов, настоянных на степных образах и настроениях — «Читая Махамбета». Одно из них — «Песнь акына» обрело новую жизнь в исполнении Высоцкого.

Позже, когда началась кампания против «Аз и Я», Андрей в спорах вокруг моей книги не участвовал — не считал себя компетентным в тех вопросах, которые вызвали особые возражения у Академии и ЦК. При встречах мы старались об этом не говорить: у нас всегда находились более близкие обоим темы для разговоров. Даже оказавшись в компании главного специалиста по «Слову о полку Игореве», академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, — нас троих Союз писателей СССР делегировал на какой-то писательский форум в Сицилии летом 1985 года — разговоров о «Слове» никто из нас не затевал.

Только однажды. Мы обедали на берегу моря, стол на четверых под зонтом. Четвертый — итальянский сопровождающий. Учился в Москве. Историк. Главное блюдо — спагетти.

«Дмитрий Сергеевич, а знаете, откуда в Италию пришли спагетти?» — спросил я.

«Ну раз Вы спрашиваете, — добродушно ответил академик, — значит, с Востока. Я прав?»

— «Абсолютно. Арбитром пусть выступит наш итальянский друг». Итальянец пояснил. Марко Поло возвратился из своего путешествия в Китай и устроил в Венеции серию званых вечеров, где демонстрировал экзотические блюда, рецепты которых привез. И больше всего венецианским вельможам понравились спагетти. Вскоре их готовили по всей Венеции. А потом и по всей Италии. А «спагетти», предположил итальянец, наверное, какое-то забытое китайское слово. Лингвисты пока не нашли источник.

«Здесь тюркологи могут добавить — подключился я. — *aspah etti* — «лапша мясная» по-староуйгурски. Марко Поло, судя по этому термину, рецепт заимствовал в Восточном Туркестане, ныне провинция Синьцзянь в КНР...». «У нас сто пятьдесят видов спагетти, сто пятьдесят соусов» — добавил итальянец.

После этого Андрей заказал еще порции спагетти с другим соусом и осторожно спросил: «Дмитрий Сергеевич, а почему ученые навалились на Олжаса? Я бы на вашем месте за одно это объяснение спагетти простил бы ему все прежние ошибки!».

Дмитрий Сергеевич ответил, обращаясь ко мне, вполне серьезно: «Если бы Вы, Олжас, приехали ко мне в Ленинград с рукописью, мы посидели бы вместе пару вечеров с красным карандашиком. Несколько вопросов на полях обозначили. Вы бы подумали. И вышла бы прекрасная книга».

Я же ответил, как потом сообразил, не очень серьезно: «Если бы я так поступил, книга не вышла бы вовсе, Дмитрий Сергеевич..».

* * *

Мы были знакомы с середины 60-х. Встречались не часто: все мы в то время были очень заняты собой, страной и миром. Времени не хватало на семью, на слишком тесные приключения и дружбы. С учетом этих обстоятельств можно сказать, что мы были друзьями. Несколько раз виделся с его музой и женой — Зоей Богуславской. Андрей ровесниц не любил. Он восхищался женщинами постарше. Однажды в Париже на приеме подвел ко мне свою очередную пассию, которая была старше его лет на двадцать и щедро украшена, так скажем, всеми парижскими способами. Подводит ее ко мне и говорит: «Старик, ну скажи, красивая же!». Я отвечаю: «Андрюша, ты же знаешь, я по первому образованию геолог, а не археолог. Поэтому не смогу оценить это культурное достояние». Вот такой он был светлый человек. Он и для зала был фигурой, отмеченной сияющими плюсами, восклицательными знаками, и для наблюдающих за ним из-за кулис. Я любил разбираться в архитектуре его поэм и стихотворений. Такого азартно-стихийного чувства слова, сочетающегося с инженерно-расчетливым построением стихотворной фразы, какое проявилось в его вещах, более ни у одного пишущего с тех пор не встретишь.

В середине 1991 года. Виталий Коротич, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский и я участвовали в поездке по Соединенным Штатам.

Перестройка уже катилась к закату, но все связанное с Советским Союзом еще было интересно американцам, наши поэты собирали полные залы.

Главный редактор «Огонька», очень информированный тогда человек Виталий Коротич, видимо, что-то уже знал о готовящемся

в августе путче. Как-то вечером за традиционной выпивкой после встречи в Филадельфии он сказал нам:

— Ребята, надо оставаться. Я уже провел переговоры с американцами — они обещают каждому должность профессора в одном из престижных университетов, причем преподавать, читать лекции или вести семинары вовсе не обязательно — зарплата все равно гарантирована.

— Зачем? — спросил я. — Зачем нам тут оставаться?

— Грядут события такие, что лучше пересидеть здесь, — с жаром ответил Коротич.

Мы с Андреем Вознесенским вернулись. А Коротич и Евтушенко приняли американское предложение, стали профессорами местных университетов. Это был их выбор.

* * *

Наше поколение начало действовать первым, когда страна совершила крутой поворот от десятилетий сталинизма к новому времени. Это была весна целой эпохи. После XX съезда в мировую культуру вошло поколение шестидесятников, которое оказалось самым свободным, яростным и продуктивным в литературе, кино, театре и в музыке.

И они постепенно, один за другим ушли — вслед за эпохой. Сначала Роберт, через какое-то время Андрей (он, кажется, даже потерял голос в последние годы жизни), а затем и Евгений Александрович (видел его в Париже, уже с палочкой).

Поколение, приблизившее будущее.

ГЛИНЯНАЯ КНИГА

... Она вышла в 1969 году. Писалась в 1967-1968-м годах. Тогда я уже увлеченно погрузился в тюрко-шумерскую тему, которая просилась на бумагу.

И вот однажды меня вызывает секретарь ЦК Казахстана по идеологии Саттар Имашев. По-своему интеллигентный и очень

ответственный человек. Я его запомнил еще когда работал на Казахфильме. Случайно увидел в кадрах одного документального фильма, который лежал в запасниках Госкино и не тиражировался. В этом кино был снят приезд Хрущева на Целину. А тогда уже началась мощная критика Целины и Хрущева, потому что на нее были потрачены огромные деньги, не оправдавшие первыми результатами этой кампании. И вот в фильме показывают, как Хрущева привозят в одно новое село, он заходит в поле пшеницы — целая стена ему по пояс.

И вдруг он поворачивается к журналистам, ко всей окружающей публике и плачет. Настолько был растроган и обижен на всю эту критику: «Смотрите, вот она — Целина!». Это в газеты, конечно, не попало. Но кто-то снял. И у нас в запасниках оказалась пленка.

Когда начальник смеется, принято, что подчиненные тоже должны засмеяться или хотя бы улыбнуться. Самые ретивые могут хохотать. А когда он плачет — что делать? На этот случай нет инструкции.

И только один чиновник — секретарь по идеологии области Имашев заплакал в ответ. Это было удивительно и неожиданно для меня. Я не отходил от экрана, просил показать еще и еще. Этот эпизод характеризовал Имашева. Вскоре он стал секретарем ЦК КазССР по идеологии.

И в 1967 году он меня вызывает. Ходит по своему громадному кабинету и говорит казенно, как на собрании:

— Приближается большая дата — столетие Ленина. Нужна поэма, такая же, как «Земля, поклонись человеку!». Пора тебе о большой премии думать. О Ленинской. Мы поддержим. Сначала в «Правде» целиком напечатаем. Отдельно издадим в Москве, в Алма-Ате, в других республиках. Это решение бюро. Димаш Ахмедович в курсе. Бросай все, садись, пиши.

Начинался новый виток литературной карьеры. Теперь уже сверкающей золотом высшей государственной пробы.

Я отложил шумеров, влез в архивы, перечитал практически все заметное в стихах и прозе. Взялся за работу. И впервые вместо вдохновения — самые настоящие «муки творчества». В то время мы уже узнали о Ленине столько, что душа не поднималась творить на эту тему. Поэма не шла. Месяц, другой. Исписал несколько страниц, но по-настоящему на Ленинскую премию это не потянет.

Решил отдохнуть, отвлечься. Попробовал стихом шумерский материал. Незаметно втянулся, увлекся, играючи, безо всяких мучений написал «Глиняную книгу».

Она вышла как раз к Столетию.

Имашев был потрясен:

— Тебя просили о ком написать? А ты о ком написал? О проститутке?

— О храмовой жрице любви.

— Нет, о проститутке! О вавилонской проститутке! И это к столетию Ленина?! Вавилонскую премию тебе за это, а не Ленинскую! Бюро возмущено.

Я реагировал на это, но не трагически. Если бы не этот «социальный заказ», я не испытал бы мгновений творческого счастья, какими одарила меня «Глиняная книга». А эти ощущения для автора драгоценней любых наград. Это был акт моей независимости, за что я благодарен Имашеву и тому, кто стоял за ним. «Глиняную книгу» французский и польский критики называли «лучшей поэмой в советской литературе». Она о том, как любовь превращает варвара в человека.

* * *

Некоторое время спустя после выхода «Глиняной книги» Евгений Евтушенко позвонил мне, узнав, что я в Москве: «Старик, приезжай ко мне домой, позавтракаем вместе».

Он жил тогда в высотке на Котельнической набережной с женой Галиной, которую увел у своего учителя — поэта Михаила Луконина. Когда я пришел, Евтушенко был дома один. Сели на кухне, хозяин сварил пельмени, выпили по рюмке, которые он аккуратно сполоснул и поставил на место. Затем водрузил на плиту чайник, а меня позвал за собой в кабинет. Там на письменном столе лежала «Глиняная книга» с его пометками на полях.

Евтушенко, несмотря на всю эгоцентричность своего характера, читал других поэтов и мог оценить хорошие стихи. Мы встречались и прежде, но обычно это происходило на вечерах поэзии, второпях, на бегу. А здесь цитировал строки из поэмы со своими комментариями. Судя по некоторым замечаниям, «Глиняная книга» его просто ошеломила. Он дал такой анализ поэмы, какого мне после не довелось услышать.

Вдруг стукнула входная дверь.

— Галя пришла, — пояснил Евтушенко.

В следующее мгновение из кухни раздался истошный вопль.

Женя схватился за голову:

— Чайник забыл снять с плиты! Сгорел. Все, надо уходить.

Второпях, мы покинули квартиру, вышли во двор, где у подъезда стояла «Волга»-пикап с нацарапанным на крыле бранным словом из трех букв.

— Вот, — сокрушенно вздохнул поэт. — И Галя меня этим словом часто поминает. Но это не она нацарапала. Заходи завтра.

Я поблагодарил его. Больше мы об этом не говорили, но ту его оценку я запомнил.

Фрагмент из начала поэмы:

— Над каждым из сущих зреет в небе звезда,
падают звезды...

— Ты утверждаешь?

— Да.

Спит человечество вечно, но каждый век
из храпящей толпы
поднимался один человек.

Он просыпался внезапно

из тысячи или ста,

вскрикивал от ожога:

это его звезда,

с неба срываясь, падала на него.

Побегают по планете,

усыпанной спящим людом,

ногами о глухие тела постучит — никого!

Покричит, побуянит —

никого не разбудит!

(Но сможет увидеть мир таким,

каким он уже не будет

за пределами его жизни).

И снова в будущее

пропутешествуют народы спящие,

и в следующем веке

проснется один человек,

чтоб зафиксировать или исследовать
настоящее.

С каждой эпохой пустеет небо

на одну звезду.

Это значит — опять снесло человека

в яблочко.

Человек со звездой во лбу живет наяву.

Что ему, бедному, в краткое время явлено?

«Жизнь — это сон», — сказано, но не нами.

Явь — это смерть. Неплохо?
— Феноменально.

Глянь, много ли в небе осталось
холодных звезд!
Этот сон всемогущий называется
анабиоз.
...И когда опустеет небо,
проснутся они,
медленные народы
с заспанными глазами,
потягиваясь, глянут сквозь щелки на дни,
здороваясь, пощекочут друг друга усами,
парочку анекдотов хором расскажут
сальных
почешутся сообща.
Ну как?
— Колоссально...
Чуть изменился мир — сдвинулась география,
их отнесло во сне к самому краю
давно.
И лениво подумают люди:
«Спасите, ограбили. Где же центр?»
И скажут, подумав: «Не все ли равно?»
Это осень.
Жизнь растений бедна и печальна,
травы степные покроет угрюмый снег,
каждый век, просыпайся от сладкого сна
изначально,
будь на белом снегу беззащитен,
мой человек.
Ты раньше созрел, другие зреют пока,
спит твое племя зеленое,
греет бока,
от души пожелаем ему
солнечных снов,
и послушаем, что нам расскажет
хан Ишпака.

Кто из русских поэтов в XX веке написал подобное? Мне простили
неполученную Ленинскую в надежде, что следующая книга принесет
республике долгожданную премию. Но следующей оказалась «Аз и Я».

Аз и Я

Бестселлер по-советски

Можно впасть в нескромность, но это факты: книгу переписывали от руки, давали читать на одну ночь за определенную плату, на черных книжных рынках в разных регионах СССР цены прыгали от ста номиналов до полутора тысяч, а в одной республике отчаянный читатель отдал за книгу своего «жигуля». Нельзя сказать, что тираж был мизерный (двумя заводами выходила; я видел в выходных данных и 60 тысяч экземпляров, и 100 тысяч), но не хватало. В условиях рынка столь повышенный спрос вызвал бы многократные переиздания бестселлера. У нас такой популярности не были рады ни издатель, ни автор.

Теперь, итожа пережитое, можно уверенно сказать, что ни одна книга, изданная в советском издательстве в 1970-1980-е годы, не была так активно востребована. Ее прочли и элитный читатель, и массовый, и диссидентствующий, и власти — от местной до членов Политбюро во главе с Генеральным секретарем.

Сотни писем. Первые два я особо запомнил. Через несколько дней после выхода книги, в конце лета 1975 года, пришло письмо от Константина Симонова. Отпечатанное на машинке (поэтому недавно в архиве, сохраненном сыном писателя, удалось найти копию). Симонов предсказал книге трудную судьбу, но обещал быть рядом.

К письму было приложено написанное от руки стихотворение:

«Страна моя родимая,
Такие мы нерадивые,
Как будто ты не родимая,
Мы в поисках за правдою
Все где-то за Неправдою,
За Калкой, за Каялой...
А рядом пруд стоялый,
Пруд кривды современной.
Вот так, брат Сулейменов!
Спасибо, что напомнили,
Дай бог, чтоб верно поняли! —
Не потащив на плаху
От имени Аллаха!»

Так же эмоционально отписал литовский поэт Эдуардас Межелайтис: «Не знаю, как там с наукой, но книга — гениальная». Такие гиперболы надолго запоминаются автором.

Об «Аз и Я» начали писать московские, азербайджанские, эстонские, грузинские, украинские, венгерские газеты — круг расширился, пока главный идеолог Михаил Суслов не хлопнул с размаху книгой по столу. После его выступления на идеологическом совещании в конце 1975 года в московских журналах пошли совсем темные публикации. Черного колера в них становилось все больше. Книгу изъяли из библиотек, из продажи. Но не до всех сельмагов указание члена Политбюро дошло. Московские артисты напрашивались на гастроли в казахстанские области, катались там по селам и возвращались с чемоданами «запретного плода» (рассказал Игорь Кваша). «Аз и Я» задела какие-то ранее нетронутые участки общественного сознания. И эти прикосновения вызвали неожиданную реакцию во всем общественном организме. Прежде всего в интеллектуальной среде — писательской, артистической, научной.

Современному молодому поколению, привыкшему к вольному слову в СМИ, Интернете, не понять масштабов и температуры реагирования населения советской державы середины 70-х на любое проявление писательского слова, выражавшего не антисоветизм, нет, а просто свободу мысли.

В начале 1986 года журнал «Проблемы коммунизма», выходящий в США, писал: «Горбачевская перестройка стала результатом перестройки сознания советского общества, которую подготавливали такие книги, как «Аз и Я».

...В середине января 1976 года в ЦК Компартии КазССР из аппарата Суслова поступила бумага под грифом «Срочно», где сообщалось, что такого-то числа этого месяца в ЦК КПСС состоится совещание трех отделов — науки, пропаганды, культуры, где будет обсуждена книга «Аз и Я», выпущенная издательством «Жазушы» в Алма-Ате. Следует командировать на данное совещание автора книги и ведущих трех соответствующих отделов ЦК республики. Меня срочно пригласил для разговора Вячеслав Месяц — второй секретарь нашего ЦК. «Ехать пока не надо. Мы пошлем заключение врачей — воспаление легких. Посмотри на окно — какие морозы стоят, а ты бегаешь по утрам. Не жалеешь себя. Попиши в санатории. Но не продолжение «Азии». Стихи попиши. К середине февраля будешь абсолютно здоров, тогда и поедешь, куда пригласят. Или куда пошлют.

Через десяток лет я узнал от Димаша Ахмедовича Кунаева, к тому времени ушедшего на пенсию, некоторые подробности тех обстоятельств.

Роль Брежнева

Совещание трех отделов должно было завершиться постановлением ЦК КПСС о книге «Аз и Я» как произведении идеологически незрелом, содержащем настроения националистического, пантюркистского характера. В проекте этого документа (второго после постановления ЦК КПСС от 1948 года, где речь шла о книгах Зощенко и Ахматовой) говорилось и о том, что выход такой книги свидетельствует о крайней запущенности идейно-воспитательной работы в республике. Такое постановление, принятое как раз накануне очередного съезда Компартии Казахстана (он открывался 4 февраля), сильно ударило бы по республике, которую в СССР называли «лабораторией дружбы народов».

Понимая это, Кунаев и Месяц, экстренно обсудив ситуацию, выработали план спасения. С первым пунктом его и познакомил меня Валентин Карпович. Не объяснив, правда, почему я должен болеть до середины февраля.

Кунаев, готовя съезд, не раз в январе бывал в Москве. В один из первых приездов встретился с Брежневым. Рассказал о готовящемся обсуждении и о том, какие могут быть последствия для республики, которую Генсек в нескольких докладах любовно назвал «мой Казахстан». Передал злополучную книгу.

— А сам-то читал? — спросил Леонид Ильич. Он уже начинал говорить с паузой между словами.

— Два раза, дорогой Леонид Ильич. С карандашом. Ничего не понял!

Брежнев довольно хохотнул и придвинул томик поближе.

— Не понял, говоришь. Интересно.

— Но никакого национализма, дорогой Леонид Ильич, или какого-то пантюркизма там нет! Это я вам как коммунист говорю!

Заинтригованный Брежнев полистал книгу. И, прощаясь, пообещал:

— Прочту.

В самом начале февраля, когда уже все руководство республики трясла предсъездовская лихорадка, Кунаев позвонил Брежневу, доложил о текущих делах и в конце разговора решил спросить: нашлось

ли время прочесть? «Никогда так не волновался», — признался мне Димаш Ахмедович. Понять его состояние можно. Если Генсеку увиделись бы в книге те «хвосты» — «измы», Суслов успел бы организовать несколько нужных выступлений на съезде, что сказалось бы на результатах выборов руководства.

— Прочел, — наконец ответил Брежнев.

Еще одна тягостная пауза.

— Никакого там национализма нет, — медленно, с расстановкой, произнес Леонид Ильич. — И антисоветчины нет.

(По словам Кунаева, ответ маршала был по-солдатски более выразительным: «Ни хрена нет». Но в мемуарах члену Политбюро пришлось откорректировать.)

Окрыленный, Кунаев решил тут же еще более укрепить позиции.

— Дорогой Леонид Ильич, а можно на съезде мы изберем этого бузотера в состав ЦК? Дисциплинированной станет.

— Если достоин, избирай.

— Но Суслов будет против.

— А при чем тут Суслов? В республике ты хозяин.

Долгие дружеские отношения этих двух людей, я считаю, благотворно сказались на развитии Казахстана. Генсека, осмеянного сатириками за взаимную любовь к геройским звездам и смачным поцелуям взасос, советский народ запомнил, как анекдотического героя с нарушенным речевым аппаратом, с замедленной реакцией — эдаким «тормозом», каким он действительно становился в последние годы пожизненной власти. Но историкам стоило бы повнимательней присмотреться к этой фигуре. Особенно к результатам деятельности Брежнева в первое десятилетие его мандата — с 1964 года до середины 1970-х. Не только цифры, но и книги, и фильмы, и научные успехи скажут, что это были годы наивысшего экономического и культурного подъема СССР. Никогда прежде темпы экономического развития не поднимались до 9 процентов в год. Такого показателя, понятно, не будет при следующих руководителях — Андропове, Черненко, Горбачеве. В те годы можно было почувствовать, насколько взаимозависимы хозяйство и культура.

Великая наука, великое кино, музыка, поэзия шестидесятников — все это в эпоху раннего Брежнева.

На моих оценках может сказаться чувство благодарности за то, что Брежнев помешал осуществлению репрессивного сусловского плана. Но даже без этого частного эпизода я, как писатель, знаю, что термин «страна великого читателя» возник и наполнился реальным содержанием в период первого брежневского десятилетия. Книги стихов выходили тиражами в десятки тысяч экземпляров. (В мире такого никогда не было и, наверное, не будет) Романы — сотнями тысяч, а то и миллионами («Роман-газета»). И не только в столице — по всей стране. Толстый литературный журнал «Жулдыз» печатался на казахском, ежемесячным тиражом 240 тысяч экземпляров. Тогда мы еще не агитировали с трибун за государственный язык, а массово публиковали интересную литературу на родном языке, и она доходила до каждой семьи. Почему бы сегодня не оглянуться на этот опыт — и понять, что без литературы и государственному языку трудно? Я работал и председателем Госкино республики. Знаю количество кинотеатров в городах. В каждом крупном селе — клуб с киноустановкой. Годовой план по посещаемости в Казахстане — 250 миллионов зрителей. При 17 миллионах жителей. И план этот перевыполнялся. Так было в каждой республике. Страна великого читателя и великого зрителя! Научный факт. Была ли в этом заслуга Брежнева? Конечно. Во всем, что происходило в СССР в XX веке, во всем — и плохом, и хорошем — реально сказывалась ведущая роль партийного лидера.

В хорошем — сильного лидера, в плохом — слабого или катастрофически слабеющего, каким и предстает перед близорукими историками Леонид Ильич Брежнев.

Ученый «совет»

4 февраля 1976 года в Алма-Ате прошел съезд Компартии Казахстана, где меня неожиданно избрали кандидатом в члены ЦК. Сразу в члены поостереглись, но и в этом статусе я включался в партийную элиту. Теперь применять ко мне репрессивные меры ЦК КПСС не мог. Иначе нарушение партийной этики: «только что оказали высокое доверие и тут же высекли». В достижении этой планки и заключался план Кунаева — Месяца.

Суслов вынужден был перевести обсуждение на другой уровень, уже неопасный для республики — в Академию наук СССР. Оно состоялось 13 февраля 1976 года, в здании отделения общественных наук Академии на Волхонке. Пропускали по списку. 47 академиков, членков, докторов. Меня сопровождали уже не три заведующих отделами, а

лишь один — Санжар Жандосов, заведомо науки ЦК. А третьим был Геннадий Толмачев, зам. главного редактора издательства, выпустившего книгу. Все мы — давние друзья. Обсуждение началось ровно в 9 часов. Открыл его академик Б. Рыбаков вступительным словом. Оно было кратким и сильным:

— Товарищи, в Алма-Ате вышла яростно антирусская книга под названием «Аз и Я». Вы все ее прочли. Приступим к обсуждению.

Б. Рыбаков за пару лет до этого опубликовал большую, оформленную книгу, посвященную «Слову о полку Игореве», академия выдвинула ее на соискание Ленинской премии. Все шло хорошо, и Рыбаков должен был ее получить уже в апреле — ко дню рождения Ленина. Но тут совсем неожиданно «в какой-то Тьмутаракани» возникает «Аз и Я», где в числе других работ критически рассматривается и труд Рыбакова. Так как вал популярности злой книги, набирая силу, катил в сторону апреля, уважаемый академик, естественно, увидел прямую диверсию, направленную против его будущей премии. И со всей страстью включился в кампанию по сокрушению этого явно антирыбаковского, а значит, яростно антирусского литературного набега. В результате такой активности он пробился в первые ряды суловской команды, что и помогло ему получить вождьленную премию. (В 1985 году журнал «Коммунист» решил отметить 800-летие «Слова». Юрий Афанасьев, работавший в журнале, пригласил меня выступить со статьей в юбилейном номере. Статья Рыбакова уже была набрана. Свою я принес позже. Академик, узнав, что и я печатаюсь, позвонил Афанасьеву с требованием не допускать Сулейменова в юбилейный номер: «Иначе я заберу свою статью».

«Забирайте, — ответил Юрий Николаевич. — Статья Сулейменова уже обсуждена, понравилась редакции, идет в набор».

— «Он, наверное, опять меня критикует!»

— «О вас даже слова нет. Он пишет о поэзии памятника. А вы в поэтике не разбираетесь, поэтому и критиковать вас не за что».

— «Тогда ладно. Оставляю свою статью». Так мы однажды напечатались рядом»).

Обсуждение длилось до 18 часов, без перерыва на обед. В конце дали слово мне. Я тоже сказал кратко: «С некоторыми замечаниями уважаемых оппонентов я согласен. Но не со всеми. Категорически не приемлю оценку, данную академиком Рыбаковым. Я продолжаю считать, что вся моя книга — это признание в любви к «Слову», к русской

культуре, к которой сам принадлежу большей частью своего воспитания и образования. Жалею, что вы этого не увидели в книге, уважаемый Борис Александрович. Я знаю, некоторые люди привыкли, что в любви к великой культуре надо признаваться стоя на коленях. Иная форма признания показалась непонятной и оскорбительной».

Протокол обсуждения был вскоре опубликован в академических журналах «Вопросы истории» и «Вопросы языкознания». Но без моего выступления.

Все началось с курсовой...

Многолетняя читательская увлеченность «Словом» для меня не превратилась в профессию, в способ зарабатывания степеней, званий и гонораров. Меня кормили стихи, пока за них государство платило, и я мог себе позволить «бескорыстно» наслаждаться своими увлечениями: сначала «Словом», потом открытой мною тюркославистикой, универсальной этимологией, происхождением письменностей и богов. Сутки разделились на две смены, как писал в одном письме: «Пока светло, работаю на государство, а ночами на человечество!».

А пока история, любая другая отвлеченность от мелочей писательского и просто человеческого быта помогала мне. Я отдыхал, успокаивался, разбирая надпись на шведском камне. Здесь я ни от кого не завишу, здесь интересно быть рабом.

Рабом своего увлечения.

...Во время встреч с читателями меня часто спрашивали: «Как долго писалась книга?» Увлечение «Словом о полку Игореве» началось вполне случайно. Осенью 1958-го на первом курсе Литературного института им. Горького профессор Сидельников, преподававший древнерусскую литературу, распределил темы первых курсовых. Мне он поручил написать о восточных элементах в тексте «Слова». Как опытному студенту (все-таки второй вуз!), мне надо было бы списать нужные сведения из учебника, сдать курсовую и получить зачет. Подвела Ленинская библиотека, куда я заглядывал почти каждый день: готовил дипломную работу. Летом будущего года предстояла защита. (Закончив четвертый курс геофака в Казахском университете, я уехал в Москву, поступил в Литературный. Мне разрешили написать диплом заочно.)

В Ленинке вспомнил о курсовой, заглянул в каталог, чтобы найти что-нибудь посерьезней учебника, и увидел сотни названий трудов, посвященных «Слову о полку Игореве». Заинтересовался, искал

среди них «о восточных элементах». Наткнулся на диспут членов Императорской Академии Корша и Мелиоранского, посвященный выяснению происхождения термина кощей, встречающегося, оказывается, не только в сказках и былинах, но и в «Слове о полку Игореве». Спор академиков, напечатанный в нескольких номерах журнала (не помню какого), в итоге свелся к общему выводу: кощей, скорее всего, произошел от слова кошчи — «слуга», «раб», принесенного в Древнюю Русь каким-то тюркским наречием.

И тут я вспомнил, что похожее слово часто слышал прошлым летом на преддипломной практике в Северо-Восточном Прикаспии.

Пять месяцев наш маленький студенческий отряд мотался на грузовике по пустыне, собирая пробы воды из старых скважин и колодцев, чтобы потом сдать на анализ для выяснения, есть ли в какой-нибудь из проб следы нефти. Студенческая геология. С нами ездил местный старик — и объекты показывал (все колодцы в родной пустыне знал), и кашеварил. К неснимаемому халату намертво привинчен «Знак Почета» образца 30-х годов.

Мы пытались узнать о его заслуженном прошлом. Кем работал? На нефтепромыслах? Он уходил от прямого ответа: «Я кощчи, сынки. Любил ходить по земле туда-сюда. Всегда был кощчи и сейчас с вами, выходит, кощчи». Мы переспрашивали: «Койши?» («Пастух?»). Он брезгливо отмахивался и терпеливо объяснял: «Я — кощчи. Это который кочует. Сейчас так уже не говорят. Настоящих кощчи не осталось. Не кочует казах, за дом держится: дома мешок картошки есть».

Спор с дореволюционными академиками

Я выписал в читальный зал все журналы с Коршем-Мелиоранским и тогда же впервые внимательно прочитал «Слово о полку Игореве» (школьная хрестоматия знакомила только с пересказом).

Предложенное членами Императорской Академии «кошчи» фонетически можно было сблизить с похожими словами, встречающимися в «Слове». Князь Игорь напал на кочевья Кончака на реке Каялы и, потерпев поражение, пересел в «седло кощиево». По версии академиков — в седло слуги или раба. Но Кончак своего высокого пленника, к тому же свата, не низвел до положения слуги-раба. Обращался как с равным. В другом месте поэмы меня поразили призыв автора: «Стреляй, господине, Кончака — поганого Кощея». (Через годы я понял, что это прозвучал голос не автора, а монаха-переписчика XVI века. Литература светского содержания смывалась с пергамента, он освобождался для священных книг. Некоторые произведения перед этим переносились

на бумагу — более дешевый материал. Переписчик свободно обращался с текстами нецерковного содержания — редактировал, переводил на современный язык устаревшие речения. Дописывал, если нужно. Где мог, добавил «Слову» христианских выражений, явно не-свойственных оригиналу, в котором ни разу не упоминается Иисус Христос, но часто языческие боги Велес, Стрибог, Даждьбог, Хорс... Определение поганый — «языческий», пришедшее из греческого церковного, противоречило характеру авторской речи).

Содержание и этого места мешало согласиться с академиками. Едва ли половецкого хана-победителя при всей ненависти к нему даже в запальчивости можно было наречь слугой или рабом!

Мне показалось, что кощичи «кочевник» из лексикона орденосца более вписывалось в текст «Слова». И фонетически ближе, и по смыслу.

Игорь после поражения пересел из седла злата в седло кощиево (кочевника): в плену он, наверное, кочевал вместе с половцами. Христианин мог в ярости назвать Кончака поганым кощею — некрещеным кочевником. (Здесь даже лексические отличия кощичи и кощей свидетельствовали о том, что писаны были эти слова в разное время, разными людьми. Поэтически совершенное — «из седла злата в седло кощиево» принадлежало автору; первохристиански заостренное на язычников Дикого поля — перу монаха-переписчика XVI века. Этого стилистического разнообразия могли не заметить Корш и Мелиоранский: список «Слова» открыт недавно, изучение его только начиналось. У советской академии времени разобраться было достаточно — весь XX век. Но не обратили внимания. А могли бы осуществить исследование и понять, что Кощичи (Кощей) в раннем Средневековье могло быть обозначением обитателя Дикого поля. В разных краях исторической Руси и, видимо, в разные времена образовались две формы этого нарицательного имени. В сказках чаще употребляется Кощей. В былинах, записанных научной экспедицией Императорской Академии в Архангельской губернии — Кощичи. На мой взгляд, эта устная форма была ближе к исходной. В древнерусских письменных памятниках долгие, удвоенные согласные не обозначались — из соображений экономии места. Даже русский в летописях и в «Слове» всегда русский. Поэтому и «кощичи» должно было записаться сокращенно: кощичи. А в другом диалекте и в другое время — кощей. Но в «Слове» неожиданно собрались обе эти разновременные и разно диалектные формы одного термина. Почему? «Вопрос ребром поставил и так стоять оставил». Это о себе, о нескольких подобных вопросах,

обозначенных в книге и до сих пор упорно не замечаемых. Один и тот же предмет (или явление) в диалектах может называться по-разному (не о синонимах речь), но в литературном языке, тем более в отдельном произведении, это невозможно. И если такое случается, значит, одна из лексем дописана в другое время.)

...Почувствовав вкус первого успеха в споре с дореволюционными академиками, я в несколько недель перечитал значительную часть работ о «Слове» из каталога. И понял, что курсовая пропала: объемы узнанного не вмещались в несколько отведенных профессором страниц.

Хотя можно сказать, что курсовая все же состоялась, но через 16 лет под названием «Аз и Я». И сдавался зачет не одному профессору Сидельникову, а Большому Читателю (не участников академического обсуждения имею в виду — во всяком случае, не всех). В книге упомянул забытое казахами «кощци» как праформу древнерусского названия обитателя Дикого поля, фигура которого в эпоху «трехсотлетнего ига» обрела почти сказочную фигуральность. Представления о неистребимом кочевнике нашли отчаянное воплощение в фольклорно-обобщенном образе Кощция (Кощея) Бессмертного.

В XVI веке влияние Дешт-и-Кипчака («Степи кипчакской»), простиравшегося от Алтая до Черного моря, ослабло. Кочевники, называвшие себя «казак», оттесняются с Днепра, Дона до Волги и далее до Яика. Активно проявляет себя в отношениях с Русью ханский Крым, откуда в русский язык попадает много огузских (турецких) слов и выражений, пополняя накопленный ранее запас тюркизмов, но не заменяя их. И, пожалуй, только в одном случае произошло вытеснение прежнего кипчакского термина новым, огузским.

Впервые в «Сказании о Мамаевом побоище» появляются древнерусские кочевать, кочевой, кочевье, кочевник.

В «Этимологическом словаре русского языка» М.Фасмера поясняется, что эти слова произошли от тюркского ко̋ — поездка, путешествие, переселение. И тюркологи не поправили. А должны были бы выяснить и сообщить, что в русский поступило не отдельное коч (**ко̋**), а уже в комплексе с-ев, которое в турецком (а не в тех языках, которые упомянуты в словаре Фасмера) обозначает «дом, жилище» (ev). Сложным **ко̋чев** (кочевое жилище, дом кочевья) турки (и крымские татары побережья), уже перешедшие к оседлости, так называли шатер, юрту. И походное жилище, устроенное на повозке, санях. (Так, вероятно, и подсказали когда-то идею кареты).

От основы ***кочев** в русском произошли слова кочевье, кочевать, кочевник. И название поселения — **iki ev** — «два дома» (тюрк.-огуз.), которое в древнерусском превратилось в **Киев**.

Полемика, не увидевшая свет

Академик Кононов, считавшийся главным тюркологом страны, на том обсуждении призвал ученых сфокусироваться на профессиональных недочетах книги, а не на политических промахах.

Следуя этому призыву, известный тюрколог Баскаков вскоре принес в журнал «Вопросы литературы» статью, где указал на незнание автором «Аз и Я» важного закона казахского словообразования. Он напомнил: суффикс деятеля — ши (-щи, -чи) в тюркских языках образует нарицательное имя деятеля, присоединяясь к имени существительному. Ни к прилагательному, ни, тем более, к глаголу, а только к существительному. Примеры из казахского: балық — рыба, балықшы — рыбак; темір — железо, темірші — кузнец.

«Тюркологам, получившим филологическое образование, — заметил тюрколог, — это положение известно. Но О. Сулейменову, похоже, — нет. Он считает, что было возможно образовать имя деятеля кощши — «кочевник» от казахского глагола кощ — «кочуй».

Редактор журнала В. Озеров сообщил мне о готовящейся публикации. Я как раз был в Москве, зашел в редакцию. Прочитал статью. Виталий Михайлович Озеров, известный советский критик, секретарь Союза писателей, переживал за книгу и автора. «Это правда, о чем написал Баскаков? Есть такой закон в казахской грамматике?» — «Есть». В кабинете редактора написал на нескольких страницах ответ на статью. Где сообщил некоторые особенности тюркской грамматики, видимо неизвестные уважаемому тюркологу.

О том, что во многих тюркских наречиях сохранилось много слов, выполняющих, не изменяя форму, одновременно две-три грамматические функции: имя, глагол, прилагательное. Например, турецкое коч (кощ) — «кочуй» являлось и именем существительным — «кочевье». В казахском таких примеров еще больше. Кос — 1) соединяя, 2) соединение. От именной формы образуется имя деятеля: косши — «присоединившийся, сопровождающий». Переносных значений несколько: ординарец, адъютант, помощник. В каких-то ситуациях могло быть и «слуга». Но никогда не «раб».

Это слово — прямая аналогия кощши, обнаруженного Коршем-Мелиоранским в каком-то тюркском наречии, близком к казахскому. Баскаков прав, что в казахском есть глагол кощ (кощ) «кочуй», но он

не знает, что еще недавно это слово выступало и в именном значении — «кочевье». Жива еще старинная народная песня:

Қаратаудың басынан **көш** келеді...

(С вершин Каратау спускается кочевье...)

В ту (старинную) пору и образовалось личное существительное **кошці** — «кочевник», которое мы ныне вправе назвать первым древнеказахским словом, обнаруженным, благодаря древнерусскому памятнику.

...В XX веке наш народ трагически расставался с тысячелетним кочевым образом жизни. Революционный переход к оседлости в черные 1930-е сократил численность этноса наполовину. И слово кош утратило свою грамматическую половину — именное значение: кочевий в степи больше не было. Потому и **кошці** — «кочевник» вышло из употребления (возможно, было запрещено), заменившись другими обозначениями сельского деятеля новой эпохи — «колхозник», «тракторист», «звеньевой».

Но литераторам требовалось слово взамен забытого для описания проклятого кочевго прошлого. Оно было создано грамматикой отрицания: көш — кочуй; көшпе -1) не кочуй, 2) кочевье. Көшпелі — кочевой. И в итоге вымучили усложненный термин көшпелі адам — человек кочевой — «кочевник». И это неуклюжее изобретение терминкома должно напоминать нам, что надо возратить простое и древнее **кошці** в казахский язык!

Виталий Михайлович отдал исписанные мной листки на машинку и, созвонившись с Баскаковым, показал мой ответ.

Приведенные примеры оппонента, похоже, убедили: он забрал свою статью из журнала и нигде больше не предлагал. А я, признать-ся, жалею, что наша полемика тогда не увидела свет.

Двуязычное «Слово»

Вслед за кошций мне открывались в «Слове» все новые тюркизмы. Они не выделялись, как ныне принято в научных текстах, шрифтами, и потому читатель, не знающий тюркского, понимал их как немногие странные, но вроде бы русские слова.

Читателям древнерусских текстов приходилось разбираться в сплошных строках, не разделенных на отдельные слова. Но когда в тексте встречались иноязычные термины, это еще более усложняло

чение. Например, в части, где описывается набег половцев на русские города, сплошную строку «сеуримкрчтподсаблямиполовецкими» в списке для Екатерины разбили так: «Се у Рим кричат под саблями половецкими...» И вынуждены были перевести: «Это у Рима кричат под саблями половецкими...».

Засомневавшись через десятилетия, потратили много сил, чтобы отыскать городок или поселение с похожим названием где-нибудь поближе к Киеву.

А монах-переписчик XVI века, вероятно, знал татарское слово урим — девичья коса, еще входившее в древнерусский лексикон, потому и оставил его в тексте, а не перевел. «Се урим кричат под саблями половецкими» — «Это девичьи косы кричат под саблями половецкими». Выходит, по автору, отрезанные саблями косы — знак девичьего бесчестия — плата за вероломное нападение Игоря на своего свата.

Вслед за отдельными «невидимыми тюркизмами» мне открывались куски текста, первоначально передававшие целые тюркские фразы, а то и несколько предложений кряду. Их понимали читатели XII века, но в XVI они уже были переведены на русский переписчиком (в «Аз и Я» об этом говорилось подробнее). Чем глубже вчитывался в такие строки памятника, тем яснее становилась догадка: оригинальный текст поэмы был писан человеком, знающим язык половцев. И писалась эта вещь для двуязычного читателя Киевской Руси XII века.

В «Аз и Я» проводилась параллель с русско-французским билингвизмом XIX века. Диалоги «Войны и мира», «Анны Карениной» писаны были для людей света, знающих французский не хуже, если не лучше, родного. В XX веке российское общество стало мооязыким — и Толстого пришлось переводить на русский.

Каждый развитый этнос в своей истории переживал периоды двуязычия. Порой неоднократно приходилось оказываться под влиянием различных иноязычных культур. И ничего постыдного в этой правде нет. На том обсуждении выступил В. Абаев, членкор, один из самых авторитетных в мире индоевропеистов. Сообщил, что его институт исследовал проблему билингвизма. Они насчитали, к примеру, более пятисот иранизмов в грузинском словаре. Такое количество заимствований служит неоспоримым доказательством бывшего грузино-персидского двуязычия. «Витязь в тигровой шкуре» — порождение долговременного союза этих двух народов. Любое великое произведение древности — плод взаимодействия культур. «Тюркизмы в русском языке, я думаю, не меньше, чем иранизмы в

грузинском, — сказал Василий Иванович. — Если не больше. Нужны масштабные исследования в этом направлении».

В начале XIX века в России было обнаружено несколько искусных подделок под старинные рукописи. И «Слово о полку Игореве» сразу попало под подозрение. Яростные защитники до сих пор доламывают обломки копья Мазона и пик нескольких других скептиков из прошлого. Но я считаю, что именно следы былого двуязычия являются самым убедительным аргументом подлинности «Слова». Фальсификатору не нужно было так насыщать текст тюркским материалом. И беда этого бесценного литературного текста еще и в том, что вот уже два столетия прочесть и истолковать «Слово» пытались и талантливые, и трудолюбивые слависты, но не знавшие тюркских языков и не придававшие этому фактору должного значения. Поэтому первая же попытка двуязычного «любителя» по-новому разобраться в проблеме прочтения «Слова» немедленно получила сокрушительный отпор «профессионалов». Они не только следов тюркского языка в «Слове» не нашли, но и поэтического языка вещи не поняли.

Как описана ночь накануне роковой битвы!..

«Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо...»

Я подсчитал: очень много раз в «Слове» употребляется лексема «храбрый», пришедшая в древнерусский из южнославянского языка. Но лишь однажды автор применяет русский полногласный вариант «хоробрый». Почему?

Поэт ответит, что автор намеренно усилил в этой строке гармонию гласного **О** — самого минорного звука русской речи. Этот звук веками настоян на смыслах слов «холод», «голод», «зло», «зной», «мор», «стон», «горе», «Поле», «полон», «позор»...

Никакой фальсификатор не смог бы создать тонический подтекст такого совершенства. Но академия не слышит ничего ценного в этой строке и хладнокровно включает в школьные хрестоматии свой перевод: «Дремлет в поле Олегово храброе гнездо...» — грамматически правильный, но начисто разрушающий одно из убедительнейших свидетельств подлинности гениального «Слова». Повторяющийся минорный звук «О» наполняет тревогой, предчувствием последней, гибельной битвы, которая должна состояться утром. Такие строки больше говорят о подлинной древности и подлинности памятника, чем тома патриотической риторики.

Попутно. Об этимологии слова «хоробрый». В казахском языке выражение «қара баур» — «черная печень» характеризует жестокого человека, как в европейских наречиях возможное — «черное сердце». Но слово «қара» — «черное» в тюркских когда-то значило и «великое». Именно тогда возникло название «қара теңіз» — «Великое море» (каз.) = гара денгіз (турец.). Но позже истолкованное как «Черное море» (тур., каз. и др.)

«Самое синее в мире
Черное море мое» — пел Утесов.

Во времена, когда создавались такие поэмы как «Слово о полку Игореве» выражение **қара баур** (каз.) — **қара боор** (кырг.) еще означало «великая печень», а не «черная». Так характеризовали смелых, великосердных воинов, а не злодеев. Гортанный согласный **қ** в славянском произношении передавался звуком **х**. (Так этноним **қазақ** до XX века в России произносили еще **казак**, обозначая сословие русских вольных людей, обитавших в степных регионах. В советское время утвердилось форма **казах**. Слава богу, что не **хазах**.). В **хоробр** узнаю кыргызское произношение: кипчакский (казахский) дифтонг **au** кыргызы системно превращают в долгий о — Ала-Тау > Ала-Тоо, Қара баур > Хара боор. Так я нашел первое древнекыргызское слово в славянских.

Завершая, хочу сказать, что «Слово о полку Игореве» — литературный памятник трех временных срезов — XII, XVI, XVIII веков — продолжает ждать исследователей. Не столько патриотов, сколько ученых, способных выявить, какая из правд, накопившихся в науке за века изучения памятника, является истинной. То есть истиной.

V КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

В сентябре 2023 года исполнилось 50 лет со времени проведения в Алма-Ате V Конференции писателей стран Азии и Африки в 1973 году. За пару лет до того было предложено рассмотреть место проведения: выбор был между Ташкентом и Алма-Атой. Ташкент тогда имел больше возможностей и опыта для проведения таких международных конференций.

А в Союзе писателей в Алма-Ате не доставало конференц-зала с современным оборудованием. И мы подсказали это руководству страны. Кунаев, чувствуя конкуренцию со стороны Ташкента, одобрил идею, вскоре воплощенную. К зданию пристроили зал на 440 мест с великолепным оборудованием, подведенным к каждому креслу, с синхронным переводом на несколько языков.

Я был секретарем Казахстанского Союза писателей и заместителем Председателя Комитета по связям с писательскими организациями Азии и Африки. А в правлении СП СССР эту должность занимал замечательный поэт Луконин Михаил Кузьмич. Остроумный, добрый, хороший человек. Его отправили в Ташкент и Алма-Ату, чтобы все осмотреть и принять решение.

В последний день пребывания в Алма-Ате Луконин выразил желание пройтись по городу: сказал, что хочет посмотреть какой-нибудь антикварный магазин. Я задумался, потому что даже не слышал о таком в Алма-Ате. Но отказываться было нельзя и мы отправились на поиски.

Нашли похожий магазин, зашли. Луконин спрашивает: «Есть у вас старые вещи (он хотел сказать «старинные»)?»

— Да пожалуйста.

И достают большие калоши.

Я спрашиваю: «Это что такое?»

— Да вот, давно лежат. Размер большой, никто не берет, а так хорошая вещь.

Луконин это учел, понял, что антиквариатом в Алма-Ате не пахнет и улетел. И на заседании Секретариата Союза писателей, где решался вопрос места проведения конференции, охарактеризовал

оба варианта: Ташкент с его возможностями, Алма-Ату с новым конференц-залом.

— Но особенно, — говорит, — меня привлекает Алма-Ата. Там очень ценят антиквариат.

Решение было принято в нашу пользу.

V Конференция писателей стран Азии и Африки состоялась 4–9 сентября 1973 в Алма-Ате. Участвовали 219 литераторов и общественных деятелей из 69 стран мира, в том числе 189 из 55 стран Азии и Африки. Представители 17 стран были наблюдателями.

...Одним из самых заметных участников конференции был Саджад Захир — индийский поэт и писатель на языке урду, марксист, деятель индийского и пакистанского рабочего и демократического движения, один из основателей Коммунистической партии Пакистана. На беду, в те дни свой 50-летний юбилей праздновал Расул Гамзатов. Я запомнил эту дату — 11 сентября. Во время застолья на каждого из делегатов было выделено по бутылке шампанского. Но кроме шампанского там оказались напитки разных сортов и градусов. В том числе, крепкий виски, который он специально достал. После официального приема они вместе с Саджад Захиром продолжили банкет в гостиничном номере.

В результате вместе попали в больницу. Расул — в нашу совминку, а Саджад — в госпиталь, где сердце его не выдержало.

Возник вопрос: необходимо доставить тело писателя на Родину. Мне, как одному из главных организаторов конференции, поручили эту миссию. Наш завод АЗТМ сделал непробиваемый цинковый гроб. А поскольку прямых рейсов в Дели тогда не было, полетели сначала в Москву. Там бдительные таможенники потребовали открыть гроб и продемонстрировать — что мы собираемся вывозить. К счастью, наше мероприятие было на особом счету и из ЦК КПСС поступил звонок: груз пропустить без досмотра.

В Дели возник тот же вопрос. Было необходимо провести погребение известного писателя по ритуалу. А открыть невозможно — работа нашего АЗТМ оказалась на века. Так и похоронили его в этом цинковом гробу.

Потом, когда я оттуда уезжал — самого прихватило от всех этих переживаний. Еле добрался до Алма-Аты.

...Вспоминаю о длительной подготовке, которая предшествовала той исторической конференции. Нам с Лукониным в 1971 году поручили слетать в Кению для встречи с коллегами из Африки.

У нас был переводчик с хорошей фамилией Рамзес — из иностранной комиссии Союза писателей. И он нас уговорил, когда мы ехали, не тратить командировочные напрасно на отели, а устроиться в гостинице израильского посольства. Питание там бесплатное. И командировочные сохраним. Мы с Лукониным согласились.

Прилетели в посольство — а оно забито битком. Куда ты нас привез, Рамзес? Как оказалось, в соседнем государстве работали израильские наемники, помогая местному сопротивлению. И их выгнали в Кению. А те, естественно, загрузили все посольство.

Но, видимо, у Рамзеса здесь были знакомые, потому что в гостиницу нас пустили. Мы выступили по местному телевидению, где рассказали о своей миссии. И на второй день спустились в столовую на обед. Через какое-то время к нашему столу подходит пожилой израильский военный и обращается на русском языке. Именно ко мне.

Мы пригласили его за стол. Он сел рядом. Увидел, говорит, земляков. Оказалось — алматинец. Зовут — Дядя Яша. Из Алма-Аты он ушел на фронт, воевал до конца войны. И в 1945-м их всех (солдат и офицеров еврейской национальности) неожиданно собрали в Одессе. Я впервые услышал этот сюжет, хотя некоторые фрагменты этой истории знал. В те времена активно работал Еврейский антифашистский комитет (общественная организация в СССР, образованная в начале 1942 года при Совинформбюро из представителей советской еврейской интеллигенции в качестве посредников между СССР и США). И весь ленд-лиз пополнялся тогда благодаря их усилиям. А в 1944 году выселили крымских татар из Крыма. И эта группа обратилась к Сталину с просьбой выделить им территорию Крыма для национального округа. А Сталин ведь не говорил резко: да или нет. Он ответил: «Это хорошая идея, давайте подумаем — что можно сделать». И все шло к тому. Они проводили подготовительные работы. Среди них работал крупный поэт Перец Маркиш. Я дружил с его сыном Давидом Маркишем в Литинституте. Он и рассказал мне тогда часть этой истории.

В 1945 году у Сталина родилась идея: Крым — это конечно хорошо, но давайте что-нибудь побольше попробуем. Собрали всех отличившихся на войне евреев, и на двух больших судах отправили в Средиземное море. А где-то на Кипре или на Крите их интернировали англичане. Организовали лагерь, в котором те провели два года. Среди них и был этот дядя Яша. Там они получили новые специальности и особое образование. Англичане отправляют их на территорию готовящегося нового государства Израиль, провозглашенного

в 1948 году. Первым, кто признал это государство, был Сталин. Он решил таким образом расширить сферу влияния Советского Союза. Вот так неожиданно я узнал эту историю. Луконин тоже услышал об этом впервые.

...Так проходила подготовка и организация V Конференции писателей стран Азии и Африки.

Помню накал речей, звучавших на конференции. Палестинский поэт Махмуд Дервиш читал стихи:

«...Когда были слова мои почвой,
я дружил с колосьями.
Когда были слова мои гневом —
я дружил с вулканами!
Когда были слова мои камнем,
я дружил с потоками!
Когда были слова мои бунтом —
я дружил с оковами...»

Один из африканских лидеров произнес:

«Африка напоминает большой вопросительный знак, где точка — остров Мадагаскар. Ее завтрашний день — вопрос, обращенный ко всем остальным континентам: что ожидает Африку — эту щедрую землю. Край возвращенных рабов, сегодня поднявшихся словно росток под руками весеннего ливня.

Будущее на пороге! Что принесет оно нашей Земле?».

...Африка не добилась независимости, как любили нам рассказывать наши газеты. Ей независимость подарили Соединенные Штаты Америки, вспомнив после 1945 года заветы своих основоположников — все народы и расы равны! И убедили союзников — Великобританию, Францию, Португалию, Бельгию и других — уйти из своих колоний. Процесс был непростой. И СССР присоединился.

Я прилетел в 1983 году в Руанду на празднование 20-летия независимого государства. Там два главных племени — тутси и хуту. Президент был выходцем из хуту. Мы сняли фильм, побывали на знаменитой горе, где обитали горные гориллы. Их осталось на Земле около двухсот особей. Отсняли. (Потом показали ленту у нас в «Клубе

кинопутешествий»). Засняли самые большие банановые плантации в мире, прекрасные фермы, оставшиеся от бельгийцев; сытых, веселых тружеников-крестьян. Начерно смонтированный фильм показали местным властям. Очень им понравилась собственная страна, отраженная на киноплёнке. Президент пригласил приехать через десять лет к следующему юбилею и сделать новую картину. «Руанду вы тогда не узнаете. Она будет другой!».

В 1993 году Руанда действительно стала другой — там шла гражданская война. А проще — резня. За одну неделю погибло более миллиона человек. Причина? Люди из племени тутси посчитали, что хуту засиделся на президентском троне — пора там посидеть и тутси. Так отметили 30-летие независимости. И разве только Руанда? А Конго, Ангола, Мозамбик, Сомали... Вся Африка в девяностых содрогалась в конвульсиях. И не только Африка. Перераспределение власти кланов происходило и в Европе (югославская трагедия), и в Евразии, в новых государствах СНГ — самый распространенный из первых признаков независимости.

...Запоминающаяся поездка была в 1970-х и в Сенегал. Мы с Анатолием Софроновым, редактором «Огонька», отправились туда по линии Комитета. Через реку находилась Гамбия. В это государство тогда можно было попасть, перейдя мост и не доставая паспорта: его просто некому было предъявить. Перешли и оказались в городке Банжул — столице Гамбии. В президентском дворце нам сказали, что Его превосходительство отсутствует, ушел на базар за фруктами. Мы туда. И действительно, видим — вдоль прилавков передвигается увешанный орденами маршалский мундир с эполетами. Небольшого роста президент торгуется с продавцами, отбирает фрукты, которые помощник складывает в две корзины. А маршал-президент расплачивается, доставая из портмоне новенькие ассигнации с собственным портретом. Даже на самых маленьких (стоимостью копейка) красуется его изображение в маршальской форме.

Мы помогли донести свежие фрукты до дворца. Он пригласил нас в зал-кабинет, стены которого были увешаны его портретами в разных позах, портретами его жены и детей.

Состоялся разговор. В «Огоньке» я о нем потом не читал — вероятно, из-за его малосодержательности:

— У Вас много красивых орденов. За какие битвы Вы их получили? — спросил я.

— Это топ-сикрет! — значительно ответил президент.

— А в каких войнах участвовала Гамбия?

— Топ-сикрет! — опять ответил он.

Мы, конечно, знали, что никакими высшими секретами он не обладал. Гамбия не сражалась за независимость, ее подарили. Никаких войн там не было. Президент присвоил себе все чины, которые были в других армиях. У него было многозначное сложное звание: сержант-майор-генерал-маршал. Но армии в Гамбии не было.

Я представил, как через десяток лет в стольном граде Банжул построятся университет и в толстом учебнике истории будут красочно расписывать все подвиги сержанта-маршала-президента в кровопролитной борьбе за свободу и независимость Гамбии. О том, как он шел во главе колонны.

Этот эпизод мне вспомнился в тех же начальных 1990-х, когда в бывших республиках бывшего СССР начались работы по производству собственных валют. Группе художников во главе с Тимуром Сулейменовым было поручено создать казахстанский тенге — подобрать портреты исторических деятелей к купюрам разного достоинства. Тимур пригласил меня однажды в их мастерскую. «Посоветоваться хотим». Показал эскиз ассигнации номиналом в 100 тенге. На нем — портрет президента. «Нам так велели в Администрации».

Я беру этот эскиз, еду в Администрацию. Назарбаева тогда в стране не было. Захожу к его вице-президенту Эрику Магзумовичу Асамбаеву — одному из немногих, кого там искренне уважал. Рассказал ему про Гамбию, про то, как маршал-президент расплачивался на базаре деньгами со своим портретом. «В мире есть только одна страна, где на купюрах красуется изображение живого руководителя. Разве мы хотим, чтобы независимый Казахстан взял пример с Гамбии и стал второй такой державой?». Эрик Магзумович долго при мне выяснял — кто из сотрудников подсказал художникам эту идею. «Мы через неделю должны представить президенту все наработки, — сообщил он мне. — Он этот эскиз, конечно, не пропустит в работу». Так в итоге и получилось. Видимо, вице-президент толково объяснил ситуацию.

Я до сих пор не видел денежных знаков других наших независимых республик, хотя и побывал во многих, но как-то обходился без их местной валюты. Хотя, судя по тому, как в прошедшее 30-летие складывались режимы, возможно, у кого-то и промелькнул гамбийский след...

О КУНАЕВЕ

и его времени

В то летнее утро 1962 года я спешил по каким-то делам в Союз писателей. Перейдя улицу Кирова, обогнал высокого мужчину, обернулся, узнал, поздоровался. Это был Кунаев. Он жил тогда чуть выше Союза писателей и ходил на работу пешком — один, без сопровождения, хотя был руководителем республики.

Меня тогда часто показывали по телевидению: поэма «Земля, поклонись человеку» получила всесоюзную известность. Я уже и в Америке ее читал, и во Франции.

Димаш Ахмедович пожал мою руку:

— Проводите. Давно хотел с Вами познакомиться.

Мы прошли мимо Союза, по площади, до мощного здания, где умещалась вся высшая власть — ЦК КПК, Верховный Совет, Совет Министров.

Поднялись на лифте в его кабинет. Принесли чай в стаканах с серебряными подстаканниками.

Провел в его кабинете с полчаса. Запомнилось два момента из разговора.

Димаш Ахмедович:

— Писатели и артисты — народ капризный. Что говорят, чем недовольны?

Я почему-то рассказал про одного поэта, который любил постоянные застолья в своей маленькой квартире. И приглашая кого-нибудь, сообщал: «Бас дайын!». Знающие говорили, что у него в холодильнике всегда хранилось по несколько бараньих голов. Ему достаточно было сварить два-три килограмма мяса и водрузить сверху баранью голову — полное впечатление, что радушный хозяин по случаю такого гостя принес в жертву целого барана. Но как раз недавно случилось скандальное разоблачение, о чем со смаком говорил весь писательский коллектив. На сей раз гостем оказался едок-профессионал, который под бараньей головой безошибочно опознал на вкус говядину. «Больше к тебе ни ногой! В следующий раз ты мне и свинину можешь подсунуть!..».

Несчастный хозяин оправдывался тем, что в магазинах и даже на базаре баранины не мог достать.

Кунаев отнесся к моему рассказу с неожиданной серьезностью. Он соединился по громкой связи с первым секретарем горкома:

— Сколько баранины сегодня на прилавках?
— Семьдесят тонн, Димаш Ахмедович!
— А вчера? А позавчера? Перешли данные за неделю по всему мясу. И говядину не забудь, — подмигнул мне. — Писатели жалуются: баранины не хватает. Книги не пишутся.

Выключил связь. И другим тоном:

— Знаю, женат. Живете с родителями, сестрами и братом в трехкомнатной квартире. Молодых мы должны поддерживать. У Вас уже всесоюзная, международная известность.

Нажал другую кнопку громкой связи. Откликнулся, как я потом узнал, управделами ЦК Соколов.

Димаш Ахмедович:

— Когда наш дом сдается?

— По плану — в январе, Димаш Ахмедович!

— Отметь себе: «Сулейменов Олжас — три комнаты».

— Уже отметил, Димаш Ахмедович!

Потом за все годы знакомства я ни разу не попросил для себя ни квартиры, ни должности, ни ордена, ни лауреатства. Все это ко мне приходило, и наверняка первый руководитель республики участвовал в этом — но без моих просьб. А для других просил. Только квартир писателям достал более трехсот.

* * *

В следующий раз я увидел Кунаева через полгода. В директорской ложе Кремлевского Дворца съездов. Дни культуры Казахской ССР в Москве. В течение нескольких дней я открывал стихами в этом самом большом зале страны концерт наших мастеров искусств. И в тот вечер, 16 декабря 1962 года, уже привычно вышел на авансцену перед закрытым еще занавесом и читаю специально написанные к случаю стихи об исторической дружбе Казахстана и России. Вижу, как правительственную ложу слева от сцены заполняют идущие гуськом члены Президиума ЦК КПСС (так раньше называлось Политбюро). Хрущев, Суслов, Буденный, Ворошилов, Микоян... Но Кунаева среди них не было. Хотя пришли на концерт мастеров Казахстана. Должны были пригласить Димаша Ахмедовича, усадить рядом с Хрущевым. И уважение к республике проявили бы, и нам настроение подняли.

Не прерывая чтения, посмотрел вправо. В директорской ложе сидел одинокий Кунаев. Никого рядом.

С последними словами стихотворения занавес поплыл в разные стороны под аплодисменты зала и лож. Аплодировала правительственная. В пустой директорской ложе аплодировал Кунаев, как мне показалось, не очень радостно.

Я вместе с правым занавесом дошел до кулис, где нашел Лялю Галимжанову — министра культуры. Сообщил ей увиденное. Она попыталась внести ясность в мои наблюдения. «Димаш Ахмедович — не член Президиума, поэтому не с ними, а в директорской ложе. Таков партийный порядок».

После концерта в гостинице «Москва», где размещались все участники Дней, кто-то сообщил, почему наш концерт начался с опозданием, и, несмотря на это, Президиум ЦК все равно опоздал. Заседание затянулось. Решался вопрос о передаче Узбекской ССР хлопкосеющих районов Южного Казахстана. Кунаев был против. Доказывал, что мы сами сможем поднять урожайность хлопка. Но Хрущев был одержим идеей предельно увеличить хлопковое поле страны, подчинив ему все водные ресурсы Средней Азии.

Я посвятил годы размышлениям о природе этой идеи. И, сопоставив много факторов политического, военного, природохозяйственного плана, сплавленных воедино темпераментом малограмотного вождя, готовящегося к покорению планеты, я понял то, что может объяснить происхождение сразу нескольких проблем разных масштабов.

Начало 60-х — эскалация ракетно-ядерных вооружений. Наряду с наращиванием мощности боеголовок (до 100 мегатонн!) Хрущев добивался количественного и качественного превосходства в производстве ракет-носителей, что требовало наращивания запасов сухого ракетного топлива, а для этого требовался большой, очень большой хлопок.

На заседании Президиума ЦК КПСС 16 декабря 1962 года перед Узбекистаном поставили задачу — распахать всю территорию под хлопок, прибавив к ней несколько казахстанских районов; Госплану СССР выделить средства на строительство новых водохранилищ Средней Азии. Они забрали большую часть стока Сырдарьи, Амударьи, что привело к гибели Аральского моря.

Имперские амбиции Хрущева в 1963 году чуть не привели к мировой войне — Карибскому кризису. Против его мечты — 100-мегатонной бомбы — восстали все ученые-ядерщики мира, в том числе Андрей Сахаров — отец водородной бомбы: «Если испытания такой силы продолжатся в открытой атмосфере, под водой и в космосе, то атомной войны не потребуются, потому что все человечество вымрет от испытаний».

В 1963 году испытания были переведены под землю. Но Хрущев продолжал бороться за утраченные позиции, и Президиум ЦК КПСС осенью 1964 года собрал пленум и освободил Хрущева. Угроза мировой катастрофы отодвинулась надолго. Химики уменьшили значение хлопка для ракетного топлива. Брежнев вернул Казахстану некоторые районы. Но новые водохранилища продолжали действовать, обильно заливая пустынные земли. Колхозы и совхозы превращали их в солончаки. А чтобы промывать засоленные почвы, требовалось все больше воды. И в центре такого порочного круга оказался Арал. Миллионы лет собиралось, голубело, богатело рыбой море-озеро, когда-то соединенное с Каспием. И по невежеству темпераментного диктатора превратилось в усыхающий, безжизненный бассейн, плотностью рассола подобный библейскому Мертвому морю.

И это только часть разновеликих событий, которые были посеяны 16 декабря 1962 года.

Но мы тогда о них и не подозревали, узнав ночью в гостинице самую конкретную и понятную нам новость — сняли Кунаева. Информатор даже не знал, кого назначили вместо Димаша Ахмедовича. Мы все искренне переживали. Артисты нашли только один способ смягчить горечь услышанного — крепко напиться, и я вместе с ними. Уснул прямо в костюме, не раздеваясь.

Утром меня подняли, позволили умыться и посадили в машину. «Что такое? Куда?». Хрущёв собирает творческую интеллигенцию. Приехали. Дом приемов на Ленинских горах. Стол Президиума, и от него, образуя букву «ш», длинные столы, уходящие в глубину зала. Где-то за одним из них, близко к Президиуму, сидим. Перед каждым бутылка сухого вина и какая-то закуска. А я смотрю — у меня манжеты вчерашние. Поэтому держу руки под столом. И действие началось. Хрущёв попрекает Илью Эренбурга и прочих деятелей, зал дружно приветствует критику, аплодирует, а я под столом хлопаю в ладоши. Манжет стесняюсь. И как только Хрущёв скажет очередную «мудрость», какой-то человек со среднего стола, сидевший почти напротив Хрущева, в мою сторону поворачивается и мигает. Я ему в ответ подмигиваю: ну, дескать, все понимаю! Тот отворачивается, и действие продолжается.

Хрущёв Эрнста Неизвестного поливает. Поднимает над головой его скульптуру:

«А вот эта статуэтка называется «женщина». Это что же получается, товарищи, у советской женщины кроме дырки ничего нет?! Из чьей меди Вы это сделали?».

— Из моей собственной, — отвечает скульптор.

«У него собственная медь, товарищи! Это советская медь! А Вы изображаете советскую женщину в таком виде!».

(Через полгода я был командирован по писательской линии в Багдад. И увидел раскопки Вавилона. А в археологическом музее — каменные изображения богинь плодородия — как поясняли надписи, сопровождавшие экспозицию. Одни богини напоминали шедевры натуралистического искусства — пышногрудые и широкобедрые, в виде восьмерки. Но самые древние представляли из себя гладкие, серые, каменные баранки. Видимо, этими первоисточниками вдохновлялся скульптор Неизвестный, ставший тогда известным всему миру.)

Никита Сергеевич в тот день выдавал перл за перлом: «Я Джону Кеннеди говорил, спрашивал, за что он любит джаз? Это же не-гритянская музыка!...». Так выражался парторг страны с самой интернациональной идеологией. Хотя нашу музыку он похвалил: «Вчера был на концерте казахской музыки. Вот это настоящая народная музыка, а не какой-то джаз!...». При этом чуть не сплюнул в сторону. Справа сидел Суслов. Слева — Микоян. На кого-то из них все-таки попало.

...Зал бушует аплодисментами, а тот странный человек мне опять подмигивает, и я ему отвечаю тем же. Вино уже подействовало, всё хорошо. Хрущёв вытащил Евтушенко, тоже стал его порицать за что-то. Женя в ответ почитал какие-то стихи. И тут Хрущёв провозгласил, что лучший поэт, который был на его памяти — это донбасский поэт (до сих пор помню фамилию) — Махиня. «Вот с таких надо брать пример!». Аплодисменты грянули с новой силой. В это время снова поворачивается фигура — неизвестный мне человек — и опять заговорщически моргает мне, а я ему в ответ: мол, всё понятно, что происходит. В перерыве я спросил у кого-то, а кто этот человек? Мне объяснили: известный скульптор Вучетич! У него, оказывается, был тик. И когда он нервничал, тик у него усиливался. Он не мог это показать Президиуму, стеснялся. Отворачивался и попадал на меня. Вот так проходила эта встреча Хрущева с творческой интеллигенцией после выставки в Манеже. Затем состоялась ещё одна встреча. В марте следующего, 1963 года.

На ту встречу я опоздал, проснулся поздно. Подходя к Кремлю, заметил, что Евтушенко тоже опаздывает, бежит. Мы зашли вдвоем. Мероприятие уже началось, поэтому нас оставили за портьерами. Дверь снаружи в зал открыта, но внутрь не пустили. И мы смотрели сквозь щели в этой дверной портьере.

— А ты кто такой? Ну-ка, выходи сюда, Расскажи людям, — выкрикнул вождь, ткнув пальцем в какого-то человека в центре зала.

Тот встал, пробрался к проходу, неуверенно взобрался на трибуну. Назвал свою фамилию (я ее не запомнил) и сказал:

— У меня четверо детей...

Никита Сергеевич был и отходчив, если его что-то в чьих-то оправданиях трогало. Он махнул рукой, бормотнул в микрофон подобранным тоном, отпустил несчастного с трибуны.

Почти таким же образом и примерно по такому же поводу зоркий Хрущев вытащил на «лобное место» и Андрея Вознесенского. Он к тому же значился в списке, в который Хрущев временами заглядывал. Вычитав в нем слово «формализм», он призвал поэта писать по-народному, без западных выкрутасов, как и призывает писателей партия. Андрей свой ответ начал издали:

— Я, как и мой учитель Владимир Маяковский, не член партии, но...

Хрущев подскочил, с размаха грохнул кулаком по столу:

— А я член партии и горжусь этим!!!

Зал не дал ему договорить, заглушил овациями, стоя аплодировал несколько минут. Триумф!

(Кто-то из корреспондентов заснял этот миг: вознесенный над Вознесенским кулак Хрущёва, который с минуту бушевал. Снимок обошел все главные газеты Запада).

Когда зал успокоился, Андрей попросил разрешения прочесть свое стихотворение «Ленин в Лонжюмо». Хрущев позволил. Андрей прочел. Конечно, не так, как в обычной читательской аудитории. Без привычной экспрессии. Скорее, доложил рифмованную информацию. Эта спокойная манера и текст, содержащий несколько раз повторенное имя Ленин, смягчили сердце Никиты Сергеевича. Он встал, протянул Вознесенскому руку. Рукопожатие Поэта и Власти тоже попало в объективы. Но ни в одной из газет снимок не появился.

После всего этого мы возвращаемся в Алма-Ату. Идеологическое совещание ЦК Компартии Казахстана. Ведёт его уже новый, сменивший Кунаева первый секретарь. Все выступают, говорят. Все они — участники встреч с Хрущёвым в Москве. Я тоже выступил. Поддержал Андрея Вознесенского. И Евтушенко заодно. И вдруг слышу — бах! Стук кулака за спиной. Новый руководитель стучит. Уже усвоил, как следует вести себя партийному вождю. Говорит: «Ну, Олжас, ты же слышал, как Никита Сергеевич порицал этих людей!». Я отвечаю: «Да, он порицал, но он ошибался, потому что он не дослушал!» И так далее. Поспорили, в общем.

Передо мной выступал Сабит Муканов. Самый в то время маститый из живых писатель. И, возможно, из желания «освоить» нового руководителя ЦК прошёлся по Кунаеву. «Мешок обещаний!». То есть много обещал писателям, но ничего не выполнил, никого не поддержал.

Я в своём выступлении не согласился и с этим утверждением:

— Я видел, что Хрущев пожал Вознесенскому руку, потому что понял: нельзя прерывать поэта. У меня еще одна минута по регламенту. Хочу помочь уважаемому писателю, который ничего доброго не мог вспомнить о Кунаеве. Летом я встречался с Димашем Ахмедовичем. Рассказал ему, что Вас накормили говядиной вместо баранины, потому что в городе случился дефицит этого мяса. Кунаев тут же позвонил в горком и потребовал увеличить поставки баранины. Разве это не забота партийного руководителя о рядовом писателе?

Любитель баранины мне долго не мог простить «рядового писателя».

Мой второй отец — Абдуали Карагулов, он тогда был редактором областной газеты «Джетысу», придя с того совещания, обреченно сказал маме: все, теперь точно снимут с работы. И рассказал о моем выступлении. Мама меня поддержала: «Правильно сказал, Олжас! Как чувствуешь, так и говори!».

Осенью 1964 года Хрущева «ушли» на пенсию. Его место занял Брежнев, который тут же вернул Кунаева на пост первого секретаря ЦК КПК.

Многих в республике рокировка обрадовала, кого-то огорчила. Особенно тех чиновников, которые успели высказаться по поводу «вопиющих недостатков прежней системы руководства и лично товарища Кунаева».

...Через двадцать с лишним лет та ситуация повторилась с пугающей точностью. Почему с пугающей — наверное, понятно. Кунаева сняли во второй раз — и опять 16 декабря. Уже бесспорно⁴.

...Первые атаки на Кунаева последовали в феврале 1986 года на республиканском партийном съезде. Прилетевший в Алмату инструктор орготдела ЦК КПСС до начала съезда встретился с

⁴ При Назарбаеве 16 декабря стали отмечать как День Независимости, ибо эта дата стоит под документом о выходе из СССР.

некоторыми секретарями местного ЦК и обкомов, доверительно сообщив им точку зрения Центра: партийной организации республики пора распрощаться с засидевшимся руководителем. У вас выросли молодые достойные кадры, пусть дерзают. Особенно, те трое, с которыми инструктор провел подробные беседы (Ауельбеков, Камалиденов, Назарбаев): «Перестраивайтесь!».

На этом съезде с наиболее активной критикой Кунаева выступил секретарь Кызыл-Ординского обкома Ауельбеков: «Сколько я работаю в области, никогда Кунаев не приезжал, не встречался с рисоводами!». Никогда до этого Кунаева не критиковали с трибуны. Это было впервые. А Кунаев сидел в Президиуме. За ним все остальные и я, как депутат. Делегаты съезда проводили Ауельбекова аплодисментами. Что означают эти аплодисменты? Завтра — голосование, и эти аплодисменты говорят о том, что голосовать они будут против Кунаева.

С некоторой критикой выступил Назарбаев. Сказал, что брат Кунаева — президент Академии наук — выпивает. Хотя раньше он ползал перед ним. Затем выступил Камалиденов. Он всегда был против Кунаева.

После них я попросил слова и сказал: «Товарищ Ауельбеков выступил как настоящий партиец нового времени. Мы все впервые услышали, как товарища Кунаева в такой аудитории критикуют. Я увидел, что речи товарища Ауельбекова аплодировал и сам товарищ Кунаев. Хорошо, если завтра-послезавтра на заседании Кызыл-ординского обкома выступит секретарь одного из райкомов области со справедливой критикой товарища Ауельбекова, а все мы знаем, что и его есть за что критиковать: он сам редко бывает на рисовых полях. И я уверен, что товарищ Ауельбеков будет так же горячо аплодировать выступившему, как это сделал Димаш Ахмедович».

Эти слова вернули Кунаеву все те аплодисменты и голоса. Против проголосовали только 25 человек из всех делегатов. После съезда я сказал Кунаеву: «Димаш Ахмедович, очевидно, Горбачев будет менять всех старых на молодых. Поэтому Вам надо к этому готовиться и начать писать мемуары. У Вас такой большой опыт. Пока есть возможность, все отделы будут Вам помогать материалами и цифрами.». Я посадил к нему Геннадия Толмачева, который помог ему, и получилась хорошая книга. Главное — он выразил там цифры. А они говорят сами за себя. Димаш Ахмедович сопоставил цифры, которые представляли Казахстан в год его прихода во власть с теми, которые оставались ко времени его ухода и сказал мне: «Казахстан вырос в десять раз!». В книгу эти слова не включил.

Его вторая книга воспоминаний о том времени была названа «От Сталина до Горбачева». А лучше бы — «Без Сталина и Горбачева». О 60-70-х годах — времени, когда осознанная взаимозависимость между народами и культурами становилась объективной реальностью.

...Горбачев начал обновлять Политбюро. «Старцев» провожали со скандалами, с обвинениями в коррупции и прочих начальнических грехах. Последним из старой гвардии ушел Д.А. Кунаев.

Его уход сопровождался выступлениями казахской молодежи, которые войдут в нашу историю под облегчённым названием — «декабрьские события».

Это было первое массовое выступление в СССР с необычными политическими требованиями — «демократические выборы» и «уважение национального достоинства».

Горбачев, сам сделавший возможной такую перестройку общественного сознания, подавил восстание.

После были попытки представить Кунаева организатором «беспорядков», сфабриковать дело о коррупции, устраивали обыски в его квартире, арестовывали помощников и тех, кто мог знать о злоупотреблениях опального «начальника», правившего в республике почти тридцать лет. Не удалось.

Однажды академики проголосовали за избрание выдающегося математика Аскара Кунаева Президентом Академии наук. Димаш Ахмедович отказался утверждать его в этой должности. Академики обратились с письмом к Брежневу. Звонок от него: «Он же не виноват, что твой брат. Предлагаю утвердить решение академиков».

У него не было детей. После смерти жены Кунаев доживал один в трехкомнатной квартире.

* * *

В 1987 году на мартовском пленуме ЦК обсуждался вопрос о «культе личности Кунаева». Необходимы были основания для его ареста. Возмущал и бюст, установленный в самом центре города.

Начиналась процедура с выведения Кунаева из всех партийных органов.

Запевалой сделали члена Бюро, председателя Президиума Верховного Совета КазССР, тишайшего, интеллигентного человека Саламата Мукашевича. Он озвучил вступительный доклад, полчаса слегка смущенно говорил о том, как в республике создавался культ

личности Кунаева. Участники пленума не аплодировали как обычно после доклада. Было несколько хлопков, но не аплодисменты. В зале снова возникла фигура секретаря Кызылординского обкома Ауельбекова:

— Пусть Сулейменов доложит пленуму, на какие средства снимался фильм о Кунаеве. Полнометражный фильм!.. Вот с чего начинался культ!

Действительно, в конце 1981 года, когда я руководил Госкино, меня пригласили в ЦК, и два члена Бюро поручили создать к 70-летию Димаша Ахмедовича юбилейный фильм: «Это будет коллективный подарок от членов Бюро».

Я вызвал из киностудии лучшего режиссера-документалиста Юрия Пискунова, и мы вдвоем за несколько свободных вечеров нарезали из документальных лент сюжеты, в которых участвовал Кунаев, и попытались смонтировать. Но до полного метража, хотя бы часового фильма, материала не хватало: за несколько десятилетий работы на руководящих должностях Кунаев мало отразился в киноархиве.

Пришлось обратиться за помощью к Анатолию Ивановичу, комиссару личной охраны члена Политбюро. У него была любительская кинокамера, которой ему разрешалось снимать Димаша Ахмедовича в семье, на отдыхе, на охоте.

В итоге одночасовой фильм собрали. Конечно, он был рассчитан не для широкого показа. Его демонстрировали только один раз, вечером 12 января 1982 года, на праздничном ужине в небольшом зале Дома приемов на ул. Курмангазы. Юбилей отмечался в узком кругу — только члены Бюро ЦК и первые секретари обкомов. Я был приглашен для демонстрации фильма — единственного подарка юбиляру от всех присутствовавших, как объявил собравшимся тамада Байкен Ашимович. Для самого юбиляра такой подарок оказался неожиданностью. Я никогда не видел его таким веселым, особенно когда на экране возникали кадры из запасов Анатолия Ивановича. В тот вечер он был по-настоящему счастлив.

После просмотра, который не раз сопровождался аплодисментами, захотели высказаться все.

«У нас здесь любимчиков нет, мы все одинаковые, значит, — по алфавиту», — сказал тамада. — Обычай знаете, перед выступлением — стакан, чтобы горло от волнения не пересохло».

Эту традицию, говорят, завезли в казахстанские верхи еще в сталинские времена. Водкой проверяли, здоров ли подчиненный,

способен ли выдержать обкомовские нагрузки. Одним из первых вышел к столу тамады Ауельбеков. Осушил хрустальный бокал и произнес великолепный тост в честь именинника.

По такому же сценарию высказались все. И мне пришлось пройти испытание хрустальным бокалом.

И вот теперь, выходит, наступило время похмелья. Культ личности? Каждый месяц студия выпускала хронику «Советский Казахстан». Перед выходом на экран эту одночастевку обязательно просматривали в ЦК.

Как-то позвонил сам Кунаев:

— В этом выпуске меня дважды показали. Сократите. Одного раза хватит.

— Но Вы же были на открытии завода. И выступали перед избирателями. Как мы можем сократить?

— С избирателями оставьте. Ну а с заводом — в следующем выпуске. В газете отметили, хватит. Нас начальство строго за нескромность спрашивает.

И так, я думаю, было всегда, пока он работал. Поэтому в киноархивах мало что тогда собралось. Нам, нынешним и будущим, не грех помнить об этом опыте.

...Но когда меня пригласили на трибуну пленума, я не стал ничего говорить о юбилейном фильме. Я увидел в центре заполненного зала одинокого Кунаева. Опять одинок, как тогда, в директорской ложе. Места рядом с ним были пусты.

И я спросил: «Что с вами случилось, товарищи члены ЦК? Раньше каждый из вас считал за честь приблизиться, поздороваться, попасть на одну фотографию с Димеке, а теперь шарахаетесь. Вы в нем ошиблись? Или он в вас? Вы говорите о культе личности Кунаева. Термин «культ личности» ассоциируется с колючей проволокой, судилищами, где рядовые и очень рядовые партийцы расправлялись со своими выдающимися товарищами!. Этот пленум можно считать юбилейным. Отмечаем пятидесятилетие 37-го года. Что за это время изменилось в нашем сознании? Мне звонят мои друзья из Москвы, Болгарии — интересуются личностью товарища Колбина. Я отвечаю: это идеалист, который пришел в Казахстан, не зная местной ситуации. И этим воспользовались местные прагматики, партийные чиновники, которые спешат поджарить свою яичницу на пожаре декабрьских событий». Я сошел с трибуны и занял кресло возле Кунаева.

После этого пленум ЦК поручил парткомиссии окончательно разбраться с Сулейменовым. Один из боевых отрядов комиссии возглавляла инструктор отдела культуры ЦК. Она проверяла все места моей работы — Союз писателей, «Госкино» — искала финансовые нарушения.

Вот когда я вспомнил совет Димаша Ахмедовича, который получил от него несколько лет назад — не подписывать финансовые документы...

...В 1980-м в Союзе кинематографистов мы наладили школу подготовки режиссеров. Сам занимался с молодыми. И дела пошли настолько хорошо, что Кунаев предложил возглавить Госкомитет по кинематографии. Я ответил, что не понимаю в финансах, а их тогда на кино прилично выделялось. В системе «Госкино» работало 17 тысяч человек — это и киностудии, и кинотеатры, и фабрики мебели, ремонтные заводы. В год мы обслуживали около 300 миллионов зрителей. Но Димаш Ахмедович настоял, сказал — очень важно, чтобы те правильные идеи, которые мы развиваем в Союзе кинематографистов, реализовывались в фильмах. Сказал, что в комитете будут опытные замы по финансам и производству и посоветовал не подписывать ни одного финансового документа. Димаш Ахмедович сам никогда не подписывал финансовые бумаги. Я согласился. За те годы, что я проработал в Госкино, мы укрепили производственную базу и, главное, подготовили плеяду кинорежиссеров, которые создали новую волну казахского кино.

...А в те беспокойные дни 1987 года ретивые белсенді перелопатили горы документов и не смогли найти ни одной подписи, нужной им для того, чтобы окончательно «разбраться с Сулейменовым». В отчаянии та дама стучала кулаком по столу в киностудии: «Всех пересяжаю, если не дадите компромат на Сулейменова!» (эта активистка неплохо устроилась и при новой власти после 1991 года).

Очередной виток напряжения эта кампания набрала, когда меня начали обвинять в «преступной связи» с недавно осужденным Дмитрием Ковинько.

Дмитрий Андреевич был доктором наук, директором крупной птицефабрики, хорошим организатором. К нему за опытом приезжали люди со всего Союза. Объединение, которое он возглавлял, приносило отрасли огромные прибыли. Но у него не сложились отношения с новым секретарем обкома — Мендыбаевым.

Однажды тот в сопровождении секретаря райкома объезжал хозяйства Илийского края. Ковинько был заранее предупрежден, подготовился и ждал прибытия высоких гостей к 16.00. Кавалькада машин подъехала к воротам на несколько часов позже, когда директор уже отчаялся и вынужден был отпустить всех специалистов и рабочий персонал предприятия, с которыми планировал встретить гостей. Вышел встречать «небожителей» один. Оскорбленный этим, секретарь обкома даже не вышел из машины. «Вот так у тебя меня встречают» — бросил он секретарю райкома. Кorteж развернулся и уехал, оставив у распахнутых ворот растерянного таким визитом директора. А на утро фабрику посетили ревизоры из всех служб. Следственные органы сшили дело и теперь герою десятков восторженных газетных очерков грозил тюремный срок.

Мне сообщили эту историю, я решил помочь. Написал об этом в Литгазету, нашел опытного юриста, который изучил несколько томов уголовного дела и вынес вердикт: обвинения шиты белыми нитками. Но под давлением партийных органов суд состоялся и вынес невинному приговор: два года лишения свободы.

...И в марте 1987 г., на пленуме тот самый Мендыбаев вспомнил эту историю и потребовал привлечь к ответственности депутата Верховного Совета Сулейменова, который «видимо, совсем не случайно защищал преступника Ковинько».

На следующий день в газетах появились подробные отчеты о состоявшемся пленуме с изложением речей всех ораторов кроме одной — моей. Также там говорилось о том, что комиссии партийного контроля дано поручение разобраться, почему Сулейменов защищал Ковинько.

А в «Казахстанской правде» вышла статья со словами «Сулейменов как крутил Центральным Комитетом, так и продолжает, как пользовался вседозволенностью, так и пользуется...». Помню, я тогда поинтересовался в ЦК: «Что же вы так не следите за своим печатным органом? Разве ЦК — хвост, чтобы им крутить?». А статья называлась емко — «Общественное мнение».

Общественное мнение уже готовили к моему аресту. Мне передали совет Кунаева: «Улетай в Москву».

Всегда думал, что у меня много друзей в Москве, — со сколькими писателями встречались, общались, выпивали! А тут вдруг понял, что друзей у меня почти не осталось. Вокруг образовалась пустота. И в этой пустоте неожиданно раздался один-единственный голос в мою

защиту — голос писателя Юлиана Семенова ⁵.

Как раз накануне моего приезда в Москву в Центральном доме работников искусств проходила встреча Юлиана с поклонниками его творчества. И из зала ему поступила записка: «Что вы думаете о поэте Олжасе Сулейменове? Как относитесь к статье в «Правде», где он упоминается. Какого-то мясника поддерживал». Ни секунды не раздумывая, он ответил: «Олжас — это алмаз. А к алмазу грязь не пристает!».

Мне сообщили об этой удачной рифме. Я позвонил ему из гостиницы, говорю: «Старик, ты же вроде прозаик. А тут такие рифмы: Олжас — алмаз..». Он пригласил меня к себе домой. Я приехал. Беседовали до позднего вечера. А ближе к полуночи — звонок в дверь. Вошел незнакомый мне человек с магнитофоном. Увидев меня, широко улыбнулся и говорит: «А мне как раз на концерте задали вопрос: назовите Ваших

⁵ С Юлианом Семеновым я познакомился сначала как читатель. Прочел в конце шестидесятых в журнале только что написанную им повесть «Семнадцать мгновений весны» и поразился литературной добротности этого произведения. Потом, конечно, с удовольствием смотрел фильм, никогда не забывая, что основа его — прекрасный литературный материал.

Подружились мы позднее. О литературе не говорили — это удел молодых, начинающих писателей, которым крайне важна оценка их работы. Для нас же литература стала неотъемлемой частью жизни. Воздухом. Разве мы говорим о воздухе, которым дышим? Разве только когда его уж особенно загрязнят дымом или выхлопными газами. Поэтому мы с Юлианом чаще говорили о судьбах — своих и чужих.

Готовил Юлиан сам. Однажды приехал я в Москву, он ко мне звонит: «Олжас, жду. Манты будем есть!»

Прихожу. Стоит Юлиан на кухне в переднике и варит купленные в ресторане «Узбекистан» манты, энергично помешивая в кастрюле половником, — совсем как сибирские пельмени. После этого я ему прислал из Алма-Аты мантоварку.

Перестройку Юлиан принял сразу и активно в нее включился. Перестройку должны были делать новые люди, и Юлиан по складу ума к ним относился. Они формировали общественное мнение, подготавливая его к приближающимся изменениям. Почти все мы, писатели, старались их приблизить. Изменения пришли, но, к сожалению, в дальнейшем оказались совсем не такие, как мы ожидали...

Юлиан был динамичен, экспрессивен и успешен. Всего добивался. Все, к чему прикасался, превращалось в дело. Оттого и завидовали ему. Когда в любой среде появляется личность такого масштаба, то сразу привлекает повышенное внимание, и далеко не всегда доброжелательное. Сам Юлиан не знал равнодушия и если уж верил в человека, то веру эту хранил и поддерживал не на словах, а на деле. Строки: «Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так» точно не о нем. Он другом быть умел.

любимых поэтов. Я сразу ответил: Олжас Сулейменов!» И в подтверждение включил запись концерта на магнитофоне. Это был Александр Розенбаум. Втроем мы просидели до глубокой ночи.

Я рассказал Юлиану о наших проблемах в республике, и он решил помочь.

Через некоторое время я вернулся в Алма-Ату из Москвы, где «работал» в надежде отстоять Кунаева (а им занимался и ЦК КПСС, и КГБ и местный ЦК) и памятник, вернее бюст, как трижды герою, снос которого планировался как итог этой кампании.

С Юлианом мы договорились поддерживать тайную связь через моего друга, кинорежиссера Юрия Пискунова. Я оставил Юлиану нужный телефонный номер, и он по нему звонил в определенный час, не называя имен и фамилий.

У Юлиана был обширный круг знакомых в КГБ и ЦК КПСС, и он, разузнав касающиеся нас новости, сообщал их мне.

Я хорошо знал, что Юлиан был близок к КГБ. Это было связано с его сферой литературной деятельности, с архивами, но эти отношения никогда не превращались в то, от чего порядочному человеку стоит отворачиваться. Юлиан был человек мудрый и понимал, где добро, а где зло...

Шли месяцы, мы поддерживали с Юлианом «тайную связь». И вот однажды он звонит в давно согласованный час ночи на квартиру Юре Пискунову, я поднимаю трубку и слышу ликующее:

— Олжас, можешь передать Димашу Ахмедовичу, что все обвинения с него сняты!

— Юлиан, — взмолился я, — мы же договаривались, без имен!

— Ничего, пусть эти сволочи слушают! Мы победили! Можешь Димашу Ахмедовичу сказать, что больше его трогать не будут. Он чист, каким был и всегда будет! И бюст не тронут! Это тебе говорю я, Юлиан Семенов! И ты теперь говори всем. Пусть не только сволочи слышат!..

Таким был Юлиан — мой отважный друг. Красный гонец, которого ждут в каждом ауле с его ликующим «суюнши».

А через некоторое время состоялось повторное судебное слушание и по делу Ковинько. Все обвинения были признаны ложными, его восстановили в партии и в должности директора, даже выплатили денежную компенсацию. И к этому делу Юлиан приложил руку.

* * *

После 16 декабря к пенсионеру Кунаеву уже никто не рвался. Даже соседи не заходили. Только близкие родственники. В те месяцы и годы я себя к ним причислял. Однажды зашел и вижу — Димаш Ахмедович перебирает свою библиотеку. На полу груды книг: «Много хламу собралось. В макулатуру сдадим». Я поднял одну, вторую — все книги с автографами: «Великому», «Отцу нации», «Аблай-хану современности». Авторы этих книг и поносили его ныне на всех углах, во всех газетах. По такому же случаю он с горечью сказал о ком-то: «Неблагодарный». И я произвел римский афоризм: «Благодарны только благородные, а не плебеи». Предложил сделать из этих брошенных на пол книг выставку в Союзе писателей, чтобы посетители почитали посвящения. Он улыбнулся: «Что толку? Все равно не исправятся: неблагородные».

Через несколько лет эти авторы в тех же выражениях будут возносить уже нового руководителя.

В те месяцы многие подвергались допросам. Особенно допрашивали преподавателей и сотрудников вузов. Один из этих преподавателей — юрист (он учился на одном курсе юридического факультета с Маргаритой Владимировной) рассказал такую историю. Его допрашивал не местный следователь, а москвич (вероятно, из группы генерала Филипа Бобкова). А допрашивали его потому, что я семнадцатого декабря выступал на юридическом факультете в КазГУ среди студентов, которые были в те дни на площади. Перед ним на столе лежали вынутые из конвертов письма, адресованные «органам». В какой-то момент следователь говорит преподавателю: «Вы тут пока посидите, а я на минутку отлучусь». И уходит, оставив на столе письма. И вызванный на допрос юрист, воспользовавшись ситуацией, быстро пролистал эти письма, на которые ссылался следователь. Это были доносы на меня, подписанные нашими известными писателями. Один из них даже дружил со мной. Во всех этих доносах утверждалось, что я — главный виновник беспорядков на основании того, что в те дни толпа, проходившая мимо Союза писателей хором звала меня с собой: «Олжас! Олжас!». А меня там не было, я был в это время в ЦК, пытаюсь добиться возможности выступить на площади перед демонстрантами. Мне не позволили. И эти писатели воспользовались случаем, решив, что «теперь Олжаса можно

прихватить». Болваны. Я после этого много раз встречал этих людей, ничего им не сказал, но больше с ними не здоровался.

Если уж писатели так подличали, то что говорить о чиновничестве, особенно партийном! Я вспоминаю Чокана Валиханова, который писал, что «грамотность пришла в степь для того, чтобы увеличить число кляуз». Поразительное его открытие, и хорошо, если эти слова останутся в сознании у всех, напоминая, как предавали наших отцов, казнили их такими анонимными приговорами. И на меня таких страниц было писано много.

Одним из инициаторов этой кампании против меня был Закаш Камалиденов. Когда в 1985 году он, бывший у нас предпоследним председателем КГБ КазССР, неожиданно стал секретарем ЦК по идеологии, я выступил на Пленуме, сказав: «Секретарь по идеологии — это садовник. А почему на это место поставили лесоруба? У него план другой — не выращивать, а срубить яблонь побольше». Это он запомнил и преследовал меня довольно долго. Но я всегда продолжал держаться с ним в таком духе. Кунаева я спросил: «Он же работает против Вас. Почему Вы взяли его в ЦК?».

— Потому что врагов нужно держать поближе, на расстоянии удара — ответил он. Оказывается, это была одна из формул чиновничьего кодекса.

...Когда Кунаева сняли, Камалиденов затеял охоту на меня. Они начали проверять мои членские взносы и обнаружили нарушение: переплата 700 рублей. Он говорил раздраженно: «Что, у партии своих денег не хватает? Содержать нас собирались? Это нарушение для партии — оскорбление!».

После этого проверкой решил заняться и я, как член ЦК. В результате обнаружилось, что Камалиденов в течение нескольких лет не платил членские взносы с генеральской пенсии. За неуплату взносов в течение 3 месяцев следовало исключение из партии, а тут целых три года. Мы послали результаты проверки Колбину. Он развел руками: «Как я исключю из партии секретаря ЦК?».

Вскоре после этого я встретился в Москве с Александром Николаевичем Яковлевым, секретарем ЦК КПСС по идеологии. Он говорит: «Мой алматинский коллега, ну, твой оппонент, который «лесоруб», сильно прокололся. Три года — это много. По уставу, сам знаешь, за три месяца недоплаты положено исключать из партии. И кого? Секретаря ЦК! Заварили кашу. Как теперь расхлебывать? — обратился он к другому собеседнику, большому генералу из КГБ. — Жалко

парня, дважды коллега. И мне, и тебе. Может, у казахов есть народные методы развязывания мертвых узлов?».

Я отвечаю: «У нас есть такой обычай. Когда арба едет по степи между холмами, а на дороге лежит камень, скатившийся с холма, и объехать его невозможно, хозяин арбы вкатывает камень на холмик поменьше, чтобы больше никому не перегораживал дорогу. И едет дальше...».

Ему понравилась эта история: «Надо же, какие мудрые казахи!».

И через некоторое время Камалиденова перевели на ничего не значащую должность председателя Верховного Совета КазССР, затем отправили на пенсию. А он был одним из главных кандидатов на пост Первого секретаря ЦК после ухода Колбина.

* * *

...Теперь я хотел бы рассказать об одной оплошности Димаша Ахмедовича, повлиявшей на мировую историю конца XX века.

Летом 1976 года два партийных работника Казахстана отправились в заслуженный отпуск на Кубу. Второй секретарь ЦК Компартии КазССР Валентин Карпович Месяц и первый секретарь алматинского обкома. Последние дни отдыха на знаменитом пляже Варадеро были омрачены анекдотическим событием. Москит ужалил обкомовского секретаря. Достал сквозь плавки потаенную выпуклость. Укус не малярийный, не смертельный, но неприятный: выпуклость превратилась в опухлость, привлекающую внимание всего партийного пляжа. Можно было, конечно, отсидеться в бунгало, но дней оставалось мало. Товарищеские шутки стали раздражать.

Особенно подначки товарища Месяца.

Вернулись в Казахстан, как положено, по очереди зашли к Кунаеву — отчитаться. Сначала зашел Месяц. Отчитался.

После него в кабинет вошел секретарь обкома. Доложил об успешной командировке, но как-то неуверенно, мнется.

— А как отдохнул?

— Вроде все было хорошо, Димаш Ахмедович... Погода была хорошая... Встречались с кубинскими товарищами. Ром попробовали...

— Не договариваешь. Что случилось?

— Ничего особенного, Димаш Ахмедович...

— Говори!

— Валентин Карпович сказал как-то нехорошо, что Зухра Шариповна в республике — завкадрами.

— Ладно. Не обращай внимание. Это он на солнце распарился после рома. Много пили, наверное. Иди, работай.

Через несколько недель В.К. Месяц отбыл из Казахстана в Москву на должность министра сельского хозяйства СССР. Соглашаясь отпустить «второго», Кунаев, конечно, не говорил об основных мотивах своего нежелания далее работать вместе. Они появились позже, через несколько лет, когда умер секретарь ЦК КПСС, курировавший сельское хозяйство, Кулаков. Первым кандидатом на освободившееся место стал В.К. Месяц. Его козыри — лучше всех в стране знает отрасль (был министром сельского хозяйства РСФСР, затем, после Казахстана, министром СССР); имеет опыт партийной работы (был вторым секретарем ЦК Компартии Казахстана, любимой республики Брежнева — она стала трамплином для высших чинов страны); генсек по-доброму относился к Месяцу, сам направил его на работу в Казахстан и теперь рекомендовал в состав секретариата ЦК КПСС.

Итак: компетентен, партийно подкован, относительно молод (около пятидесяти). Почти все члены Политбюро согласились с кандидатурой.

Брежнев позвонил Кунаеву:

«Ты с ним работал, как он тебе?»

«Замечательный специалист. С работой справится, Леонид Ильич».

«Значит, одобряешь?»

«На девяносто девять процентов, Леонид Ильич!»

Брежнев помолчал, видимо, вычитая из ста: «А почему девяносто девять? Где еще один процент?»

«Есть маленький недостаток, Леонид Ильич... Иногда выступает против первого...».

И кандидатура Месяца не прошла.

Вторым в списке стояла фамилия партийного секретаря одного из краев России, которого «толкал» шеф КГБ Андропов, — Михаил Сергеевич Горбачев, с которым они сблизились в Ставропольском крае, где были лучшие санатории, в которых Юрий Владимирович часто бывал. Андропов несколько лет страдал от болезни почек, безуспешно пытаясь излечиться. Поездки в ставропольские санатории приносили минутные облегчения. И в такие приезды руководитель этого края не отходил от шефа КГБ ни на шаг.

Первую половину 80-х интеллигенция называла аббревиатурой ППП- «пятилетка пышных похорон»: Брежнев, Андропов, Черненко...

Чтобы не продолжать печальный список неполномандатных генсеков, «старцы» согласились пропустить вперед самого молодого из своей среды. В 1985 году генеральным секретарем стал Горбачев.

Я попросил Димаша Ахмедовича вставить в книгу воспоминаний случай с Месяцем и обкомовским секретарем. Он не согласился: сам в этой истории выглядел не очень, а мемуаристика предъявляет к автопортрету особые требования. Я убеждал: «Ваше участие в этом эпизоде изменило ход истории».

«Нет, — улыбаясь, сказал он, — не я главный герой». И действительно, главное действующее лицо в этой трагикомедии — кубинский комар.

Здесь допустимо применение сослагательного наклонения. Если бы он ужалил обкомовского секретаря в другое место, то одного процента, определившего последующую историю мира, не возникло бы, и тогда судьба человечества определилась бы иначе: Месяц сохранил бы СССР.

НЕВАДА-СЕМИПАЛАТИНСК: КАК ЭТО БЫЛО . . .

Об испытаниях тогда знали все. В 1949 году произошел первый взрыв, но он был секретный. Постепенно народ начал узнавать, что взрывы идут, а люди болеют и умирают. Наш выдающийся ученый Каныш Сатпаев, президент Академии наук, снарядил экспедицию с Бахией Атчабаровым и с 1957 года по 1961 проводил исследования в тех местах. Сохранилось 12 томов — результаты его работы, но они были, естественно, засекречены. В 1961 году никто бы не стал это публиковать. Даже Академия наук СССР, когда к ней обратились с этими материалами, поизучала их и сказала: «Нет, это всё вздор. Никаких там вредоносных последствий не было и не может быть». Спустя много лет, когда я исследовал истории болезни людей в Семипалатинской области, не нашел ни одного случая лейкемии или болезни, связанной с радиацией. Писали, что человек ушел из-за туберкулеза, дизентерии или других привычных болезней.

В 1962 году Никита Хрущев провел испытания супербомбы на Новой Земле. Естественно, это взбудоражило мировую общественность, и тогда материалы экспедиции Атчабарова были, видимо, востребованы. В августе 1963 года был заключен международный договор о запрещении испытаний в воздухе, воде и на земле. Испытания ушли под землю. Бурят стометровую колонну, на дно закладывают заряд, сверху заливают все бетоном. Бетон застывает, потом можно взорвать, и всё, сказали, что это безопасно для народа. И мы поверили в это. Я написал в 1963 году стихотворение о запрещении испытаний:

«О страна, ты прошла испытания Казахстаном —
есть сегодня земля,
на которой «грибам» не расти.
Испытали Тараса.
Фёдора испытали.
Петроград, прости.
Ленинград, мою землю прости...»

Я говорил не только об атомных испытаниях, но об испытаниях людей, народов, которые проходили именно на нашей территории.

«Казахстан, ты огромен —
пять Франций —
без Лувров, Монмартров —
уместились в тебе все Бастилии грешных столиц!
Ты огромной каторгой
плавал на маленькой карте.
Мы с тобою на этой каторге родились...»

Стихотворение завершалось словами:

«И да здравствует запрещение испытаний!»

Да, испытания ушли под землю, и мы пребывали в этом радостном успокоении до 1989 года. В то время в стране полным ходом шла Перестройка, декларирующая гласность. И свобода слова коснулась даже военных, что поразительно.

Однажды ночью в феврале 1989 года мне, как депутату Верховного Совета СССР⁶, позвонил человек и сказал: «Я — летчик с аэродрома Чаган, это недалеко от Семипалатинского полигона. Мы думали, кому нам позвонить, решили, что вы сможете донести это до верхов: вчера, 12 февраля, при испытаниях бомбы повышенной мощности

⁶ Депутату XI Созыва 1984 — 1989 гг. Новый XII Созыв — 1989 — 1993 гг.

произошел выброс радиоактивных газов, и облако фронтом в несколько десятков километров прошло и над нашим городком. А у нас здесь дети, семьи, поэтому мы не можем это терпеть».

Я спросил: «Может, это случайность? Ведь испытания давно перевели под землю...».

Он сказал: «Всегда при подземных испытаниях выбрасывается радиоактивный газ, но обычно атомщики во время испытаний рассчитывали розу ветров, чтобы это облако не коснулось жилых поселков, городов, ушло в степь. Хотя в степи тоже люди живут, чабаны, но там народу меньше, чем в городах».

Утром я собрал в Союзе писателей депутатов Верховного Совета КазССР Дмитрия Снегина, Саина Муратбекова и Кадыра Мырзалиева. Мы составили письмо в Верховный Совет СССР, в котором сообщили об этом событии. И потребовали прекратить испытания.

Письмо дошло до адресата. Через некоторое время Горбачев позвонил Колбину: «Что там у вас, серьезно ли это всё? Пусть мне местные власти сообщат, в какой степени это все повлияло на здоровье и жизнь населения». И Колбин дал поручение секретарю Семипалатинского обкома Кешириму Бозтаеву подготовить такое письмо, которое тот подготовил и направил. (Впоследствии, спустя годы, люди, не знавшие всей истории, начали говорить, что именно это письмо Бозтаева Горбачеву стало причиной закрытия полигона.)

В итоге правительственная комиссия пришла к выводу о том, что все в порядке. И испытания продолжились «в штатном режиме».

17 февраля произошел новый взрыв еще большей мощности. Историкам будет полезно узнать: почему были увеличены мощности этих испытаний? Дело в том, что Горбачев через некоторое время после вступления в должность решил сократить испытания, чтобы американцы, в свою очередь, сделали то же самое. И целый год ничего не испытывал. Но в США продолжались взрывы. Горбачев продержался год. И после продолжения испытаний на Семипалатинском полигоне специалисты начали наращивать мощности, чтобы наверстать упущенное время.

Тогда и родилось наше Движение.

26 февраля мне, как кандидату в депутаты Верховного Совета Нового Созыва было положено 10 минут прямого эфира. И я их использовал: сообщил о происходящем на полигоне и призвал людей на митинг. 28 февраля в Союзе писателей было запланировано собрание

книголюбов. Я сообщил, что на этом собрании речь пойдет и о проблеме ядерных испытаний.

28 февраля к зданию Союза писателей Казахстана, где нами были озвучены требования к Правительству СССР и всем государствам — членам ядерного клуба, пришли тысячи людей. Многие приехали из Семипалатинской области. Мы слышали трагические истории вымирания целых семей. Сколько людей ушло из жизни и сколько не родилось из-за этих испытаний, сорок лет гремевших на родине Абая? Этот вопрос — для мудрецов следующих столетий.

Я сказал, что мы назовем это движение не «Семипалатинск», а «Невада-Семипалатинск», потому что два этих суперполигона живут как сиамские близнецы, если один заболит, то и второму не поздоровится, если один остановится, то и другой замолчит. Поэтому мы решили: давайте остановим наш полигон, тогда и американцы свой остановят. Так претворялась в жизнь теория взаимозависимости.

Митинг выплеснулся на улицы, где скандировались лозунги с призывами закрыть ядерные полигоны и отказаться от ядерного оружия. Так возникло Международное Антиядерное Движение «Невада-Семипалатинск», поддержанное миллионами казахстанцев. Мы объявили по радио: чтобы войти в Движение, достаточно прислать свою подпись на любом листочке бумаги. В течение последующих двух недель мы получили два миллиона подписей... Подписывались все: и школьники, и студенты, и пенсионеры, посылали по почте, несли тетрадные листы, ватманы с подписями. Поразительно, я помню, что мой кабинет был завален этими рулонами, но потом это все куда-то исчезло... Жаль!

...В одно из воскресений марта 1989 года я, случайно зайдя в свой кабинет в Союзе писателей, который был штаб-квартирой «Невады-Семипалатинск», застал там людей в штатском, которые просматривали списки членов только что созданного Движения. Список из двух миллионов казахстанцев осилить было явно невозможно. Я посочувствовал этим людям (среди них был и тогдашний председатель КГБ). Сошлись на том, что они попали в мой кабинет случайно.

В то время мы переживали миг демократии. Краткий миг демократии, которым мы воспользовались и создали движение.

Тогда как раз начались выборы в Верховный Совет нового созыва. Товарищи выдвинули мою кандидатуру от Алма-Аты. Естественно, ЦК многое сделал, чтобы помешать мне. Против меня выставили рабочего строителя. После первого тура итоги голосования были подсчитаны так, что возникла необходимость второго тура. Я дал

объявление в «Казахстанскую Правду», что снимаю свою кандидатуру. Бороться с бригадиром не буду. И через день получаю звонок из Москвы: «Срочно вылетайте в Москву. Вы включены в состав делегации, сопровождающей Горбачева на встречу с Маргарет Тэтчер».

Я ничего не понял, но вылетел.

В Лондоне Горбачев засел за переговоры с Тэтчер. Десять часов они переговаривались, не выходя. Тогда в лондонских газетах появилась информация о «железном мочевом пузыре» советского лидера. Но тогда и у Тэтчер он был железным: они не отходили друг от друга все эти десять часов. Думаю, именно тогда в Лондоне решалась судьба СССР. Тэтчер высказывала планы, согласованные всем Западом.

А я водил Раису Максимовну по музеям и историческим местам, о которых сам узнавал на ходу. Когда летели обратно в Москву, меня вызвали в кабину пилота: звонил Геннадий Толмачев. А он тогда руководил моей избирательной кампанией. И сообщает, что во многих областях назначили второй тур голосования. Почему? Потому что не выбрали секретарей обкомов. В том числе, и Семипалатинского. И эти области пригласили меня выдвинуть свою кандидатуру на вторые туры. Я согласился попробовать от Семипалатинской.

Прилетели туда, провели митинги. В итоге на выборах сто процентов — за. Я понимаю, что такого не бывает просто так. Задумался: почему так произошло? И потом, через месяцы понял, что Движение наше оказалось единственным союзником Горбачева против военно-промышленного комплекса в вопросе ядерных испытаний. ВПК был против Горбачева после того года молчания полигона, в результате которого США не остановили испытания. И тут вдруг обнаруживается союзник в лице депутата Сулейменова, которого все давят. И Горбачев принял довольно решительные меры — вызвал в Англию в составе высшей делегации и позвонил Колбину, чтобы ЦК не мешал мне попасть в Верховный Совет.

* * *

В то время на краткий миг мы почувствовали, что избиратели и депутаты обрели небывалую мощь. Это сейчас Парламент не имеет никакого реального значения, формально принимая законы. Голосуют «за» или «против», но чаще — «за», подписывая документы, подготовленные тем или иным клерком в администрации президента.

А тогда мы, как депутаты, выбирали и меняли даже союзных министров. Рассматривали их достижения или ошибки. И если ошибки оказывались неисправимыми, наши решения были отрицательными.

Я, признаюсь, использовал ситуацию в пользу Движения.

Помню, как мы рассматривали деятельность Евгения Чазова — министра здравоохранения СССР. Интеллигентный человек, лечивший Брежнева и других секретарей и членов Политбюро.

Я пришел к нему и сказал: «Евгений Иванович, завтра мы будем обсуждать Вашу кандидатуру на Верховном Совете. Я мог бы выступить там, но сначала решил прийти к Вам и обсудить один вопрос.

А вопрос такой: за все 40 лет испытаний на Семипалатинском полигоне в Абаевском районе не построили ни одной лечебницы, ни одного здравпункта. За все эти 40 лет в ближайших больницах не лечили и не фиксировали случаи лейкемии. Все умирали от «привычных» болезней типа туберкулеза. Врачи как будто не замечали этой проблемы. Это претензии нашего Движения к вашему министерству.

Сейчас у них не хватает лекарств. За 40 лет люди там не видели даже рентгеновской установки. Я бы хотел, чтобы Вы все-таки связались со здравоохранением области по этому вопросу. Тогда я не буду выступать завтра».

Он вызвал своего заместителя и спросил:

«Сколько у нас венгерских передвижных рентгеновских установок?»

— Двадцать семь.

«Все отправить в Семипалатинскую область!»

И прибавил большое количество лекарств, которые также были отправлены в областные больницы.

* * *

В 1989 году Движение остановило на Семипалатинском полигоне 11 взрывов из запланированных 18, с каждым днем обретая поистине всенародную поддержку. В эти дни 130 тысяч шахтеров Караганды начали забастовку. Поначалу у них были простые требования: улучшить условия труда, повысить заработную плату и т.д. После седьмого взрыва на полигоне я прилетел в Караганду и убедил шахткомитет включить в требования самый главный пункт: остановить испытания на полигоне. И вскоре они приняли резолюцию: в случае продолжения испытаний начать бессрочную забастовку. К ним присоединились рабочие Семипалатинска, Павлодара, Усть-Каменогорска и Жезказгана.

Требования рабочих поддержал и Верховный Совет СССР. Власти СССР попытались ввести в дело резервный полигон на Новой Земле. Верховный Совет, в котором по моей инициативе была создана

парламентская ассоциация «За безъядерный мир», воспротивился этому. А это 150 активнейших голосов из 500!

Седьмой взрыв оказался последним. Больше на полигоне не было ни одного испытания. Движение достигло успеха, впервые применив новую модель — взаимодействие народной и парламентской дипломатии, ликвидировав четвертый в мире по своей разрушительной мощи ядерный потенциал и сделав первый реальный шаг к всеобщему ядерному разоружению. В результате пять ядерных полигонов прекратили свою деятельность: Семипалатинский полигон, Новая Земля, атолле Муруроа, Лобнор и Невада — на всех них был наложен мораторий.

Это народ закрыл полигон. Последний взрыв прозвучал 19 октября 1989 года. 20 ноября 1989 года было принято Постановление Верховного Совета СССР с поручением Правительству страны рассмотреть вопрос о закрытии Семипалатинского полигона, а 22 мая 1990 года Верховный Совет КазССР принял Постановление о закрытии Семипалатинского полигона. Указ о закрытии был подписан Назарбаевым 29 августа 1991 года, через неделю после неудавшегося путча, когда министр обороны Язов и председатель КГБ Крючков находились в «Матросской тишине». А на полигоне тишина была уже около двух лет.

Годы спустя, среди тех, кто в то время затаился и даже не пикнул, пошли разговоры о том, что наше Движение было создано по указке властей, которые якобы сами давно собирались закрыть полигон, но не знали, как это сделать. Те, кто участвовал в тех исторических событиях, конечно, понимают, что все это досужие разговоры. Если бы Правительство СССР само захотело закрыть Семипалатинский полигон, то зачем бы оно в лице министра обороны СССР маршала Язова предлагало Движению — а значит, Казахстану в мае-июне 1991 года пять миллиардов рублей компенсации за разрешение произвести хотя бы три калибровочных взрыва? И наш ЦК и Правительство склонялись к согласию — деньги были нужны. Движение выступило с лозунгом «Компенсации — да, взрываю — нет!». И Верховный Совет республики отклонил это предложение.

Необходимо постоянно рассказывать людям об этом единственном по-настоящему всенародном Движении, которое первым возникло у нас в СССР. Мы добились, чтобы для многочисленных пострадавших была хоть какая-то компенсация. И сначала какие-то небольшие деньги начали выплачивать жителям Семипалатинской области, но через небольшое время и эту компенсацию значительно

понижили. Депутаты, в том числе, от Семипалатинской области, проголосовали за понижение. Мы предложили ООН программу помощи Семипалатинскому региону, ООН обозначил стран-спонсоров. Из них только Япония поддержала нас, все остальные отпали, сказав, что у них и своих проблем хватает.

* * *

1989 год завершился печальным событием. 14 декабря мы с Андреем Дмитриевичем Сахаровым возвращались из Кремля. Он проводил меня до гостиницы «Москва», где я жил. Мы поднялись в мой номер. А там стояла группа невадовцев с киноаппаратом. Ораз Рымжанов и Володя Рерих, наша съемочная группа. И мы решили записать с Сахаровым интервью на киноплёнку. И часа два записывали. А у меня в номере ничего кроме сухого печенья и кофе не было. Вот этим кофе мы его и угощали. Часов в девять вечера мы закончили, я проводил его до машины. Напоследок он сказал: «Завтра не опаздывайте! Завтра — главное голосование! Мы должны голосовать против власти КПСС». Я ответил: «Хорошо, придем — проголосуем». Проводили. И все. Через пару часов у него случился удар, и он ушел.

18 декабря его провожал стотысячный митинг. В президиуме был Ельцин, Юрий Николаевич Афанасьев, несколько физиков, его друзей, вдова Андрея Дмитриевича. Все высказались. Я тогда сказал: «В ссылке он жил в Горьком, в поселке Щербинка. И таких щербинок на совести нашей власти оказалось много. Одна из них будет носить имя Сахарова».

Оттуда мы пешком пошли в гостиницу «Россия» на второй этаж. Там были затемнены окна, расставлены столы. Вдове — отдельный стол. Рядом за другим столом Ельцин с физиками. И я как участник тех событий. Сидим, поддерживаем печальные тосты. Ельцин с первой рюмки ушел в аут, начал приставать ко всем, кто шел к вдове выражать свои соболезнования, требовать сфотографироваться с ним.

Поговорили, выступили, послушали. И разошлись.

(Ораз Рымжанов принялся за полнометражный фильм «Полигон», который успел снять и получить Госпремию Казахстана. Елена Боннэр, вдова Сахарова, несколько раз выходила на меня в начале с просьбой, а потом и с требованием показать отснятый материал, которого набралось на километр. Андрея Дмитриевича в тот вечер, оказывается, впервые снимали на киноплёнку. А этот материал лучше сохраняется в архиве. Впоследствии можно было бы сделать

большой фильм о Сахарове. Но Рымжанов почему-то не отдал ни метра отснятого. А потом ушел из жизни. А Казахстан кино-архивы не сохраняет.)

Так и началась эта эпоха окончательного развала Советского Союза — державы, созданной с таким трудом и такими жертвами. Неумелая политика Горбачева и пьяная, разнузданная политика Ельцина. А потом в раздробленной стране появились и мелкие диктаторы, о которых надо говорить отдельно.

* * *

Несколько месяцев мы ждали — успеет ли Правительство СССР «рассмотреть вопрос о закрытии полигона». Решения Правительства ни в том году, ни в следующем не состоялось. Но испытания прекратились. Мы получали много звонков и писем от наших появлявшихся за рубежом союзников с поздравлениями и словами поддержки. Прекращение взрывов стало результатом взаимодействия народной дипломатии и парламентской.

Замысел — взаимодействие избирателей и избираемых — вероятно, был заложен в основу демократии еще основоположниками два с лишним тысячелетия назад.

Эта модель впервые начала проявляться в политике нашего государства благодаря активности Движения. И мы начинали надеяться, что ей можно придать постоянный характер, тогда за ней начинало брезжить, угадываться желаемое нами будущее страны.

...В марте 1990 мы разослали сообщение о том, что Движение «Невада-Семипалатинск» предлагает провести Международный конгресс под девизом **«Избиратели мира против ядерного оружия»**. В мае, в Алма-Ате.

Первыми, кому послали приглашение, стали главы организации «Врачи мира против ядерной войны» доктор Лаун (США), доктор Чазов (СССР). Затем оповестили антиядерщиков Японии, Франции, Англии. Получили подтверждения об участии. Из США сообщили, что в конгрессе изъявили желание участвовать сотни избирателей, знающих об успехах «Невады-Семипалатинск». И недавно возникшая организация «Парламентарии за глобальные действия» обязательно пришлет свою делегацию. Целый ряд конгрессменов и сенаторов высказались за участие в конгрессе. Такие же обнадеживающие, бодрящие нас сигналы поступили из Англии и Франции — стран, входящих в Атомный Клуб, вместе с СССР и США.

К тому же, это страны, где избираемый еще зависит от избирателя. Поэтому разговор может получиться интересный и полезный для нашего дела.

Чем конгресс будет отличаться от всех других? Впервые в одном зале, плечом к плечу будут сидеть и дискутировать избиратели и избираемые. Это будет форум народной дипломатии и парламентской, участвующих в обсуждении главного вопроса века.

Меня как организатора тревожили весьма прозаические вопросы — где разместить делегатов? Как обеспечить прибытие и отбытие участников? Единственное, что не волновало — где провести конференцию. Не так давно закончилось строительство большого, вместительного здания на углу проспектов Ленина и Абая, начатое еще при Кунаеве. Задумано оно было, наверное, именно для таких форумов. Громадный зал, мягкие, удобные кресла, просторная сцена и даже система синхронных переводов была предусмотрена заранее.

Но где найти столько средств, чтобы всех принять и достойно провести встречу? У Движения денег не было. В Правительства Москвы и Алма-Аты за помощью не обращались: общественным организациям не положено по закону. И богатые спонсоры еще не появились.

И я, обдумывая эту почти гроссмейстерскую задачу, все-таки нашел точный ход. Ход к Анатолию Карпову: он тогда был Председателем Фонда Мира СССР.

«Мы ведь за безъядерный мир боремся! И к тому же я — председатель Шахматной федерации КазССР.»

В этом Фонде деньги были не бюджетные, поэтому и обратился. Собрали папку обращений, пожеланий, списков желающих прибыть из зарубежья — всё, что говорило о важности предстоящего мероприятия.

И Карпов перечислил на счет Движения 400 тысяч рублей. Еще полновесных советских рублей, когда доллар США во Внешэкономбанке стоил 62 копейки. Этой суммы, как мне сообщили, хватало на размещение гостей в лучшей гостинице «Казахстан».

А самолеты?

«Пусть сами добираются. Так принято на всех международных мероприятиях.»

«Парламентарии сами купят билеты, а рядовые избиратели? Ведь конференция проходит под девизом «Избиратели мира».»

Додумался еще до одного грамотного хода — обратился прямо к Министру гражданской авиации СССР — Бугаеву. Зашел в его кабинет — «посоветоваться пришел». Посоветовались. И Бугаев выделил нам большой самолет.

Более трехсот участников прилетели на нем из Нью-Йорка. Он весь день, пока шла конференция, стоял в аэропорту Алма-Аты. И во второй день доставил этих американцев-избирателей и парламентариев — в Семипалатинск. Там в Абаевском районе состоялся митинг. И вечером того же дня лайнер, забрав тех же пассажиров, улетел в Америку.

Этот запоминающийся эпизод выразил общую атмосферу конгресса, насыщенного кислородом чистых намерений, поступков и надежд. И нам было дано на себе это почувствовать. Возможно, кто-то в этот момент потихоньку делал себе карьеру, но мы, не скрываясь, участвовали в создании нового мира и его надежд.

Не забыть вдохновением наполненный зал конгресса избирателей и парламентариев! Ни одного занудного доклада, ни одной речи по бумажке. Никаких обвинений, жалоб, проклятий. Говорили профессионально и экспромтом о новой данности — молчит Семипалатинский полигон, молчит полигон на Новой Земле. Советский Союз прекращает испытания, а, может, уже прекратил! «Дело за нами!».

Ближе к завершению слово взял бывший генерал, много лет отдавший американскому ядерному оружию. После выхода на пенсию примкнул к антивоенному движению и завоевал авторитет активной деятельностью. Он, заканчивая свое выступление, напомнил, что завершаются все сроки выдвижения кандидатов на Нобелевскую Премию Мира: вручение уже в октябре. Можно опоздать, а самое важное событие, достойное этой Премии, конечно, — остановка испытаний ядерного оружия. «Предлагаю конференции выдвинуть на эту Премию руководителя Движения «Невада-Семипалатинск» — Олжаса Сулейменова!».

Зал с минуту поддерживал предложение генерала.

Я вышел на трибуну. Помню основные тезисы своего заключительного слова: «Мы убедились, что способны многого добиться, если объединить народную дипломатию с парламентской. Еще большего можно достичь, если объединить все антиядерные, антивоенные организации Мира в Глобальный Альянс. Учредительную конференцию надо провести в Нью-Йорке, в зале Штаб-квартиры ООН. Такая символика придаст Альянсу дополнительной энергии».

Каждый участник будущего Альянса должен знать стратегию наших общих действий. Мы не боремся с правителями и правительствами. Мы будем работать с избирателями в тех странах, где они имеют влияние на избираемых. Избиратель должен потребовать от кандидата в депутаты, в конгресс, сенат, во все парламенты стран

Атомного Клуба включить в свои программы единый наказ — выступать против оружия массового уничтожения, прежде всего, ядерного. Такой наказ должен получить от своих избирателей каждый кандидат на пост президента или премьер-министра.

А что касается Нобелевской Премии, — я поднял над головой раскрытую ладонь — это жест нашего Движения, протест против пяти полигонов Земли. Замолчали пока только два. Наша работа продолжается: мы должны остановить и остальные — в штате Невада, на атолле Мороруа, в пустыне Лобнор. Давайте остановим все полигоны. И когда это случится, мы сами придем в Нобелевский комитет и потребуем свою премию!».

Зал аплодировал значительно дольше, чем генералу.

Вернувшись в Америку, генерал, видимо, убедил свою организацию не упускать Премию этого года, и сразу после возвращения на родину, выдвижение состоялось. Выдвинули самого генерала за активную антиядерную деятельность, приведшую к сокращению испытаний в СССР. В итоге он, всё же, получил желаемое.

Исчезнувшие награды

Американские партнеры, вероятно, почувствовали, какую-то неловкость от случившегося. Через несколько месяцев мне позвонил Узакпай Караманов — Председатель Совета Министров КазССР и радостно сообщил: «Олжас! Сүйінші! На твое имя в канцелярию пришел денежный перевод из какого-то американского Фонда — 628 тысяч долларов!»

(Позже я понял, что это был ответ американцев на мой отказ от Нобелевской премии. Своеобразная компенсация. Вероятно, часть первоначально круглой суммы, аналогичной Нобелю, ушла на налоги.)

— Новость хорошая, с меня пол-литра. Когда приходиться за премией?

— Сегодня доложу президенту, оформим, как следует, и пригласим получать.

Он доложил президенту. И был уволен.

Президент присвоил себе эти деньги. Видимо, сильно нуждался в долларах. С этого началась его активная президентская деятельность на новом посту.

Американцы были несколько озадачены, потому что никакого ответа и благодарности не дождались.

Похожий случай произошел позднее и с французской наградой. Первый французский посол в Казахстане Бертран Фессар де Фуко осенью 1992 года сообщил мне, что Президент Миттеран по пути в Пекин решил сделать остановку в Алма-Ате на пару часов. И вручить мне награду за антиядерную деятельность — Орден Почетного Легиона.

«В 11 утра будет вручение. Но не в посольстве. Вас пригласят. В 12 меся Президент отбудет в аэропорт.»

Миттеран прилетел в назначенное время. Я сижу, жду звонка. Тишина.

Оказалось, Назарбаев встретил его и сообщил, что «Сулейменов сейчас в отъезде». Миттеран оставил орден — чтобы передали, когда я вернусь. И улетел в Пекин.

Вскоре я увиделся с послом и спрашиваю:

«А где орден?»

Фуко развел руками. Он понял — что здесь происходит.

Через некоторое время Назарбаев через МИД настоял, чтобы его отозвали во Францию.

Страна должна гордиться своими сынами — теми, которых награждает мир. Не говоря уже о президенте. А он присвоил орден себе.

И впоследствии всячески блокировал деятельность «Невады». Как только та или другая компания проявляла к нам устойчивый интерес и помогала нашей деятельности, ее закрывали.

* * *

В январе 1991 года мы были близки к всемирному отказу от ядерного оружия. Провели учредительную конференцию Глобального Антиядерного Альянса, в Нью-Йорке, в зале Штаб-квартиры ООН, как и задумывалось. Там собрались все антиядерные движения мира, антивоенные, экологические — все подряд.

Я предложил программу Глобального антиядерного альянса: провести межпарламентский референдум, чтобы все парламенты, а их около 200, ответили на один вопрос:

«Нужно ли ядерное оружие нашей стране и человечеству?»

И первым парламентом, который ответит на этот вопрос, будет Верховный Совет СССР.

Шеварднадзе тогда был с нами. Он связался с Михаилом Горбачевым, сообщил ему об этой программе, и Горбачев ответил:

возражений нет, пусть Верховный совет СССР будет первым в этом межпарламентском референдуме. А это значило, что если Парламент самой сильной ядерной державы заявит, что ему не нужно ядерное оружие, тогда и остальным: американцам, англичанам, французам и китайцам не останется ничего другого как согласиться.

Глобальный Антиядерный Альянс создал первую межпарламентскую делегацию, в которую вошли два конгрессмена и два сенатора США, два парламентария из Англии и двое из СССР: это руководитель атомного института академик Евгений Велихов и я ⁷. Мы вылетели из Нью-Йорка в Москву, встретились с Горбачёвым, все обсудили, вечером полетели в Англию, встретились с министром обороны, изложили предложения о референдуме и наших планах. Оттуда утром отправились в Вашингтон для встречи с Бушем-старшим. Он тогда еще не вернулся из Мексики, и мы объяснили все советнику по безопасности, который отвечал за оборону. Когда выходили, в коридоре Белого Дома встретили президента, усталого после полета, но улыбчивого. Конгрессмены нас представили и мы обсудили все в коридоре. Обозначили наши намерения и выразили надежду на то, что и Конгресс, и Сенат США примут участие в запланированном референдуме.

Это был колоссальный шанс. И если бы не бездарное ГКЧП в августе, которое развалило СССР, посадило Ельцина, который окончательно добил эту идею, все могло бы получиться. Тогда взаимоотношения Буша и Горбачева были такие теплые, что международную обстановку они согревали. Теперь, спустя 30 лет, когда мир на грани мировой войны, конечно, никакой референдум уже не спасет.

...История совершается, когда сочетаются тысячи насыщенных биографий народов в одну большую биографию человечества. Мы знаем, что эту единую судьбу можно мгновенно сократить. Собранную всем временем в тысячелетиях, эту судьбу за несколько секунд можно прекратить вообще! Сегодня мы уже не включаем телевизор, потому что боимся увидеть, как на экране расцветают ядерные взрывы, которые могут прозвучать совсем рядом с нами. Необходимо сделать все возможное, чтобы отдалить этот миг, а если повезет, избавить от этого мига человечество.

⁷ Велихов тогда заболел и вместо него полетел руководитель Московского отделения Движения «Невада-Семипалатинск» Владимир Якимец.

И это понимание делает еще более важной память о том времени и осмысление тех событий, в которых нам удалось поучаствовать. А наше Движение добавило историкам несколько событий и дат мирового исторического значения.

...Недавно я прочел список государственных праздников и официальных дат истории Казахстана. И вновь среди них не нашел 19 октября — день последнего испытания. День, когда полигон замолчал. Вместо этого продолжает свое календарное существование 1 декабря — день первого президента. Когда историческая память страны переполнена ложными фигурами и датами, необходимо бороться, защищая от них нашу историю.

ЧЕРНЫЙ ЯНВАРЬ В БАКУ

20 января 1990 года я был в Москве. Шла сессия Верховного Совета СССР. Ночью в гостинице меня разбудил телефонный звонок. Ложась спать, я принял снотворное: мучался в те дни из-за сильной простуды. Три часа ночи. Звонок, судя по звуку, междугородный. Поднял трубку.

Далекий, срывающийся голос. Представляется — Бахтияр Вагабадзе. Я знал его — известный азербайджанский поэт:

— Олжас, в Баку вошли танки! Давят людей! Приезжай, брат!

...Утром, приняв таблетки, я отправился в представительство Азербайджанской ССР. Там на подходе была такая толпа, что я поехал сразу в аэропорт. Рейсы в Баку отменены. Пользуясь депутатским мандатом, добился места в военно-транспортном самолете.

В Баку прилетели уже к ночи. Выходили из самолета по приставной лестнице. Все пассажиры были без багажа.

И в город ни на чем не добраться: ни автобусов, ни такси. Выручили военные, довели до ближайшей станции метро. Спустился по пустому эскалатору. В метро ни души. На вагонных дверях поезда

— черные траурные ленты. Механический кондуктор называет станции. Я помнил название нужной мне площади, где была гостиница, в которой я останавливался в свои прежние приезды.

Вышел из поезда, поднялся наверх. Пустая темная улица. Услышал стук шагов. Подошел военный патруль, офицер попросил предъявить документы и показал — в какую сторону двигаться.

Высокий, многоэтажный отель, сплошное стекло. Ни одного освещенного изнутри окна. Постучал в стеклянную дверь. Там возникло лицо пожилого человека: «Олжас! Сулейменов!...» В те месяцы TV по всей стране целыми днями транслировало заседания Верховного Совета СССР.

Двери распахнулись, и целая группа работниц отеля, обнимая, что-то высказывая, проводила меня до номера. Лифты не работали. Я попросил номер на втором или третьем этаже. Они замахали руками: «Нельзя! Надо высоко!» Довели меня до одиннадцатого. «Сюда не поднимутся!»

В номере включили свет. Я увидел на полу несколько автоматных пуль. «Здесь совсем немного! На нижних этажах много. Они с площади во все стороны стреляют. И по гостинице. Пьяные, наверное!».

Приготовили горячий чай, вызвали фельдшера — Закира Мамедова — он потом несколько раз делал растирание спиртом: на градуснике 38.

Часть следующего дня я пытался понять — что происходит в Баку. Ко мне в номер стали еще с ночи тайком являться гости: пришел Абульфаз Алиев, филолог-арабист, недавний диссидент, ставший лидером «Народного фронта» и взявший псевдоним «Эльчибей». За ним в те дни шла настоящая охота. Именно его власти считали виновником волнений. И он пришел в надежде на поддержку и защиту.

В условиях распадающейся страны в битву за власть вступили и речистые филологи, умевшие «толпу поднимать одним словом». В Грузии таким оказался сын писателя Константина Гамсахурдиа Звиад, в Азербайджане — Абульфаз Алиев. Они поначалу умело пользовались вакуумом власти. В Баку руководителем на волне перестройки стал Абдулрахман Везиров, который оказался не в силах справиться с новыми вызовами. Возник «Народный фронт» во главе с Эльчибеем («посланником народа»).

Кровь в Баку уже пролилась. Именно «Народный фронт» призвал строить в городе баррикады, а вошедшие следом танки сокрушили их и заодно подавили припаркованные вдоль улиц автомобили. Некоторые — с пассажирами. Эльчибей горячо утверждал, что является

противником всякого насилия, а причины трагедии кроются в имперских амбициях Москвы.

Я дозвонился до местного ЦК, сообщил о своем приезде. За мной прислали машину. Эльчибею предложил подождать в моем номере, где он был в безопасности.

Прибыл в ЦК Азербайджана, в кабинете первого секретаря находился председатель верхней палаты союзного парламента — Примаков и министр обороны, маршал Язов. Сам хозяин кабинета отсутствовал — ушел в отставку, а нового еще не избрали.

Я поговорил с собравшимися. Я сказал, что представляю группу депутатов, которым буду докладывать о том, что здесь происходит. Примаков, конечно, знал: меня никто официально не командировал в Баку. Но был уверен: выступлю, доложу свои наблюдения и выводы всему депутатскому корпусу. И на всю страну.

Рассказал, что Эльчибей в моем номере: «Он помогает мне войти в обстановку. Получаю информацию, так сказать, прямо из первых уст».

— А Вы знаете, что руководители боевого крыла «Народного фронта» уже арестованы? — спросил Примаков.

— Абульфаз не из их компании, он ни к каким военным действиям не призывает. Филолог, интеллигент, демократ. Прошу дать указание его не арестовывать, а привлечь к работе по урегулированию создавшейся обстановки.

— Хорошо, только пусть переберется в другой номер: нечего притеснять больного депутата. Поработаем здесь, а в Москву потом вылетим вместе.

Я вернулся в гостиницу. А через некоторое время звонит председатель правительства Азербайджана:

— Олжас-мугалим, газеты уже три дня не выходят. Журналисты и печатники на службу приходят, но не работают. Название этому придумали — «Бакинская забастовка». У нас авторитетов не осталось. Никого не слушают. Просим встретиться с журналистами и печатниками, Вас они уважают.

Приехал в печатный цех самой большой типографии, выступил:

— Газеты молчат, и народ не знает — что произошло. Мир полон самыми нелепыми слухами. Ваш профессиональный долг — рассказать всю правду. Никто не будет вам препятствовать, цензура отменяется.

Из толпы вышел почетный печатник:

— Олжас-бей, мы благодарны Вам за то, что Вы приехали. Знаем, что когда танки по бакинским улицам шли и стреляли наши поэты самым известным писателям в Москву звонили. Только все они почему-то сразу «заболели». А Вы больной приехали. Вы наш брат, и потому Ваш призыв мы услышали. Будем печатать газеты. Кроме одной — «Коммунист Азербайджана». Мы все из этой партии позавчера вышли.

Отвечаю:

— Я знаю настоящих коммунистов в вашей стране. И тех людей, которые способны найти выход из этой тяжелой ситуации. Жаль, рядом нет Гейдара Алиева, он бы не допустил того, что произошло позавчера. Это сделали не коммунисты, а члены партии. Плохие члены. А настоящие коммунисты ждут свою газету. Она расскажет им всю правду о двадцатом января. О «черном январе».

На следующее утро в номере зазвонил телефон. На проводе снова был глава правительства:

— Спасибо, дорогой брат! Сегодня все газеты вышли. Даже «Коммунист Азербайджана». Как Ваше здоровье? Тогда еще одна просьба — запустите телевидение. Пожалуйста!

Поехал в телецентр. Там, в зале, где собрались журналисты, увидел генерала Варенникова, командовавшего сухопутными войсками страны. Скорее всего, это именно он дал приказ на жесткое подавление беспорядков. И сейчас ему в том зале, наверное, приходилось не очень комфортно.

Телевизионщики знали, что газеты уже вышли. Я выступил:

— Да, произошли трагические события, и вы должны дать им честную оценку. Похоронены первые жертвы. Вчера избран новый руководитель республики Аяз Муталибов, однако люди об этом не проинформированы, потому что газеты промолчали, и телевидение не сказало ни слова. Я знаю, что у вас есть кассета с записью выступления нового первого секретаря, а вы ее не пропускаете в эфир.

Следом выступил главный активист:

— Мы эту кассету дадим в эфир, но только после Вашего выступления.

— Нет, — ответил я. — Мне, гостю, не подобает брать слово перед хозяином. Нас так учили с детства, и нарушить этот порядок ни Вам, ни

мне нельзя. Я согласен выступить, но при одном условии — если Вы мои слова дадите в эфир сразу после выступления товарища Муталибова.

В Баку заработало и телевидение.

После отставки Муталибова в 1992 году президентом был избран Эльчибей. Но ненадолго. Народу требовался не вождь, умеющий заводить толпу на митингах, а политик-организатор, способный взять на себя ответственность за решение тяжелых проблем. В 1993-м под давлением внутренней оппозиции и после серии провалов Эльчибей оставил свой пост и покинул Баку. Он обещал повести народ к прекрасному будущему. Но где оно находится — он не имел ни малейшего представления.

В Азербайджане случилось бы еще больше бед, если бы не вернулся к власти Гейдар Алиев. О нем мы скажем в отдельной главе.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Жаркий август 1991-го

Каждый день того года достоин описания. Но для этой главы вспомню только несколько эпизодов.

В начале августа завершилась весенне-летняя сессия Верховного Совета СССР. Депутаты разъехались на отдых. Я с семьей попал в Турцию. Не в Анталию, а в какую-то глубинку с комарами. Но приспособился. Ветродуй у стола, постоянно включенный — отгоняет комаров, спишь под марлевым балдахином. Зато — тишина, покой, ни телефонных звонков, ни воплей отдыхающих. Я просил своих турецких коллег забросить меня в глушь и забыть до конца августа. Но они приехали раньше. Двадцатого, к вечеру. С сообщением, что в СССР переворот. Горбачев арестован. Мы тут же собрались. Друзья стали отговаривать, дескать, не надо сейчас ехать, могут в Москве прямо в аэропорту арестовать: «Вы ведь за Горбачева. Оставайтесь в Турции, мы создадим фонд борьбы за демократию в СССР». На

машинах доехали до Стамбула. Я попросил отправить семью окольными путями в Алма-Ату, тогда прямых рейсов из Стамбула не было, а сам взял билет на ближайший рейс в Москву — на утро 21-го. В зале ожидания аэропорта турецкое телевидение сообщало сведения «с передовой». Говорили о том, что ГКЧП открыто поддерживали руководители некоторых республик Советского Союза. И это сообщение, в общем-то, укладывалось в логику поведения первых секретарей ЦК компартий союзных республик. Незыблемая традиция демократического централизма — перед любой важной, общесоюзной акцией Генсек должен был обзвонить первых секретарей, чтобы заручиться формальной поддержкой республик. Этим достигалось заключение о коллективной ответственности за принятое Центром решение.

Вице-президент СССР Геннадий Янаев, прежде чем объявить о чрезвычайном положении и о мнимой болезни Горбачева, несомненно, советовался с республиками и от всех получил добро. Каждый звонок Янаева зафиксирован, архивы сохранились. Известно, что только кыргызского президента найти не могли. Позже выяснилось, что он в тот день охотился вместе с Гавриилом Поповым в горах возле Иссык-Куля.

Я прилетел в Москву 21 августа. Путч провалился. 22-го начались аресты путчистов — Председатель Верховного Совета Лукьянов, министр обороны Язов, вице-президент Янаев, председатель КГБ Крючков и другие, пока что только с московской пропиской. По замыслу волна арестов должна была разойтись по всей стране. Ожидались аресты президентов, поддержавших ГКЧП. И страна стала раскалываться. Запаниковавший Кравчук объявил о суверенной Украине. Начался «парад суверенитетов». Испуг руководителей республик, поддержавших ГКЧП, стал пусковым механизмом процесса распада СССР. Казахстан держался. Самым последним объявил о своей независимости. Когда уже Россия заявила о своей независимости и от Казахстана.

* * *

Перед тем отпуском заходил к Анатолию Ивановичу Лукьянову в кремлевский кабинет. На последнем заседании сессии он попросил заглянуть. У нас с ним все годы работы в Верховном Совете были неплохие отношения. Мы поговорили. Я рассказал, что уезжаю поработать над книгой в Турцию. «А в Крыму не лучше?». В Крым больше ни ногой: отдыхающие с Севера завезли личинки комаров. Нет спасения. А поэзия и гнус — понятия несовместимые. Теперь понимаю, почему в Сибири стихи не рождаются.

Лукьянов словно что-то вспомнил, и достал из ящика стола маленький сборник стихов неизвестного автора. Кажется, Кленов. Фамилия явно была псевдонимистая. «Недавно принес один знакомый. Посмотри — интересно или нет?». Я полистал, скалмбурил: «Конечно, не Блок, но как начинающий не плох». Он оживился: «Ну а что там наиболее интересного?». Я прочитал несколько понравившихся строк. И по реакции начал понимать: «Это не Вы ли сами написали, Анатолий Иванович?». Он засмутился: «Иногда и я балуюсь». Но не признался. Я понял, что это его произведения. Когда человек пишет стихи, он не может быть нехорошим человеком. Если человек создал несколько приличных строк, он может ошибаться, быть идеалистом, но подлецом быть не может. Если даже задумает плохое, у него не получится. Он пострадал. Отсидел в «Матросской тишине», а с ним больше не встречался. Не знаю, как бы он отнесся ко мне, если бы ГКЧП получилось, но подлости от него я бы не ожидал все равно.

* * *

Не думаю, что Горбачев знал заранее о планах на 19 августа. Может быть, в последний момент и отказался принять участие, что, по-моему, и определило характер, вернее, бесхарактерность путча. Если бы члены ГКЧП получили указание президента действовать, то и действовали бы более решительно. А таких указаний, скорее всего, не было. Поэтому произошли разногласия в среде силовиков: Крючков — Язов — Варенников — Пуго. Янаеву они не подчинялись. Да и он не был способен на них повлиять.

...Они все были против Союзного Договора, текст которого должен был быть подготовлен к 21 августа. Этот Договор определял новые права и полномочия Центра и республик. Союз приобретал черты конфедерации. Не уверен, что сам Горбачев был до конца согласен с таким решением, и дискуссия в парламенте и на съезде ожидалась серьезнейшая. И, конечно, вопрос надо было выносить, в конечном счете, на референдум. Горбачев не хотел доводить дело до конфедерации, не хотел, да и не мог сохранить прежнюю форму «монолитного Союза» и более всего не хотел и не ожидал такого сокрушительного распада. Вот в свете этих трех «не хотел» надо рассматривать драму Горбачева — как политика и личности.

Союзный Договор

Разговор о Союзном Договоре возник еще на I-м съезде народных депутатов в мае 1989 г. Тогда была избрана Конституционная

комиссия по подготовке новой Конституции обновленного Союза. Горбачев — председатель, я вошел в состав.

Комиссия так ни разу и не собралась в полном составе.

Прошел год, уже скоро третий съезд нардепов, а Конституционная комиссия не работает, о Союзном Договоре разговор гложет, спускается на тормозах. На этом фоне все громче сепаратистские настроения, демократическая анархия раскачивает Москву. Я три года жил в гостинице «Москва». Окна моего номера выходили на Манежную площадь, где часто проходили шумные митинги.

25 февраля 90-го на Манежной демократы должны были собрать до миллиона человек. В годовщину Февральской революции хотели повторить, сделать второй дубль. С Манежной пойти на Кремль, а там видно будет.

Власти отнеслись к угрозе серьезно. Ночью, накануне обгородили Манежную грузовиками, не дали собраться толпе.

Кажется, было воскресенье. У меня был накрыт стол: в гостях сидел редактор какой-то датской газеты. Время от времени выходили на балкон — стекается народ или нет? Было много солдат, пасмурно, напряженность, тревожно. Я не выдержал, выпроводил гостя и сел писать послание Горбачеву. Получилось довольно открытое, гневное письмо. «Сколько можно тянуть с Союзным Договором?» — основная идея письма. — «Упустим время и победит хаос». Обновленный Союз должен был стать естественным продолжением Европейского Союза, который вот-вот мог состояться. Таким образом, мы вписывались в процесс мировой интеграции. Помню даже содержание некоторых предложений: «У шахматистов есть правило: чтобы выиграть партию, надо иногда жертвовать фигурами. А в Политбюро есть фигуры, тормозящие процесс реформ». И в запале назвал несколько имен. «Надо их отодвинуть от этого процесса, а то у нас снова произойдет Февральская революция».

Утром зашел в Кремль, передал письмо Валерию Болдину. В конце вечернего заседания Михаил Сергеевич подозвал меня к столу Президиума: «Пошли ко мне». Мы зашли в его кабинет. «Письмо я получил. Толковое письмо. Размножил. Члены Политбюро читают. В пятницу на заседании Политбюро обсудим и примем решение о Союзном Договоре». Я говорю: «Как же так, я ведь как раз про некоторых членов Политбюро там высказался..». Он ответил: «Мы — коллективный орган, потому должны решать сообща. Этот вопрос — государственный, сложный». Все правильно, конечно, но я не ожидал такого хода. Я бы тогда в каких-то других формах изложил — более дипломатично.

«Мы вынесем решение о Союзном Договоре на мартовский съезд».

Нас перед съездом на недельку подраспустили. Я улетел в Канаду по антиядерным делам.

Возвращаюсь, съезд уже идет. Не успел ни Болдина увидеть, ни Горбачева. Хотел узнать, чем закончилось заседание ПБ. Попадаю прямо на съезд, объявляют программу — выборы первого президента. Горбачев открывает III съезд вступительным словом. Как всегда пространным. В нем и международное положение, и внутреннее, о ходе перестройки, о гласности, о новом мышлении. И ни намека на Союзный Договор.

Выдвижение кандидатур. Выдвигают Горбачева. Ведет съезд Лукьянов. Начинают обсуждать кандидатуру. А у меня во рту жвачка, привезенная из Канады. Какая-то особая. Время еще есть, дожевываю. Лукьянов ведет заседание. Очень технично вел. Знал, кто может поддержать Горбачева — тех выдергивал на трибуну. Неожиданно объявляет: «Слово имеет депутат Сулейменов». Иду к трибуне, а проклятая жвачка какая-то полужидкая, по зубам расползлась, прилипла. Пытаюсь языком собрать ее в комок, руками на виду всего зала в рот лезть не удобно, измучился. Взобрался на трибуну. Пятитысячный зал, телеобъективы — вся страна. А у меня в голове одна мысль доминирует — «проклятая жвачка!». Может, зрителю это виделось как волнение. Тем не менее, какой-то текст я выдал. Смысл был такой: Да, Горбачев достойный кандидат. Он начал перестройку, ему надо доверить продолжить ее в качестве президента. Но, прежде чем проголосовать, мы должны высказать ему не только свои «за», но и «против». Он у руля. Жмет на газ, но одновременно — на тормоз. Мотор ревет — это гласность. А машина стоит. И политически, и экономически будущее Советского Союза зависит от того, как скоро республики подпишут Союзный Договор.

Горбачева избрали. И после голосования в своей уже президентской речи Михаил Сергеевич много места уделил Союзному Договору. Речь эта была заготовлена, написана и обсуждена на Политбюро. Но я то об этом не знал. И полез с жвачкой на трибуну. Этого момента я действительно стыжусь и упрекаю себя до сих пор еще и потому, что тогдашняя моя вылазка повредила делу. Человек из ближайшего окружения Горбачева показал мне потом первоначальный вариант газеты «Правда» со списком и портретами 12-ти советников президента, среди которых был и я.

Но после того выступления из списка был исключен и заменен на Чингиза Айтматова. (А он готовился стать послом и вскоре его отправили в Люксембург).

Сожалею. Один из шансов повлиять на развитие ситуации был нелепо упущен.

В 90-м Горбачев уже начал если и не прислушиваться к советам, то хотя бы выслушивать советующих. Раньше, до 89-го года до съездов народных депутатов, он слушал только двух людей. В одно ухо — Лигачев подскажет (сухой закон, например), в другое — Яковлев (гласность, демократизация). Пусть не покажется бахвальством, но я уверен, что, находясь в составе официальных советников, я мог повлиять на направление и ход мыслей президента, а значит, и на судьбу страны.

Но и не состоя в звании советника, все равно прорывался к президенту с советами и предложениями. Как лидер Движения «Невада-Семипалатинск» и парламентской ассоциации за безъядерный мир.

Будучи депутатом, предложил несколько хороших законов. Среди них — Закон «О реабилитации репрессированных народов» в Верховном Совете СССР.

Когда я выступил с этим предложением, из зала поднялся какой-то юрист и заявил:

«То, что Вы предлагаете — юридически неграмотно: реабилитировать можно отдельную личность, но не целые народы.»

Я ответил: «Значит, репрессировать целые народы можно, а реабилитировать нельзя?»

Аплодисменты. За Закон проголосовали и через некоторое время его приняли.

О таких эпизодах тоже нужно рассказывать современным депутатам, чтобы они не просто сидели, а участвовали в политической жизни общества.

Помню еще одно выступление на Съезде. 7 декабря 1988 года в Армении произошло катастрофическое землетрясение. Азербайджан послал туда самолет с солдатами для помощи при расчистке завалов. И местный патриот — диспетчер — навел этот самолет на скалу. Конечно, все погибли. Я выступил, осудив это как намеренное хладнокровное преступление.

* * *

В Верховном Совете СССР предыдущего созыва (1984 — 1989 гг.) я работал в комитете по культуре. Но в новом созыве не хотелось продолжать старые песни. Эпоха менялась. Надо было вникать в прозу жизни. Поэтому я записался в комитет по ценообразованию.

В советское время мы шутили: «Рубль единственная валюта, курс которой не падает: ниже земли не упадешь!». Никто не принимал всерьез уравнение: «1 доллар США = 62 коп.». Тем не менее, инфляции и девальвации рубль не знал. На 100 рублей могла жить семья целый месяц. Какой ценой это давалось государству — другой разговор. Но цену рублю знали и не бросались им. Хотя доллар с начала перестройки начал проникать на черный рынок, потихоньку подмывая рубль. В октябре 1991 года Нацбанк СССР официально признал соотношение 30 рублей к одному доллару. И скорость падения нарастала. Почему я запомнил эту дату? В октябре я пришел на прием к президенту с предложением — как остановить падение рубля. Этой записке предшествовало два года исследования предмета. Я был убежден, что Нацбанк делает ошибку при определении реальной стоимости рубля, беря в расчет цены на элитные товары на Западе и у нас. Осенью 91-го спекулянты привозили электронную аппаратуру, например, видеомэгнитофон, купленный в США за 1000 долларов, продавали в московских комиссионках за 30 тысяч рублей. И в такой пропорции быстро установились цены на все западные товары. И, естественно, отреагировали московские рынки. Это было время, когда иностранец покупал парную телятину за 2 доллара килограмм. А москвичу уже приходилось платить 60 рублей. Зарплата же оставалась той же. Унижение рубля мы чувствовали в магазинах, где иностранец за десять долларов набирал килограммы икры, осетрины, литры самых дорогих коньяков. Авиабилет до Алма-Аты стоил 62 рубля. Иностранец платил 2 доллара за четыре часа перелета.

Эта ошибка официальных экономистов в итоге привела к резкому обнищанию всего населения Советского Союза, к катастрофическому обесцениванию рубля. Через пару лет доллар будет стоить пять тысяч рублей. Враз сгорят сбережения миллионов людей. Такого бесстыдного грабежа населения целой страны история не знала. Самое обидное, что ограбили невежественные «наученные работники», завлабы, допущенные во власть.

Я пришел к Горбачеву, разложил перед ним свои таблицы, где сравнивались цены не на элитные товары, а на демократические товары повседневного спроса. Я подготовил их после специальной поездки в США.

Таблицы показывали, что хлеб, масло, молоко, мясо, сыры в США и СССР в 1990-м году стоили почти одинаково. А такие овощи, как картофель, лук, морковь даже подешевле, чем у нас. Как и оптовые цены на одежду повседневной носки. В магазине Нью-Йорка мужской костюм я покупал за 120 долларов в Москве такой стоил 100 рублей.

Вот с учетом этих соотношений и надо было определить курс рубля по отношению к доллару. Горбачев, прочитав, сорвал трубку телефона (его экономическим советником был тогда Г.Явлинский) и чуть ли не матом: «Чем вы там все занимаетесь?! Здесь ко мне поэты приносят справки, которые я от вас жду!». Он приказал рассмотреть мои бумаги и доложить. Бросив трубку, он долго не мог успокоиться.

«Камаз продали за пять миллиардов рублей!.. Аудиторов из Англии пригласил, они оценили в двенадцать миллиардов. И не рублей, а долларов!». *200 70 руб*

Думаю, президент уже понимал, что страну понесли по кускам в распродажу. И не ошибки это были вовсе. Скупать элитные предприятия за бесценок — вот к чему шло. Справки мои не имели никаких последствий. Явлинский не успел ответить. Через месяц Союз распался.

В 1990-м году вышла моя книга, собравшая под обложкой стихи, публицистику, несколько поэм и «Аз и Я». Тиражом 200 тысяч экземпляров. Получил гонорар — больше 200 тысяч рублей. И успел потратить их до того, как эти деньги превратились в пыль. Купил 8 квартир возвращавшимся из тюрем студентам, арестованным за участие в декабрьских событиях. До того, как произошло неслыханное в истории ограбление собственной страны, когда 250-миллионное население некогда великой державы за несколько дней лишилось всех своих средств к существованию.

Сейчас я думаю, что масштабы совершенного Горбачевым или вернее сделанного благодаря ему, значительно больше масштабов его личности как политика. На Западе имя Горбачева вызывает только добрые ассоциации — рухнувшая Берлинская стена, окончание холодной войны. У нас ощущения намного сложнее: стены, возникшие между «братскими народами», кровь Карабаха, Абхазии, Приднестровья, Югославии — сотни тысяч жизней — миллионы разоренных, обездоленных. Кровь — чернила истории.

Как возникал Ельцин

В декабре 1986 года сняли Кунаева. А в июне 1987-го состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором его вывели из состава Политбюро. Освободившееся место предложили занять Александру Яковлеву, хотя он не был даже кандидатом в члены Политбюро. После заседания в кабинет Горбачева зашел Ельцин. Он был кандидатом и руководителем московской партийной организации. И, естественно, надеялся войти в Политбюро на этом Пленуме.

Заходит в кабинет и бросает на стол заявление, в котором говорит о своем выходе из состава кандидатов из-за того, что с ним так поступили. Избрали Яковлева, даже не кандидата. А им пренебрегли. И Горбачев совершил свою первую ошибку. Положил заявление в ящик своего стола и говорит:

«Борис Николаевич, предстоит октябрьский Пленум, семидесятилетие революции. И там мы этот вопрос решим. Добавим место, Вы войдете в Политбюро. А пока занимайтесь делом. Подтяните московский горком. И поменьше пейте. Не надо, хватит уже. Член Политбюро не должен постоянно показываться выпившим. Возьмитесь за себя».

Правильные слова. Но ошибка была в том, что он положил заявление в стол, а не разорвал его на глазах у Ельцина. Тогда бы тот мог успокоиться и поверить ему. А так он понял, что на октябрьском Пленуме в нужный момент Горбачев вытащит заявление и скажет: «О поступившем предложении от товарища Ельцина. Так как в московской организации очень много работы, он не справляется с обязанностями кандидата в члены Политбюро. Принять его предложение». И все. Ельцин так и понял. Поэтому он ушел еще более возбужденным и начал готовиться к октябрьскому Пленуму по-настоящему. То есть пить по-настоящему. Председателем горисполкома у него был человек, которого он взял из своей области. Они приезжали на дачу к Ельцину и пили каждый вечер. Об этом рассказывала уборщица. Она чистила бассейн, у которого они перед купанием испражнялись по пьянке. Уборщица все это рассказывала другой работнице в горисполкоме. А там работал один казах, друг Муслима Даирбекова. Через Муслима мы познакомились и узнали эти истории. Уборщица докладывала ему обо всем, что происходит на даче Ельцина. В таком темпе он готовился к Пленуму.

Начинается октябрьский Пленум. Выступил Горбачев. А по порядку после него должен выступать руководитель московской партийной организации. Вышел Ельцин. И понес.

Он понял, что его выведут из состава кандидатов в члены Политбюро. И решил идти ва-банк. Начал громить Горбачева. Его не перебивали. Он закончил свою речь и вернулся в зал. Дальше пошли остальные выступающие по списку. Но вместо того, чтобы говорить по докладу, они обрушились на Ельцина за его выступление. Один, второй, третий. Все выступили на эту тему.

Это была вторая ошибка Горбачева. Он должен был прервать первого же, сказав: «Товарищи, мы собрались по такому важному поводу — семидесятилетию Октябрьской революции. Обсуждаем доклад.

Давайте говорить по докладу». И все на этом. С Ельциным было бы кончено. Тогда можно было бы вытаскивать его заявление. Особенно, после такого выступления: «Товарищи, поступило заявление товарища Ельцина...». И так далее. Тогда все было бы гладко. Но он упустил этот шанс.

На утро выходит «Правда»: доклад Горбачева, выступление Ельцина, а все остальное — критика, обрушившаяся на «борца за правду». И у народа «открылись глаза» — появился лидер! Вот кому можно верить! Так начался его путь в президенты и развал страны.

...Потом Ельцин часто использовал этот образ страдающего, честного коммуниста. Жаловался, что его преследуют. Об одном таком случае мне рассказал его друг — казахстанец из Караганды. Он вошел под его крыло и сопровождал Ельцина в разных походах. Однажды они возвращались откуда-то с букетами цветов и Ельцин решил заехать в старый Дом отдыха Московского горсовета. Там у него была зазноба. Ельцина пропустили, а второй остался ждать. Борис Николаевич взял букет, нашел дом, где жила его зазноба, начал ломиться. Но зазноба, увидев будущего президента в окно, двери не открыла. Тогда он стал шуметь по-настоящему — кричать, выбивать стекла... На шум из дома вышел мужчина, очевидно, новый гость той женщины. И погнал Ельцина до озера, расположенного неподалеку. Туда и свалился несостоявшийся член Политбюро.

А когда добрался до Верховного Совета, объявил, что на него напали неизвестные и сбросили в реку с моста.

Верховный Совет был возмущен, что МВД плохо смотрит за народными депутатами и допускает такие вещи: избиение и бросание с моста. Даже делегация ездила инспектировать эту речку (она была каменистая, если б он туда упал, да еще и с моста, убили бы).

С такими приключениями он работал в Верховном Совете. Приходил, жаловался, что Горбачев охотится за ним.

Горбачев хотел сделать Советский Союз послушным ребенком при няньке. При Америке. Ему, как провинциалу, нравилась американская свобода и раскованность: «И в вещах они свободны, все производят. И все у них как будто без усилий». Все это сыграло свою роль.

Тогда Америка охотно заигрывала с нами. Когда мы приезжали туда, нас встречали с распахнутыми объятиями. Сенат, Конгресс — пожалуйста. Некоторые рядовые конгрессмены были искренни

в своем желании сделать мир безъядерным и завершить Холодную войну. Но некоторые их руководители — искренни в желании развалить Советский Союз.

* * *

Ельцину становилось все теснее с Горбачевым в Москве. Снять с поста он его не мог. Кто-то (скорее всего, Бурбулис) подсказал хороший вывод: нет СССР — нет президентской должности. Чтобы снять Горбачева, надо было ликвидировать Советский Союз. Разрушить эту уже обезволенную машину оказалось просто.

В Союзе писателей Казахстана в свое время была такая хозрасчетная организация — Бюро пропаганды литературы. Поэты выступали в коллективах, бюро снимало с коллективов деньги и платило поэтам. Мы добивались создания этого бюро несколько лет. Когда Совмин принял постановление об открытии Бюро — поэты от души отпраздновали это событие в «Каламгере», в писательском баре. Правление назначило директора. У того была симпатичная дочка. Она приглянулась тогдашнему председателю Союза писателей. Но не ответила взаимностью. И он решил уволить директора Бюро. Просто так уволить невозможно — и правление будет против, и профсоюз, и поэты не дадут кормильца в обиду. Тогда этот начальник подал в Правительство прошение о том, чтобы закрыть Бюро. Председатель совмина руками развел: «Столько лет сами добивались открытия, и вдруг — на тебе!». Бюро пропаганды мы тогда отстояли, а Советский Союз, который кому-то надо было развалить, чтобы лишить работы Горбачева — не удалось. Да и не пытался никто из власть имущих.

Годом раньше 70% населения страны проголосовало за сохранение Союза. Пьяные «демократы» в Беловежской пуще и не вспомнили об этих «процентах». По сути, они совершали антигосударственный переворот.

Через год, завершая свою речь в Конгрессе США, Ельцин под аплодисменты произнес молитвенное: «Господи, благослови Америку!...».

Позднее я спрашивал Горбачева: «Михаил Сергеевич, люди часто спрашивают — почему вы не арестовали неопутчивистов Беловежской пущи?

«Ну, какой бы я тогда был демократ?».

Вопросов больше не было.

Последняя дата этой истории — 21 декабря 1991 года. В тот день в Алма-Ате собрались президенты независимых республик. Каждый прилетел на своем персональном самолете. Мы с Назарбаевым встречали самолет, прибывший с Ельциным. Он сходил по трапу в таком веселом состоянии, что я подумал — вот сейчас пойдет не к встречающим, а, как во время первого своего американского визита, повернет к колесу лайнера и мощно на него помочится. Теми кадрами «открытия Америки» мир наслаждался не один год. Но в этот раз Борис Николаевич, ступив с трапа, дал себя усадить в лимузин. Приехали во Дворец президента (бывшее здание ЦК), поднялись на лифте в главный кабинет. До заседания саммита глав новых государств, где они должны были подписать документ о создании СНГ, оставалось несколько минут.

— Есть что-нибудь? — многозначительно спросил Ельцин.

— Здесь нет, Борис Николаевич, но после заседания найдем, — ответил Назарбаев.

— Сейчас надо.

— А что — коньяк, виски, водка?

— Все равно.

Бутылка, конечно, нашлась. Ельцина увезли в Дом Дружбы, где должно было проходить заседание. Потом туда же поехали и мы. Оглашение и утверждение Акта о создании СНГ заняло немного времени: все предварительные обсуждения сделали до прилета.

Потом был обед.

Ближе к вечеру — разъезд, вернее — разлет.

Нурсултан Назарбаев и я с ним провожали главного гостя. Наш аэродром был забит самолетами с разными флагами, нарисованными на бортах. Службы аэропорта умудрились подкатить лайнер Ельцина к главному выходу.

Россияне наконец прибыли. Во главе группы — Ельцин, на голову выше остальных. Не шатается и на вид вовсе не пьян.

Назарбаев сказал прощальные слова, поблагодарил коллегу. Им предстояло еще не раз встречаться, сотрудничать. Ельцин ответил и неожиданно, словно что-то вспомнив, поднял руку над головой и провозгласил:

— Олжас — гений всего человечества!

— Прогрессивного человечества, Борис Николаевич, — поправил я.

(Незадолго до этого я пару часов рассказывал депутату Станкевичу о своем открытии — происхождении лунопоклонничества. А он

входил в группу депутатов, поддерживавших Ельцина. Наверное, высказал свое мнение о моих внепарламентских работах Борису Николаевичу. И вот результат!).

...Тридцать лет независимости. События последних лет заставляют нас понять, что независимость — условное понятие. Робинзон на необитаемом острове не мог считать себя независимым. А народ в центре суперконтинента находится в состоянии взаимозависимости с другими. Это состояние надо осознать на государственном, общественном и личностном уровнях и заложить это понимание в основу национальной идеологии. Первыми осмыслили эту идею европейцы. К Франции, Англии или Германии уже неприменим термин «независимое государство». Попробуйте на язык выражения — «независимая Франция» или «независимая Италия». Они осознанно взаимозависимы, и это понимание обеспечивает их дальнейшее развитие. Европейский Союз неизбежно должен продлиться на Восток. Евразия от Атлантики до Тихого океана — замысел эволюции. Может быть, Советский Союз распался, потому что мешал осуществлению этого природного проекта?

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

(1 июня 1993 г.)

Сегодня День защиты детей. У меня был такой день, который запомнился на всю жизнь — 1 июня 1993 года. Движение «Невада-Семипалатинск» готовилось к этому дню. Частная авиационная компания, руководители которой были членами «Невады», выделила нам самолет. Мы загрузили в него 60 тонн детского питания, написали по всему борту слова «Дети не виноваты!» и утром 1 июня вылетели по запланированному маршруту.

Маршруту — воспаленному в ту пору: Таджикистан (20 тонн), Азербайджан (20 тонн), Армения (20 тонн). Миротворческий маршрут. Рассчитали — по 2 часа на каждый город с учетом разгрузки и доставки.

Мы предупредили все 3 точки по радио, чтобы нас не сбили и вылетели: Я, Рустем Турсунбаев, Майдан Абишев и Аман Мустафин. И пилот с помощником.

В Душанбе мы прилетели вовремя. А нас никто не встречает. На аэродроме российская воинская часть. Познакомились. Их лейтенант узнал меня (в те годы мы не сходили с экрана телевизора). Помогли разгрузить 20 тонн детского питания.

А с таджикской стороны — никого. Почему? В то время уже практически победил Рахмонов. Он был директором совхоза. Собрал отряды своих соплеменников и добился победы.

Тогда из Таджикистана было много беженцев. Все таджикские цыгане **liu-liu**. Я встречался и разговаривал с ними в Алма-Ате. Тогда как раз расшифровывал шумерский словарь. И **liu-liu** по-шумерски — народ. **Liu** — человек. Племена заимствовали это и начали использовать в Персии, Индии. В разных значениях («не наши», «чужестранцы» и т.д.). И вот эти бедные чужестранцы оказались у нас. В том числе, представители таджикской интеллигенции. Некоторые из них живут здесь до сих пор и практически сроднились с нами.

И, естественно, наши разговоры о происходящем в их краю доносились до Таджикистана. Рахмонов, видимо, знал мое тогдашнее отношение к нему. Поэтому нас и не встречали. Дал приказ не препятствовать, но и не помогать нашей миссии.

Я нашел грузовик, проехал по знакомому Душанбе. Увидел пустынный город, подъехал к зданию ЦК. Зашел внутрь с помощью депутатской корочки, служившей по привычке в таких местах пропуском еще несколько лет.

Поднялся на последний этаж, искал Рахмонова.

— Его нет, он на фронте, — ответили мне. Потом я мельком увидел его в коридоре — видимо, не хотел встречаться.

Поехал в Союз писателей. Там тоже никого, половина из них уже сидит в тюрьмах. В Академии наук та же картина.

«Кому оставить наш груз?»

В итоге я нашел несколько писателей, передал им груз, чтобы они распределили эту помощь самым пострадавшим и многодетным.

Мы выбились из графика. Вылетели в Азербайджан уже во второй половине дня и прилетели часов в 8. У Азербайджана, конечно, было другое отношение к нам. Хотя и там было очень беспокойно — шла война. Нас встретили мои друзья, разгрузили следующие 20 тонн.

Мы спешили в Армению — успеть доставить последние 20 тонн. Но азербайджанские товарищи были категорически против: «Ни в коем случае! Собыют!».

— Почему? Я же предупредил их.

— Нет, собыют! — сказал Пулат Бюльбюль-оглы, — Увидят самолет с нашей территории — будут стрелять.

Они убедили меня. Пока мы разгружали, наступила ночь. Тогда я сказал разгрузить и оставшееся. День защиты детей уже закончился. Задачу мы почти выполнили, хоть и не довели до конца. Было бы правильнее, если бы мы доставили помощь и в Армению, проявив свое отношение к этому конфликту. Сложный конфликт, его начала и последствия, по-настоящему не отражены в литературе.

Мы остались в Баку на ночь. А утром меня пригласил тогдашний президент Эльчибей. Его не было в аэропорту, он был главнокомандующим, каждая минута дорога. Они уже потеряли почти 20% территорий.

Знакомы мы были еще с января 1990 года, когда в Баку вошли советские танки. О тех событиях я уже рассказывал. Тогда Эльчибей одну из ночей укрывался в моем номере. И на встрече с Язовым, Примаковым я поручился за него. Его не тронули. Через год он стал президентом.

А в то утро истекали последние дни его президентства. Народ хотел Гейдара Алиева. На фронте не было побед.

Эльчибей выглядел вполне спокойным. Хотя взбунтовавшиеся части Сурета Гусейнова двигались к Баку, чтобы сместить его и предать суду.

Я спросил, сколько у нас минут для разговора. «Время есть», — ответил Абульфаз. Хотя я знал, что вокруг Баку уже рыли траншеи и начинали строить баррикады, готовясь к обороне от войск Гусейнова. А противник, воспользовавшись тем, что азербайджанские власти обороняются друг от друга, занимал район за районом и тоже мог подойти к столице. Поэтому я не стал отнимать у президента время, но успел высказаться о двух его главных ошибках как политика.

(Всего год назад, вступив в должность, он провозгласил как цель идею присоединения к Азербайджану районов Ирана, населенных десятками миллионов иранских азербайджанцев. Иран сразу стал врагом Баку, что сказалось на войне Азербайджана за Карабах.

Совершив официальный визит в Москву (12 сентября 1992 года) для подписания договора с Россией «О дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности», он демонстративно отказался говорить

по-русски, вел переговоры только через переводчика. И потом в речах не стеснялся выступать против всего русского. Я не удивился, когда узнал, что основной силой, бравшей города Нагорного Карабаха, были русскоговорящие профессиональные солдаты. Потом я встречался в Москве с российскими военными, на груди которых среди медалей видел и такую — «За Карабах».

Изначально противопоставив Азербайджан двум главным соседям — Ирану и России, президент Эльчибей подложил под независимость своего государства две бомбы).

Идя на встречу, я прочел в свежей бакинской газете сообщение, что вчера пятерых русских солдат, взятых в плен, военный трибунал приговорил к расстрелу. Казнь должна состояться в течение 48 часов после приговора.

«Вы взяли в плен пятерых и приговорили к расстрелу по условиям военного времени. Издайте указ о помиловании. И это сразу попадет в газеты. Сразу изменится отношение России и скажется на делах ваших...».

«Нет, взятые с оружием на поле боя не могут быть помилованы. Народ неправильно поймет, если я их прощу.»

Я продолжал настаивать. Он сказал: «Ладно, я еще подумаю».

Уже улетаю, я услышал по радио, что приговор приведен в исполнение. А через несколько дней Эльчибей перестал быть президентом. Вернулся Гейдар Алиев. И все начало развиваться по-другому.

Так прошел День защиты детей в 1993 году.

Глядя на ту надпись на самолете «Дети не виноваты!», я думал, что народы в какие-то моменты, увлекаясь, как дети, эмоциональными речами, избирают на площадях новых поводырей. Неопытных, непрофессиональных политиков, не знающих дороги в будущее. Они ведут свои народы к пропасти.

Был знаком со многими первыми президентами независимых государств. Я встречался с ними и на писательских конференциях, потому что они были писателями — и Тараки, и Аугустино Нетто...

Грамотные, речистые, они назначались вождями национально-освободительных движений и после обретения подаренной независимости становились руководителями своих стран. И случайно обретенная независимость обрушивалась на осколки распавшейся державы.

ПОЛИТИКА НЕЗАВИСИМОСТИ

в 1990-е годы

Когда и в Казахстане по примеру «более демократически продвинутых» республик стали возникать националистические партии, я создал партию интернационалистского толка — «Народный Конгресс Казахстана».

Три года партия была очень активна. Сотни митингов, регулярно выходили наши газеты на казахском и русском языках. Избавляли общество от опасных иллюзий, которые подвели интеллигенцию и молодежь в некоторых республиках. НКК уже в те годы оправдала свое назначение в достаточной мере — помогла сохранить межнациональное согласие в самое критическое время. Я и сейчас считаю — общественные организации в такой многонациональной стране все свои амбиции должны соизмерять с этой сверхзадачей — не нарушать межнациональное согласие.

Мы были не согласны с некоторыми «реформами». Я был против огульной приватизации, против разгона колхозов. Говорил, что наша страна уже пострадала от огульной коллективизации. Казахстан в 30-е всех опередил! И эта стахановщина стала причиной двухмиллионных человеческих потерь. Мы не должны были из одной крайности бросаться в другую.

Мы перешли в оппозицию, когда увидели, что некоторые действия Назарбаева не совпадают с желаемыми. Прежде всего, партия «Народный конгресс Казахстана» выдвигала статью в Конституции о том, что земля и ее недра принадлежат народу Казахстана. Но президент настаивал на другой формулировке — «принадлежат государству». Тогда я выступил в Верховном Совете и сказал, что наше государство — это несколько человек, которых мы выбираем на пять лет. И вы хотите отдать им все это богатство, которое наш народ собирал и защищал в течение тысячелетий? Да они за пять лет все распродают! Но депутаты были уже не те, что в 1989 году, они утвердили эту статью, и она вошла в Конституцию. Потом мы увидели, что все сказанное мной сбывается.

И партия на октябрьском пленуме 1994 г. объявила о своей конструктивной оппозиции режиму. Ситуация тогда в экономике была

— полный развал. В умонастроениях общества — разброд. Я объехал с выступлениями несколько областей. И понял, что, наращивая оппозиционную активность, мы можем дестабилизировать обстановку. Как это делается, я видел и в Таджикистане, и на Кавказе. Технология простая. Но восстановить будет трудно. А я против партийных побед любой ценой. Кроме того, на смену правительству Терещенко пришел кабинет Кажегельдина. Новый премьер оказался более ловким политиком. Именно он стал автором новых технологий, которые делали выборы бесперспективными для оппонентов.

1993-1995 годы были переломными в Казахстане. Приближался конец первой пятилетки Назарбаева. Он и подобранная им команда проявляли повышенную активность.

...Один из депутатов нашей фракции (объединившей «Народный Конгресс Казахстана» и коммунистов) от Семипалатинской области умер. Возникла необходимость избрать нового.

Таким депутатом захотел стать Серикболсын Абдильдин — экономист, бывший Председатель Верховного Совета РК. В 1994-м он ушел в оппозицию и его не пускали в Верховный Совет, опасаясь его яркой фигуры.

Он попросил меня поддержать его кандидатуру перед избирателями в Семипалатинской области. Я согласился. Взял билет, предупредил всех и вылетел.

А самолет перелетел через Семипалатинск и приземлился в Павлодаре. На счастье, там были наши невадовцы. Они нашли какую-то Волгу и повезли меня в Семипалатинск. Надо было спешить, потому что народ собрался, ожидая моего заявленного выступления.

Приехали к вечеру, нашли зал, где собрались избиратели. Я сразу вышел за трибуну и начал представлять Абдильдина.

И вдруг погас свет.

Это меня, конечно, не остановило. И я два часа говорил в полной темноте. Зал реагировал еще более активно. Драматически насыщенная сцена. Там мы говорили обо всем, о чем не всегда было удобно говорить при свете. Собрание сопровождали непрекращающиеся аплодисменты. Не знаю, помнит ли кто-нибудь из его участников ту ночь.

После собрания поехали ужинать. И когда доедали бешбармак, к нам прибежал человек — член избиркома. Он вернулся с заседания счетной комиссии, сформированной для подсчета голосов

завтрашних выборов. Он и передал мне информацию о том, что голоса уже распределены.

«А Абдильдину достанется 12,5% голосов».

— Как так? Неужели наша избирательная система дошла до такого? Не может быть, судя по настроениям в зале, Абдильдин получает все 100 процентов!

Наутро самолет увез меня обратно в Алма-Ату. Вернувшись в Верховный Совет, я узнал о результатах выборов. Предсказание избиркома сбылось: Абдильдин набрал 12 с половиной процентов. Мне оставалось только удивиться замечательной точности исполнения задуманного. И поразительной беспомощности избирателей, голосовавших за Серикболсына Абдильдина.

Руководителем Семипалатинской областной администрации в те годы был Галымжан Жакиянов. Впоследствии он попал в историю, с группой активных бизнесменов создав движение ДВК и даже «присел» на пару лет. Потом, как и полагается носителю демократии, улетел в Америку. Это он разработал и внедрил в производство один из новых «демократических методов» волеизъявления на выборах:

Избирательные участки располагаются в школах или просторных помещениях высших учебных заведений. До начала голосования в большом зале голосования устанавливаются урны. А в соседнем закрытом помещении находится тайная урна и человек с телефоном. Приходит избиратель, говорит свои данные, отмечается и голосует — бросает в урну бюллетень с галочкой напротив своего кандидата и уходит восвояси. Человеку в комнате поступает звонок, сообщаются данные избирателя и время голосования. И человек в комнате тоже бросает бюллетень в урну, но уже с правильной отметкой напротив нужного кандидата. Он знает — сколько процентов должен набрать тот и другой кандидат. И это продолжается весь день. Приходят, бросают — звонок — бюллетени с «правильным выбором» летят в урну.

В 20.00 голосование заканчивается. Всех выгоняют, чтобы не мешали подсчитывать голоса. Приносят и главную урну из соседней комнаты и записывают результаты, добытые из нее. И так — на каждом избирательном участке.

Механика была профессионально отработана. Этот метод, апробированный тем «демократом», успешно действовал на последующих выборах всех уровней в независимом Казахстане. (Интересно, а как сейчас?)

Выступления Народного Конгресса Казахстана в те годы вызвали приступ мобилизации власти. Очередной роспуск парламента. Последующий референдум. Принятие новой Конституции. В нашей стране конституции менялись чаще, чем президенты.

...Теперь о роспуске Верховного Совета Республики Казахстан и моей «почетной ссылке» в Италию. Несколько лет назад Горбачев приезжал в Казахстан и встречался с Назарбаевым. После этого разговора он дал интервью, в котором сказал, что пожалел, что не отправил Ельцина послом в какую-нибудь почетную ссылку. Вот о чем он говорил и какой вывод он сделал после разговора с Назарбаевым.

...А Верховный Совет распустили очень просто. В начале 1995 года я поехал в Джамбул. Мне поступила информация, что наш знаменитый химкомбинат, который в свое время строился усилиями всего Союза, остановил свою работу. Химкомбинат, который успешно обеспечивал и сельское хозяйство, и военную промышленность. Но, на свою беду, он оказался конкурентом американского химкомбината. И после распада СССР американцы просили закрыть этот комбинат, разумеется, вознаграждая тех, кто выполнит это задание.

Я съездил туда. Тягостное зрелище. Пустое здание, выбитые стекла, опустошенный город рядом. Я походил, поспрашивал у людей. После остановки комбината все потеряли работу и жизнь остановилась. Даже кошки и собаки были съедены. Я зашел к акиму области. Уважаемый человек, любитель китайской философии. До этого он при встречах неоднократно приставал ко мне со своим «открытием»: сам был из племени дулат и фонетически по имени вычислил «происхождение» своего любимого средневекового китайского философа или поэта. Он, по мнению акима, тоже был из племени дулат.

Спрашиваю: «Что случилось? Почему комбинат стоит?».

— Узбеки повысили цены на газ.

«Как повысили?»

— Уже три года по 250 долларов за тысячу кубометров газа.

Я говорю: «Как так? Узбеки продают газ в Киев (3 тысячи километров) за 70 долларов. А в Джамбульскую область за 250? Не понимаю».

Вернулся в Алма-Ату, сразу в Верховный Совет, вышел на трибуну, объяснил ситуацию и сказал: «Давайте выясним — кто из наших покупает этот газ из Узбекистана? Почему до Джамбула он доходит по такой цене?»

Это было накануне 8 марта. Депутаты, естественно, готовились поехать по своим округам, встретиться с избирательницами. Мы ушли на обед. После обеда пришел заместитель председателя Правительства. Вышел на трибуну и говорит: «Дорогие друзья, я пришел с доброй вестью! Больше скажу: с радостной! Цены на газ теперь будут 25 долларов за тонну. Мы договорились с узбеками. Поэтому успокойтесь, все будет хорошо».

А что хорошего? Комбинат уже остановился. Кто теперь соберет всех разъехавшихся — наш рабочий класс?

Я выступил: «Друзья, не надо нам сейчас никуда ехать на отдых. Надо выяснить, каким образом газ 3 года шел по той цене и во что это обошлось республике? Кто обогатился от этой катастрофы? Давайте разберемся! Создадим депутатскую комиссию.»

И депутатский корпус распустили. Вспомнили, что на выборах в 1994 году Татьяна Квятковская пожаловалась, что на каком-то участке не были учтены голоса ее избирателей.

Я тогда сказал: «Верховный Совет России распускали танками, а нам хватило одной Таньки».

Назревал настоящий бунт. Наше Движение и партия «Народный Конгресс Казахстана» ждали от меня указаний. А я понял, что ни одна революция не принесла пользу ни одному народу в XX веке. Все равно проиграет республика.

Назарбаев с Терещенко тоже искали выход. Пригласили меня в кабинет. Кто-то из советников подсказал Назарбаеву отправить меня послом в страну, где можно спокойно писать книги.

В итоге я выбрал Италию.

Некоторый опыт дипломатической деятельности у меня имелся. До распада Советского Союза даже был членом Коллегии МИД СССР, Зампредом Комитета по связям с писателями Азии и Африки, курировал в Верховном Совете ядерное разоружение. В Рим улетел в должности Чрезвычайного и Полномочного Посла в Италии, Греции и на Мальте. Там я смог действительно вплотную заняться историей языков и письменностей. Политику оставил в покое: казахи пережили первобытно-общинный строй и феодальный испытали слегка, а теперь обстоятельства настойчиво предлагали попробовать монархический.

Это история, а против нее не попрешь.

О КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИТАЛИИ

Прилетев в Италию в должности Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Казахстан, я углубился в процесс выборов в начале 1996 года. Прошелся по митингам на площадях Рима, изучил предвыборные программы и Романо Проди, и Сильвио Берлускони. Тогда со мной работал замечательный переводчик Жан Кенжегулов. Он знал итальянский язык с детства. При этом изысканный итальянский: его мать преподавала этот язык в Алма-Атинской консерватории будущим оперным певцам. Жан переводил тексты ораторов с каллиграфической точностью. А наши послания переводил итальянцам так, что им казалось, будто все казахи излагают свои мысли, как оперные арии.

Благодаря ему, я изучил политические программы кандидатов и ощутил некую близость программы Проди к программам нашего Народного Конгресса Казахстана. Если бы в недрах Италии были нефть, газ и собрание металлов, как у нас, то такие политики, как Проди, добились бы включения в Конституцию закона — «недра этой земли — неотъемлемая собственность итальянского народа». И каждый гражданин со дня рождения был бы спокоен за свое будущее. И общество не разделялось бы на бедных и богатых. Таких, как Берлускони.

О выводах сообщил в подробном письме кандидату. Мой политический опыт, накопившийся в сложных годах Казахстана 60-х, 70-х, сложнейших 80-х в Москве, в распадающемся Советском Союзе, сопряженный с участием в политической жизни стран Азии и Африки тех лет, позволял мне увидеть то, что могли и не заметить в своем настоящем и будущем европейские политики.

9 апреля 1996 года состоялись выборы главы правительства Италии. Победил профессор Романо Проди. 10 апреля в посольство Казахстана принесли письмо, подписанное новым премьер-министром Италии Романо Проди. Он высказал благодарность послу Казахстана за поддержку и выразил признательность моей стране. (Через некоторое время состоялся документ о вечной дружбе народов Италии и Казахстана). Я послал это письмо в наш МИД.

Во многом благодаря сложившимся доверительным отношениям посла с премьер-министром Проди, Италия стала одним из

крупнейших зарубежных партнеров Казахстана по товарообмену. Я познакомился и подружился с руководителем нефтеперерабатывающей компании «Agip», сицилийцем по фамилии Москато. Мне и раньше была интересна Сицилия, ее культура, впитавшая многие влияния. Москато был настоящим сицилийцем. Человеком, который дорожит своей честью и честью друга. Если обманывают друга, для сицилийца это личное оскорбление.

Однажды в тесном застолье (нас было трое — Москато и мы с Жаном), говоря о нашей нефтянке, глава «Agip» проговорился или сказал намеренно, что нас обманывают иностранные компании. Оказывается, наши чиновники, которым было доверено подписывать контракты, согласились с условием, предложенным иностранцами: Казахстан взимает налог только с прибыли. И такой типовой контракт был подписан со всеми, кто арендовал наши месторождения. И с американцами на Тенгизе, и с «British Petroleum», и с «Agip». Арендаторам очень легко доказать, что по итогам года прибыли не было. Якобы расходы на добычу значительно превысили полученную выручку. Это элементарно. И все это знают. В том числе и чиновники, подписывающие такие контракты. Они, конечно, обогащаются, а страна беднеет.

Я не знаю, сохранилось ли в архивах Правительства или МИДа мое письмо с изложением этой темы. Контракты были переписаны и в Республики уже в 1997 году появились деньги. Достаточные, чтобы начать строить новую столицу.

* * *

Министром иностранных дел тогда был Токаев. Первый же годовой отчет на его имя я начал с обращения «Уважаемый Касым-Жомарт Кемелевич!». В тот же день телеграмма зав. канцелярией МИДа — «Просим имя министра писать слитно». Но и следующий отчет я начал так же. Последовала такая же реакция канцелярии. Продолжалось это упражнение года три, пока однажды из канцелярии не поступило письмо во все посольства:

«Просим имя министра писать так: Касым-Жомарт Кемелевич».

Первые визиты глав Италии

Вскоре в Казахстан последовал официальный визит президента Италии Оскаро Луиджи Скальфаро:

...Из аэропорта мы въехали в притихшую Алма-Ату на одной длинной машине. Перед нами на откидном сиденье — переводчик, лицом к нам. Особо запомнилась мне и, думаю, гостю часть пути, ведущая к

правительственной резиденции, где должен был остановиться президент. Это был отрезок проспекта Ленина. С обеих сторон на дистанции в полтора метра друг от друга стояли неподвижные милиционеры, глядя не на дорогу, а на тротуары, которые были абсолютно пусты.

Я вспоминаю, как по этому проспекту (очень давно) медленно ехал большой открытый автомобиль, в котором нас, мальчишек, приветствовал поднятой рукой улыбающийся Джавахарлал Неру. И мы кричали вместе со всеми взрослыми: «Хинди — руси бхай-бхай!», как нас научила директор школы. Она объяснила, что это вовсе не ругательные слова, это «брат-брат» по-индийски. Мы спрашивали: «А почему они не говорят просто — братья?». Она ответила: «А потому, что мы еще не братья, мы пока бхай-бхай. И не приставайте больше».

(Потом, через много лет, я побывал в одной стране, недалеко от Индии. В их языке еще не появилось окончания множественного числа. Когда-то все раннее человечество говорило так, расходуя речевое время — «дурак-дурак» вместо «дураки». Очень неэкономно).

...Мы ехали сквозь строй странных милиционеров, которые, в общем, напоминали мне гренадеров во дворце Квиринале, отличаясь ростом и тем, что не смотрели на нас.

Скальфаро, видимо, тоже пытался понять тайну этих странных построений. Возможно, вспоминая при этом визиты в другие страны. Он, наконец, на секунды оторвав взгляд от поразившего его зрелища, спросил:

— Почему они отвернулись?

— Стесняются, наверное, — ответил я сам в недоумении.

Переводчик объяснил ему, что очень молодые люди у нас не смотрят в лицо старейшинам. Отворачиваются. Это национальная традиция. Отводят взгляд, чтобы любопытством случайно не оскорбить гостя.

Президент снова посмотрел в окно и так ехал до самой резиденции. Он понимал, что страна еще только набирается первого опыта приема высоких гостей. И, наверное, догадался, что милиционеры должны были стоять лицом к толпам, запрудившим тротуары. Но, конечно, не понял, почему нет этих толп. А я сообразил, что, скорее всего, городское начальство перестраховалось. Толпу на всякий случай убрали. А милицию оставили — вот и получилась такая дурацкая композиция.

Ничего другого от визита Скальфаро мне не запомнилось. Никаких документов, имеющих политическое или экономическое значение для наших стран, подписано не было, потому что глава Итальянского государства не имел по Конституции таких полномочий.

Другим запомнился официальный визит Романо Проди. Это был не протокольный, а деловой приезд, связанный с подписанием многих двусторонних договоров. Премьера сопровождали министры, представители крупных корпораций. Делегацию встречал Назарбаев — и не расставался с итальянцами до отбытия гостей.

Меня удивило, что казахстанский глава Кабинета министров до Проди почему-то не допускался. И когда Романо Проди, завершив визит, покидал Казахстан, премьер не участвовал в проводах.

Проди улетел. Назарбаев отбыл к себе на работу. Я остался в аэропорту дожидаться своего рейса — улетал на пару дней в Москву. И стал невольным свидетелем неожиданных последствий прошедшего визита.

Ждать нужного самолета оставалось два часа. Я вышел из депутатского зала побродить. И увидел: прибыл какой-то большой самолет с красными иероглифами на борту. Подкатили трап. Постелили красную дорожку. Какой-то явно высокий гость из Китая. Дверь самолета открыта, но никто не выходит. Пять минут, десять. Увидел кого-то знакомого. «Кто прибыл? Почему нет встречающих?». Оказалось, прилетел представитель правительства Китая, которого должен был встретить у трапа наш премьер. А его нет. Не могут найти.

Я вернулся в депутатский зал, по «вертушке» набрал приемную Кажегельдина.

— Соедините с председателем правительства.

— Его нет.

— В аэропорт уехал? — спросил я с надеждой. — Гостя встречать? Секретарь замялась.

— Нет...

И вдруг заплакала.

— Что случилось?

— Не знаю.

— Кто там есть рядом, позовите.

Через несколько минут трубку взял более осведомленный человек. Он сообщил, что премьер-министр недавно куда-то улетел на своем маленьком самолете. Никому не сказал — куда. Собрался, позвонил экипажу и уехал.

...Кажегельдина сильно уязвило то, что его, по сути, игнорировали, толком даже не представили премьер-министру Италии. Почему? Он держался, даже когда намеченная встреча премьер-министров прошла без него. Но когда и на проводы не пригласили, сам улетел.

И до сих пор не вернулся. А в 1999 году был объявлен в международный розыск.

Я вспоминаю других столь же стремительно взлетевших к власти лиц, которые воспользовались своим возвышением не во благо республики, а исключительно для собственного обогащения. Приспособились к скоростным лифтам, работающим на энергии семейных кланов, землячеств, приятельских или просто денежных отношений. Но в этой ситуации снова проявился характер Назарбаева — не допускать до политики сколько-нибудь выделяющихся личностей, на фоне которых его образ мог поблекнуть.

Слава Аллаху

Однажды в Италии мы встретились с Папой Римским — Иоанном Павлом IV. Я привез на встречу все посольство. Папа еще все понимал, поприветствовал всех, поговорил с нами. Мы надели на него роскошный казахский халат, несмотря на сопротивление кардиналов, говоривших, что поверх белой сутаны понтифика нельзя ничего надевать. Встреча прошла благожелательно.

В последние годы Папой начали управлять кардиналы. Говорят, что кто-то брал деньги за визит Папы в ту или иную страну. И везли его туда, куда было нужно. Привезли даже в Казахстан, хотя мы не католическая страна. Сам Папа не имел никакого отношения к этим кардинальским делам. Но знаю, что часто руководителем управляют заместители или помощники.

Я относился к нему с уважением. Папа есть Папа. Толпы получали вдохновение, кто-то — деньги. Понтифик уже явно старел и не понимал — что происходит.

Особенно мне запомнилось его возвращение из Сирии на Мальту. Мальтой тогда правили три одноклассника. Они закончили одну школу в один год и, не расставаясь, пошли дальше. Один из них стал президентом, второй — премьером, третий — председателем парламента. На второй год менялись местами. Премьер пересел в кресло президента, председатель парламента — в кресло премьера, бывший президент возглавил парламента. Я, приезжая туда как Посол, обходил всех троих и, здороваясь, старался не перепутать титулы. Казахский халат, расшитый золотом, полагался только президенту. Но в итоге, чтобы другим не было обидно, всем досталось по такому же. Можно сказать, я проявил к этому тонкому дипломатическому вопросу «халатное» отношение.

И вот, возвращаясь в Рим из Сирии, Иоанн Павел II решил сделать короткую остановку на Мальте. Меня об этом предупредили заранее, я прилетел из Рима, чтобы, как Посол Казахстана на Мальте, сопровождать Папу до Валетты — столицы этого государства — и присутствовать при встрече Иоанна Павла с местными католиками.

Возле аэропорта, отстоявшего от Валетты километров на тридцать, собралось десятка два машин. Они должны были последовать за белоснежным автомобилем, на верхней палубе которого в кресле разместили Папу. Двухэтажный автомобиль, рассчитанный на продвижение понтифика через миллионные толпы ликующих христиан.

Самолет из Сирии приземлился. Папу спустили на коляске по наклонному трапу и вкатили на верхнюю палубу «папамобиля». После чего он медленно двинулся с места, а следом пристроилась цепочка автомобилей. Мой автомобиль оказался четвертым в этой ползущей очереди, так что я мог наблюдать понтифика вблизи. Папу везли со скоростью не более двадцати километров в час, как было принято при перемещении по запруженным улицам. И этот отработанный темп применился и здесь, на абсолютно пустынной дороге, ведущей в Валетту.

Папа находился в состоянии полусна, но рефлексy работали безотказно. Как только процессия двинулась, он поднял руку и принялся помахивать — жестом, которым привык приветствовать толпы. В почти абсолютной тишине по безлюдной дороге плыл белый, двухэтажный «папамобиль», в кресле которого сидел сгорбленный человек в белом и медленно помахивал правой рукой. Эта сцена запомнилась мне навсегда.

Когда доехали до Валетты, выяснилось, что все трехсоттысячное население страны собралось, чтобы приветствовать Папу. Мы въехали на площадь — и весь этот хор вдруг возопил:

«Gloria Allah! Gloria Allah!».

Я удивился: главу католической церкви приветствуют словами «Слава Аллаху!». Выяснилось, что Мальта — единственная в мире христианская страна, в языке которой Allah — значит «Бог». И эти слова остались здесь со времен влияния в этом регионе Арабского халифата. «Gloria Allah» еще долго разносилось по площади, на которой христиане встречали своего понтифика.

Книга — священна

В конце XX века Италия впервые открыла для себя выставку древних рукописей из Казахстана, которую мы организовали. Эта новость озадачила итальянцев: «Разве Казахстан — страна древнейшей письменной культуры?». Конечно, такого не скажешь. В начале XX века

лишь 2 процента населения моей страны знали грамоту. Да и то, арабскую. Но именно на таком чистом фоне можно отчетливей увидеть масштабы феномена, который можно уверенно называть «чудом книги». Культура кочевника всегда воплощалась не столько в предмете, сколько в слове. И в XX веке эта любовь к устному слову выросла в необыкновенную любовь к книге. За несколько десятилетий книга в степи совершила культурную революцию. По-моему, ни в одной стране мира этот феномен так не проявил себя как в Казахстане. Речь даже не о 100 процентной грамотности: такое достижение было характерно для многих народов. Я как писатель использую для характеристики «чуда» близкие мне примеры. Литературные журналы на казахском языке добились самых высоких тиражей в мире. Толстый литературный журнал «Жулдыз» объемом более двухсот страниц убористого текста (ни одной завлекательной фотографии — только стихи, рассказы, романы, критические статьи) в 70-х и 80-х годах ежемесячно выходил тиражом 220 тысяч экземпляров. Расходился по подписчикам. И несколько десятков тысяч продавалось с лотков, в розницу.

Ни в США, ни в Японии, ни в Италии литературная периодика таких тиражей никогда не знала. У нас выходило несколько многотиражных журналов и газет. Национальные издательства ежегодно выбрасывали на рынок миллион томов, томиков и брошюр — кроме новых произведений, это были переводы мировой художественной, технической и учебной литературы. Тиражи поэтических сборников в Европе не превышают тысячу экземпляров. В Казахстане книги известных поэтов в те годы издавались стотысячными тиражами и не залеживались в магазинах. Может быть, мы еще не успели создать великую литературу, написать книги, которые будут жить века во всем человечестве, но великий читатель у нас тогда появился. И это я считаю нашим главным достижением в прошедшем столетии.

Не каждой казахстанской семье удавалось достичь символа материального благополучия, заработать так называемый «западный стандарт» (холодильник — стиральная машина — телевизор — автомобиль), но библиотека из нескольких десятков или сотен книг была в каждом сельском доме или городской квартире. У нас говорили: «Дом без книги — это не дом, а жилище».

Я бы хотел, чтобы «мировой стандарт благополучия» в наступившем XXI веке включал элемент «домашняя библиотека» как обязательный. С такой же категоричностью, как кухню.

Говорю об этом, потому что вижу, как современная цивилизация превращает читателя в зрителя и слушателя, каким он был в каменном веке, до изобретения письма. И если у нашего пращура в шкурах,

выписывавшего первые письменные знаки, была перспектива развития, то постграмотная цивилизация — это начало спуска, деградация культуры, постепенная или стремительная утрата видом Ното права на эпитет Sapiens. Потому что биологическая биография вида насчитывает миллионы лет, а культурная биография, то есть собственно история, началась всего 6 тысячелетий назад, когда появились первые шумерские глиняные книги. Они предопределили бурное развитие знаний, духовной и технической цивилизаций.

Машины облегчили наш физический труд и способы получения информации. Но мышцы без нагрузки не развиваются. Как и мозги. Я читал «Войну и мир» Толстого в детстве несколько недель. Мои внуки узнали о судьбе героев этого великого романа за полчаса, сидя у телевизора. И не досмотрели, переключили на «Том и Джерри».

* * *

В Италии я дописал и издал на русском языке книгу «Язык письма», где попытался обобщить опыт выяснения влияния первичного изобразительного знака на происхождение слов. Послал несколько экземпляров в Москву, в Гуманитарный Университет, где ректором работал Юрий Николаевич Афанасьев — близко знакомый, почти друг по Верховному Совету СССР, где он возглавлял группу, поддерживающую Ельцина. О чем потом сожалел. Он прочел книгу и прислал восторженный отклик, обещал заставить своих «кандидатов в ученые» (так он называл преподавательский состав, состоявший в основном из кандидатов филологических наук) пересмотреть свои методики.

Через некоторое время он прислал еще одно письмо, где поведал об ужасе, который в среде его профессоров вызвала моя книга. Он стал продолжением того отчаянного разноса, которому в 1976 году подверглась на заседании Академии общественных наук СССР книга «Аз и Я».

Раздражения творческой мысли, на что я рассчитывал, ни в одном случае не произошло. Ощущение такое, что дарвинист хотел рассказать рыбам еще до выхода на сушу о жизни будущих млекопитающих и пернатых. Но или рассказчик не сумел внятно растолковать преимущества нового этапа эволюции, либо слушатели не были органически готовы воспринять эту информацию.

Для большинства «наученных работников» то, что пропечатано в книгах Учителей, так же свято, как в свое время для множеств любяя строка из «Правды». Наука же — это бесконечный процесс узнавания, она и есть вечный двигатель, работающий на энергии инакомыслия.

Я не стал подводить Ю.Н. и прекратил намечавшуюся переписку с коллективом «кандидатов в ученые».

Как я бросил курить

Днем работал на страну, ночью — на человечество. Работая над этой книгой в основном по ночам, я привык выкуривать по две пачки за смену. И даже в светлое время суток через каждые пятнадцать минут вытаскивал сигарету.

И вот однажды получил из МИДа задание, которое необходимо было донести до Проди. Позвонили в приемную. Секретарша сообщила, что все время расписано:

— Есть только пятнадцать свободных минут.

— Вот это нам подходит! Мы успеем. А потом пойдем и закурим, — сказал я Жану.

Подъехали к палаццо Киджи. В назначенное время вошли в знакомый кабинет. Глава итальянского Кабмина радушно встретил нас, посадил за стол. Я передал бумагу и изложил суть вопроса. Премьер слушал очень внимательно, заинтересовался. Начал с кем-то созваниваться. А пятнадцать минут истекают. На четырнадцатой минуте Проди позвонил секретарше и попросил перенести следующую встречу на другое время. А меня уже сдавливает кашель. Но разговор продолжается. Как быть? Не вытащишь же сигарету с вопросом: «А где пепельница?». Это бы перечеркнуло всё. Тем более, Проди не курил.

В итоге мы провели там 45 минут. Не знаю, как я выдержал это. Довели разговор до конца. Попрощались. В приемной судорожно выхватил пачку, достал сигарету на глазах недоумевающей секретарши... Заснул обратно — не буду при ней. Вышли из здания. Вытащил сигарету, подумал.. и смял ее в кулаке. Не закурил и в машине. Мучался полгода, год, но с тех пор так и не закурил. Чувство долга сильнее зависимостей. Вот так я бросил курить навсегда.

Пять лет — демократический срок службы

Раз в год все послы приглашались во Дворец Президента, где отбывали свое почетное присутствие на каком-то ежегодном празднике. Действие происходило в большом зале. Нас распределяли по рядам, каждый из которых соответствовал количеству лет дипломатической службы. В первый год я сидел на пятом ряду. Во второй — уже на четвертом. И так далее. Последний год ты сидишь на первом ряду, а дальше — на выход. Чтобы на засиживался.

Там я стал замечать посла Афганистана, который все эти годы усаживался в кресло на первом ряду. Я слышал, что на этом «выходном» ряду он сидел уже несколько лет. Очень дружелюбный и, судя по виду, очень бедный. В ботинках, но без носок. Никто не знал — есть ли в

постоянно воюющем Афганистане министерство иностранных дел и присылают ли ему зарплату? Судя по его виду, нет. Мы старались почаще приглашать его на обеды и всячески помогали.

...И когда я дошел до первого ряда, сказал: с афганцем еще пять лет сидеть не буду, пора возвращаться в Казахстан.

Из Италии я уезжал с чувством выполненного долга, полный творческих надежд и планов. Хотя понимал: на Родине за эти годы всю работу механизмов укрепления личной власти. Законов тогда принимали столько, что до сих пор никак не могут многие разблокировать.

Но в Казахстан вернуться не удалось. Там все еще опасались моего присутствия. Впереди были 12 лет работы в Париже.

ОТ ЗНАКОВ — К ЗНАНИЯМ: СБЛИЖЕНИЕ КУЛЬТУР И ПРОЕКТЫ КАЗАХСТАНА В ЮНЕСКО

В 2001 году я перебрался из Рима в Париж. Получив должность Постоянного Представителя Казахстана при ЮНЕСКО, я мог остаться Чрезвычайным и Полномочным Послом в Италии еще пять лет, но посчитал это нарушением международного принятого срока полномочий и сразу принял новое назначение. На наше счастье, Генеральным директором ЮНЕСКО в те годы была Ирина Бокова — экс-министр иностранных дел Болгарии. Мы нашли общий язык и вместе нам удалось убедить Генеральную Конференцию ЮНЕСКО, а затем и Генеральную Ассамблею ООН утвердить ряд наших проектов. Так в 2010-м году был утвержден проект «О планетарном сознании», согласно которому, маршруты человечества в будущее рассматривались мной по восходящей лестнице, как и ступенчатый путь сложившихся этносов мира:

От веков **зависимости**

Через периоды **независимости**

К эпохе **осознанной взаимозависимости**

Мы убеждали, что, воспитав планетарное сознание в каждом обществе, мы не допустим в будущем всего того, что беспокоит, тревожит, угрожает нам сейчас в политике, экономике, в духовной и социальной сфере.

...2006-й был объявлен в мире Годом планетарного сознания, а 2010-й — Годом сближения культур. Когда появились первые результаты проекта, Генеральный директор пригласила нас для ознакомления с поступившими сообщениями из разных государств.

В те дни в Париже находился Председатель Национальной Комиссии РК по делам ЮНЕСКО Имангали Тасмагамбетов. Мы пошли к Боковой. Предложили продолжать начатый проект:

«Планетарное сознание воспитывается не один год, а годами! Десятилетиями сближения культур!».

Предложение было принято и утверждено на Генеральной Конференции ЮНЕСКО, а далее — Генеральной Ассамблеей ООН под сокращенным названием «Десятилетие сближения культур» с 2013 по 2023 годы.

Нам удалось организовать несколько международных конференций: «Выход из Африки» (Париж, 2008 г.), «Заселение Америк» (Нью-Йорк, 2011 г.), «Заселение Юго-Восточной Азии» (Сеул, 2013 г.), «Заселение Европы» (Гранада, 2014 г.), «Заселение «Древней Передней Азии» (Иерусалим, 2015 г.), «Заселение Малой Азии» (Париж, декабрь 2016 г.). И седьмая, пока последняя конференция «Великое переселение народов Евразии» состоялась в Москве, в Университете дружбы народов в 2019 г. (все предыдущие также проходили на базе ведущих вузов).

Мы полагали, что таким образом поможем человечеству узнать о себе очень многое, без которого мы не сможем по-настоящему исследовать истинную историю каждого народа, языка, культуры. Поэтому эти проекты были необходимы для мировой гуманитарной науки, которая нуждается в определенной критической редакции, в чем я неоднократно убеждался на прошедших конференциях.

Приведу один пример. На конференции в Нью-Йорке вопрос о том, как и откуда появились люди в Южной Америке, даже не обсуждался.

Докладчик аккуратно изложил общепринятую в науке тезу — па-леазиатские племена пересекли Берингов пролив и заселили Аляску. Откуда постепенно дошли до Южной Америки, заселив и ее.

После доклада я попросил слова — есть ли материальные доказательства такого переселения? Может быть, совпадают архитектурные или какие-то археологические материалы, роднящие «северных» индейцев с «южными»? Всем известно, что «индейцы» Северной Америки были кочевыми охотниками и рыбаками. Из архитектурных образцов — знаем только вигвам. Сравните с культурой «южных индейцев». У майя и инков — города с четырехступенчатыми храмами, с многотысячным населением, иероглифическое письмо и многое другое, чего не было у «северных».

Не могло все это культурное богатство возникнуть у «северных» после предполагаемого наукой переселения. Здесь больше угадывается родство «южных культур» с культурами Древней Передней Азии. Ступенчатые пирамиды были еще только в Египте и Шумере.

«Судя по этой разнице культур «индейцев», по нашему мнению, Южная Америка заселилась по другому маршруту».

— По какому? — спросил ведущий.

«От берегов Юго-Восточной Азии — через Тихий океан».

До сих пор помню его реакцию:

— Я бы согласился с Вами, если бы тогда по этому маршруту ходили по расписанию океанские пароходы.

Зал заулыбался, и профессор передал слово другому. Да, трудно поверить, что без кораблей могли оказаться на своем материке первые австралийцы, на своих островах японцы, англичане и другие островитяне. Но ведь как-то добирались! По одному, по десятку уцелевших мореходов выносили волны с разбитых суденышек. Так или иначе, они оказались там — инки, майя, ацтеки и другие племена — теки.

Прошедшие конференции привлекли внимание ученых и к другим «нестыковкам», требующим уточнения в общемировой истории и в национальных.

Когда-нибудь и маршрут первых коренных американцев «Юго-Восточная Азия — Южная Америка» будет научно утвержден. Я уверен в этом убежденно!

...Теперь о грустном — как закрывалось Постоянное Представительство Казахстана при ЮНЕСКО.

Летом 2013 года МИД РК предложил мне сообщить руководству ЮНЕСКО о том, что наша республика готова ежегодно выделять один

миллион спонсорских долларов на Премию мира ЮНЕСКО для крупных политиков Африки или Азии. Премию желательно назвать — «имени Назарбаева».

Я, естественно, сообщил об этой вести Ирине Боковой. Она посоветовалась с коллегами и дала ответ: «Спасибо, но не советуем». Оказывается, недавно подобная Премия мира имени какого-то африканского президента уже была объявлена и сразу в интернете появилась масса сообщений о том человеке — хозяине наградного миллиона. О том, что он убийца, расхититель государства, даже приводили факты людоедства.

— Посоветуйте отказаться.

Я понял, чем была вызвана эта попытка: восемь раз выдвигался Назарбаев на Нобелевскую премию мира за закрытие Семипалатинского полигона. Надежд не осталось. Решили пойти к всемирной славе другим путем. Я сообщил МИД РК о «не советуем».

Тем же летом Ирина Бокова полетела в Астану для торжественного открытия «Десятилетия сближения культур». Я сопровождал ее. Перед самой поездкой в Астану получил из нашего МИДа новое срочное поручение — дочери президента Дариге надо стать Почетным Послом ЮНЕСКО.

«Супруга президента Азербайджана получила статус Посла. А почему наша активистка не может?»

Успели обсудить в соответствующем отделе ЮНЕСКО и этот вопрос.

Мне объяснили, что такое звание дается или великим артистам или крутым спонсорам для поддержки детей в голодающих странах. Супруга руководителя Азербайджана много делает для детей не только своей страны, поэтому и удостоена. А вашей кандидатуре надо проявить себя в помощи детям в предложенных странах Азии и Африки, без этого никак нельзя. Отправив это сообщение, я присоединился к И.Боковой и мы полетели в Астану.

Астана принимала героев Лондонской Олимпиады. Наш боксер Серик Сапиев завоевал единственную золотую медаль для Казахстана. И Генеральный директор ЮНЕСКО, выступая на открытии Десятилетия сближения культур, объявила и о том, что золотой медалист Олимпиады Серик Сапиев удостоивается статуса Посла ЮНЕСКО и будет своим примером привлекать к спорту юных.

В тот же вечер наше Постоянное Представительство Казахстана в ЮНЕСКО было закрыто. Без объяснения причин.

Так в Казахстане начался общемировой проект «Десятилетие сближения культур».

В этом году Десятилетие вроде закончилось, но работа должна продолжаться в интеллектуальных центрах мира. Сближение культур включает в себя не только обмен концертами «песни и пляски» и демонстрации национальных фильмов, спектаклей, выставок, художественных экспозиций музеев. Но и, безусловно, должны пополняться объемы знаний, воспитывающих Человека Разумного, как нам завещала Эволюция.

Прежде всего, через школьные, вузовские учебники, через научные труды и конференции.

Наш Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО — единственный в мире, работающий по своей особой программе сближения. Деятельность Центра основана на культуре знания. Знания народов об истоках и истории своего развития в диалоге, сотрудничестве и в борьбе. О том, как народы возникали и создавали первые системы графических знаков и слов. О причинах расхождений и конфликтов народов с древности до современности.

Об этом, к сожалению, в учебниках не говорится, не объясняется — почему, например, три близкородственных религии: иудаизм — христианство — ислам были так друг против друга настроены изначально. И Центр попытался вскрыть одну из вероятных причин — разногласие священных знаков солнца в шумерское время (IV-III тысячелетие до н.э.) на берегах Тигра и Евфрата (ныне территория Ирака).

Три знака Солнца конкурировали на этой территории, бывшей тогда центром мира: ➤ ☼ ☽ . И шумерский знак Венеры — ✳.

В III тысячелетии до н.э. в Древнюю Переднюю Азию вторглись древние семиты и начался великий исход. Разошлось много-этническое население Двуречья: китайцы, майя, корейцы, японцы и основная часть тюрков-солнцепоклонников ушли на восток, на поиски родины Солнца, дошли до Тихого океана, а некоторые и дальше. Другие — германцы, славяне, латины, турки-кипчаки, булгары ушли на северо-запад — туда, где восходит Венера.

Пришлые древние семиты, осваивая шумерское культурное богатство, истолковывали оставленные ушедшими священные знаки. Результаты толкований привели к первым конфликтам между

покоренными сторонниками Креста и Полумесяца. Кресты (и прямой, и косой) были признаны разными семитами как символ бога.

Особое внимание привлек шумерский иероглиф — **ud** — «солнце». Семитских знакотворцев не интересовало содержание чужого знака. Только прочтение **ud** — было им интересно. Они знали, что по-шумерски число «десять» — это — **u**, а двойка — **d**. Знали, что черта (вертикальная или косая) называлась когда-то по-шумерски — **j**. И поэты увидели в сложном знаке образные картины:

Прежде всего — «луна» и — «звезда». Вместе — («вечер»). Потом — пещера, в которой оказался бог. А другим жрецам — — «открытый рот» и — «зубы» («трапеза»).

Все значения за века домысливания сложились в «вечернюю трапезу».

И какому-то знакотворцу понадобилось добавить лишнюю черту **j** — . Так вечерняя трапеза стала «тайной вечерей», а «пещера» оказалась закрытой. Нарастала драматургия сложного знака.

Добавление черты **j**, «запирающей пещеру», дополнило название знака: **jud**. Возникло таинственное слово, никем не разгаданное.

И этот графический сюжет дошел до следующего тысячелетия со всеми вытекающими из получившегося иероглифа последствиями.

До появления черты общее число в знаке было — 12:

 u — «10» + **d** — «2» = 12.

Это число в священном писании неоднократно повторялось, в разных текстах нагружаясь значимостью.

Добавившаяся черта подарила имя иудейской религии и придала тексту образное содержание. О вечерней трапезе в пещере. За столом 12 персон с Христом. А Тринадцатый соответственно — Иуда. (И число 13 стало несчастливым).

Уже несколько тысячелетий люди верят в эти притчи, порожденные толкованиями шумерских знаков. Спустя века судьба иудеев прочертилась по миру «великими трагическими переселениями», оставив иудеев за «чертой оседлости» многих христианских и мусульманских государств Европы, где они, будучи лишены права владеть землей и заниматься активным земледелием, занимались только мелочной торговлей и обменом денег на базарах. От итал. *banco* «лавка, стол для раскладывания монет» и происходит слово **банк**, ставший для иудеев одним из основных средств выживания. Что добавило к их образу черные краски.

Из юношеской поэмы «От января до апреля»:

*...Вчера Ватикан (о, великое время!),
реа-би-ли-тировал
еврея.*

Оказывается —

*«Не евреи распяли —
Христа!»*

*Радуйтесь, радуйтесь,
иудеи,
всё доказано, радуйтесь,
это зря*

*древнеримляне мучали
вас идеей
и громили тамбовские
цезаря!*

*Зря в кострах вас палили
испанцы и немцы,
зря построили, зря
Бухенвальд и Освенцим,
вас безродными
называли
зря:*

*ваши грады и сёла —
концлагеря.*

*Я был в синагоге у Иоффе,
на стенах — фрески
еврейской истории,
и не было там Христа на Голгофе!
Смеялся Иоффе:*

«Здорово?»

*«Евреи злые, они-то знали,
что не евреи Христа*

*распяли,
скрывали, хитрые,
всё понимали,
и в оправдание*

*давали
взамен Христа — других богов,
а им за тех богов —
Голгофу!»*

*Евреи сбрили длинные пейсы.
Бороды сняли, как черное знамя.*

*Псалмы забыли,
еврейские песни.*

Зря!

Все равно еврея узнали....

Вершится (и зря) по белому свету

*две тысячи лет
«Операция йот!»
Это самый еврейский
смешной анекдот.
Значит, зря на еврея
напраслина эта!*

Это и другие незаживающие веками разногласия религий, доводящие этносы до кровавых противостояний, может излечить только уверенное знание, основанное на истине, доказанной всем научным миром. Распространенное школами и вузами в течение нескольких поколений по всей земле. Такими знаниями формируется планетарное сознание народов и всего человечества.

В планах Центра — подготовить международную конференцию, посвященную, например, «операции **ud**». ЮНЕСКО могла бы и раньше провести такую конференцию в тех странах, где этот вопрос порождает трагические ответы — в Испании, Польше, Германии, но интересней и результативней будет начать такой разговор именно в такой интернациональной и религиозно толерантной стране как наша — в Казахстане.

За прошедшие несколько лет Центром было организовано много международных конференций и форумов на темы: **«Золотая Орда как исторический формат взаимодействия культур»**; **«Просвещенный ислам и Ренессанс: от Фараба, Багдада и Кордовы через европейские монастыри — к культуре знаний»**; **«Человек, поклонись Земле: одухотворенная экология как основа сохранения планеты»**; **«Качество образования и сближение культур»**; **«Археология слова: языки, письменные памятники и история»**; **«Культура и религия на Великом Шелковом пути»**; **«Великий Шелковый путь: сближение культур от Средневековья до наших дней»**; **«От богатства разнообразия к посланию мира: поэтика знания и толерантности в религиях мира»**; **«Формирование общего этоса: к эпохе осознанной взаимозависимости»**, **«Научное знание и проблемы исторической памяти»**, **«Вызовы планетарного сознания: культура и осознанная взаимозависимость»**. Издали около двух десятков научных журналов, монографий, сборников и мн.др.

В 2019 году у нас родилась идея создания серии «Библиотека Центра сближения культур» и журнала культурологических и социальных **«Бильгамеш»**, на страницах которого уже пятый год казахстанские и зарубежные ученые публикуют свои статьи, эссе и научно-популярные работы, затрагивающие вопросы взаимодействия и сближения культур. Название журнала, выбранное по имени героя шумерского эпоса — неслучайно. Оно несет в себе историю диалога культур — тюркской и шумерской. В этом легендарном имени как в янтаре застыл сюжет языковых контактов древнего человечества. Во всем мире знают имя шумерского героя — «Гильгамеш» — «Знающий». Но только ученые-шумерологи помнят, что в оригинале более раннее имя его звучало как «Бильгамеш». И происходит оно от древнетюркского «Bil'ga» («bil'» — знай, «bil'gen» — знающий). Этого титула был удостоен правитель Тюркского каганата — Бильге-каган. Тот же корень лежит в основе древнесемитского «ilim», вместе с исламской религией вернувшегося в тюркские языки с исходным значением («gylum» — наука, «mugalim» — учитель). Так Слово кочует навстречу себе, узнаваясь в другом. Слово — архив памяти, который не горит даже в огне эпох.

Цель, которой мы руководствовались, создавая журнал — постараться заполнить паузы, вот уже много лет звучащие в нашей литературе, науке и общественно-значимой публицистике. Ситуация эта не уникальна, на всем постсоветском пространстве книга, как культурный феномен, переживает не лучшие времена. Мы все больше убеждаемся, что свобода слова, лишённая мысли, превращается в пустословие. Для Казахстана эта проблема актуальна еще и потому, что литература наша очень молода. В XX-м веке мы «экстерном» прошли путь от слушателей и зрителей — к читателям. А сейчас книжная культура у нас все больше обретает степной рельеф.

К сожалению, за последние тридцать лет вслед за уходом литературы исчезли как жанр критика и перевод. Приведу пример. Недавно мне принесли перевод романа Льва Толстого «Воскресенье». Человек старался, три года работал. Я сделал только одно замечание. Объяснил, что по Толстому — «Воскресенье» — это не «Выходной день» (жексенбі), а воскрешенье, возрождение, чего и литературе казахской желаю испытать — ожить, воскреснуть после вынужденного жексенбі.

Став полноправным членом мирового сообщества, оказавшись в потоке всемирной истории, вкусив плоды глобализации, по закону маятника, мы рискуем впасть в иную крайность — замкнуться в собственной культурной матрице, держась за ее спасительную скорлупу. На наш взгляд, гармоничное «и-и» вместо тезы «или-или» способно

разрешить трудности этого переходного периода. Укрепление общих ценностей при сохранении культурного многообразия. И национальное, и планетарное. Планетарное сознание не противоположно национальному, оно — высшая форма его развития. Это общечеловеческое сознание. Оно включает в себя духовные ценности всех культур. В каждой стране уже есть люди — носители планетарного сознания, и надежда мира на то, что такие личности все чаще будут избираться во главу своих государств, лидерами наций. Таким легче понять общие проблемы и легче договориться о совместных решениях. В живом теле — десятки органов. Жизнь тела — результат их взаимодействия. Представьте, что каждая почка потребовала бы независимости, а за ней и печень, и сердце. Подобная ситуация возникает в теле, если мозг слабый или его нет вовсе. Взаимозависимость и сближение культур — определяющие тенденции глобального развития нашего века. «Tutto il mondo è un paese», «Весь мир — одна страна» — гласит итальянская поговорка.

Пора миру поверить поэтам: Восток и Запад — это два полушария мозга, и они взаимозависимы. Эта модель сознания — самая точная форма взаимозависимости.

Очевидно, что для развития человека необходимы знания. Общества, которые не развивают и не пропагандируют знания, не вкладывают их в воспитательный процесс, не осуществляют инноваций обречены на деградацию. Вперед вырываются те общества, которые делают ставку на образование и науку. После 1991 года на постсоветском пространстве постарались заимствовать от США всё, в том числе и систему образования, не разобравшись, что там сложились две системы. Одна, гарвардская, для интеллектуально продвинутой части общества. Вторая, которую условно можно назвать гарлемской, для менее продвинутой. И именно ее заимствовали и внедрили в наших вузах и школах. Такая система воспитывает не думающего человека, а угадывающего, как в казино, правильный ответ из тех, что предложены.

26 ноября 2020 Центром была создана Евразийская сеть университетов в поддержку культуры знаний «аль-Фараби-Абай», в которую вошли 17 казахстанских и зарубежных высших учебных заведений.

4 октября 2022 года в Штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже прошла презентация нашего Центра сближения культур. В презентации приняли участие представители Секретариата ЮНЕСКО, министерства культуры РК, Посольства РК во Франции, сотрудники нашего Центра, представители академических кругов, общественные деятели, представители правительственных и неправительственных организаций Франции и других стран Евросоюза.

Новое руководство ЮНЕСКО в своих выступлениях оценило усилия Казахстана по распространению идей и гуманистических ценностей, а деятельность Центра — как один из важных элементов сотрудничества Казахстана с ЮНЕСКО, который необходимо продолжать развивать и после завершения Десятилетия сближения культур.

Идея сближения культур, которую мы выдвинули и стараемся воплотить, возникла не сегодня — тысячи лет назад. Узнать ее истоки, понять, почему культуры расходились и снова сближались, помогут гуманитарные знания, которые объяснят происхождения письменностей, языков, начиная с самых древних. И мир наш должен понять, что сближение культур — это произведение их взаимозависимости. Память человека, как и общественная память — изменчива, порой избирательна. Будущее глядит в прошлое, как в зеркало. Современность ищет в памяти свои причины, свое право на существование. Одна из проблем нашей исторической памяти — ее аксиологическая дискретность, порой напоминающая идеологическую дискредитацию. Отрицая прошлое, мы утрачиваем нечто важное, необходимое для настоящего и будущего. И получается, что каждый новый политический климат разрушал предшествующий рельеф, даже горы, чтобы начинать с нуля. Поэтому «настоящая история» у нас начиналась снова и снова, с новых дат.

Предлагаем отыскать в человеческой истории Код мира — все то, что веками сближало культуры, пробуждало мысль, помогало осознать «себя» — «нами», чтобы белые пятна прошлого наполнились красками нашей общей истории — истории сближения культур.

Мы убеждены: это поможет народам избежать еще множество войн, сделав шаг навстречу себе, узнаваясь в другом на маршрутах человечества в будущее. К эпохе осознанной взаимозависимости.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

СЛОВО О ШАКЕНЕ

На съемочной площадке все его называли «Шакен Кенжетаевич», вне работы многие, даже моложе его — просто Шакен. Но на «ты» к нему обращаться имели право только друзья, близкие по возрасту: Мажит Бегалин, Султан Ходжилов или такие признанные аксакалы как Габит Мусрепов.

В 1960-е годы кино привлекло к работе многих писателей. Некоторых авторов находил сам Шакен. В 1963-м он пригласил и меня. Прочел мое стихотворение «Земля отцов», предложил написать по нему сценарий. Дело для меня новое, но я согласился попробовать.

Как оказалось, стихи писать легче. Год работы, десятки вариантов, множество обсуждений на «Казахфильме», в Госкино.. С какими-то замечаниями оппонентов соглашался Шакен. Но не соглашался я. И наоборот. Много интересных, на мой взгляд, диалогов и сцен было вычеркнуто цензурой. Например, мы с Шакином хотели впервые в советском кино показать сцены депортации северо-кавказских народов в Казахстан зимой 1944 года. Отстаивали сколько было сил — Москва не пропустила. Остались обрывки этой сюжетной линии. И остались во многом благодаря авторитету Шакину.

Эта первая практическая работа помогла мне пройти ускоренную школу сценариста. Я не только освоил технику написания киносценария, но и узнал тонкости политехнической, подготовки кинопродукта.

Мне нравилась сама атмосфера в тогдашнем кино. Она была чище и по-мужски благороднее, чем в Союзе писателей. После жаростных обсуждений на Худсовете мы не становились врагами на всю жизнь. Расставались, да. Но до следующей дискуссии. Те писатели, которые прошли через кино, по-настоящему поработали над сценариями, отличались от других коллег даже мировоззренчески. Объясняю это и спецификой кинопроизводства. Фильм — результат трудной трудовой деятельности большого коллектива. Общее дело вырабатывает чувство коллективизма, не позволяющее в нездоровой форме проявиться личным амбициям. А если чье-то самолюбие и вспыхивает, то ему не дают разгореться до пожара.

Мое творческое становление проходило в коллективе, душой которого были Шакен, Мажит и Султан. Такую же школу кино прошли Бауржан Момышулы, Ильяс Есенберлин, Аким Тарази, Калихан Исаков и, раньше нас, Габит Мусрепов.

Придя на работу в Союз писателей, я, например, узнал, что казахи делятся на множество племен, впервые вдохнул затхлый запах мелкой жузовщины, чем в киномире даже не пахло. Союз писателей был самой многочисленной из творческих организаций республики. Самой авторитетной. И, пожалуй, самой реакционной.

Работая в Союзе писателей и рядовым секретарем и первым, я пытался привнести в этот цех свободный дух киношников. Меня постоянно тянуло в кино, как в свою молодость. И я возвращался. Избирался руководителем Союза кинематографистов, работал председателем Госкино. Рад вспомнить, что при моей авторском, редакторском и администраторском участии были сняты лучшие фильмы студии: «Земля отцов», «Кыз Жибек», «За нами Москва», «Серый Люты́й», «Выстрел на перевале», «Тревожное утро». И потом, уже после ухода Шакена, Мажита, Султана и других режиссеров шакеновской волны в 1980-е годы Союз кинематографистов и Госкино организовали казахский курс режиссеров во ВГИКЕ под руководством Сергея Соловьева. Это помогло рождению новой волны казахского кинематографа. Но и она не была бы возможна без шакеновской.

После развала 90-х годов начинает подниматься из положения «лежа» российское кино. Мосфильм превратился в кинофабрику, обслуживающую десятки киностудий, продюсерских центров. Прокат фильмов пока опирается на телеэкран. Но государство поддерживает и кинофабрику, и студии. Надеюсь, что и казахстанское кинопроизводство пойдет по этому пути. И появится ряд студий, которые возьмут на себя реализацию творческого процесса, объединив таланты. Шакен Кенжетоевич одобрил бы такую реформу.

Он ушел на взлете своей творческой карьеры. «Конец атамана» оказалось пророческим названием шакеновского фильма. Последней картиной атамана казахстанского кино.

О 60-ЛЕТИИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Как мы отметили его пятидесятилетие в Алма-Ате, я уже рассказал. Через десять лет, 10 сентября 1983 г. находясь в Москве, получаю звонок из Алма-Аты — 13-го наконец назначено заседание секретариата ЦК, решается важный вопрос по делам Союза писателей Казахстана. А я — первый секретарь Союза. Мне обязательно надо быть.

Билет на самолет уже не успею достать. А на руках — билет в Махачкалу, на юбилей Расула. Звоню в обком Западно-Казахстанской области, прошу забронировать для меня место в самолете, вылетающем из Шевченко в Алма-Ату 12 сентября. Сообщаю, что прибуду в Шевченко ночью 11-го. Уверен, что в Махачкале оказия найдется.

И полетел на юбилей.

Юбилейный вечер проводился в самом крупном зале города — обкома партии. На вечер приехали все друзья Расула из братских республик, из Москвы — все в орденах, лауреатских значках, давно знакомые всем аксакалы. Я, как самый младший из них, обнялся с каждым, начиная с Расула.

Всех почетных гостей усадили за длинный председательский стол на сцене, потеснив партийную знать республики. После доклада выступали гости, подносили юбиляру почетные папки с текстами руководителей своих республик. И личные подарки.

Очередь дошла и до меня, я передал ему и красивую папку, и надел на плечи роскошный халат, выпрошенный по моему заданию из костюмерной Оперного театра.

Перед концертом стол на сцене освободили, мы спустились в зал и заняли первый ряд вместе с юбиляром. Кто успел — устроился рядом с Расулом. Я успел: мне надо было отпроситься в аэропорт, объяснив причину.

Начался концерт. Торжественную песню-оду нам удалось и услышать, и разглядеть певца, стоявшего у микрофона на авансцене перед столом. Я спросил у Расула — почему стол и трибуну не убрали перед концертом?

— Не положено — сказал Расул, — они привинчены к полу. Здесь проходят заседания Правительства Дагестана, пленумы обкома, а концерты — редко. В столице Дагестана не оказалось театра с большим залом и сценой без привинченных столов.

Когда начались неизбежные кавказские пляски, мы, занимающие первый ряд, слышали только знакомые ритмы лезгинки, видели мелькавшие над столом папахи и лихо взлетающие в лезгинке руки танцоров. Я понял — самое время объяснить, что мне нужно добратся до аэропорта и попытаться забраться в какой-нибудь самолет, летящий в сторону Каспия, в Шевченко.

«Судьба нашего Союза завтра решается!»

— А мы завтра в Гуниб — сказал Расул, — мой родной аул. Там будет настоящее продолжение. Ты в гостях у меня еще не был.

— Мне надо быть на Бюро ЦК, отстоять Союз!

Хотя все было далеко не так страшно для Союза писателей Республики. Но напугать юбиляра надо было, иначе не отпустит.

Подействовало. Расул жестом подозвал плотного, уверенного в своих достоинствах человека, и пока гремела лезгинка и мелькали над столом папахи, юбиляр представил его:

— Читает твои стихи. Кумык. Начальник всех дорог республики.

— Мне нужно в аэропорт.

— А аэропорт разве не дорога? Он и там начальник.

Лезгинка еще гремела, когда я тихо выбрался из зала, а читающий кумык сел за руль своего вездехода. Я пристроился во втором ряду, чтобы избежать разговоров. Подремя, подумаю. Уже ночь. Город не разглядеть. Хотя улицы ярко, празднично освещены. Я не отвлекал кумыка вопросами, наблюдал в окно горы, лесочки, сквозь которые проезжали. Речка бурливая промелькнула. Родина Магомеда Алиева, моего аварца.

...Мы учились в Литинституте, Магомед курсом позже. Да и ростом он был пониже, и возрастом лет на пять младше. Потому что поступил я в Литературный уже почти закончив геолого-географический факультет КазГУ.

Магомед, родившийся и выросший в ауле Гуниб, где завтра будет продолжение праздника, уважал старших даже на пару лет. Хотя называл их на «ты». Выполнял их поручения и старался сделать все, чтобы старший был сыт и доволен жизнью. Мне удалось испытать как Магомед выполнял традиции, воспитанные в Гунибе и около.

Наше общежитие (семиэтажное) стояло в Бутырском хуторе — на окраине Москвы. Рядом еще несколько общежитий — Мединститута и еще какого-то вуза. Будущие писатели дружили с будущими врачами, которые каждую неделю, а то и раз в несколько дней, устраивали

танцы со своим оркестром из двух-трех исполнителей. Медики — в основном, девушки, поэтому танцы привлекали и нас, и всю бутырскую молодежь. Мы с Магомедом редко участвовали в этих «плясках». Просто не умели кружиться и ногами выстукивать такие па, на которые были горазды медики и местные «хулиганы». Однажды на танцах чуть не случился настоящий конфликт.

В общагу прибежал кто-то с танцев с криком «Колю Анциферова побили! Грузины побили!...».

Мы следили за порядком в нашем общежитии, за что нас уважала комендант Нина Андреевна. Всегда строгая, но ко мне уважительно расположенная за то, что разнял пару начинающих драк в нашей общаге. Поэтому мы рванули к соседям.

К нам, услышав о происшествии, по ходу присоединились «казахи» — Булат Джансугуров (Габитов, по матери) и Мереке Майлин. Сыновья расстрелянных в 37-м наших первых классиков. Мой отец Омар Сулейменов не был писателем, но тоже был ликвидирован через 4 дня после моего рождения. Такое общее начало очень сплавляло казахскую группу.

Мы ворвались в общежитие медиков, в большой зал, где проводились танцы. Мереке Майлин сразу бросился искать «грузчиков», как он называл грузинов, и нашел целую группу, успел с кем-то из них сцепиться. Булат рядом с ним готов к бою.

И мы с Магомедом успели приблизиться.

Танцы продолжались, а мы выясняли отношения пока на словах.

(Колю Анциферова, небольшого паренька из Донбаса мы все любили. Шахтер, прямо с шахты приехал поступать. До сих пор помню его строчки:

«Мы работаем как вельможи:
Мы работаем только лежа...»

В тех забоях Донбасса уже действительно приходилось рубить уголь лежа: пласты угля истончились.)

— Он ножик вынул против нас, — объяснил свое поведение их ведущий, — представь, коротенький, ржавый ножик.

И вынул из кармана брюк сверкнувший при свете электрической люстры не кинжал, но боевой нож явно кавказской работы:

— Если бы такой — другое дело! Мы бы его уважали.

— Или такой — ответил я, извлекая из своих брюк похожее изделие аварских мастеров. Магомед как-то подарил «на всякий случай».

И такой случай настал.

Зал притих, музыка умолкла: шла демонстрация боевого оружия.

Виновники сразу извинились. Просили передать Коле Анциферову пожелания здоровья и просьбу больше не размахивать ножиком. А если нанесен какой-то вред его здоровью, готовы лично подлечить синяк. Обязуются поэтов уважать и не придирааться к ним из-за пустяков.

Потом все же случился ряд столкновений с бутырскими и со своими, но не студентами, а вполне печатающимися молодыми. Комсомольское собрание в декабре 1960 года. Исключение из Института с третьего курса. Магомед в знак протеста сам прервал учебу, ушел со мной. И мы почти два месяца без общежития мотались по холодной Москве, ночевали у друзей, даже на квартире бывшего мэра Москвы, переведенного Послом, кажется, в Америку. Его сыновья — Миша и Володя, были нашими друзьями, и мы вместе проводили негрустные обеды и вечера в любимом кафе «Националь» на углу Тверской. А как доставать деньги для этого — часто приходило в голову сметливому Магомеду.

Нас пускал ночевать в свою спальню и сын министра угольной промышленности — тоже Володя. Его квартира была в знаменитом доме на Тверской, недалеко от Главпочты, где я получал письма и переводы от родных — «до востребования». Я готовился к возвращению домой и подбирал достойный чемодан. Небольшой, но желательно заграничный, «дипломатический». И однажды в магазине на той же Тверской попался на глаза такой чудесный чемодан. С таким можно возвращаться в Алма-Ату. Сразу видно, что прибыл не какой-то нищий изгнанник, а достойный человек, готовый к труду и обороне. Это приобретение я отнес Володе-министру (так мы его звали) и попросил поддержать до моего отъезда.

В том декабре все были в поисках денег. И Володя-министр тоже. Он каким-то образом продал мой чемодан и вырученные рубли просидел в том же «Национале».

И когда я, почувствовав некоторое беспокойство за судьбу своего приобретения, на очередной ночевке попросил показать чемодан, чтобы его еще раз внимательно рассмотреть, полюбоваться и оценить вместимость, Володя признался в содеянном.

Я купил чемодан за 20 рублей. Двадцать драгоценных студенческих рублей.

«Доставай. Не знаю как, но доставай!»

Володя-министр, конечно, давно знал, что отдавать эти деньги придется. Обдумал, похоже, все варианты. И, наконец, принял решение пройтись по соседям. Мы поднялись на один этаж. Он позвонил. Дверь открыл старичок с очень знакомым лицом, когда-то бывшем на портретах. Володя поздоровался, назвав Кагановича по имени-отчеству. И объяснил причину нашего визита. Просьба 20 рублей взаймы. Срочно надо отправлять друга в Алма-Ату.

Пенсионер молча удалился и через некоторое время вернулся с искомой суммой в четыре пятерки. Такой была неожиданная встреча со знаменитым сотрудником Сталина. Встреча закончилась радостью — возвращением утерянной двадцатки.

В те дни в журнале «Огонек» была напечатана поэма Расула Гамзатова «В горах мое сердце!». Прекрасная поэма, одна из лучших в его творчестве. В замечательном переводе.

Магомед узнал, что Расулу принесли гонорар прямо в номер, чтобы не заставлять Лауреата Ленинской премии ехать в бухгалтерию журнала и стоять у кассы.

«А закон гор требует богатому делиться с бедным, которому на еду не хватает. Мы сейчас бедные, а Расул — богатый. Он поможет!».

Был составлен план. Я как раз получил перевод из Алма-Аты. Тетя Сарвар, член Верховного суда нашей республики — младшая сестра моей мамы Фатимы. Прислала телеграмму, поздравляя с наступающим Новым годом, и перевод. На Главпочтамт до востребования. Мы сходили на Главпочту, получили и телеграмму, и 50 рублей десятками и пятерками, которые сразу ушли в карман Магомеду — «для дела!». Магомед уже разведal — в каком номере гостиницы «Москва» остановился Расул.

Через пятнадцать минут мы уже стояли перед дверью того номера. Я отошел подальше от этой двери, а Магомед тихо постучал и, не дожидаясь ответа, вошел.

Расул-ага сидел в кресле у обеденного стола, а на коленях его устроилась техничка, видимо, делавшая до этого уборку полулюкса. Классик обожал техперсонал с полными бедрами (об этих деталях мне раньше сообщал Магомед). Расул, одной рукой удерживая уборщицу на коленях, в другой держал журнал «Огонек», раскрытый на тех страницах, где была напечатана его поэма. И читал ее вслух.

Магомед описал мне эту картину и отметил, что она не вырывалась, сидела спокойно, опираясь на свою палку с мокрой тряпкой на

конце. Разглядев вошедшего, автор поэмы остановил чтение и спросил по-аварски: «Чего надо?»

Магомед поздоровался:

— Ассалам алейкум, дорогой Расул. Я получил перевод из аула — пятьдесят рублей. Боюсь истратить до Нового года. Хочу положить их к тебе. А потом заберу, когда будет очень нужно.

Расул, недовольный, что его прервали, указал на письменный стол, верхний ящик которого был приоткрыт:

— Брось туда!... — и продолжил читку.

Магомед быстро подошел к столу, выдвинул ящик, аккуратно положил подарок тети Сарвары, успешно борющейся с преступностью. Неслышно закрыл и вышел. Пока дверь не закрылась, я слышал строки поэмы. Они мне были знакомы, потому что «В горах мое сердце!» за несколько дней стала классикой.

Я выслушал рассказ Магомеда и сделал только два замечания, которые обязательно надо было учесть, ибо ему предстояло скоро снова стучаться к Расулу.

Первое замечание — «Ты обратился к уважаемому человеку на «ты». Надо только на «Вы» и не просто «Расул», а «многоуважаемый Расул» и с отчеством».

— У нас с отчеством не принято. И на «Вы» мы даже к столетнему не обращаемся. В ауле так принято, и я нарушать не буду.

Тогда второе замечание. При выходе надо было подольше подержать дверь полуоткрытой, чтобы я больше строк услышал. Поэму я уже почти наизусть знал. То, что я услышал, говорит, что скоро последняя часть.

Самое главное узнал Магомед, открыв ящик — в нем лежало несколько упаковок десятков и россыпь распакованных пятерок.

Я понял, что поэма, судя по услышанным строкам, уже заканчивается и подтолкнул Магомеда к двери. Он постучал и сразу вошел, оставив дверь полуоткрытой.

— Дорогой Расул, я спустился в фойе, а там новогодняя распродажа. Такие куртки продаются по 40 рублей! Их сейчас расхватывают. Я решил взять одну. Можно я возьму свои на куртку?

Разозленный Расул, опять прервавший декламацию, махнул рукой с журналом:

— Забери!.. Отстань!..

И продолжил путь к сердцу читательницы.

Магомед подскочил к столу, выхватил одну упаковку десяток, сунул в карман и кинулся к двери.

...Этот вечер мы впятером (Магомед, оба Володи, Миша и я) славно проводили в кафе «Националь». За стеклянными окнами падал снежок. Впереди были шестидесятые. В просторном зале звенел хрусталь, слышались звонкие девичьи тосты, и мы не раз поднимали бокалы за истинную поэзию, за здоровье и процветание великого Расула Гамзатова. Магомед сидел лицом к дальнему входу и первым увидел надвигающуюся угрозу сложившейся в зале атмосферы. Угроза эта вскоре увиделась и мне. По проходу, покрытому ковровой дорожкой, между шумными столиками, не спеша, проходила заметная пара — Расул вел под руку свою утреннюю слушательницу, уже без палки с тряпкой, без синего рабочего халата, видимо, отброшенного где-то в номере, но в светлом сарафанном платье, хорошо облегающем весьма неплохую фигуру.

Проходя мимо нашего стола, они притормозили. Никто из нас, кроме Магомеда, Расулу знаком не был:

— Магомед, ты сколько положил в мой стол? — прозвучал негромкий вопрос, едва не убивший нас.

— Пятьдесят — еле выговорил Магомед.

— А взял сколько?

— Сорок...

Расул аккуратно положил на наш стол красивую десятку.

— Сдача. Ты знаешь, Гамзатов в долгу не остается.

И повел свою светлую подругу к почти накрытому столику, куда его уже давно и настойчиво жестикулируя, призывал официант.

(Потом и мне доводилось получать крупные гонорары, класть их в домашний сейф, код от которого знала только супруга и кое-кто из дочерей. И если, бывало, пропадала заметная часть иностранной валюты, я, конечно, расстраивался, но тут же успокаивался: не чужие взяли, а родным наверняка они были в тот миг нужнее, чем мне. Ну и с богом!).

Мы долго не засиживались в тот вечер в «Национале», у нас был долг, который появилась возможность погасить. Все впятером, чтобы не раздражать своим присутствием Расула, по-быстрому убрались из

зала и сквозь падающий снег добрались до знакомого дома, поднялись на нужный этаж, Володя-министр нашел кнопку звонка, дверь приоткрылась — выглянула знакомая физиономия со старых портретов, мы хором поздоровались, и Володя вернул соседу долг двумя хрустящими, новенькими десятками.

Сосед улыбнулся, поблагодарил и пожелав всем нам здоровья и успехов, тихо затворил дверь.

Мы испытали в этот миг какое-то душевное облегчение: в том почти праздничном настроении кафе «Националь» тяготил этот долг перед прошлым и его представителем, а теперь — отпустил.

...Мы, наконец, добрались до аэропорта. Его одноэтажное здание не светилось окнами. И на аэродроме самолеты не толпились. Только один Ту-104. Стоял, похоже, забытый всеми.

Мы с начальником всех дорог зашли в кабинет местного руководителя. Он нас радушно принял, усадил попить чаю. Я успел объяснить, что нужно срочно лететь в Шевченко, который на том берегу Каспия.

Растерянный хозяин кабинета развел руками:

— Мы туда совсем не летаем... Я и не помню, когда летали...

Начальник всех дорог:

— А этот самолет почему стоит? Откуда он?

— Он не наш, присел на дозаправку. Летит в Крым, отдыхать везет. Они все в зале ожидания. В депутатской комнате — один с женой.

— Заправился?

— Конечно, ему немного надо было...

— В Шевченко полетит. Это меньше часа лета. И обратно. — решил начальник всех дорог. — Прилетит и тогда с чистой совестью в Крым.

Через двадцать минут я уже поднимался по трапу, вошел в салон Тушки, пристегнулся и полетел один в стоместном салоне через Каспийское море в Шевченко.

Туда по радио уже сообщили, что из Махачкалы летит гражданин КазССР Сулейменов. Это сообщение для властей Западно-Казахстанской области было так неожиданно и загадочно (надо же, впервые из Махачкалы летит самолет в Шевченко, да еще Ту-104 с единственным пассажиром!), что встречать приехал весь секретариат обкома партии во главе с первым секретарем.

А через несколько лет поэт Кайсын Кулиев рассказал дополнение к этой истории. Кайсын так же не досидел до конца концерта,

отпросился: «Через сорок минут самолет в Крым!». Вихрем домчались до аэропорта. «Слава Аллаху, успели: самолет еще заправляется». Кайсын вместе с супругой отдышались в депутатской комнате, успокоились. Ждут посадки. И вдруг видят в окно — самолет разбегается и взмывает в небо. Что такое? Вызвали начальника:

«Почему самолет улетел?»

«По техническим причинам» — уверенно ответил начальник.

Через пару часов борт вернулся и без объяснений полетел в Крым.

В итоге я успел на заседание секретариата ЦК и для Союза писателей все прошло благополучно.

Так отмечалось 60-летие Расула Гамзатова, в котором таким образом участвовал и я.

О ГАГАРИНЕ

(о том, почему иногда выгодно не выпивать и судьбе казахского рабочего класса)

Виюле 1967 года Михаил Шолохов пригласил группу молодых литераторов к себе в гости — на Дон (станция Вешенская). В этой группе оказался и я. Вдвоем на эту встречу прилетели Гагарин и Сергей Павлов — первый секретарь ЦК комсомола СССР. Он дружил с Гагариным. Там же были Валерий Ганичев (будущий директор издательства «Молодая гвардия») и молодая чилийская поэтесса. Естественно, мы все радостно общались. Летели из Ростова вместе с Гагариным на каком-то небольшом самолете. Он даже попросил управление и немножко посидел в кресле пилота, напугав нас всех.

Мы с ним и не расставались эту неделю.

Нас поселили в двухэтажном гостевом доме в центре станицы. После официальной части пришло время застолья. А у меня на спиртное аллергия — после одной рюмки лицо краснеет. Поэтому я никогда не пил на таких мероприятиях. В кругу друзей — другое дело. А там за столом сидели Гагарин, Шолохов, Павлов. Поэтому к алкоголю я не притронулся.

Гостей Шолохова еще несколько дней возили автобусами по Донскому краю. Побывали на родине Михаила Александровича — хуторе Каргинском. Там часа два обедали, поднимали тосты. И меня заставили подняться. Я со стаканом в руке рассказал историю казачества, которую в учебниках не вычитаешь. Напомнил о крепостном праве. Что крепостные, нарушившие какие-то законы, убегали от своих помещиков в «вольные края», какими были Донские степи. Там кочевали племена, тогда еще сохранявшие самоназвание «қазақ», и беглые, мирно общаясь с ними, узнавали язык степняков.

— Михаил Александрович, Вы знаете, как переводится имя Вашего хутора, где мы обедаем?

Шолохов:

— Просто Каргинский. Я и не задумывался никогда.

— «Карга» по-казахски — «ворон». Беженцы, населявшие этот хутор, знали, что он был «вороний». Зачем переименовывать, если и так понятно. А район, в котором находится Каргинский как называется?

— Аксайский, — ответил Шолохов.

— А я, Михаил Александрович, тоже живу в Аксайском районе в городе Алма-Ата. «Ак Сай» — «Белая Долина» в казахском словаре. А раньше, в далеких веках, «Сай» означало «река», и реки называли этим словом — Ак Сай — «Белая река», т.е. мелкая, дно видно. Значит, рядом речка мелкая была.

— Так ты, философ, считаешь, что наше «казак» когда-то было «казах»?

— Нет, Михаил Александрович, казахское гортанное қ русские передавали или через простой глухой гортанный к, поэтому самоназвание моих предков қазақ бывшие крепостные, ставшие степняками, произносили «казак». А нас царская администрация с появлением казаков стала называть именем соседнего нам народа — «киргизы». И после Гражданской, чтобы не путать советские народы, Советы вернули нам «қазақ», но в другой форме — «казах», чтобы не путать уже с сословием вольных людей, к 30-м годам почти уничтоженных. Благодарю, что только один қ, превратив в «х», а то бы сегодня выступал бы перед вами «хзах» Сулейменов. Итог. На этой святой земле у великого Дона встретились в прошлых веках два народа. И беглые крестьяне приняли и образ жизни степняков — вольность и кочевничество. Даже имя «казак» приняли. Чуть поправив произношение. Именно эти вольные люди, русские кочевники, расширили пределы Российской империи до Тихого океана. Предлагаю тост за историческое братство казаков и казахов!

Шолохов и Гагарин поддержали.

Поэты — активно, с приговорками.

Я сел, аккуратно поставив полную рюмку на стол.

Шолохов подытожил:

— Философу разрешается.

Запели песни казачьи. «На диком берегу Иртыша сидел Ермак, объятый думой...».

Шолохов заметил, что я не участвую и в этом хоре и вопросительно оценил:

— Философ наш и не пьёт, и не поёт.

Я ответил:

— Я бы спел, поправив первую строку — на самом деле «на диком берегу Иртыша сидел Кучум, объятый дымом».

— Что тоже — правда, — сказал Шолохов.

После, на всех других застольях эту песню не исполняли.

...Чилийская поэтесса тоже пыталась отказываться от чарки, но где там! Девушкой она была привлекательной, поэтесса, революционерка — все это, конечно, активизировало окружение. Когда она вышла из машины, ее фетровая юбка от долгого сидения превратилась в гармошку — она идет, а попка вся на виду. Это очень впечатлило Гагарина, долго ходившего за ней следом. Он был молод и дерзок. Аллергии на спиртное ни у кого, кроме меня, видимо, не было. Поэтому, когда чилийская поэтесса однажды перебрала и заперлась у себя в комнате на втором этаже, Юрий Алексеевич пытался вежливо достучаться, однако гостя дверь не открыла. Тогда первый космонавт вышел наружу и забрался по стене к ней в окно. Она решительно вытолкнула его. Два этажа — не космос, но определенный полёт он совершил. И вернулся к нам слегка поцарапанный и смущенный.

На следующий день мы выступали со стихами и речами на помосте, который для этой цели выстроили в центре станицы. Все мужчины в толпе, окружившей помост, были в старых гимнастерках и штанах с лампасами. Первый секретарь ЦК комсомола Павлов, открывая встречу, сказал: «С нами вместе в станицу тайно приехала выдающаяся чилийская поэтесса, но у них там, в Чили царит террор, поэтому она не может сейчас выйти сюда на помост, иначе по возвращении ее тут же бросят в тюрьму». Мы, конечно, знали о настоящей причине, отчего она не могла тогда выйти на помост — плохо себя чувствовала после казачьего застолья.

Но политическое мастерство Павлова, так повернувшего эту анекдотическую ситуацию, помогло нам. Его объяснение придало встрече станичников с поэтами особую серьезность. Мы почувствовали уважение, исходящее от толпы казаков. И стихи наши зазвучали в тон возникшему настроению.

...Помню, как на следующий день отдыхали, играли на берегу Дона в волейбол. Шолохов и там устроил хорошее застолье: скатерти были расстелены прямо по песку. Стерлядь... Её тут же ловили и сразу жарили или варили. Играя в волейбол, Гагарин порезал ногу о какую-то острую ракушку. И подскакал к воде.

Опустил ногу в тихий Дон... и от раненной ноги вдоль течения реки протянулась красная полоса, как казачий лампас. Такой недобрый, нам тогда показалось, случился знак. Через несколько месяцев, в марте 68-го года, он разбился. Но остался в памяти нашей не только как великий пионер человечества, но и как нормальный, здоровый, молодой мужчина, который мог быть и веселым товарищем, и другом.

Страна готовилась отмечать 50-летие Октябрьской революции. ЦК Комсомола добилось введения Премии Ленинского Комсомола, которой будут награждаться авторы самых достойных художественных произведений книжного или театрально-киношного жанров. Первые премии решено было вручать в октябре 1967 года. И материальный статус её предложили высокий — 5 тыс. 200 руб., как у Государственной.

Как происходило заседание бюро ЦК Комсомола, на котором определился список первых награжденных, мне потом рассказал Узбекали Джанибеков — Первый секретарь казахстанского ЦК комсомола. В зале, где происходило заседание этого бюро, на столах были разложены книги кандидатов — сборники стихов и поэм, сборники рассказов и романы. Самые известные имена молодых писателей. Уже обсудили кандидатуры художников, артистов, киношников. Осталось обсудить и выбрать фамилию литератора. Члены бюро высказались по последним произведениям Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, Казаковой, Белова. Завершил обсуждение, конечно, Первый секретарь — Павлов Сергей Павлович.

— Товарищи, многие авторы, чьи книги вы за эти дни просмотрели, заслуживают этой награды. Но я бы проголосовал за Олжаса Сулейменова. Почему? У него есть особенность, которая выделяет его из среды наших поэтов. А может быть, и не только наших.

Все затихли. И первый секретарь ЦК остановился, давая членам бюро обдумать это сообщение. Когда почувствовал, что оно дошло до

всех, Сергей Павлович громко завершил: «Товарищи, он не пьет! Мы с Юрием Гагариным лично убедились на недавней встрече Шолохова с молодыми поэтами!».

Бюро шумно и единогласно проголосовало за присуждение первой премии Ленинского Комсомола СССР Олжасу Сулейменову.

Все, думаю, поняли, что награждают не трезвенника, а того, кто первым написал поэму о подвиге Гагарина «Земля, поклонись человеку!» в апреле 1961 года. А в 1967-м награждали за книгу «Доброе время восхода».

История с присуждением этим не закончилась. Вспоминаю продолжение — как вручалась Премия Ленинского комсомола.

В том октябре я, еще ничего не зная о награждении, был в Москве по литературным делам. Встречался с писателями.

В Москве тогда проходил съезд Комсомола. И на одном его мероприятии решено было вручать первые премии. А я, повторяю, был в Москве. Ничего не зная о том решении бюро и о съезде, на который прибыла и казахстанская делегация во главе с Узбекали Джанибековым. Он потом рассказал мне о заседании бюро, и о том, что, приехав на съезд, узнал, что именно, когда и где будет вручаться. Начали разыскивать награждаемого. Повышенную активность проявил делегат от Караганды Нурсултан Назарбаев. На предоставленной машине объездил все места, где я мог быть — Союз Писателей на ул. Воровского 52, Центральный дом литераторов посетил и, расспрашивая людей там, установил возможное место пребывания Сулейменова в тот день.

Он нашел меня в гостинице «Москва» на третьем этаже, в ресторане, где коллектив поэтов отмечал какое-то событие.

С молодым Назарбаевым я до этого не раз встречался в Алма-Ате. Джанибеков продвигал активного рабочего Казахской Магнитки по комсомольской линии. Сначала в руководство цехового комитета комсомола, потом областного и на несколько месяцев отправил в Алматинскую Партийную школу на курсы. А в партшколе прекрасный спортзал, где команда ветеранов, куда я входил, играла в волейбол по три дня в неделю. И курсант Назарбаев часто стоял у дверей спортзала, когда мы — Санжар Джандосов, Майдан Абишев, Геннадий Толмачев и я после душа выходили и шли домой.

Он предлагал по пути заглянуть в комнату, где стояла его кровать и бутылки прохладного пива на столе. Мы не отказывались. Таким же способом (но, конечно, без пива) он познакомился с одним пожилым зам.министра, который часто вместе с женой бывал в квартире Кунаева, где они играли в преферанс с Зухрой Шариповой — женой

Димаша Ахмедовича. Она не имела ни детей, ни близких друзей, ни работы, поэтому такие встречи помогали ей проводить время. Зам. министра все чаще напоминал Зухре Шариповне, что Димекену надо готовить себе молодых на будущую замену. И Нурсултан пробился в число таких молодых.

Я удивился, увидев его в ресторане, поздравил, узнав, что он делегат съезда. Он объяснил, что мне надо мчаться в какой-то дворец, где в такой-то час состоится вручение Премии Ленинского комсомола, которой меня, оказывается, должны наградить. Машина ждет.

Мы помчались. И успели. Меня сразу провели на сцену. Оказавшись на авансцене, увидел большой, полный зал. Микрофон — и начал читать знакомый, не раз читанный со сцен отрывок из «Земля, поклонись Человеку!» и на середине запнулся, помолчал, развел руками: — забыл... Зал грохнул аплодисментами.

Из первого ряда поднялся на сцену улыбающийся человек из команды Павлова, подошел ко мне, вручил диплом и прицепил на грудь золотой значок лауреата. Я под аплодисменты спустился в зал — меня усадили в первом ряду. Видел и слышал, как награждали узбекский ансамбль «Бахор», кого-то еще. Остальных не запомнил.

После концерта Узбекали Джанибеков на ужине рассказал мне о том заседании бюро. О том, как теперь награждают за воздержание.

О судьбе казахского рабочего класса

Джанибеков, после избрания Первым секретарем ЦК Комсомола Республики, погрузившись в работу и цифры, узнал то, чего не замечал раньше. Что казахи продолжают быть нацменьшинством в Казахстане. В одной из первых наших встреч я объяснил — почему. По первой переписи (1926 г.) казахов было 6 млн. 200 тыс. После безумной коллективизации и раскулачивания, вызвавших страшный голодомор 30-31 гг. и отчаянную откочевку части уцелевших в Китай, после репрессий 37-38 гг. в 1939 году казахов осталось около 2,5 миллионов. Сталин в 1936 году подписывая Конституцию СССР и узнав эти цифры, видимо, пожалел о сделанном и велел «Автономную республику Казахстан» перевести в полноценную «Казахскую Советскую Социалистическую республику» (КазССР), несмотря на то, что казахи в республике оказались нацменьшинством. Великая Отечественная война сократила и казахское население. Оно стало подрастать только после ухода Сталина.

Подрастать без развитого крестьянства и рабочего класса.

Джанибеков — убежденный ленинец — знал, что основой любой нации является рабочий класс. Промышленные предприятия в

Казахстане были, и даже общесоюзного, мирового класса, но казахов инженеров и рабочих в них было крайне мало, единицы.

Джанибеков задумал проект — создание казахского рабочего класса. Посоветовавшись с Кунаевым и с московскими товарищами, выдвинул идею — «10 тысяч молодых казахов на Магнитку!».

Довольно быстро из сельских областей собралось объявленное число.

Я помню, как из Алма-Аты после митинга уходили «На Магнитку» поезда, заполненные молодыми казахами. Знаю, что они, достигнув Караганды, сразу приступали к работе на стройке и в цехах. В числе будущих рабочих уехал в Караганду и юный Назарбаев — выпускник сельской семилетки и ФЗУ. Поработал в горячем цеху две недели и его избрали в цеховую ячейку комсомола. Там тоже не хватало казахов. Оттуда — в заводской комитет и далее — в областной. В те годы казахская фамилия помогала быстрому карьерному росту.

Но не всем выросшим в степных аулах рабочая профессия была по нраву. Через год-другой от тех «10 тысяч» на «казахстанской Магнитке» остались несколько сотен. Среди них — Нурсултан Назарбаев, уже работавший дополнительные качества, помогавшие расти служащему казахской национальности: «рабочий», знает русский язык, комсомольский активист.

Нурсултан, к тому же, обладал хорошей внешностью, природным уважением к старшим и повышенной исполнительностью, воспитанной еще в ауле. Все это помогало выживать в любом коллективе, в любом казахстанском городе. И, как оказалось, при любом руководителе города, области и страны. При этом, не останавливаясь, расти и вымахать до высшего кресла, превратив его в трон. За три десятка лет правления так и не создать рабочего класса и развитого крестьянства. Распродать все заводы и фабрики, работавшие до 1991 года, за бесценку иностранным «инвесторам», распустить колхозы и совхозы. Закрывать Академию наук за ненадобностью. Обречь литературу на молчание!

...Но казахов после сталинских десятилетий заметно прибавилось. Избавились от статуса «нацменьшинство». Потому что после 1991 года миллионы немцев, русских, украинцев уехали на «историческую» родину. Такие плоды независимости.

* * *

В 1989 году меня вызвали с I Съезда народных депутатов в Кремль. В кабинет человека, видимо, заведовавшего кадровыми

перестановками. Захожу в кабинет, поздоровались. Он говорит: «Геннадий Васильевич Колбин переходит на работу в Москву. На его место мы подбираем другого. Решили посоветоваться, чтобы не повторить декабрьских событий 1986 года, когда неожиданно выбрали для вас незнакомого человека. Теперь решили выбрать из знакомых республике партийцев и посоветоваться с уважаемыми людьми».

Я отвечаю: «Давайте список, он уже у Вас в руках».

Показали этот список из пятерых кандидатов. В нем не было Камалиденова. Он уже не годился, как не плативший членские взносы.

Я дал характеристики всем пятерым. И сказал: «По всем показателям здесь наиболее подходит одна личность. Во-первых, вышел из аула. Окончил семилетнюю школу. Учился в ФЗУ. Работал в горячем цехе (пусть даже всего две недели). Комсомольскую работу знает. Опыт работы в ЦК и Совмине имеет. Так что Назарбаев подходит». Меня поблагодарили, и я вернулся на Съезд. В коридоре меня ждал Назарбаев (разузнал о встрече). Я вкратце передал ему о состоявшемся разговоре: «С тебя пол-литра. Действуй». Но пол-литры я так и не дождался. Наоборот, у него проявилась еще большая ревность.

Жалел ли я о том, что рекомендовал его? Скорее, нет. По всем показателям он был лучше своих соперников (они на таком посту были бы намного хуже). И кое-что сделал на самом деле. Может быть, не без его влияния у нас не произошло таких событий, как в Таджикистане, Узбекистане, Азербайджане и других республиках. Он умел находить общий язык с представителями враждующих станов. Кого-то задабривал, кого-то уговаривал, кого-то пугал. В общем, то, что у нас относительно сохранилась идеология интернационализма — это во многом благодаря его пониманию. Со временем находишь в его образе некоторые положительные черты. И главное в том, что республика не раскололась, обошлась без гражданских войн.

А те, нетерпеливые, которые враждовали с Сулейменовым (Камалиденов, Мендыбаев, Ауельбеков и другие, бывшие в списке), не прорвались к власти. С писателями в то время надо было вести себя аккурратно, как Назарбаев.

«ЛЕТИМ В ТРИПОЛИ!»

«...Казахский дипломат пытался угнать самолет в Триполи...»

Примерно в таких выражениях внезапно распространилось сообщение в интернете в конце апреля 2011 года.

...В этот день я был в Баку. Прилетел из Москвы, чтобы оттуда отправиться в Париж (прямых рейсов в те дни не оказалось). В Москве участвовал во встречах с писателями. Старых друзей почти не осталось. Роберта Рождественского уже не было. Андрей Вознесенский ушел год назад. Евтушенко все еще преподавал в Америке, в одном малоизвестном университете. К таким профессорам «со стороны» желающим полагалось записываться. К нему, я слышал, записалось шесть афроамериканцев, желавших знать все об истории русской поэзии.

Встречался с малознакомыми мне, но известными в определенных кругах литераторами.

В Москве, как и прежде, не затихала борьба «своих», «земных» писателей и «влезших» в русскую литературу «чужих», которых всегда было большинство. К таким, конечно, относили и меня. Особенно, после «Аз и Я».

Перед отлетом в Баку встретил в коридоре Союза писателей, на Воровского 52, известного прозаика, удивлявшего читателей не только содержанием своих романов, но и высоченным ростом. Рядом с ним и я чувствовал себя неловко, имея 183 см.

Поговорили об одном из новых произведений Василия Белова. Он — самый низкорослый член Союза писателей, известный и тем, что наиболее полно представлял «своих», «земных». В одном его романе речь коснулась и моей «Аз и Я». Отрицательный герой спрашивает собеседника, положительного персонажа — читал ли он «Аз и Я»? И положительный резко отвечает: «Не читал и читать не буду! Враждебная русскому народу книжонка!».

Я улыбнулся такой оценке и сказал высокому: «Вы считаете Васю классиком, но и классики, оказывается, допускают глупости».

— Так о Василии Ивановиче говорить нельзя! Василий Белов — совесть России! — торжественно завершил нашу беседу высокий.

Я ответил в тон ему: «Не согласен с такой оценкой: у великой России не может быть такая маленькая совесть!».

...Долетев до Баку, сразу взял билет на Париж. Интернет переполнен сообщениями о том, что казахский дипломат Валерий Толмачев,

вооруженный пилкой для ногтей, требовал направить в Триполи самолет, летевший в Рим. Дипломат арестован по прибытию в аэропорт.

Это известие встревожило всерьез. Хотя пилка для ногтей еще некоторое время позабавила мирового читателя, но сообщение об аресте говорило, что событие лишалось всякой анекдотичности. Парижанин Берлин Иришев, с которым мы возглавляли Ассоциацию казахстанцев во Франции, поделился своей тревогой. Он, оказывается, вел с Валерой переписку — вместе готовили какую-то публикацию к моему юбилею. И Берлин послал ему по электронной почте такой текст:

«Валера, как наш проект О.С.?».

Толмачев ответил: «К 18-му будет исполнено».

Если Толмачева арестовали, то и всю его переписку исследуют. Конечно, возникнет вопрос: «Что за проект ОС готовятся исполнять? Что хотят взорвать?». Их не убедишь, что проектируется сборник публикаций Постоянного Представителя Казахстана в ЮНЕСКО Олжаса Сулейменова. Сокращенно — О.С. Чтобы и Берлина Иришева не причислили «соучастником» Толмачева, из Парижа я вылетел в Рим.

Мой дипломатический паспорт помог мне не потеряться в Вечном городе, торжествующем возведение недавно ушедшего из жизни Папы Иоанна Павла IV в ранг святого.

Всем, к кому я обращался, было не до Толмачева, размахивавшего пилкой для ногтей.

Но в тюрьму, где он дожидался суда, меня пустили. В камеру, где содержат подозреваемых, а не преступников.

«Ну, рассказывай, что и как это было»

Валерий был в своей летней, рабочей, а не тюремной одежде — светлые, легкие брюки и белая майка-безрукавка. Не испуган, но неспокоен.

Оказывается, опять поссорился с мамой.

(В Париже они жили уже несколько лет вдвоем. В Риме он работал советником Посла, и семья его была полней — мама, жена и две дочки. Я забрал его и в Париж советником Постоянного представителя, но он, до утверждения в этой должности, успел развестись. Супруга забрала девочек и уехала в Москву. Он остался с мамой. С ней же переехал в Париж. Я никогда не вмешивался в семейные отношения сотрудников и, конечно, не знал о сложностях в их семьях. Даже о семье Валеры Толмачева почти ничего не знал, хотя дружил с его отцом — Геннадием Ивановичем не одно десятилетие. Часто бывал у него дома, любил жареную баранину, которую по-особому рецепту готовила его супруга — мама Валеры. А теперь у них случилась ссора,

которая выгнала его на улицу, и он уехал в аэропорт, купил билет на первый самолет, летящий в Рим. Может потому, что там готовилось возвеличение святого Иоанна, с которым наше посольство встречалось, в том числе и Валерий разговаривал. Он — прекрасный специалист, блестяще знал итальянский и французский, а может быть, и латинский, звучавший в Папском окружении).

И этот его бросок в Рим я бы даже одобрил. Но что случилось при полете? Причем здесь пилка для ногтей?

Оказывается, перед полетом он выпил: в его машине, оставленной на стоянке в аэропорту, нашли ополовиненную бутылку казахстанского коньяка. После разбирательств с мамой он влетел в свой фиат, раскупорил отечественный коньяк, хватанул «из горла», и его понесло к аэропорту.

А дальше все было — сплошной импровиз. Я никогда раньше не замечал, что он пьет крепкие напитки. Легкое вино иногда видел на посольских застольях. Но коньяк, да еще казахстанский!... Даже пьющего на подвиги подвигнет.

Стюардесса понравилась. Даже очень. Может, напонила жену? Пристал, хотел усадить возле себя. Рядом было пустое кресло. Он умолял и на итальянском, и на французском сесть рядом. Ласково, потом угрожая — «иначе полетим в Триполи!»

Она закричала, его скрутили. Обыскали. Из оружия нашли в кармане брюк только пилочку для ногтей.

В те дни что-то происходило в Триполи и поэтому пилочкой заинтересовались блогеры и журналисты.

Я провел в Риме несколько дней. Прошел по многим адресам. Не дал начаться уголовному процессу. Сейчас уже не вспомнить всех важных деталей моего хождения и встреч. Могу сказать одно: Толмачева спасло от реального срока в два десятка лет только то, что в Правительстве, Генеральной прокуратуре и в Верховном суде еще сохранилась память о сверх-добрых отношениях с Казахстаном которые за пять лет правления Романа Проди воспитывались премьер-министром и нашим посольством.

Валерий Геннадьевич провел какое-то время в санатории для психически не совсем здоровых людей и, достаточно окрепнув, вернулся в Париж.

Мое семидесятипятилетие обошлось без казахстанского ордена. Помешала пилочка для ногтей в интернете. Но в Баку, несмотря ни на что, и орденом «Достлук—Дружба» наградили, и праздничным застольем в кругу друзей.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ НА КРАЮ СВЕТА

В 1968-м году состоялось мое открытие Индии. У нас в Союзе писателей СССР работала Иностранная комиссия. Во дворе здания на Воровской 52. Там сидели переводчики, которые сопровождали писателей по всему свету.

Специалистом по Индии в этой комиссии работала Мирра Салганик. С ней было легко дружить. Худенькая, остроумная, многознающая, живущая знанием своего предмета. Она формировала делегации в Индию. Однажды подошла ко мне и предложила поехать в Индию. Я согласился. К нам присоединилась Римма Казакова.

Мирра и Римма. Как зеркало я между ними.

Прилетели в Дели. Нас сразу же окружили местные журналисты, начали фотографировать. И вскоре в англоязычной газете «Times of India» на первой полосе был опубликован наш с Риммой парный портрет с заголовком: «Казахский поэт Олжас Сулейменов приехал в Индию со своей женой — Риммой».

Я Римме говорю: «Видишь, это как справка из Загса. Медовый месяц за тобой».

Из зарисовок тех дней:

Где можно говорить
о голоде и ветре!
Где — шину проколоть
на каждом километре
осколками тысячелетних вер!
В Индии, например.
...По улицам Дели бродит худая корова.
Красная, грязная лента
свисает с левого рога.
Белым бетоном залита улица —
ни травинки,
лежит на спине проспект
как длинная простыня —
ни души, ни кровинки.
Жара потому что.
Корова жует страницу газеты
«Times of India».
Наши стихи и портреты.
Римма и Мирра.
Как зеркало — я между ними,

внук скотоводов известных
от Оно до ныне.
Буренка с трудом поглощает
волнующее известие,
набывчившись, смотрит
влажным воловьим глазом,
«Неужто приехал?»
Вижу, не верит, бестия, —
событие лезет в желудок,
минуя разум.
Корова, свернув с магистрали,
минуя клозеты,
ткнув рогом калитку,
вступает в запущенный дворик.
Две чахлые розы —
пикантной приправой к газете,
галантный подарок пожеванным дамам.
Вдруг: «Воры!»
Хозяин проснулся, атанда!
Смывайся, корова.
Мелькают кальсоны,
рви когти и будь здорова!
Толкаю — иди же, корова,
ведь дело сделано,
я их задержу, не позволю пинать —
может, стельная.
Ногами — в живот,
все равно что поэтов бить!
Богиня Изида коров завещала любить.
Не бойся, за нами Египет
с Аккадом и Хеттами.
Беги по проспекту!
До встречи!
Следи за газетами.

В те дни я открывал для себя Индию. Конечно, это страна особых контрастов. Жизнерадостной нищеты больше, чем видимого богатства. Я бы не назвал Индию несчастной страной.

Мы объехали много мест, побывали на западе, на востоке, и на юге. На юге нас сопровождал индийский поэт Чаттерджи. В начале апреля мы посетили гробницу Ганди. На его долю пришлось пять выстрелов. Пять кровавых пятен на белой рубаше, пять кровавых кругов.

Я спросил Чаттерджи: «Кто стрелял в Ганди?».

Он ответил, как отмахнулся: «Какая-то сволочь». Так перевела его слова Мирра Салганик.

В этот день в Америке свершилось насилие — убили Мартина Лютера Кинга — лидера черного движения Америки. По телевидению показали шествие миллионных толп, провожавших его.

Индия считала его гандистом. Он таким и был, иначе направил бы эти толпы на белое население, развязав гражданскую войну. Все это понимали.

Индия почтила его память минутой молчания. Мы все участвовали в этой минуте молчания.

500 миллионов минут молчания. Ровно — тысячелетие.

За каждым выстрелом «какой-то сволочи» — века молчания.

Тогда я написал стихи «Минута молчания на краю света», которые читал на самых разных трибунах мира:

Есть они, Чаттерджи,
в каждой стране,
в каждой волости —
сволочи.

Их не узнать по разрезу глаз,
по оттенку кожи:
он может сиять, как алмаз,
быть на уголь похожим,
плешью блистать в ползала,
прямить и курчавить волос.
Все равно —
сволочь.

Узнать их не просто:
их цвет отличительный —
серость.
Она растворяется в черном,
как в белом и в желтом,
серость возносится бронзой,
блистает золотом,
в темных углах души
собирается серость, как сырость.
Белый стреляет в черного?
Серый стреляет.

Черный стреляет в белого?
Серый стреляет.
Серый взгляд
проникает в сердце,
пронзительный, волчий.

Узнаю вас по взгляду,
серая раса —
сволочи.
Понимаю, пока
в этом самом цветном столетье
невозможны без вас
даже маленькие трагедии.

Невозможны без вас
ни заботы мои,
ни смех.
Невозможны без вас
и победы мои,
и смерть.
Вам обязан — атакой!
В свете полдня
и в холоде полночи
я иду,
мы идем вам навстречу,
серые сволочи —
сквозь провалы ошибок,
отчаянных самопрезрений,
чтоб минуты молчания
стали временем
ваших прозрений.

Это незабываемое путешествие сопровождалось многочисленными встречами, поездками по живописным южным местам. После этого Римма написала стихи «Люблю тебя, товарищ мой Олжас». У нас были добрые чувства друг к другу. Мы были близки и по отношениям, которые сложились тогда в Союзе писателей Москвы. Когда одни писатели считали себя лучшими выразителями того, что нужно русской литературе и боролись против «иностранцев», к которым относили и евреев, и казахов, и многих других.

Пожалуй, самое искреннее стихотворение, посвященное мне, написала Римма. Ее почему-то тоже относили к «чужим». Как и Андрея, Роберта и Евгения. И это нас сближало:

Люблю тебя, товарищ мой Олжас,
За все, что ни возьмешь — ни так, ни с бою,
Люблю — не раз ожегшись, обожаясь
Чем-то в тебе, или в себе — с тобою.

Люблю тебя за точный твой талант,
За то, что так свободен, так раскован,
За то, чем дарит жизнь, взамен утрат.
Того, чьи дни бегут путем рискован.

А трудный нрав — какие пустяки!
Люблю за это утоление жажды -
Всецело, безвозмездно — как стихи,
Что полонили всю меня однажды.

Люблю тебя за то, что не похож
Ни на меня, ни на других, и если
пусть даже и вполголоса поешь,
не перекрыть негромкой этой песни.

За то, что выпал в жизни дивный шанс —
Родства на той упрямострунной лире...
Еще люблю за то тебя, Олжас,
Что многое ты любишь в этом мире.

За всех, кому ты так не по душе!
Они любви нас нелюбовью учат...
За то, что не переиграть уже
Ни вздоха, ни улыбки, ни созвучья.

За взлеты и ошибки сгоряча,
А быть иным — ни смысла нет, ни средства.
За прямоту надежного плеча,
За чувство локтя, нет — за чувство сердца.

И, по дорогам жизненным кружась,
Не уступая чьей-то укоризне,
Люблю тебя, как эту жизнь, Олжас,
Всем истинным в себе и в этой жизни.

(В нашем Союзе писателей Казахстана тоже было деление. Здесь писатели делились по жузам, а не по качеству творений. Так, видимо, было проще. Однажды я выступал на каком-то писательском съезде, стоял на трибуне, что-то докладывал и вдруг — вопрос из зала. Хамит Ергалиев, наш аксакал, спрашивает:

«Олжас, а ты вообще кто? Пишешь по-русски. Сен кімсің? Из какого жуза?»

Я ответил классически: «Мой отец — Омар Сулейменов — был из Среднего жуза. Отчим — Абдуали Карагулов — из Младшего жуза, из Актюбинска. А мама — алмаатинка, из Старшего жуза.

Я — сын трех жузов, настоящий казах!»).

...В Индию потом ездил еще раз семь. Но уже без Риммы и Мирры. И я видел, как менялась Индия. Отчаянная нищета постепенно уходила. Индира Ганди, а затем и ее сын прилагали для этого большие усилия. Но их тоже убили.

Вот такая была история вхождения Индии в число независимых государств. Страна богатели не только числом. А потом и ядерным оружием обзавелась. Индия менялась, отдаляясь от того первоначального образа 68-го года, который я запечатлел.

Да и мир изменился после гибели Мартина Лютера Кинга. Очень сильно изменился.

Спустя 40 лет в Белый Дом впервые вошел черный президент.

Но едва ли это успокоило и черных, и белых. Не залечило все исторические травмы, не сгладило все противоречия, заложенные отцами основателями Америки. В свое время их философия свободы, равенства, братства изменила мир. В XIX веке повлияла на отмену крепостного права. В XX-м — начала процесс деколонизации.

В США черных — 20 процентов. Но это активные, боевые проценты. Движение Black lives matter надолго запомнилось миру, когда черные ставили белых (не только полицейских, но и гражданских) на колени. Думаю, эти неразрешимые противоречия, помноженные на спекулирование памятью о реальных исторических травмах, будут только нарастать.

А мы присутствовали при начале этого, когда открывали для себя Индию.

**..Я ШЕЛ ПУТЕМ, КОТОРЫЙ НЕ УВИДИШЬ
ПОКА НЕ СТАНЕШЬ НА НЕГО
ПОДОШВАМИ...**

Мне приходилось идти по разным дорогам. Сейчас вспоминаются некоторые из них.

Поет на идиш девочка в Литве,
январь в Паланге —
дача как именье,
два яблока, два кресла,
рюмки две,
крестом горят в камине
два полена.
Пылающий, веселый крест сосновый,
Мы оба тем крестом озарены.
Огонь. Молчим. Окурки тушим.
Снова
Я слышу слабый голосок Зурны.
Под эту песню на гортанном идиш
Я шел в снегу по пояс
между соснами,
я шел путем,
который не увидишь,
пока не станешь на него
подожвами.
Не там, где вас ласкали
и любили,
не там, где удавались вам
карьеры,
там родина, где снежные
карьеры,
где вас несправедливо,
но убили.
Я вспоминаю все
землетрясенья,
в которых выжил,
ножи в подъездах,
из которых вышел,

воронки Волги у ночной
Казани –
сегодня мне карьеры
показали.

Нельзя быть злыми! Знаете,
нельзя!

Так часто злоба порождает
Зло.
Но вам не хочется
плевать в глаза?
Рвать города? И вырезать
село?
Поля топтать? До тла палить леса?
Пить кровь нечистую
из грязной шеи?
И перед злом не опускать
глаза,
омытые слезами
униженья?
Не говори про наш
последний путь!
Кто не горел во всех семи
коленах,
тот не имеет права
ни на бунт,
ни на тепло соснового
полена.
Мне не мешай — я слушаю
литвинку,
поющую на идиш песню
Гетто.
Армянский двин!
пронзительные вина,
сивухи, водки, вам бы
горечь эту —
гортанный звук
настоянный в веках
в объемах уязвимых душ
еврейских.
Он, нерасплесканный
в таких бегах!
Звук черноглазый, как Христос на фресках,
Распятый на губах девчонки,
корчится...

Ему не больно

больно нам двоим:

ей — онеметь, а мне оглохнуть хочется.

Не очень сладко жить

ушам моим...

Это было в Литве в начале 1960-х. Я был в гостях у моих литовских друзей, однокурсников, Суламиты Фридбург. Эдуард Межелайтис свозил меня на Панеряй. Место, где расстреляли и сожгли сто тысяч евреев во время фашистской оккупации.

Недавно прочел воспоминания Сулы о том дне:

«...В 1964 г. в Литве широко отмечали четырехсотлетний юбилей Донелайтиса, литовского классика, поэта. В составе делегации от Казахстана был Олжас. Он сразу же срифмовал: Донелайтис — Да не лайтесь! С утра и до вечера, а потом с вечера до утра в его номере в гостинице «Неринга» рекой лилось шампанское. Он всех принимал, за все платил. Такой вот богатый и щедрый. И было — все веселятся, а его нет. Потом возвращается мрачный. Оказалось, он ездил в Панеряй. Хотелось с кем-то поговорить, а тут — дым коромыслом.

Мы вышли из гостиницы. Он до алкоголя не дотронулся, но его шатало. Рассказал, что шел по колени в снегу. И путь показался ему нескончаемым. Физически трудно было идти по глубокому снегу... И эта жгучая белизна.

Экскурсовод монотонно произносил: с 20 июля по 8 августа 1941 года — 1000 убитых, с 12 по 31 августа — 444, с сентября по октябрь — 19.311... Общий счет не сходился с числом выкопанных позднее — их было 58.000. Их выкопали и сожгли между сентябрем 43-го и апрелем 44-го. Люди были скованы цепью, те, что сжигали, 70 евреев и 10 советских военнопленных, которых сочли евреями... По ночам их загоняли в окоп или просто в глубокую яму, куда спускались по деревянной лестнице, которую потом поднимали. Три месяца голыми руками и ложками, у кого они были, рыли туннель, 40 из них убежали в ночь на 15 апреля 1944-го. 25 были пойманы и убиты. Пятнадцати удалось спастись от погони».

Я прошел по этому пути. И вскоре написал поэму о том, малоизвестном миру, лагере смерти в песчаных карьерах Панеряй. Писал: «Я — патриот каждого обиженного, растоптанного народа». Московские писатели-юдофобы удивлялись такой позиции казаха, пытались найти этому кровавое объяснение: «У Олжаса мать — бухарская

еврейка». И в ЦК КПСС на полном серьезе меня об этом спрашивал один весьма высокий чин. Я сказал, что в мамин паспорт не заглядывал. После выхода «Аз и Я» в 1975 году печаталось много критических статей, где, суммируя мою деятельность, меня называли и пантюристом, и казахским националистом, и сионистом. Были, впрочем, и другие оценки: избрали в состав Международного трибунала по осуждению геноцида. Я и сейчас остаюсь патриотом каждого униженного народа. Об этом знают азербайджанцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, русские, которые вдруг становились нацменами («национальным меньшинством») или диаспорой в новых независимых государствах.

...После Панеряй я обошел много подобных мест и маршрутов. И писал о них. Все они наполняли меня особыми чувствами. Не только лагеря смерти в Прибалтике, Польше, Германии, в которых людей уничтожали только за то, что они немного непохожи на остальных. Об этих маршрутах я хотел бы рассказать. О том, как чувствовал их все подошвами.

Вспоминаю эти почти биологические встречи с дорогами, по которым ушли народы.

Мои подошвы ступали на землю и Грузии, и Чечни, Азербайджана и Кабардино-Балкарии, и многих других мест. Я все это проходил. Слышал их слова и плачи, гневные речи и радостные тосты.

Когда распался Советский Союз люди думали, что этот распад — благо. Наивные были надежды. И вскоре мы убедились в этом.

В 1992 году я полетел в независимую Грузию — навестить Шеварнадзе. Он был умным, добрым человеком. О его участии в Учредительной конференции Глобального Антиядерного Альянса в Нью-Йорке я уже рассказывал. После распада он занял пост председателя Госсовета Грузии.

Отношения между некогда братскими республиками складывались заново. Я прилетел из Алма-Аты в Москву, взял с собой Харона Дадаева — своего помощника, чеченца. В Москве мы навестили одного авторитетного грузинского художника. Посидели, выпили. В конце беседы я спросил:

«А что можно взять в подарок для Шеварнадзе?»

Ответ был несколько неожидан:

«Возьмите консервы»

Я удивился: «Какие консервы?»

«Ну, можно мясные, можно рыбные. Возьмите побольше — сумку. Там есть нечего»

Мы прислушались к совету и вылетели в Тбилиси с большими сумками, полными консервов. В то время туда летали маленькие самолеты. Наш был забит политиками независимой Грузии.

Прилетели — нас встретила машина. Немного отдохнули в Доме отдыха ЦК.

На утро за нами прислали черную Волгу. Сам Шеварнадзе ездил на машине попроще, будучи начинающим демократом. Другие местные политики разъезжали на мерседесах. По дороге говорю водителю: «Останови где-нибудь, хоть кофе попьем!»

— Не, Батоно. Нет у нас кофеен. Все закончилось.

«Вон гостиница стоит. Там должно быть кофе...»

— В этой гостинице сейчас беженцы из Абхазии. Они там ночуют.

Мы провели какое-то время у Шеварнадзе, обо всем поговорили. Он созвонился с Первым секретарем Союза писателей и дал поручение:

— Тут Олжас приехал. Прими его, накорми ужином как следует.

— Конечно, договорились. Пусть к восьми подъедет.

...Машина подъехала к дому Первого секретаря СП вовремя. Харону я заранее сказал взять с собой консервы, чувствуя угнетающую атмосферу вокруг.

Поднялись наверх — прекрасная квартира в роскошном старом стиле. Навстречу выходит хозяин, проходим по коридору: первая комната — вся забита вином, вторая — тоже полная бутылок. Хозяин, заметив наше недоумение, объяснил: «Это вино мы захватили в Абхазии, когда отступали». Писатель руководил военным отрядом, захватывая вино в оставленных магазинах. У них была машина, которую они заполнили. Теперь вина было в изобилии.

Мы выбрали несколько бутылок, принесли в обеденный зал, поставили на большой, хорошо обставленный, но полупустой стол. Отдельные блюда стоят, но чаще пустые.

Хозяин вновь объяснил: «Мы можем поставить на стол только вино. А из еды... У меня был телевизор, но после того звонка Эдуарда Амвросиевича я, чтобы достойно Вас встретить, отвез его и продал. Вот все, что получилось на эти деньги достать»

«А если еще кто-то из писателей прилетит, что продашь? Телевизора уже нет...»

«Еще два автомата Калашникова остались», — ответил председатель Союза писателей.

Такой была Грузия в то время.

Мы сели за стол, Харон раскрыл консервы, добавил к столу нашего продукта. Мы выпили. Видимо, прилично. Я старался меньше, вино вообще пью редко. Больше всех этим гостеприимством увлекся Харон. Он никогда не был в таких залах и компаниях. На него подействовала эта обстановка и особенно, вино. Обычно скромный — неожиданно вскочил, поднял бокал и произнес речь, которой он подводил итог дня. И сгоряча заявил:

«Олжас Омарович обещает вашему Союзу писателей пятьдесят тысяч долларов!»

За столом заявление Харона встретили очень бурно. Их писательские организации прозябали. Конечно, я не мог в тот же момент встать и сказать: «Извините, но Харон врет». Мы посмеялись и вскоре уехали. И потом я несколько лет мучался оттого, что не мог выполнить это обещание.

В дальнейшем он тоже искал способ достать эти деньги. Быв человеком увлекающимся, бросался в различные предприятия, но ничего не получалось. Когда на рынках разгорались страсти, он все время увлеченно занимался этим и пытался заинтересовать меня. Его обманивали, он все время попадал в какие-то странные коалиции.

Когда у меня был очередной юбилей, трое крупных бизнесменов, которым я помог в начале их пути: Саша Машкевич, Алиджан Ибрагимов и Патох Шойиев — подарили мне 300 тысяч долларов. Я отдал сумку с деньгами Харону — его в то время увлекли какие-то арабские проекты. Но проекты не сбылись, и сумка исчезла.

Мои родственники с трудом вернули часть суммы через суд. С тех пор мы не виделись с Хароном. Я не стал его преследовать. Человеку просто не повезло. Многие в то время занимались бизнесом и либо теряли все, либо становились миллиардерами.

Мне было не до этого. Мой бизнес — писать и заниматься общественно-политической деятельностью. Хотя и с бизнесменами я встречался. С той «евразийской тройкой», которой я помог, меня связывали довольно теплые отношения. Они помогали Неваде, закупали десятки тонн детского питания, мы создали для этих целей АО «Невада-Семипалатинск» и все шло хорошо. До тех пор, пока Назарбаев не узнал об этом. Он очень хотел получить Нобелевскую премию, считал себя «закрывающим» полигона и всячески боролся с оппонентами. Поэтому поставил перед теми бизнесменами условие — никакой помощи Сулейменову и Движению «Невада-Семипалатинск». Помню, как однажды ночью они пришли ко мне домой, извинились, оставили сто тысяч долларов и ушли.

Запомнились и такие маршруты.

В феврале 1994 года я прилетел в Грозный на 50-летие со дня трагической депортации вайнахов (чеченцев и ингушей) в Казахстан — 23 февраля 1944 года. Все в Чечне и Ингушетии знали (в 1989 году я выступил в Верховном Совете СССР с предложением начать работу над законом «О реабилитации репрессированных народов»). Нас встретил Дудаев. На скорбно-гневном митинге, который проходил в тот день, выступили трое. Открыл его муфтий Мухамед, потом дал слово мне. В толпе слушавших большинство были молодые люди, родившиеся «на нашей каторге». Я сказал, что они должны прожить свою жизнь без тех потрясений, что испытывали их отцы и деды.

Выступление на митинге закончил словами: «Пусть не придет война на землю вайнахов!»

(Война пришла в том же году. Из тех тысяч молодых, что стояли на площади, почти никто не дожил до наших дней.)

Завершил митинг Дудаев: «Если кто-то попытается снова отнять Родину, мы все ляжем костями, но на родной земле!»

Джохар Дудаев был талантливым военным, прекрасным оратором, но неопытным политиком, не познавшим правду слов «политика — это искусство компромисса».

Потом был военный парад. По площади проехало несколько старых танков, промаршировали «молодые-необученные» в камуфляже, а в конце провели черного коня без всадника, затем прошла вдова в черном и провезли на орудийном лафете тело Звиада Гамсахурдиа — первого президента независимой Грузии..

Гамсахурдиа — филолог, пламенный оратор, националист — был избран площадью, ею назначен президентом. Его лозунг «Грузия — для грузин!» тут же расколол многонациональную Грузию на воюющие друг с другом части.

Я помнил его отца — писателя, который много сделал для грузинской литературы. Он был отчаянным националистом. И это отражалось в его произведениях. Многие из них содержали ложные факты и неверные определения, повлияв на грузинскую культуру и вырастив сына Звиада.

Последние свои дни первый президент, боровшийся за «чистоту нации», скрывался в Чечено-Ингушетии. Там его и достали.

После митинга мы приняли приглашение Дудаева, пришли к нему домой, побеседовали. Я говорил ему, что войны нужно избежать всеми силами. Он отвечал, что «война будет обязательно».

Дудаев был абсолютно уверен, что другого варианта уже нет. Этот человек, как и почти все другие вайнахи, был рожден в Казахстане в годы депортации, а все они называли Казахстан своей второй родиной.

«Если нас Россия подавит, сомнет», — говорил он за ужином, — то вы окажетесь следующими. И тогда мы встанем рядом с вами, чтобы сражаться и за вашу свободу». Я ему опять: «Давайте лучше жить так, чтобы война не пришла ни к вам, ни к нам».

Конечно, в те годы там было непросто. Все проходившие поезда чеченцы останавливали и грабили. Советского Союза уже не было, поставлять продукты никто не собирался. Так они выживали.

Понимаю, что все это было обусловлено предыдущими десятилетиями их истории. Один такой факт из истории депортации, о котором стало известно в конце 80-х, я запомнил на всю жизнь.

В том документе, опубликованном в закрытой печати, сообщалось: 23 февраля 1944 г. в районе высокогорного аула Хайбах выпал снег, заваливший все дороги. График депортации срывался. И тогда комиссар госбезопасности Михаил Гвишиани приказал загнать всех 600 местных жителей в колхозную конюшню и сжечь. Тех, кто вырвался, расстреливали из автоматов. Об этом он докладывал (видимо, Берии): «В связи с невозможностью транспортировки 600 человек из высокогорного села, я принял решение их ликвидировать».

И в ответ: «Благодарю за службу. Награждаетесь за образцовое выполнение задания орденом Суворова»).

До сих пор не могу осознать эту жестокость.

Без знания подобных фактов невозможно понять тот взрыв, который произошел в сознании этих народов. Я встречался со многими чеченцами, ингушами, карачаевцами в Казахстане. И даже когда мы с Шакеном Аймановым снимали фильм «Земля отцов» (1966 г.), мы вставили туда эпизод, как один старик-чеченец на крыше вагона возвращается на Родину умирать. Но он не доехал — его снесло с крыши вагона.

Может быть, такие факты личной биографии, живые встречи, запомнившиеся дружбы и ошибки, говорят о прожитой жизни лучше и подробнее. И об этом забывать нельзя.

...Копни лопатой и найдешь
в земле народов кочевых,
оседлых
слова проклятий.
Нет,
слова надежд!
Иначе б я их не оставил в сердце.
Проклятое бессмертие обид!
Тысячелетья радости не помним,
но миг обиды миром
не забыт,
колокола обид гуляют в поле.
И люди мстят слезами —
за слезу,
за степь — пустыней,
вечными песками,
тоской — за грусть,
клинками — за лозу.
За миг обиды люди мстят
Веками.
За слово отнимают языки,
в обмен за ласку
отнимают гордость.
Так было —
если били, то в виски,
а если обнимали, то
за горло.
Века сгорали в пламени атак.
И побежденного из поражений
Тащили к жизни
за уши, да так,
что, право, не выдерживала шея.
...Может, зря мы толкаемся в этом аду?
Может, зря мы желаем
друг другу несчастий?
В душегубках глухих обывательских душ,
может, зря
нас казнят ежечасно!
Мы — Голодные. Бедные. Черные.
Есть — белее.
Мы в обложках цветных.
Есть зеленые, как салат.
Все обложки XX века —
Шолом-Алейхем!
Мое имя сегодня ответом —
Алейкум Салам.

О ЮРИИ ДОМБРОВСКОМ

(сапиенсы против эректусов)

Это был очень открытый человек, нараспашку, настежь открытый. Использовал любую возможность читать вслух стихи. Только свои, в основном — лагерные. Читал, жестикулируя, громко, роняя вставную челюсть, не останавливался, подхватывал её с пола, с маху возвращал на место и дочитывал, убеждающе произнося все согласные и гласные:

«..Меня убить хотели эти суки,
Но я принес с рабочего двора
Два новых наостренных топора.
По всем законам лагерной науки
Пришел, врубил и сел на дровосек;
Сижу, гляжу на них веселым волком:
«Ну что, прошу! Хоть прямо, хоть проселком...»
— Домбровский, — говорят, —
ты ж умный человек,
Ты здесь один, а нас тут... Посмотри же!
— Не слышу, — говорю, —
пожалуйста, поближе!
Не принимают, сволочи, игры.
Стоят поодаль, финками сверкая,
И знают: это смерть сидит в дверях сарая,
Высокая, безмолвная, худая,
Сидит и молча держит топоры!
Как вдруг отходит от толпы Чеграш,
Идет и колыхается от злобы:

— Так не отдашь топор мне?
— Не отдашь!
— Ну, сам возьму!
— Возьми!
— Возьму!
— Попробуй!
Он в ноги мне кидается, и тут,
Мгновенно перескакивая через,
Я топором валю скуластый череп,
И — поминайте, как его зовут!
Его столкнул, на дровосек сел снова:
«Один дошел, теперь прошу второго!»
И вот таким я возвратился в мир,

Который так причудливо раскрашен.
Гляжу на вас, на тонких женщин ваших,
На гениев в трактире, на трактир,
На молчаливое седое зло,
На мелкое добро грошовой сути,
На то, как пьют, как заседают, крутят,
И думаю: как мне не повезло!»

Поэт он или прозаик? Конечно, поэт. Поэзия — не обязательно писание в рифму. Поэзия — это мышление образами. Он может быть просто журналистом, прозаиком, драматургом или писать стихи. А мы определим — поэт он или нет по его произведениям и судьбе.

Помню один из его приездов в Алма-Ату в начале 60-х. Осенью, поздно ночью выманил меня звонком из дома. Я вынес теплую бутылку коньяка, оставил ее в сквере неподалеку, зашел в гостиницу «Иссык» за Юрой — он жил там со своей молодой женой Кларой, но при ней не пил.

Мы вышли и отправились в сквер искать бутылку. Я объяснил Юре диспозицию и приступил к поискам, зажигая спички и освещая путь. Вскоре обнаружил заветную бутылку, а рядом — две пары спутанных ног. Видимо, какая-то молодая пара проводила время в парке. Я взял свою бутылку и молча удалился.

Мы посидели в сквере возле Союза писателей на скамейке. И, по предложению Юры, пошли к кому-то в гости. Выяснил по пути — к известному актёру из Драмтеатра. «А он нас ждет?» — «Лет двадцать как ждет!» — успокоил Юра.

«Почти народный» обитал в какой-то далеко не элитной пятиэтажке. Да ещё на последнем этаже. И лестница без нескольких ступенек — полпролета не хватало. «Зачем идем?» Юра раньше меня преодолел провал, отдышался и на весь подъезд ответил: «Пусть расскажет, падла, за что он меня посадил! Он пьесы хотел писать лучше, чем Шекспир! Не вышло. Вот и написал свой сучий донос! Я — в Магадан, а он — звания заслуженные получать!..»

Наконец, добрались до нужной квартиры. Заперто. Юра сильно, двумя руками толкнул дверь. Она распахнулась. Пустая комната. Светится одинокая лампочка на шнуре. Покосившаяся койка. Стул.

«Да у меня в лагере мебель была получше!.. Вот до чего предательство доводит. Мечтал — зайду и выбью ему последние зубы. Как мне выбили. А теперь не уверен в себе. Не смогу. Мне его жаль. Веришь? предавших сама жизнь не прощает. А ведь мы когда-то дружили, были счастливы».

С тем «почти народным» тогда так и не удалось увидеться. Он, вероятно, услышал Юрия, когда мы штурмовали лестницу, и спрятался у соседей по площадке. И, конечно, не вышел.

Это один из эпизодов нашего многолетнего общения с Юрием Домбровским. Мы встречались в Алма-Ате и Москве в разных, в основном, писательских компаниях. Но запомнились не разговоры, а вот такие сюжеты, в которых судьба Юрия, его характер, миропонимание наиболее выразились.

Юра объяснял смысл своего романа «Обезьяна приходит за своим черепом» так: *Homo Sapiens* — это тоже Номо, которых было много (*erectus*, *habilis* и др.) в прошлом. И у одного из них произошла какая-то мутация в содержимом черепа. Может быть, появилась извилина. И он стал отличаться от остальных. Те эректусы, которые существовали миллионы лет, не оставили после себя ничего образного. Да, они изобрели острые камни из кремния, и все на том. А *Homo Sapiens* мы узнаем, когда появляются знаки. Они оставлены на камнях Человеком Мыслящим. И когда слишком проявляется эта новая мутация, старая обезьяна приходит за черепом — с тем привычным содержимым — который она когда-то оставила. В этой метафоре во многом содержится творчество Юрия Домбровского.

Он убежденно утверждал, что и сегодня человечество состоит в основном из эректусов. Среди них в разные эпохи проявлялись группы сапиенсов. В одних этносах — больше, в других — меньше.

В XX веке эректусы проявились заметно — две мировых войны! Человечеству осталось дожить до последней, Третьей.

...Он бывал разозлённым, но не помню его недобрым. Чем человек выделился из среды братьев по природе? У каждого из нас есть свой ответ. Я полагаю — чувством сострадания. Юрий Домбровский, проверивший на себе весь набор страданий, отмеренный советскому писателю середины двадцатого века, всё же сохранил в рабочем состоянии это самое человеческое чувство. Таким он мне и запомнился.

ЗНАК ЭЙЗЕНШТЕЙНА

Любопытная деталь: Сергей Эйзенштейн — советский режиссер, художник и теоретик искусства — все свои работы алма-атинского периода (портреты, эскизы, раскадровки) подписывал загадочным значком **М**. Наум Клейман, научный руководитель музея Эйзенштейна, поделился со мной своим толкованием этого иероглифа. Он считает, что зачеркнутая буква **М** означала для художника период эвакуации из Москвы. Я попытался увидеть большее. В письмах, отправляемых из Алма-Аты в другие города в 40-е годы, Алма-Ата для сокращения обозначалась аббревиатурно **А-А** или **а-а**. Так, вероятно, было принято в то время всеми алмаатинцами. В том числе, и временными (эвакуированными).

Возможно, отсюда надо искать подходы к иероглифу. Эта приемлемая для обывателя аббревиатура художнику виделась математической формулой. Эйзенштейн — наиболее глубокий из когорты реформаторов искусства (делавший кинематограф образным искусством, уходя от аналитической описательности), стремился к многозначной, емкой метафоре. И в кино, и в графике. И потому самым экономным решением оказалось не **А + А**, но **М**. Синтез двух порождает третий, новый иероглиф с выступающей отчетливо семантикой — сочетание гор **М** и степи — . Образ Казахстана, увиденный художником.

И одновременно возникает щемящее чувственное значение — (слияние двух **А** и зачеркнутая **М**) — «прощай, Москва». Графический символ эвакуации.

Таким образом, развитие знака **М**: «прощай, Москва» — «здоровствуй, Алма-Ата» (горы и степь).

ПИЖОН КАЛМЫКОВ

Я помню явления Калмыкова на улицах нашего города. Часто видел, выходя из Союза писателей, как он в парке стоит на скамейке и оглашает окрестности, представляясь местным жителям. В одном моем эссе из «Голубиной книги» его образ гуляет свободно:

Аман палеолог:

Обычная схема, по которой строится историко-документальное изложение, надоела:

предисловие,
суесловие,
послесловие.

Предлагаю новую структуру — полиптих.

Слегка о термине:

Птих в древнегреческом означал навощенную таблицу для письма. Текст процарапывался острой палочкой — стилем. Связки таких дощечек в Греции и в Риме назывались по количеству — диптих, триптих, полиптих, — нанизывались на ремешок и носились у пояса. При ходьбе хлопали.

Давно мечталось вернуть птих из сферы церковно-приходского художничества в лоно строгой письменности. В нем после долгой разлуки появилось что-то щемящее: как будто сидит на перилах балкона маленькая озябшая птица тихо-тихо, и вдруг оборотилась...

Жил при театре, зарабатывал задниками художник Калмыков. Тогда в наш лексикон только входило словечко пижон. Жители города одевались однообразно. Форменным цветом была темная серость.

Появление пижона Калмыкова на улицах воспринималось нами как счастливый ожог: широченные штаны, раскрашенные акварелью под закат, оготело желтый сюртук, буро-серые волосы по плечам и, в довершение ансамбля, необъятная бескозырка, без лент, но с красным верхом. Только сейчас я нашел ей сравнение — она была похожа на летающую тарелку. Его долго принимали за шпиона — слишком не по-нашему был одет. Нет, была еще серая холщовая сума на длинной помочке, пересекавшей портупейно спину и грудь. Всегда сутулясь, не поднимая глаз, брел он по своим непонятным делам, придерживая у бедра погромыживающую суму.

Потом как-то незаметно ушел...

Наш сосед, честно служивший в театре постановщиком (рабочим сцены), рассказал, что комиссия по наследству распределила оставшиеся после «дурака» вещи так: одежку забрал вахтер — отпугивать воробьев на личном огороде, а сума досталась ему. Золота и сбер книжек, к сожалению, не оказалось, хотя слухи были упорными.

Сума служила чехлом и таской для книги, размером вполне обыкновенной, но тяжелой, так как сшита она была из фанерных листов.

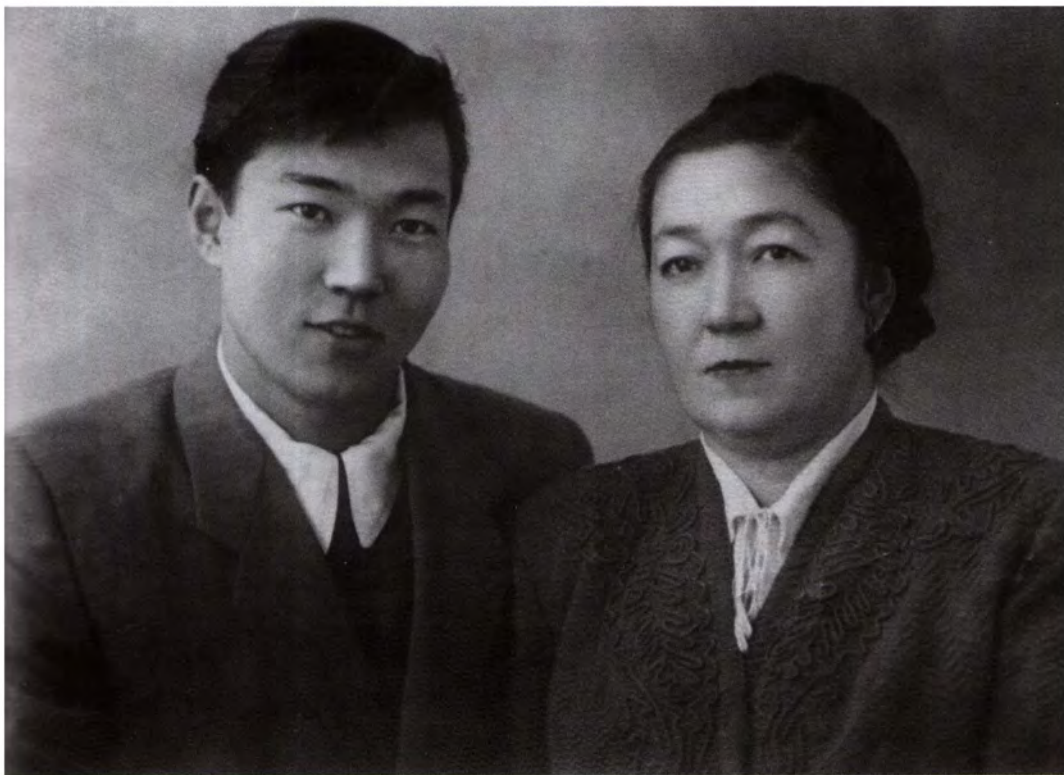
Я видел этот фолиант, записанный от руки разными красками, и помню заглавие: «Голубиная книга».

Постановщик прослышал, что за стихи платят хорошие деньги, немножко успокоился, взял несколько отгулов и переписал «фанеру». Получилась целая тетрадка. Пытался издать под своей фамилией и своим имя-отчеством.

В одной газете ему ответили, что содержание нашим дням не подходит. В другой и вовсе уличили. Стишата эти, вышло, не дурак сочинил, а кто-то до него, лет, может, за тыщу. И книг таких печатано было при старом режиме навалом.

Постановщик испепелил фанеру в печке и вернулся на сцену. А суму подарил мне за полбутылки и какую-то зряшную закуску. Если бы у театрального деятеля нашлось время заглянуть в этимологический словарь, он узнал бы, что «Голубиная книга» — это небесное послание в стихах о начале всего сущего. Правильней — «Глубинная книга» — один из вариантов названия широко известной Беседы трех святителей, в которой сведения о генезисе земного заимствованы из книги о мудрости Соломона. Голубиной она стала называться ошибочно под влиянием народных представлений о святом духе, посетившем деву Марию под видом голубя. Подробней о романтическом подвиге священного птаха постановщик мог бы узнать из «Гавриилиады», если бы стихами желал не только зарабатывать, но и просвещаться. Заинтересуй его и дальше тема голубя, он дошел бы до признания того факта, что имя птицы связано со словами «Голубой» и «Гълубь». Лишь глубокая вода и глубокое небо — голубые. А голубь в нашем представлении — детище этих двух стихий. Но не цвет оперенья обеспечил замечательному птаху исключительную известность. Его блистательная слава обусловлена участием в драматических для человечества событиях, в которых голубю довелось играть роль счастливого случая.

Когда две глубины встретились, как два жернова, ветвь оливы, принесенная в слабом клюве, указала нам путь к спасению. Разве забудется этот подвиг?

С мамой – Фатимой Насыржановной Сулейменовой

Годы учебы в Литературном Институте им.Горького

1960-е годы. С Константином Симоновым

Работа на «Казахфильме» с Ш.Аймановым, М.Бегалиным и др.

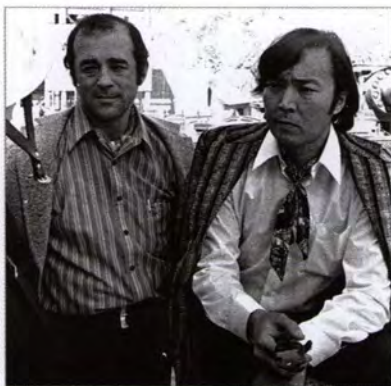

С Санжаром Джандосовым, Геннадием Толмачевым и др.

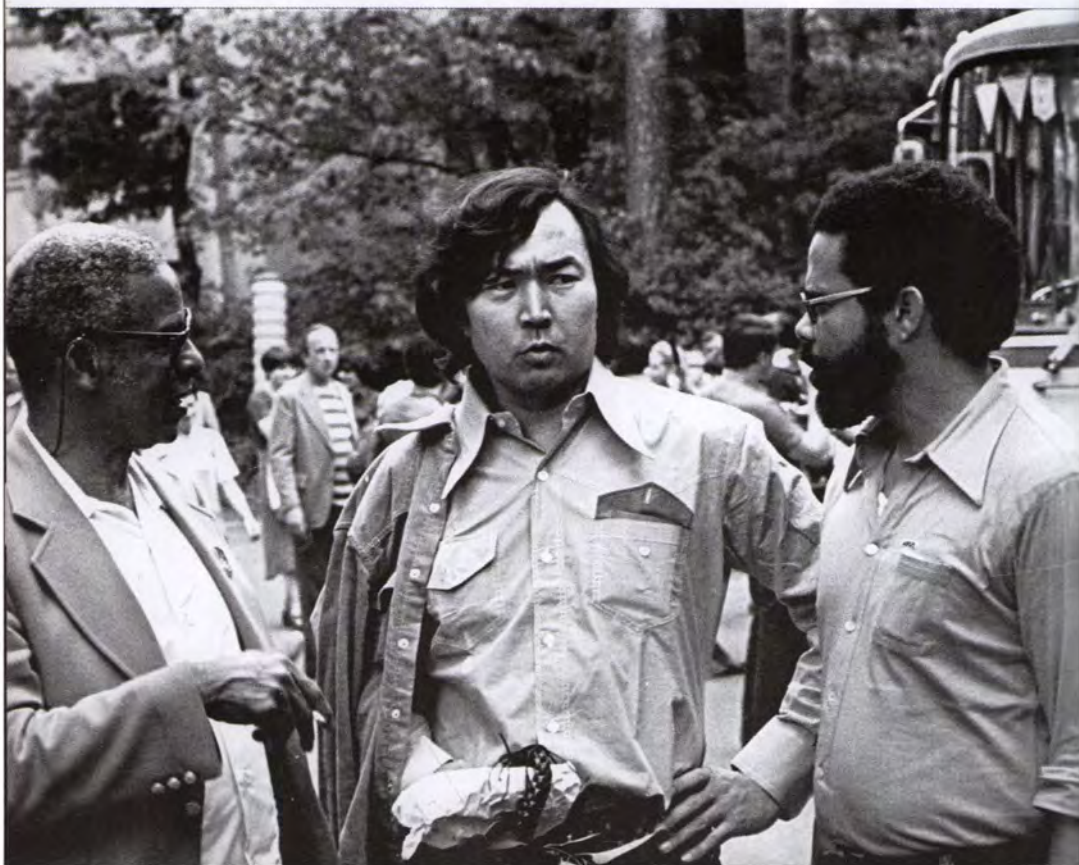

С Евгением Евтушенко

1970-е годы. С Р.Рождественским, Р.Казаковой, В.Коротичем и др.

Ангола. Работа по линии Комитета по связям с писателями Азии и Африки

Декабрь 1986 г. Встреча с участниками «декабрьских событий»

Митинг Международного антиядерного Движения «Невада-Семипалатинск»

Акции Международного антиядерного Движения «Невада-Семипалатинск»

Встреча с конгрессменами США. 1990 г.

С коллективом Постоянного Представительства Казахстана в ЮНЕСКО

С Леоном Робелем
и Жаном Бахытом

В кругу семьи

2013 - 2022

INTERNATIONAL DECADE
for the RAPPROCHEMENT OF CULTURES
DÉCADE INTERNATIONALE
du RAPPROCHEMENT DES CULTURES

На посту директора Международного Центра сближения культур
под эгидой ЮНЕСКО

Международный научный журнал социальных и культурологических исследований «BILGAMESH»

С Арманжаном Байтасовым

А когда наши каравеллы заблудились в опостылевших голубых пространствах, разве эта экстремальная ситуация не напоминала картины потопа и, молясь о спасении, разве не вспомнили мореходы новые фокусы с птицами? Кто обвинит их, что последовали они его примеру!

Как сигнальные ракеты Терпим Бедствие, взлетали с кораблей почтовые голуби и растворялись в голубизне без остатка, подобно сахару в кипятке. И когда истаял последний голубь, и не осталось никаких надежд, грянула буря.

Нарушился в океане порядок. Эй, художники, успокойте панически настроенных матросов изложением концепции природной, по которой ужасающая бесформенность шторма столь же необходима для всеобщей гармонии, как и отвратительный штиль и благодостный бриз. Убедите вопящих, блюющих, сброшенных волнами в кипящую пучину черноты, что хаос — одна из разумнейших композиций порядка!

Ушел циклон, но еще катили валы, еще гудели чугунострунные виолончели ветров. Хлопали дверцами пустые голубиные клетки. Пластом лежали на палубах замученные качкой и отчаянием люди.

И медленно зародилась новая надежда. Она обозначилась на закате черной точкой, устало росла, набухла, превращаясь в птицу. И мушкетер Христофор проявил, наконец, свое умение.

Птица упала на палубу головной каравеллы. Она лежала в дрожащих ладонях стрелка; из распоротого картечью зоба сыпались на желтые доски палубы окровавленные зерна невиданной формы⁸.

Птица эта была голубем, но необычным. Темноперый, мохнатоногий голубь не походил ни на одну из голубых почтовых птах, сгинувших в океанских просторах.

Но это был Голубь!

Повернулись носы кораблей туда, откуда принесли его крылья.

А на утро с мачты раздался долгожданный крик вокруг смотрящего:

— Эврика-а-а!

На самой высокой скале берега, в орлином гнезде погребли останки голубя, сложили из базальтовых глыб далеко заметный тур и сообща порешили наречь страну голубя Колумбией. Нанесли на карту.

⁸ Когда-нибудь эти зерна назовут маисом по имени индейского племени майя.

А изможденный, заросший бородой стрелок Христофор разбил о камни тура свой мушкет и попросил товарищей отныне называть его в честь убиенного Колумбом⁹. Чем и остался в истории.

«Не вызывает сомнений подлинность изложенных фактов».

Документы, недавно найденные в Вифлееме при рытье котлованов под бомбоубежище, проливают неожиданно критический свет на устоявшиеся представления об отношении голубя и девы Марии.

Учитывая зрелый возраст легенды, сдержим мальчишескую запальчивость новой версии — прочтем надписи не торопясь, разумно совмещая научную взыскательность с чувством здорового смущения. Еще раз убедимся, что интеллектуальное наслаждение доставляется нам трепетным сниманием покровов с волнующей правды, но не бесстыдно-жадным созерцанием голой истины.

После добросовестного изучения черепичных текстов выяснилось, что на самом деле, кажется, было так:

...когда из дома Марии (еще не святой) вышел и пошел, озираясь по сторонам, незнакомец в ярком хитоне, Плотник, возвращавшийся с трудов, узрел это действие.

— Кто посетил тебя, дева-жена? — поинтересовался он.

— Да один пижон, — отмахнулась Мария и поспешно занялась хозяйственными делами. Мимо пылил караван с благовониями. И спросил Плотник:

— Скажите, чужестранцы, что за племя такое — пижоны?

— В наших, далеких краях, о местный житель, так называют некую пичугу, голубя¹⁰.

Возрадовалось сердце труженика, вселились в него мир и благоговение: кто из мыслящих станет ревновать жену к какому-то пернатому.

Поведал он соседям забавную историю: прилетал, дескать, к же-не-деве голубь, принявший облик человеческого. Посмеялись те добродушно и писцам донесли, дабы на черепках отразили.

— Что же ты не сказала сразу, что это был голубь? — говорил ночью Плотник, успокоено лежа рядом с супругой.

— Сокол ты мой ненаглядный, — восхитилась Марья, — дай я тебя приголублю.

⁹ Colombos — голубь. (лат.).

¹⁰ По-видимому, караванщики были из французов: голубь — le pigeon (по ихнему).

Эта версия подкрепляется и научными доводами. Живая природа представляет полную свободу Опыту. Она зависит от бесконечной череды перекрещиваний внутривидовых и, с известной оговоркой, межвидовых. Она одинаково страстно поощряет синтез любых форм живой материи, наблюдая и крах, и завязь — необходимые этапы развития. Доказывая, что нет самобытных форм и все сущее развивается во взаимодействии. Но подчеркивает: плодотворна общность в борьбе противоположностей. Стадность одинаковых столь же бесплодна, как и одиночество. Так как эти формы аналитические. У полка солдат не больше шансов произвести самостоятельно сына полка, чем у одинокой девы.

Голубь ей, конечно, противоположен, но не в такой степени. Межвидовые скрещивания иногда дают в результате явление синтеза (например, кентавры и песеглавцы), но, как правило, рождаются уроды, не способные продолжать род. «Изменяйте особи, но не виду».

...Голубь вифлеемский, вошедший в образ чужой, так и не смог вернуться в перья и крылья свои; и блуждает с тех пор по свету, открывая земли, чтобы забыться в них. Но мстительный ястреб памяти настигает его всюду и когтит.

Появляется странный странник в городах и весях всегда со стороны неведомой. И не найти ему обетованную, где бы грех его не шел за ним. Может, это — Калмыков?

...В светлую полночь залетел на мой балкон темный, мохнатый турман. Теперь сидит, нахохлившись, белоглазый, на сундуке со старыми книгами и улетать не собирается. И кукурузу не клюет, и воду из плошки не пьет.

Кувыркаются в полдневном ослепительном небе белые, палевые сизари — он равнодушен. Глаз не поднимает. Складывается впечатление, что ему не интересен наш мир, усложнившийся в результате тысячелетних опытов синтеза. Мир, где рядом с розовой сиренью цветут фиалковые розы, мир, описанный красками голубыми и чернилами красными.

Даже на белоснежные Пестрые горы мои не смотрит вороной голубь, хотя каждая из них не хуже оливкового Арапата. Вернулся из долгого отсутствия птиц. Сидит и думает.

«КАГАНЫ КРАСОК, ПАДИШАХИ СЛОВ...»:

О ЧИНГИЗЕ АЙТМАТОВЕ

Жизнь Чингиза Айтматова биографы теперь, увы, вправе делить на четко очерченные периоды. Один из них — самый протяженный, почти в четыре десятилетия, можно назвать периодом творческого счастья. Он начался с поступления молодого Айтматова на Высшие Литературные курсы в Москве, где произошла встреча с Мухтаром Ауэзовым, порекомендовавшим его «Джамилю» Твардовскому в «Новый мир», а затем — Луи Арагону. Но более прочный, долговременный успех обеспечила встреча в «Новом мире» с редактором отдела прозы — Дмитриевой. Этой «незаметной» профессии сейчас, к сожалению, не придается должного значения. Иные издательства обходятся без редакторов и даже без корректоров. Начинающему писателю Чингизу Айтматову встретились в самом начале творческого пути чуткие, профессиональные редактора. Они помогли ему обрести стиль и утвердиться в русской прозе.

С распадом СССР завершился счастливый период в жизни замечательного советского романиста. Не стало «самой читающей страны в мире». И вместе с Великим Читателем и великим издательским искусством обрушилась, стремительно отошла в прошлое великая советская литература. Выдающиеся имена сразу потускнели. Все эти спады и обрывы пришлось в полной мере пережить Чингизу Айтматову, одному из самых плодovitых, прославленных писателей, избалованных вниманием государства и многомиллионного читателя. Айтматов, лишившись этих привычных подпорок вдохновения, два десятка лет сопротивлялся неожиданному забвению, писал, печатал новые вещи, но они уже выдавали не поиск, а скорее растерянность автора. Профессиональному читателю достаточно полистать первые страницы, чтобы понять, стоит ли читать дальше. Из айтматовских вещей я прочел от начала до конца и перечитывал не раз «Джамилю» и «Буранный полустанок». После опубликования одной новой вещи он звонил мне — «узнать мнение». «Тавро Кассандры» я не смог дочитать и признался в этом. Пошутил, что в Брюсселе не хватает Дмитриевой или Коркина — его редакторов. Все время ощущается преодоление русского языка кыргызом. А редакторы этот

эффект, вероятно, снимали. В «Джамиле» и «Буранном полустанке» — вольная языковая стихия. Такие совершенные книги становятся ступенями подъема к некой вершине, с которой имя автора становится видно и будущим поколениям читателей. И не суть важно, сколько ты преодолел ступеней: потому что достаточно и одной-двух для бессмертия, а другому и ста не хватает. Если в этих ста не нашлось места для главных чувств и мыслей. А в айтматовских ранних произведениях они прозвучали во весь голос.

Последний период — два десятилетия на дипломатической работе. Сначала в ранге Посла СССР в крошечном Люксембурге. Потом представителем маленького Киргизстана в центре громадного Европейского Союза. И всюду его принимали не просто как великого посла своего пока еще малоизвестного народа, но как явление мировой культуры.

И казахская природа, образы степняков после Ауэзова наиболее планетарно прозвучали в романах Айтматова. Это мы признаем с благодарностью.

О феномене Чингиза Айтматова еще многое будет сказано. Нужно время, чтобы осмыслить, понять во всем объеме, что собой представляла эта фигура, неслучайно проявившая себя в Евразии на стыке тысячелетий, о которой я когда-то написал в записке ему:

«..Идут с востока новые Чингизы,
каганы красок, падишахи слов,
и вовсе не монголы,
а киргизы...»

АНАРУ РАСУЛ ОГЛУ РЗАЕВУ

Письмо к Председателю Союза писателей Азербайджана

Дорогой Анар!

В такие дни (по себе знаю) приходит много приветственных посланий. Среди них немало искренних. Мое письмо, уверен, поместишь в эту папку.

Когда-то в юности писал о кочевниках — «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом». За несколько десятилетий нашего знакомства-приятельства-дружбы-братства мы, думаю, узнали главное друг в друге. Я многое понял и в себе, и в мире, благодаря встречам с такими людьми, как ты, Анар. С твоей землей, с твоим народом. С его откровениями, радостями и бедами, которые выплескивались на страница твоих книг. Окрашивая их то светом, то кровью.

Нам досталось удивительное время. И свершениями, и трагедиями великое. А кто захочет узнать подробности, полистают наши биографии. Историю жизни поколения, отвергавшего откровенную ложь, но не раз обманутого грандиозными иллюзиями, и оказавшему незащищенным перед оскорбительной, грубой правдой жизни.

Профессиональные биографы опускают детали, кажущиеся несущественными для характеристики героя и эпохи. А я сейчас вспоминаю множество наших мимолетных порой встреч в Москве, в Баку, Алма-Ате, Стамбуле и каждая запомнилась мне каким-то особым сюжетным поворотом, необходимо дополняющим образы личности и времени.

...Весна 1986 года. Съезд писателей. Кремлевские коридоры — встречи коллег из разных республик. Объятия: месяцами не виделись. Кипящие кулуары, перестроечные темы. Мы все в ожидании перемен в жизни страны. Этими настроениями — для кого-то радостными, для кого-то тревожными — переполнены и речи с трибуны. Заключительный день съезда. Зачитывается список кандидатов в члены правления Союза писателей СССР. Зал вносит поправки, дополнения. Утверждается список открытым голосованием. Избирается счетная комиссия. Председателем выбирают меня. Всем делегатам раздают бюллетени со списком кандидатов. Для

тайного голосования. Несколько урн в коридоре. Многие, получив бюллетень, тут же опускают его в урну, некоторые уединяются, возвращаясь в опустевший зал, и убирают какие-то фамилии из списка. Комиссии отводится для работы одно из больших кремлевских помещений с десятками столов. За каждым столом по члену комиссии, и перед ним стопка бюллетеней. Всего надо посмотреть несколько сот. В полной тишине идет подсчет. Председателя можно пригласить только жестом — подняв руку. Подхожу к столам — несколько бюллетеней перечеркнуто крест-накрест. Понятно: эти делегаты раздражены, что не попали в список. Такие листы откладываются в отдельную стопку: будут включены в разряд испорченных. К ним не относились «нормальные» с отдельными демократическими вычерками. Например, «деревенщики» вычеркивали «либералов» — Евтушенко, Рождественского, Вознесенского.

Я увидел, что ты поднял руку. Подошел. Ты показал два бюллетеня, поразительно похожих друг на друга по количеству и составу зачеркнутых фамилий. Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Мустай Карим, Кайсын Кулиев... Вычеркнута почти треть из списка. Все азербайджанские, киргизские, узбекские, дагестанские, чеченские, ингушские, карачаевские, таджикские, каракалпакские... То есть все мусульманские без единого исключения. Кто-то из делегатов совершил этакий тотально-избирательный геноцид — при тайном голосовании.

Поднял руку еще один член комиссии. И у него оказался точно такой же бюллетень. Всего собралось документов такого типа более двух десятков. Я проверил по составу съезда — кому, какой делегации могли принадлежать эти бюллетени. Их было ровно столько, сколько армянских делегатов.

Я смотрел на эти большие исчерканные черными полосами страницы и пытался понять что-то мне недоступное. Я знал их всех. С некоторыми часто встречался на всевозможных писательских собраниях и в дружеских застольях. Поднимали тосты друг за друга. Что случилось? Не слышал, что на предыдущих съездах было такое. Сговор. Заметил, что не все было ровно и внутри самой делегации: в некоторых из этих бюллетеней особенно яростно вымараны и армянские фамилии. Я заинтересовался — в сотнях других бюллетеней более не нашлось вычеркнутых фамилий с характерными окончаниями на -ян.

Все эти листы комиссия включила в число испорченных и их показатели не были учтены в результатах голосования.

Девизом того съезда был лозунг: «Дружба литератур — дружба народов!».

Два десятка голосов не отразились на решениях съезда. Но они оказались для нас первыми признаками «горбачевского гриппа», который вскоре сокрушит государственный иммунитет, и тогда несколько таких воспаленных голосов хватит, чтобы сравить народы и разрушить страну. Трагедия одного народа не сделает счастливым другой. История не раз подтверждала эту истину. И кому как не литераторам ведать о ней.

Художественная, как и научная история — это искусство памяти. Но мы видели, что история способна искусственно превращаться в злопамятность и, передаваясь от поколения к поколению, калечить сознание людей.

Писатели древности излагали историю как череду войн. «Хочешь мира — готовься к войне!». Любая война — это геноцид. Увы, почти узаконенный международной практикой. Война всегда приводит в действие беспощадный революционный принцип «Или-Или». «Или ты, или я!», «Или мы, или они!».

Литераторы и так называемые ученые-историки, воспитывая поколения в сознании «или-или», готовили войну.

Наших отцов (здесь я не имею в виду конкретно Расула Рзу или Омара Сулейменова) увлекла романтика борьбы «или-или», приведшая к столкновению и уничтожению классов, сословий и целых народов. Но лучшие из поколения отцов услышали, поняли завет природы, настойчиво подсказывавшей человечеству эволюционный принцип развития — **И-И**, благодаря действию которого сохраняется жизнь на земле. И сохранится, если люди осознают его во всей полноте. «И ты, и я!», «И мы, и они!».

С того съезда прошло несколько десятилетий. Многое изменилось в сознании людей и нашего поколения. Мы уже по-другому понимаем такие некогда яркие термины как «свобода», «независимость», «демократия». Жизнь внесла коррективы в эти понятия. И, если бы сейчас повторилось то голосование, я думаю, бюллетени армянской делегации утратили бы то удручающее однообразие.

Период независимости самые разумные политики используют как время осознания нашей всеобщей взаимозависимости. Мы все больше понимаем, что классы в обществе, народы-соседи всегда были взаимозависимы, но не осознавали этого главного условия существования. А теперь такое осознание приходит. И мы, писатели, должны помочь нашим народам.

...Анар, тебе очень удачное имя придумал отец. Кроме других благородных ассоциаций, оно у меня вызывает и такое — в пустынях

восточного Прикаспия одnogорбого, сильного верблюда-самца называют казахи — нар. Его ставили обычно в конце каравана. В те поры родилась пословица: «У последнего верблюда ноша тяжелей». На него взваливают тюки, уроненные ушедшим вдаль караваном.

Нам с тобой, Анар, предстоит поднять немало таких, уроненных грузов. Донести до людей, до народов, которые должны жить, исповедуя природный закон **И-И** в эпоху осознанной взаимозависимости.

О БАУРЖАНЕ МОМЫШУЛЫ И РАХИМЖАНЕ КОШКАРБАЕВЕ

О Бауржане Момышулы

Есть несколько человек, под влиянием которых формировался мой характер, образ мыслей, отношение к миру. Порой достаточно одной-двух встреч, чтобы на всю жизнь «заразиться» человеком. Процесс формирования личности сложен: в нем принимают участие на равных и литература, и история, и современники. Я буду счастлив, если мне удастся в этой книге рассказать откровенно и точно, как человек влияет на человека. Свойства одних облучают тебя через толщу времени (например — Чокан), другие воздействуют непосредственно, в обиходе.

В этой книге мне не обойтись без Бауржана Момышулы.

...Я знал его давно, с детских лет, с того дня, когда прочел «Волоколамское шоссе». Потом я узнал его лично и в общении открывал в нем новые и новые черты, которые не зачеркивали литературный образ, врезавшийся в сознание.

Трудно ему пришлось. Трудно быть литературным героем и жить среди своих читателей. Читатель в большинстве любит историю, но не всегда согласен увидеть в живом современнике черты исторической, легендарной личности. Слишком много бытовых подробностей насаиваются на его репутацию. Тем более, когда этот человек из легенды сам способствовал тому, чтобы быть героем анекдотов.

После войны полковника Момышулы пригласили читать лекции в Московской военной академии. На первой лекции присутствовал и сам начальник учебного заведения, генерал. После лекции он пригласил вновь испеченного преподавателя к себе в кабинет. «Все прошло хорошо». — сдержанно похвалил нового преподавателя генерал.

«Замечания есть?» — волнуясь, спросил Бауке.

«Есть одно. Акцент немного мешает», — сказал начальник.

«Акцент?» — спросил недавний фронтовик и неожиданно перешел в атаку — Пошел на хер! Акцента нет?». И покинул академию навсегда.

Бауке с его эксцентричным характером сумел вызвать в народе весь диапазон чувственных реакций: мы уважали, мы восхищались, мы смеялись, мы гордились. Некоторых он заставлял злиться, страдать, но и сострадать. У единиц он вызывал чувства подлые, у большинства — благородные.

В один из весенних дней я встретил его в Союзе писателей. Бежал по лестнице, он меня остановил и в своей безапелляционной, командирской манере сказал: «Поедешь со мной!» — «Куда, Бауке?» — «На Кубу!».

До сих пор жалею, что какое-то дело помешало мне выполнить его приказ. Предыстория его поездки такова. Советские журналисты брали интервью у Рауля Кастро. На вопрос: «Какие из наших военных героев наиболее популярны на Кубе?» — министр обороны этой страны ответил, не задумываясь: «Чапаев и Бауржан Момышулы». Книга Александра Бека «Волоколамское шоссе» читалась на Кубе не только как художественное произведение, но и как учебное пособие в военных училищах. Узнав, что Бауржан Момышулы — не выдуманный литературный герой, что он жив и сам пишет, Рауль Кастро передал через журналистов приглашение Бауржану Момышулы посетить Кубу.

...После возвращения из поездки Бауке пригласил меня домой. Я видел знамя кубинской дивизии, почетным командиром которой он был там назначен. Фотографии, где изображен полковник Бауржан Момышулы, принимающий военный парад в его честь. Видел ворох газет с материалами, отражающими моменты его пребывания на острове свободы. Где, в каком нашем музее хранятся эти материалы?

Опять и опять приходилось вспоминать слова поэта: «Лицом к лицу лица не увидать: большое видится на расстоянии». Чтобы увидеть большое, надо, вероятно, самим быть большими. Уметь подниматься над ворохом мелких обстоятельств, чтобы увидеть и оценить главное в человеке — то, чем он ценен для народа и его культуры.

О Рахимжане Кошкарбаеве

Однажды мы пошли в баню на Октябрьской улице. Директором этой бани был Рахимжан Кошкарбаев. Я слышал о нем раньше, но не был знаком лично. Мы зашли к нему в кабинет, представились и побеседовали.

...В те дни в Союзе писателей мы готовились к очередной дате, связанной с Великой Отечественной войной. И я выступил перед нашими писателями с предложением подготовить к этому юбилею сборник, куда вошли бы воспоминания солдат: «Если кто-то воевал, пусть напишет свои воспоминания, если нет, пусть найдет соседей-фронтовиков. Запишите их рассказы. Мы соберем их в сборник и издадим».

И уже при второй встрече с Кошкарбаевым я предложил ему поучаствовать в этом: «Вот Вам тетрадка, напишите от руки на нескольких страницах. Что было тогда, 30 апреля сорок пятого в Берлине?»

Он согласился: «Да, это я могу написать. Я тогда был командиром взвода, у меня был ординарец Григорий Булатов. Мы лежали, стрельбы уже не было. Где-то отдаленно раздавались выстрелы. Справа от нас метрах в двухста стоял разрушенный дворец. Я знал, что это был немецкий Верховный Совет — Рейхстаг. Было видно, что там никого нет. Я решил посмотреть, проверить. Мы с Булатовым поползли, хотя уже можно было передвигаться короткими перебежками, но решили не рисковать. Пули вокруг не свистели. Поползли, встали, смотрим — высокие двери открыты, некоторые выбиты. Рейхстаг пустой, крыша разрушена.

А на мне под гимнастеркой был штурмовой флаг, обернутый вокруг торса. Обычно перед тем, как войти в город или поселок, командирам выдавали эти флаги. И мы, как отвоевывали дом, тут же размещали флаг, чтобы следующие за нами солдаты не атаковали его, знали, что он уже наш. С этой целью штурмовые флаги распространяли среди командиров рот и взводов. И у меня как раз оказался. Я вижу: Рейхстаг уже, по сути, взят, вытащил флаг, хотел водрузить — а прикрепить не к чему. Тогда я Булатова посадил на плечи, и он прицепил наш флаг повыше, над дверью.

Вдруг слышим внутри какие-то женские голоса. Мы взводим автоматы, заходим. Смотрим — две женщины с чемоданами, ходят, что-то собирают. Говорят по-русски. Мы на всякий случай: «Хенде-хох! Руки вверх!». Вывели их. Спрашиваем: «кто вы, откуда, что делаете?»

«Да вот, вещи собираем, но здесь ничего нет, все пусто».

Выяснилось, что эти женщины были когда-то пригнаны сюда из России.

И через некоторое время видим — через площадь бежит какой-то наш солдат. Я его остановил, поручил ему отвезти этих женщин в часть. И сами вернулись к себе. Я доложил своему командиру. Тот передал дальше: штурмовой флаг на Рейхстаге. И 2 мая в фронтовой газете на первой странице сообщение: «Славные сыны казахского народа Кошкарбаев и украинского Булатов водрузили флаг на взятом Рейхстаге». Каждого наградили орденом Красного знамени. Мы довольны, все хорошо. А потом узнали продолжение истории.

Тот солдат привел женщин с чемоданами к себе в часть, обо всем доложил своему командиру, что на Рейхстаге установлен штурмовой флаг лейтенантом из соседней части. Этот докладывает выше — командиру полка. Командир полка передал еще выше. И так по лесенке информация дошла до Жукова. А у него было задание — повесить на Рейхстаг знамя Верховного Совета СССР. И он дал поручение: найти и подготовить к поднятию знамени правильных героев — русского и грузина. Русского нашли быстро. Егоров был разведчиком, орденосносцем. А грузина нашли в хозчасти — человека, помогавшего колоть двора, готовить еду. Недавно мобилизованный. Но фамилия подходит — Кантария.

И 9 мая уже со съёмочной группой всех отправили на Рейхстаг. Поднялись на крышу, установили знамя. Все запечатлели. Конечно, символически это правильно. Русский народ, грузин — полководец. Это была символическая точка в войне.

Но с середины мая начали награждать участников этой акции. Раздавать золотые звезды. Наградили командиров дивизии, полка, части. Дали звезды Егорову и Кантария. Наградили даже того солдата, приведшего женщин в часть.

Григорий Булатов кричал: «Может, еще и тем бабам звезды дать? Почему нас не наградили? Что они сделали?».

Я его успокаивал: «А мы с тобой что сделали? Что особенного? Ну пришли, повесили флаг. Какой тут героизм?».

Он переживал это очень сильно и после войны. Через некоторое время попал в тюрьму, много пил, всем рассказывал о том, что это он повесил флаг. А когда вышел из тюрьмы, повесился сам. Так закончилась эта страница истории».

Я спрашиваю: «А как же фильмы и кадры хроники взятия Берлина, как штурмуют Рейхстаг, как прорываясь сквозь толпы немцев, Егоров и Кантария водружают флаг?»

— Конечно, это все придумали. Но ведь война была по-настоящему. Поэтому на такие мелочи не стоит обращать внимания. Наградили орденом и спасибо. Недавно мое имя дали какой-то пионерской организации в Германии, — ответил Рахимжан Кошкарбаев.

Я взял тетрадку с этим рассказом и отнес в Союз писателей, отдал сотруднику, которому поручил их собирать.

Спрашиваю: «Много собрал?»

— Олжас Омарович, Вы первый принесли.

Оказалось, никто из писателей, к которым я обратился, не воевал, а знакомых фронтовиков у них не нашлось. И желания. Тех нескольких, кто воевал, мы знали. У них даже книги вышли об этом. А новый состав оказался неспособен даже сохранить историческую память.

Я обратился с этим призывом еще раз. Принес рассказы своего дяди Фазыла и дяди Артыка, вернувшихся с фронта один — майором, второй — капитаном. Сдал все, что собрал, одному чудаку в Союзе писателей. Договорился с издательством «Жазушы». И уехал. Тогда я часто бывал в разъездах. А когда вернулся, спрашиваю чудака: «Сдал в издательство?»

«Не помню, вроде сдал».

Тот юбилей прошел как-то незаметно. Сборник так и не вышел. Но самое главное — тетрадка с воспоминаниями Рахимжана Кошкарбаева была утеряна безвозвратно. А ведь это был исторический документ.

...Мы начинаем понимать, что в исторической ретроспективе та война была войной осознанного интернационализма с сознательным нацизмом.

Провокатором войны во многом был Сталин. Он не считал людей даже за «человеческий материал». Для него ничего не стоила человеческая жизнь. Тысяча жизней. И даже миллион. Таких масштабов было его самомнение. Ростом он был 160 сантиметров, травмированная в детстве рука высохла. И он комплексовал, не хотел, чтобы рядом стояли те, кто был выше его. Из высшего командного состава в живых оставил только Ворошилова и Буденного. Один из них был на полтора, а другой — на два сантиметра ниже его. Им он оставил право жить и носить погоны. Так он «укреплял» Красную армию. Боясь заговора, уничтожил весь командный состав своей армии, которая двадцать лет готовилась к войне. Уже с финской войны полками командовали капитаны и лейтенанты. Об этом стало известно в Германии.

Гитлер планировал начать войну в мае, но что-то помешало. Если бы нападение началось в мае, Москва была бы взята. Армия была обессилена. А задержка на два месяца спасла страну — начались дожди, танки завязли, а потом и морозы подоспели.

Тогда Красная армия состояла из 4 миллионов офицеров и солдат. 3 миллиона стояли на Западных границах. Один миллион остался на Дальнем Востоке — на всякий случай, против Японии. В первые два месяца войны почти вся армия на западном направлении была уничтожена. Убиты или взяты в плен.

Некоторые из наших старших писателей были тогда солдатами. Они рассказывали мне, как сдавались в плен: «Мы бежали голодные, босые. Выскакиваем на дорогу с поднятыми руками. А эти едут на машинах, хохочут. Отказывались брать нас в плен. Пленных ведь надо содержать. А нас почти два миллиона. Еле сдались».

Фашистская армия двигалась к Москве по двум направлениям: через Ржев и по Волоколамскому шоссе. А Москву уже нечем защищать. Все необученные студенты, старшеклассники уже под ружьем. Украина, Закавказье, Беларусь и Прибалтика захвачены. Откуда брать резервы? Москва уже эвакуируется. Эшелонами отправляли на фронт всех подряд. Из ближних областей. По дороге учили. Рекрутов набирали из Казани, Западного Казахстана, Алма-Аты.

На Волоколамском шоссе стояла Панфиловская дивизия. Им нужно было продержаться две недели до подхода того миллиона, который начали перебрасывать с Дальнего Востока. Сталин наконец поверил сообщению Рихарда Зорге о том, что Япония не будет нападать на СССР. Ей хватало Америки.

В результате, до подхода миллиона солдат с Дальнего Востока казахстанцы и остальные солдаты, набранные из ближних регионов, продержались две недели, обороняя два направления: Ржев и Волоколамское шоссе. И история о 28 героях панфиловцах неслучайно получила такую известность. Они действительно стояли насмерть и под Ржевом. У Твардовского есть стихи:

«Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме...»

Сталин тоже своеобразно решил защищать Москву. Издал приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 428 от 17 ноября 1941 года: все села в радиусе 100 километров от Москвы сжечь. Наступала холодная зима. И чтобы немцам было негде остановиться и отогреться, сжигать эти села направлялись молодые диверсанты, в том числе Зоя Космодемьянская. Ее схватили сами жители, когда она сожгла три дома, и сдали немцам. Уцелевшие жительницы запомнили ее слова, которые она произнесла уже с петлей на шее: «Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят».

А взятие Берлина «ударными темпами»? Жуков непременно хотел взять Зееловские высоты, никому уже не нужные. Они давно не представляли стратегического значения. Нет, надо взять. И не важно, сколько сотен тысяч человек положили на это. Жуков тоже мыслил сталинскими категориями. Люди прошли почти 5 лет войны, выжили и полегли на Зееловских высотах, чтобы взятие Берлина состоялось 1 мая, как велел Сталин. Вот такая война и такие стратегии. Поэтому понятно отношение Рахимжана Кошкарбаева и его оценка напоследок. А мы успели открыть для себя историческую правду о штурмовом флаге на стене Рейхстага.

Когда в 1946 году стали известны потери немцев — 8 миллионов, Сталин объявил, что советский народ потерял всего 7 миллионов: потому что народ-победитель должен был потерять меньше. Хрущев после XX съезда повысил цену победы — 20 миллионов. Горбачев довел цифру до 27 миллионов. Так и остановились на этих данных. Хотя современные исследователи называют и 42 миллиона. Вот такая цена была у победы из-за мышления главнокомандующего, сотворившего в 30-е годы такое со своим народом. Известный прозаик Астафьев очень точно сказал: «Мы утопили немцев в своей крови».

* * *

Одно из своих стихотворений я посвятил обоим — Бауржану Момышулы и Рахимжану Кошкарбаеву:

Их имена шуршат как штурмовые флаги
Бауржан Момышулы и Рахимжан Кошкарбаев..
...Атака, как потрава.
Взбушует дар крота,
когда ударит справа
чужая высота.
Зажмуришь рану

броском горсти.
«Вставай!»
«Не рано?»
«Пора. Прости...»
Прижата пулеметом
ноздрями в грязь
момышевская рота.
Не поднялась.
Подался, искорежен,
твой правый фланг.
Нет тяжелее ноши
в бою, чем флаг.
Погибнуть — ведь не то же,
что околеть?
Вопрос, казалось, легкий,
ответ не прост.
Ты испытал такое —
вставать с колен?
Неведомое счастье —
подняться в рост?
Крылатое мгновение,
как взмах пера,
талант бойца —
уменье —
понять пора!
Предчувствовать событие —
нелегкий дар.
Пора!
Ты из укрытья
и под удар.
Хвосты обмоток,
бинтов кора,
из черных глоток
итог: «Пора-а!»

...Две совершенно разные фигуры: Бауржан Момышулы и Рахимжан Кошкарбаев. Первый был по-настоящему героической личностью. Второй — более спокойным. Работал директором бани, потом получил повышение и стал директором гостиницы «Алма-Ата». Их биографии по-разному интересны и дополняют историю XX века.

ПОЧЕМУ МЫ ПЬЕМ ЗА ЧУЖОЕ ЗДОРОВЬЕ?

(все болезни твои на себя принимаю)

Однажды я приехал в город Джамбул, куда меня давно и настойчиво звали читатели моих первых книжек. Я нашел время и прибыл, рассчитывая провести в этом жарком, но зеленом городе неделю.

По прибытии меня усадили в просторную машину и привезли в какой-то дом, где меня явно ждали и приготовились достойно. Стол был щедро накрыт. Усадили на почетное место (төр), во главу стола. И поднесли большой тостаган (деревянную, раскрашенную масляной краской чашу), заполненную (я понюхал) водкой. Пол-литра явно вместились.

— Олжас Омарович, здесь не все собрались, кто Вас любит! Есть еще немало домов, где ждут. Просим начать эту первую долгожданную встречу!

Я действительно выпивал редко и только среди «своих», то есть, среди близких друзей, а тут — все незнакомые, да, еще — такая «рюмка». Обидятся, если откажусь. Ждали дорогого человека и дождались. Если для них это так важно, то рюмка или тостаган — какая, к черту, разница! В несколько глотков опустошил чашу. И сразу отрубился!

...Долго я там не пробыл. Дня два. «Срочно, — говорю, — в Алма-Ату надо».

Едем на вокзал. Провожающие чувствуют себя виноватыми: «Мы так старались, а Вы недовольный уезжаете...».

Я отвечаю: «Благодарю за гостеприимство. Но больше сюда не приеду».

— Почему?

— Ну что это за манера? Человек только пришел, а ему сразу пол-литру в руки!

— Но мы ждали, что Вы первым сделаете глоток и передадите тостаган нам дальше по кругу. У нас так принято! А Вы почему-то все выпили...

— Надо же объяснять! В такое дурацкое положение поставили. Теперь, наверное, все в Джамбуле говорят: «Ну, Сулейменов и пьет!».

Я вспомнил Алтай, где однажды присутствовал при обряде лечения тяжелобольного. Он лежал на полу юрты, вокруг сидели близкие родственники и друзья.

Шаман что-то наговорил в большую чашу с водой, несколько раз обнес ее вокруг головы лежащего (собрал в чашу изгнанные им болезни, как мне объяснили, поэтому жидкость в чаше стала горькой). Произнес какие-то важные для всех слова, сделал большой глоток и передал тостаган ближайшему родственнику. Тот отхлебнул, потом — другой. Чаша пошла по кругу, пока не опустела. Близкие больного выпили его болезнь, и он должен был выздороветь.

Я тогда подумал, что обряд «чаша по кругу» вышел в мир из таких шаманских мест. И формула тоста — «за ваше здоровье» — произошла из этого обряда. Поднимая рюмку водки или дорогого коньяка и произнося «За здоровье всех присутствующих!», человек как бы жертвует собой, принимая в себя болезни сотрапезников. «Чаша по кругу» вышла из моды. Ее объем «разбили» на «стаканы» и «рюмки» горькой. Собравшиеся за столом, чокаясь своими чарками, не знают, почему это делают. Они воссоздают объем «чаши по кругу».

Так джамбульский тостаган мне надолго запомнился. И многое объяснил — происхождение стакана (то стакан) и тоста «За здоровье!». Да и слова «тост».

*...Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто,
я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои
на себя принимаю,
я кочую, кружусь по дорогам
твоим...*

Изобретатели моих болезней

Болезней собралось несколько. Со всеми по пути справлялся, но диабет задержался. Летом 2011 года мы с Маргаритой Владимировной собрались в Карловы Вары, где пили целебные воды почти каждое лето. Перед поездкой на курорт было положено пройти обследование в поликлинике. Маргарита Владимировна прошла без задержек. А меня попридержал кардиолог.

Он послушал и категорично определил: «У Вас аритмия!». Уверенный тон, безапелляционное определение. Всех лучших врачей из Совминки перевели в Астану — в новую правительственную поликлинику. А этот был из «оставшихся». Но верить и подчиняться надо. Он, не откладывая дело на потом, влил мне в кровь контрастное вещество и направил на УЗИ (ультразвуковое обследование). Я

сходил, обследовался. Кардиолог изучил результаты, они ему не понравились, и он вколол еще дозу контраста. Потом еще одну. И сказал — хватит.

Мы прилетели в Карловы Вары. Поселились в привычном отеле. Сдали кровь на анализ. И следующим утром пришли за указанием — из какого источника пить воду. Маргарите Владимировне не разрешили пить из любого, там их более десятка.

А мне сказали: «Вам пить местную воду нельзя». Врач показал результаты анализа — «Креатинин — 70. Норма — 2-3».

Такой она была до посещения этого кардиолога. Я узнал, что при повышенном сахаре вводить в кровь контрастное вещество (йод) нельзя. Или один раз, но осторожно и сразу пытаться очищать от него организм. А наш «невзятый» в один день уколол три раза и погубил мои почки.

Я слетал в Москву, нашел Институт кардиологии. Обследовался у Евгения Ивановича Чазова, с которым познакомился и подружился в 1989 году, когда работал депутатом Верховного Совета СССР и приходил к нему на прием по делам Движения «Невада-Семипалатинск».

Евгений Иванович пропустил меня через все механизмы своего Института и сказал: «Никакой аритмии у Вас не было и нет. А ваш неграмотный кардиолог должен заниматься другим делом. Растить яблоки, например. Только к алматинскому апорту его допускать нельзя».

...Недавно я встретил того кардиолога в коридоре той же Совминки, куда хожу лечить диабет, а теперь и почки. Бородка и усики его поседел. Пополнел, работает в больнице, руководит отделением кардиологии. Профессор. Скольким пациентам он успел испортить здоровье? Надо было последовать совету Евгения Ивановича — «врачей, однажды доказавших свою бездарность и безграмотность, нельзя допускать к следующим пациентам». Я в своей жизни не уволил ни одного человека. А здесь надо было добиться.

ЖАСА, ОЛЖАС! ЖИВИ И ТВОРИ!

Я познакомилась с Олжасом Омаровичем в доме своей однокурсницы по университету Эльвины Кафарзаде в один из его приездов в Баку. Эльвина была страстной поклонницей поэзии Сулейменова. В 1975 году, когда секретарь правления Союза писателей Казахстана Олжас Сулейменов был приглашен для участия в Днях советской литературы в Азербайджане, она вела в Азгосуниверситете вечер поэзии. До сих пор помню, как Эльвина читала со сцены стихи Олжаса – ярко, выразительно, с большой любовью к его творчеству. С тех самых пор и по сегодняшний день продолжается их семейная дружба.

Среди гостей азербайджанского студенчества были и другие именитые поэты. Однако если их молодежь встретила с вежливым уважением, то Олжаса Сулейменова — с бурным восторгом. В 1981-м, когда состоялась наша первая личная встреча, Олжас был уже человеком-легендой – автором культовой книги «Аз и Я», которая произвела настоящую революцию в умах и сердцах азербайджанской интеллигенции. «Аз и Я» расходилась по Баку в перепечатках, в фотокопиях. Эту книгу можно было найти на полках каждого уважающего себя библиофила.

После первой встречи мы общались в основном заочно, я много слышала о бурной общественной деятельности Олжаса Сулейменова конца 80-х начала 90-х годов XX века, он с интересом читал мои публикации в российской «Литературной газете», где я работала собственным корреспондентом по Азербайджану.

В одной из своих статей в «Литературке» я привела слова народного поэта Азербайджана Бахтияра Вагабзаде, который рассказывал мне, как во время жутких событий «черного» января 1990 года он посылал своим российским друзьям и коллегам отчаянные телеграммы, звонил им, надрывно крича в трубку, пытаясь объяснить, что в Баку произошло чудовищное преступление власти против собственного народа, что под гусеницами танков погибли дети, в упор расстреляны машины скорой помощи...

— Никто не откликнулся, вспоминал тогда Бахтияр Вагабзаде, — ни Женя Евтушенко, ни Чингиз Айтматов, ни Римма Казакова. А вот Олжас Сулейменов приехал — больной, с вирусным гриппом — буквально на следующий же день. И как мы все были ему благодарны!

Об этом же гражданском поступке почти десять лет спустя, во время встречи с Олжасом Сулейменовым, вспомнил и Президент Азербайджана Гейдар Алиев: «Считаю, что вы друг и азербайджанского народа, и мой друг. Вы пользуетесь в Азербайджане большим авторитетом и как писатель, и как политический деятель. В Азербайджане хорошо помнят вашу деятельность во время оккупации Азербайджана советскими войсками в январе 1990 года и очень высоко ценят, помнят Ваш приезд сюда на второй день после ввода советских войск в Баку. Вы прибыли сюда, выступили, осудили все это. В Азербайджане это очень хорошо запомнили».

С Президентом Азербайджана Гейдаром Алиевичем Алиевым Олжаса Сулейменова связывали искренние взаимоотношения. Помню, как тяжело пережил Олжас кончину Гейдара Алиева, которого он называл своим учителем, и с каким облегчением Поэт, полный тревоги за будущее Азербайджана, воспринял весть об избрании президентом республики Ильхама Алиева.

Вскоре после кончины Гейдара Алиева я поделилась с Олжасом Омаровичем своими творческими планами. Рассказала, что хочу написать большую биографическую книгу о нашем общенациональном лидере, что уже встречаюсь с людьми, близко знавшими Алиева, работавшими с ним. Попросила его поделиться своими воспоминаниями, впечатлениями об этой уникальной личности.

Беседа с Олжасом продолжалась два дня и вылилась в очень интересный материал, который я впоследствии опубликовала в азербайджанской печати. Естественно, все его размышления органично вошли в различные части моего многотомника «Гейдар Алиев. Личность и Эпоха».

Вот как сам Олжас потом вспоминал о нашей первой беседе:

«...10 мая 2003 года я прилетел в Баку на 80-летие Устаза, но праздник не состоялся: Гейдар Алиевич готовился к отправке в турецкий военный госпиталь. Самолет улетел. Мы собрались небольшим кругом, подняли тосты за выздоровление Учителя. Но настроение от речей не поднялось. В те дни Эльмира рассказала о своем замысле создать энциклопедически полный документальный роман о человеке, который дважды приходил во власть (второй раз в пенсионном возрасте), не боялся конфликтовать, наживать новых врагов, но

воспитал поколения, поднял Республику в советские десятилетия и спас израненное государство, почти утратившее только что добытую независимость. И вот мне довелось стать одним из первых читателей этого трехтомного труда. Отдельные главы рукописи начали приходить по электронной почте в Париж с начала года. Я их прочитывал, и толстые папки глав находили место в кабинетной библиотеке на “азербайджанской полке”, рядом с книгами других азербайджанских писателей и самой Э. Ахундовой — “Смерть полиграфиста”, “Это мы”, “Стеклянный дворец”».

Когда мы завершили наши беседы, Олжас Омарович дал мне своего рода напутствие:

«От каждого политического деятеля нашего времени остаются воспоминания, которые учат и должны учить следующих руководителей. Очень важно, чтобы политический, нравственный, человеческий опыт этих людей не был забыт, потому что он имеет воспитательное значение не только для руководителей. В каждой стране выработан свой определенный кодекс чести. Скажем, в Японии кодекс чести бусидо для дворян стал общенациональным кодексом. Какие-то нормы этого кодекса приобрели общенациональное значение. Российский дворянский кодекс чести, к сожалению, не обрел такого общенародного размаха и распространения, хотя это помогло бы и экономике, и политике. И когда мы говорим о таких фигурах, как Алиев, Кунаев, очень хотелось бы, чтобы их лучшие черты входили в комплекс качеств, которые можно было бы включать в общенациональный кодекс чести и морали, чтобы по ним можно было учить целые поколения, формировать людей. Вы этим и занимаетесь. Вы хотите показать эту личность в объективном свете. Если эта личность будет отражена в книге такой, какой она была в действительности, то уже отстоявшиеся в нашем сознании его черты, безусловно, войдут новыми штрихами в образ достойного человека, который должен влиять на воспитание наших наций. В этом и задача таких книг, как ваша».

Олжас Омарович говорит, что являлся первым читателем трехтомного труда. Именно столько томов было задумано первоначально, однако с течением времени проект разросся до шести томов (и семи книг). Все долгие десять лет, что шла работа, я ощущала поддержку Олжаса Сулейменова, его заинтересованное участие. Несмотря на большую занятость и собственным творчеством, и дипломатической работой, он находил время прочитать очередные главы романа, сделать свои замечания. А когда многотомник был завершен, написал к

нему послесловие, в котором дал весьма высокую оценку моему кропотливому труду. Не могу удержаться и приведу из этого послесловия обширную цитату:

«Эльмира Ахундова еще до окончания шеститомного романа исследования “Гейдар Алиев. Личность и эпоха” назвала эту работу главным проектом своей жизни. Первые три тома вышли в 2007 году. Я имел честь открыть их своим предисловием. И вот сейчас, перед выходом заключительного тома, пишу страничку послесловия, прочтя все шесть томов этой удивительной книги об удивительном человеке, жившем в необыкновенное время. ...Роман-исследование – необычный жанр, это сочетание искусства и науки. Субъективного и объективного. Художественной правды и правды жизни. Гораздо проще было бы за это время написать роман, где допускается дополнить документальную истину вымыслом. Но Эльмира решила записать подлинные рассказы современников о настоящем герое незабываемой эпохи. Эта правда живого документа ценней еще и тем, что она уходящая. За десять лет работы – сотни интервью, и большинство из них не повторятся более: многие из собеседников уже ушли. Искренность, откровенность этих невыдуманных рассказов, поразительное мастерство собеседника, сумевшего разговорить очевидца, делает роман выдающимся произведением документальной прозы, и, действительно, главной книгой писателя-публициста».

Олжас Омарович — очень внимательный и чуткий друг. За все годы моей работы над книгой о Гейдаре Алиеве он не только «держал руку на пульсе», но и поддерживал меня, защищал от нападков некоторых «ревнителей». Более того, он первым в личной беседе рассказал Президенту Азербайджана Ильхаму Алиеву о моей работе, высказал о ней позитивное мнение. В 2008 году в Российской государственной библиотеке по инициативе Фонда Гейдара Алиева проводилась презентация первых четырех томов моего романа. Олжас, не колеблясь, оставив все дела в Париже, прилетел в Москву и выступил на презентации. И как же я была ему признательна!

А когда в 2014 году за этот многотомный роман мне была присуждена Государственная премия в области литературы, Олжас Омарович первым откликнулся теплым письмом, разделив со мной мою радость:

«Дорогая Эльмира ханум! Бесконечно рад был узнать о присуждении Государственной премии Вам — автору великолепного многотомника о великом Гейдаре Алиеве! Вы оказались первым литератором независимого Азербайджана, удостоенным такой почетной награды.

Судьба подготовила Вам замечательный подарок к юбилейному дню рождения. Горд, что мне выпала честь написать вступительные слова к этому выдающему произведению о нашем учителе. Поздравляя, жму Вашу натруженную руку и целую ее! Здоровья, новых творческих побед во славу родного Азербайджана! Ваш Олжас Сулейменов».

За эти годы у меня было немало встреч с Олжасом Сулейменовым и его супругой Маргаритой Владимировной, посиделок в кругу близких Олжасу по духу людей (Анар, Вагиф Самедоглу, Фархад Халилов), теплых встреч не только в Баку, но и в регионах Азербайджана.

Запомнился творческий вечер молодого музыканта, дочери Эльвины — Лейлы Кафарзаде (Олжас муаллим специально прилетел в сентябре 2009 года вместе с супругой в Баку, чтобы принять участие в этом вечере). Ну и, конечно, два юбилея выдающегося поэта, которые были отмечены в Баку (70-летие) и Габале (75 лет) по инициативе его близкого друга, министра МЧС, генерал-полковника Камаледдина Гейдарова, человека очень творческого и креативного. Горжусь, что имела отношение к организации обоих вечеров в качестве ведущей и автора сценария.

Помню, я предоставила слово председателю Союза художников Фархаду Халилову и сообщила гостям, что Фархад был болен, когда я отыскиала его в Москве, прикованного к постели жесточайшим гриппом. Узнав о юбилее своего друга, он совершил поистине героический поступок: за два дня в прямом и переносном смысле этого слова поставил себя на ноги, чтобы перелететь из Москвы в Баку, а затем приехать в живописную Габалу. Поистине, дружба способна творить чудеса!

На моей памяти — интересные разговоры с Олжасом Омаровичем о ситуации в мире, о достижениях и, вместе с тем, болевых точках в наших странах. К Азербайджану Олжас Омарович относится по-особенному, и всё, что у нас происходит, живо интересуется его. Несмотря на громадь творческих дел, бурную общественную жизнь, дипломатические обязанности, Олжас — частый гость в нашей республике, где с каждым приездом у него появляется всё больше искренних и преданных друзей. Когда в Баку праздновали 1300-летие древнейшего эпоса тюркоязычных народов — дастана «Китаби деде-Коркуд», Олжас не мог остаться в стороне от такого события, хотя у него существовал свой, как всегда неординарный, взгляд на происхождение эпоса и дату его появления на свет. Первым в научном мире сопоставив героев дастана с персонажами древнеегипетских солярных мифов, Олжас дерзнул предположить, что «Книга деда моего

Коркуда» — старейшее литературное произведение на Земле, старше «Илиады» и «Одиссеи». Его эпатазирующий доклад вызвал жгучий интерес у ученых-тюркологов, собравшихся из разных концов СНГ и дальнего зарубежья на научную конференцию в рамках юбилейных торжеств. И, наверное, закономерно, что спустя еще несколько лет, когда по инициативе Азербайджана в Брюсселе открывался памятник Деде Коркуду, рядом с президентом Ильхамом Алиевым стоял именно он — Олжас Сулейменов.

По словам его друга и ученика Сафара Абдулло, Олжас Сулейменов «осознанно взял на себя нелегкое бремя представить всему миру казахский народ, который до него не был достойно, во всей полноте и красоте души представлен цивилизованному сообществу». Поэт Бахыт Кенжеев говорил, что «именно Олжас поставил Казахстан на карту мира в плане литературы, поскольку он был первый по-настоящему международный казахский писатель. Олжас очень много писал про казахов, про Казахстан, тем не менее, оказался интересным всему миру».

Да, поэт, мыслитель и общественный деятель, он давно уже перешагнул границы и Казахстана, и всего «эсэнговского» пространства, он воплотил в своем творчестве высоту, величие и удивительно гармоничный синтез разных культур и верований, он попытался раздвинуть границы нашего сознания до общепланетарных, космических масштабов. В этом плане поэт Сулейменов — действительно настоящий гражданин мира. А для всех нас, живущих в Азербайджане, он очень близкий, родной человек. И тоже очень настоящий. Человек, как говорится, с большой буквы. ...Пару лет тому назад Олжас муаллим прислал мне письмо-поздравление на юбилей, которое завершалось следующими строками: «В казахском языке есть такое слово – “жаса”. В разных контекстах оно выражает два, казалось бы, разных значения: 1) “живи”; 2) “делай”, “твори”. Когда-то смыслы не отделялись друг от друга. Думаю, и сейчас должно быть такое понимание: творю, значит живу! То большое, что ты сделала как писатель и общественный деятель, позволяет мне относиться к тебе в этот день с братским требованием-пожеланием: “ЖАСА, Эльмира-ханум! Живи и твори!” Прошу выполнять».

Вот и я сегодня обращаюсь к своему другу и брату Олжасу Сулейменову с сестринским напутствием: «ЖАСА, ОЛЖАС, ЕЩЕ МНОГИЕ-МНОГИЕ ЛЕТА! ЖИВИ И ТВОРИ!» В конце концов, Вы лучше других знаете, что творчество без счастья может быть. А вот счастья без творчества не бывает.

ПАМЯТЬ МИРА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ИЗ «1001 СЛОВА»

ПЕРВЫЕ СЛОВА

«Бык» — «Бог»

*Мы уходим на поиски древних знаков,
повстречаем их на дорогах разных,
Растворенные в формах воды и плазмы,
в фигурах гор и во взглядах магов,
отпечатаны в лицах людских и в пальцах,
в изваяньях египетских, в индских танцах...
Очертания символов явлены в слове.
Заклинаю вас, люди,
поклоняйтесь Корове.*

*Мы уходим на поиски грубых знаков,
опозоренных вещью,
возвышенных злобой,
осеженных выдохом вечности -
Словом...*

13 февраля 1976 года в зале Академии наук СССР (на Волхонке) состоялось обсуждение моей книги «Аз и Я». Пропустили в зал по списку — 47 человек. Состав: академики, член-коры, «рядовые» доктора наук (филологи). Обсуждение длилось с 9 часов утра до 6 часов вечера.

Ближе к завершению мне дали слово. Среди прочего в своей «апологии» я назвал статью одного московского лингвиста, с основным положением которой не согласился. Это место помню почти дословно: «За три века татаро-монгольского ига в русский язык попало всего пять-шесть тюркизмов».

В своем выступлении я предложил трехсотлетний период борьбы-взаимодействия земледельческой Руси с кочевым Востоком называть другим термином (например, взаимозависимости). А во-вторых или в-пятых, абсурдные «пять-шесть тюркизмов» вызвали мое запальчивое заявление, что в русском языке при внимательном изучении обнаружится 1001 тюркское слово. «И я готов это доказать!».

1001 — это образное выражение, означающее понятие «множество». Этносы человечества за многие тысячелетия соседства, борьбы, взаимодействия друг с другом обменивались предметами и материальной, и духовной культуры, поэтому в словаре множества языков (1001) содержится множество терминов, заимствованных у встреченных в истории.

И большинство из них пока не узнаны языковедами.

Я увлекаюсь этимологией с 1963 года (это дата моей первой публикации в журнале «Простор») и поэтому ко времени своего заявления о «1001» уже имел и опыт этимологии, и знания этимологических словарей — русского, латинского, тюркских и др. Уже те знания и тот опыт давали мне право на такое заявление. Теперь можно посчитать время моих постоянных занятий археологией слова и письменных знаков: 1963 — 2023 гг.

Шестьдесят лет.

За это время опубликовал около десятка книг по новой этимологии. Ни одна из них не была понята.

Сколько лет активно занимается языкознанием человек после окончания филфака?

Два-три года аспирантуры, потом два-три года уходят на защиту диссертации (кандидатов в ученые). Некоторые добавляют еще пару лет для защиты докторской. И все. Активный период узнавания материала этим ограничивается для большинства лингвистов. Потом десятилетия преподавания того, что осталось и закрепилося в памяти за первый период активного знания.

* * *

В этот сборник я помещаю новеллу о первых словах Homo Sapiens, которые были первыми названиями священных небесных знаков — Луны, Солнца, Венеры.

В 1973-м в Алма-Ате состоялась V Конференция писателей стран Азии и Африки. В столице Казахстана собралось более 80 делегаций. Мы готовили конференцию два года.

В 1971-м мы с поэтом Михаилом Лукониным прилетели в Найроби (Кению) для встречи с группой африканских писателей и определения проекта программы участия представителей Черного континента.

Именно там, в Найроби, в лето 1971 года я сделал одно из своих самых главных открытий. Однажды увидел на утреннем небе этого африканского города рождающуюся луну — юный месяц.

Но какой!..

Мы — северяне знали с детства только одну форму месяца — ☾. А на небе экватора юная луна выглядела поразительно — ☾.

Я понял, что лунопоклонничество родилось на экваторе. Юная Луна была признана более священным т.е. более полезным светилом, чем Солнце.

Юная Луна **светит, но не греет**. Полная Луна тоже светит, но похожа на Солнце, которое всегда круглое. А солнцу в Африке, да, и на экваторе поклоняться было нельзя. Да, конечно, светит, но ведь греет дьявольски! Солнце не могло стать богом в Африке, разве что дьяволом. Поэтому первые разумные африканцы на экваторе признали Юный месяц богом, которое помогает светом. Круглую луну ни с каким другим живым предметом было не сопоставить, поэтому жрецы первочеловечества не изображали круглую луну, иначе племя не поняло бы — чему поклоняемся — луне или солнцу.

И еще одно преимущество — небесный знак ассоциировался с земным предметом — рогами буйвола.

Одно это наблюдение свидетельствует об интеллектуальных возможностях зародившегося на экваторе вида. Только *Homo Sapiens* в отличие от *Homo Erectus* и других обладал образным мышлением. То есть по детали мог представить образ целого: юный месяц плыл по черному небу, как светлые рога черного быка, ставшего посланцем бога-луны на земле.

Так родился культ Небесного Быка. Бык и все его стадо были приобщены к пантеону. И молоко коровы человек научился пробовать. Но не мясо: еще не настало время.

Боготворя, человек подражал: самец *Homo Sapiens*, подражая Быку, становился главой семьи, рода. Обязан был заботиться о безопасности стаи, отыскивать места кормежки и водопоя. Первые короны первобытных королей, наверное, были похожи на рога буйволов.

Первые слова — самоназвания священных знаков-животных

Быку посчастливилось приобрести имя в первую эпоху истории устного языка *H.S.*, когда только «говорящие» животные получали имена: ими становились самоназвания животных.

Каждое животное пришло в эту жизнь с каким-то своим звуком или созвучием, ставшим его языком, которым он выражает все свои чувства — голод, жажду, страх, страсть, радость...

И *H.S.* пришел в мир со своим словом-языком.

Давно забыл его, потому что узнал, освоил тысячи имен других братьев по природе. Выучивая их тысячелетиями, развивал свой речевой аппарат, делая его способным произносить звуки, возможно,

не характерные для его слова-языка: шипящие, мычащие, блеющие, рычащие и т.д.

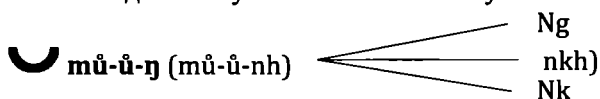
И сегодня дети во всех уголках Земли, еще не зная названий быка, барана, собаки (а их в языке каждого из семи тысяч этносов — сотни, тысячи), называют этих животных их первыми именами, которые звучат так же, как и 100 тысяч лет назад в языке Н.С.: му-у-у, ме-е-е или бе-е-е... Человеческому виду не сразу была дана многозвучная, многословная речь. Человек заслужил свой «великий, могучий» в десятках, а, может, сотнях тысячелетий, мыча, рыча, визжа и воркуя.

Человек, установивший родство знаков (рога ≈ месяц), одарил именем земного быка небесного предка.

Осознание такого родства заставляет жрецов тщательней вслушиваться в самоназвания рогатых.

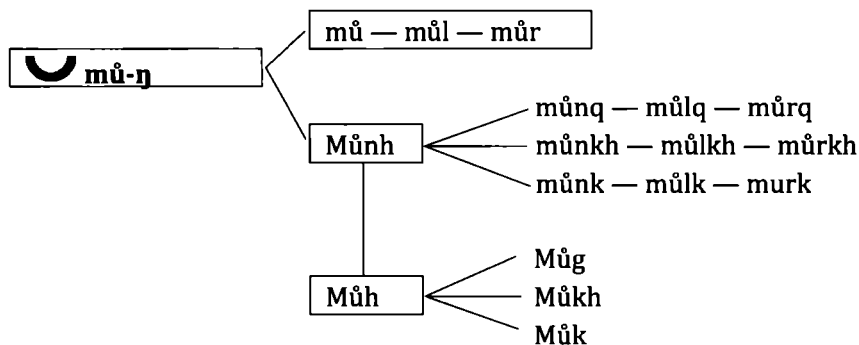
Да, жрецов: оказывается Н.С. к тому времени уже состоял из двух родов. Условно обозначим их род М и род Б.

После предельного уточнения самоназваний быка мы уже имеем право воссоздать такую знаково-словесную комбинацию:

1) «Бык»; 2) «Луна-бог» (позже — «Луна»).

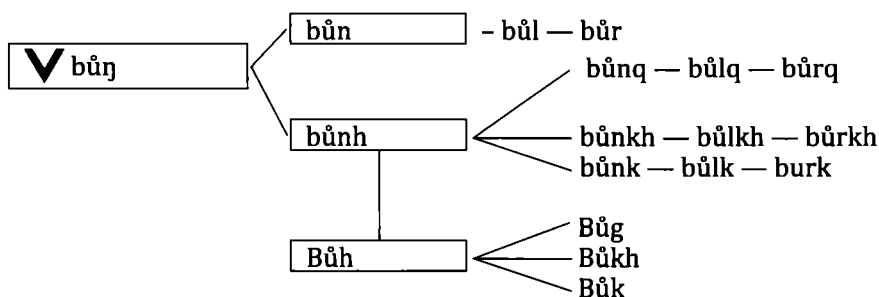
За тысячелетия имя знака, открытое человеком, испытывает в диалектах и языках этносов Н.С. фонетические изменения. Основные из них выражены в нашей схеме:

Так фонетически развивалось имя Быка-Луны в наречиях, вышедших из языка «рода М».

«Род Б» подарил человечеству похожую комбинацию.

Гомо-сапиенсы из другого племени услышали такое самоназвание буйвола — **bũ-ũ-ŋ**. Может, это было другое стадо и в другом месте. Или порода буйвола отличалась от той, что прослушивал первый лингвист. Да и фигура графемы стала отличаться. Как будто сделана острым орудием, а не краской (картины палеолита демонстрируют её до сего дня):

За знаком рода М (☾) — дольше сохранялось значение — «луна».

За знаком рода Б (V) — дольше значение — «бык».

Это можно увидеть в словарях Евразии.

Я, сообразно представленным схемам, говорю о целой семье «быков», собранных из разных словарей. И всем этимологам советую следовать этим путем: «Бык» — **bōs** (лат.), **bull** (англ.), **buk** (монг.) > **byk** (слав.) и т.д.

В английском сохранились производные обеих схем: **moon** — «луна», «месяц», и **bull** — «бык».

В русском словаре «**бык**» и «**бог**» — из этого разряда. И глаголы «мычать» (рус.), **mukati** (чеш.). Даже звукоподражательное «пукать» — из того же ряда.

Племя Homo Sapiens двигалось от экватора на север, продолжая поклоняться образу бога ☾, V, хотя формы небесного месяца изменялись: ☾ - ☾, >. Но сохранялось название — «**boq**», «**boh**»... Видимо, тогда появилось значение - ☾ — bok, сторона, одна из частей тела. И казахское **бок**, повторявшее форму знака - ☾.

* * *

Образ рогов Небесного быка постепенно, в веках, тысячелетиях менялся и вместо почитания образа появлялась вера. Вера в образ,

который когда-то был формой реального предмета. Таким путем, видимо, проходит любая религия.

Пройдя Африку до Средиземноморья, и перейдя на другой, северный берег, Ното наиболее мыслящие убедились, что бог-луна — прохладное светило, уже устарело и уступает Солнцу, которое **и светит, и греет**.

Те из них, кто поверил в солнце, скрывались в горных пещерах. Письменные следы, оставленные ими в палеолите в горах Испании и Юга Франции, дошли до нас. Там скрывались в древнекаменном веке первые солнцепоклонники, боясь гнева вчерашних единоверцев.

А как могли они письменно выразить образ нового бога? Нарисовать краской или острым орудием выцарапать на стене пещеры круг?

Но ведь и полная луна — круглая. Мы не узнаем, кто первым изобразил нового бога в виде отрицания прежнего.

Кто-то из первых «революционеров» еще продолжал поклоняться самому первому образу — бога-быка: ☺. И отрицая его, наложил на него образ копы — черту ☿.

Так родился письменный знак отрицания — один из самых устойчивых и древнейших в письменностях. Зачеркнуть изображение быка — это «убить его копьём»!

В Древнем Средиземноморье собрались почитатели Луны, некоторые из которых уже становились солнцепоклонниками. Знак отрицания Луны стал воплощаться в жутком обряде — истреблении быков. Тавромахия родилась там, где появилось солнцепоклонство и там доживает свои последние годы. Шпага должна пройти строго между рогами Быка прямо в сердце. Все эти знаки сохранились, воплощаясь в обряде.

Вероятно, были попытки знакотворцев изобразить Солнце-бога и просто круглым, но такое «солнце» не прижилось, ибо было слишком похоже на круглую, полную луну.

В итоге знак отрицания Луны-бога стал пониматься как священный знак Солнце-бога.

* * *

Такие сложные знаки Солнца дошли до наших дней — «Луна» + «копье».

На каменных стелах, стоявших в монгольских степях до конца XX века н.э. сохранились тексты древнетюркского рунического письма, расшифрованные датским рунологом В.Томсеном в XIX веке. Когда

возникло это письмо и этот древнетюркский (а точнее — огузский) язык? Мы только сейчас находим ответ на этот вопрос — в IV — III тысячелетиях до н.э. В эпоху Шумера.

В шумерском письме используются такие знаки: ➤ ud — «солнце», ⊕ udu — «бог солнца».

К этой группе примыкает и - gud — «бык».

Но эти знаки более поздней формы, чем знак солнца, сохранившийся в огузском алфавите: они уже без «копья».

Солнцепоклонники верили в иероглиф, но не могли согласиться, что знак солнца так не похож на облик реального светила. И неизвестный знакотворец внес поправку в образ. Он заменил «копье» на менее выразительный знак отрицания — «рану». Так появилась «красная точка» — «рана» от копья. Цвет точки — «кровавой раны» в разных письменностях менялся, пока не превратился в черную точку — знак конца. Таким путем в тысячелетиях создавались черта отрицания и точка окончания.

(Все толкования этого знака, сохранившиеся в словарях, говорят о том, что когда-то точка была красной. Я убедился в этом на примерах из древнесемитских, германских, славянских языков. Только японцы сохранили ее первичный цвет — красное пятно в центре белого флага.

По проекту египетского знака Солнца будут строить поселения, города. Строить, при этом имея в виду «точку зрения бога»: солнце, глядя с высоты, должно видеть свой знак, чтобы опекать своих верных верующих. По этому плану архитекторы создавали города-государства, и этот знак становился постепенно планом страны, а потом и всего мира, в центре которого, каждый этнос, не расставшийся с этим божественным знаком тысячелетия, видел себя. Формула этноцентризма.)

Так рождались знаки солнца:

1)   ... — палеолит — Луна + копье

2)   ➤ — III тыс. до н.э.

а) Луна-Рана

б) Луна-Юное Солнце в чреве Луны

В письме майя сохранилось это новое дополнение: «солнышко в чреве Луны» — солнышку придали лучистость. И название лучистого солнышка — **jash kin** — «новое (юное) солнце» (майя).

Судя по развитию знака, майя в III тыс. до н.э. еще были в Средиземноморье (— Ra др.егип.) или в Древней Передней Азии, где превратился в **udu** — «бог солнца» (шум.).

Теперь мы можем восстановить праформу **ud** — «солнце» (шум.):

 — **ud** — «солнце».

Так сложный знак, состоящий из **u** **d** превратился в **ud**.

Из какой письменности этот знак солнца попал в шумерское письмо?

Только в древне-огузском алфавите: из **u** **d**. И писали древние огузы справа налево. Поэтому сложный знак читался справа налево: **u-d** (а не d-u). Шумеры писали слева направо!

...Мы привели почти все знаки Солнца, представленные в древнейших письменностях IV — III тыс. до н.э.

Осталось привести знак солнца из древне-огузского письма:

D — **jaḡ** — «солнце» (праформа -).

Это явно заимствованный из другой письменности сложный знак, ибо он читался **слева направо**.

I — **j** — знак отрицания. - **aḡ** — «луна» (тюрк.) = **D** — **jaḡ** — солнце (отрицание луны).

* * *

Итак, мы установили — каким был первый священный символ — Юная Луна — . Так выглядит и выглядела всегда Луна только на экваторе. Как было сказано ранее, именно этот знак ассоциировался у первого человека с рогами быка и потому обожествление Луны вызвало почитание быка как ее земного образа. Но со временем, перемещаясь на Север человек почувствовал необходимость в тепле и

обожествил его источник — Солнце. Тогда вместе с отрицанием Луны (— рога светлого быка, «убитые копьем») началось истребление рогатых во имя Солнца и огня. Убитого быка стали жарить на огне и поедать. Появились котлы, в которых варили мясо и — шампур, на котором его жарили.

В эпоху солнцепочитания появились лодки с шестом, а затем и с веслом. Знак подсказал форму лодки и сосуда. Появляются лук со стрелами , а потом и кривая сабля.

Попутно: — **gud** — «бык» (шум.)

Это ошибка шумерского языковорца... Знак выражает отрицание быка-луны — *. Правильно поняли этот знак германские жрецы-солнцепоклонники, придав ему нужное переносное значение — **gott (gud)** — «бог».

И значение **gut** — «хорошо», «хорошее».

(И славяне получили слово «хорошо» от имени бога солнца — «Хорс», «Хорош»)

Да и знак слова **год** — вероятно, напоминал знак солнца, подобного шумерскому — **gud** — «бык» (шум.), но, скорее, предшествовал шумерский **udu** — «бог солнца». Знак более соответствовал образу года, разделенного прямым крестом на четыре сезона. И корень положительного определения «годный» и оценки «годен», безусловно, связаны с основой — **год**. И германским **gut**.

Исторгнутые боги

Культ христианской Богородицы получает объяснение сложным знаком «Луна» и точка лучистая: — «дитя-солнышко в лоне матери Луны» > «в руках Богородицы». Символ породил культ Богородицы с богом-сыном.

Это произошло в Древней Передней Азии, откуда символ или уже — попал в Древний Египет. Бога-сына называли еще в Древней Передней Азии и те жрецы, язык которых относился к народам, которые ныне называются индоевропейскими.

Знаковорцы знали общее название сложного знака — **tor** (или **tur**). Более ранний (южный) вариант — .

Название сложного знака в некоторые эпохи зависело от прочтения знаков, составляющих сложный иероглиф, и от направления «буквенного» письма.

Справа налево ➤ - **ud**.

Слева направо: ➤ **du**.

А крест тогда называли, отрицая новое название сложного знака ➤:

duha, du-a (**ha** – самая древняя флексия отрицания)

Отсюда – ✕ **duo, dva**.

В арабском **duha, dua** – молитва: ➤ сложный иероглиф понят как изображение открытого рта, из которого выходят священные слова.

Но как назвать главную деталь сложного знака — «крестик»? С этой формой сложного иероглифа работали словотворцы разных этносов Двуречья. Так прото-славяне применили предлог **V** («в»), чтобы указать на «крестик». И он получил название **vtor** (славистам-этимологам предлагается происхождение корня слов — **vtoroi** — «второй», **vtor-nik** — «вторник», второй день недели, повтор) и полная картина этимологии вместе с графическим знаком: * ➤ — **vtor**.

Языкотворец другого славянского племени использовал другой предлог **-is(iz)**. В знаке ➤ **-tor** крестик был назван ***is-tor** (***iz-tor**).

Еще находясь в Древней Передней Азии сложный знак с предлогом **-is** — помог созданию новых слов. Те, кто поняли, что вся пополнившаяся лексема обозначает крестик в знаке луны, увидели в ней «звезду» рядом с Луной.. Примеров в словарях много. Можно начать с английского — **star**.

В других средах знак толковался иначе — «открытый рот и вылетающие из него слова» — так могло появиться слово **istor** — «история».

И даже **ister** — «истерия» могло возникнуть в языке, где действовал принцип выравнивания качества звука — если в первом слоге мягкий гласный, то и в последующих слогах появятся мягкие: **istor** > **ister** или **istör**. Крестик характеризовал активность словоизвержения.

Сложный знак с названием **istör** в III тыс. до н.э. оказался в Древнем Египте, где его проанализировали, разделив название. Знак Луны превратили в знак богини-матери:

— **┐**ist (izd) — Исита (Изида) — мать бога-сына Gor (**Gör** < ör). В Египте возникает культ бога-сына **Gör**.

Тюрки-огузы, обитавшие в то тысячелетие и в Египте, верили в этого бога и называли его **Gör-ogly** («Солнце-сын»)¹¹. В современных тюркских: **gior (gör)** — 1) могила, 2) видь, смотри. Знаки, подсказавшие эти значения, еще надо восстановить.

Римляне передавали мягкий **ö** в тюркском оригинале **Gör-ogly** комбинацией твердого **o** с естественным мягким **e** < **eo**: **Geor-gl**. Работая над книгой «Язык письма», я увидел то, чего не заметили европейские лингвисты — нефонетическое чередование **l/i**, которое произошло в годы освоения в Европе латинского алфавита. Буква **L** в текстах, вероятно, путалась с похожей рукописной **l** «i». И чаще всего это отражалось в итальянских словах. Наше посольство разместилось в центре Рима на площади Фарнезе. Немец скажет — плац Фарнезе. Итальянец — пиацца Фарнезе. Бланк — бианко, плюс — пью... Десятки таких слов с «итальянским акцентом»!

А одним из самых первых таких прочтений могло быть **Geor-gL** > **Geor-gi**. Так, на мой взгляд, появилось имя бога-сына, выросшего в героя — **Geor-gi**-Победоносец.

Древние греки передавали тюркский искусственный мягкий **ö** своим естественным мягким **e**, поэтому в греческих источниках имя бога-сына (героя) писалось соответственно:

Gör-ogly > **Ger-akl**

(С этим именем связано одно из толкований знака, породившее целый комплекс сюжетов во всех культурах, где героя теперь олицетворяет рана от копья или копье, пронзающее змея. Уже в поэмах Гомера (конец II тысячелетия до н.э.) описываются змееборческие подвиги Геракла. Первый, как мы помним, он совершил в младенчестве — задушил змей, подброшенных в его колыбель   богиней Герой.)

¹¹ **Gör-ogly** до сих пор живет в фольклоре огузов

Эти формы имени египетского бога-героя попали к этрускам — **Gerkle** и римлянам — **Gerkul(es)**¹².

Это помогает нам понять участие тюрков и других творцов в освоении имени бога-сына: **Gör-ol** — **Гор-сын** (тюрк. превращающих сочетание звуков **ogul** в **öl**) — ***Gör-ogl** > **Gör-öl**. И эти формы имени попытались передать греки в первых веках до н.э. — **Ger-öl** > **Geroi**. Не так ли появилось на свет слово **герой**, оказавшись в славянских языках?

Этрусское зеркало героя

Юный герой «Солнце-Сын» отразился в мифологии племен, входивших в этрусскую федерацию. На вопрос — кто такие этруски — до сих пор нет ответа. Ясно одно: федерация городов-государств Этрурии была одним из первых полиэтнических образований Древнего мира. В пределах этого государственного союза происходило взаимозависимое сожительство разноязыких социумов, объединённых общими нормами государственного общежития и общей письменностью.

Перворимляне многое получили от этрусков. В том числе письменность. Это не отрицается никем. В число Двенадцати племен федерации, вероятно, входили предки нескольких народов Евразии. Это объясняет, почему поиски этрусского языка не дали результатов. Следовало искать не этрусский язык, а этрусские языки.

Исследуя тексты этрусских надписей, не расшифрованных за 3 века этрускологии, мы можем обрести материальные доказательства нашего предположения.

...Идолом средиземноморского божества — Юное солнце («Солнце — сын») был бронзовый диск с ручкой: ☉. Диск полировали до блеска («солнце») и в центре изображали младенца («сын»). Так воплощалась в материале графическая метафора. Овеществленный иероглиф. Название знака писалось уже буквами: **ger-kle**. Этрусскологи установили

¹² В каком-то наречии имя переразложилось: *Ger-Akles. Процесс освоения нового имени завершается сюжетом о герое Троянской войны Ахиллесе. Мать купала своего мальчика в водах подземной реки, чтобы таким образом сделать его тело неуязвимым для стрел и копий. И только пятка, за которую она его держала, оказалась беззащитной. Когда ахейские вожди узнали предсказание жреца, что без участия Ахиллеса поход на Троию обречен на неудачу, они отправили к нему посольство во главе с Одиссеем. И последнему удалось хитростью вовлечь его в Троянскую авантюру. Ворвавшись в Троию, Ахиллес погибает от стрелы Париса, которая попадает ему в пятку.

комбинаторным способом значение второго слова — **kle** — сын (этрус.). Начальное **ger**, как мы расшифровали, означало — «солнце».

Сияющая метафора, переходя из одной этрусской культуры, попадает в другую — к тем, кто не верит в Юное солнце. Предмет утилитаризируется. Используют его отражательную способность. Икона превращается в бытовой предмет. **Авторами этого превращения в Европе можно считать этрусско-славян: священное имя, написанное на «иконе», *ger-kle превращается ими в *zerkle: gerkle > zherkle > zerkle.**

Некоторые славянские диалекты «расплавляют» звонкий гортанный перед мягким согласным: брег > на брезе (др.-рус.). Должно было «на бреже», но где как не в среде южноевропейских происходит ж > з: греки и латиняне не знали шипящих, превращали их в свистящие. Эта традиция усваивается и древними славянскими грамматистами.

Произведённые славянскими мастерами зеркала распространяются по аппенинским культурам. Традиция надписи на предмете сохраняется, но слово уже в славянском произношении исполнено разновидностью этрусского письма.

Так вместе с предметом распространяется его «русское» название: **SEPKLE > SPEKLE**. В том, первом славянском алфавите, похожем на западно-греческий, была буква **S**, которая выражала звук «з» (и твердый, и мягкий). Она дойдет до кириллицы буквой «зело»/«*зло»¹³.

Бронзовые зеркала с надписью попадают в город-государство латинов, где существует уже латинская разновидность этрусского алфавита. Например, буква **S** — это уже не «з», а «с», а буква **P** — не «р», а «п». Они повторяют надпись этрусско-славянскую, но прочитывают ее иначе: ***SPEKLE**. В славянских языках происходит достройка слова. Последний слог подгоняется под орудийный суффикс, который образует от глаголов названия орудий-предметов с определенными функциями: *весло, кресло, шило, мыло, седло, стрикало*... Видимо, так появилось **SPEKALO** — зрекало, зеркало.

Латиняне также в процессе освоения слова дооформляют его, исправляя и заменяя окончание своим суффиксом среднего рода: **SPEKULum** — «зеркало» (лат.).

Но русское этрусское зеркало первичнее латинского, потому что в первоисточнике **Gerkle** — в имени Солнца-сына, написанном на бронзовом артефакте, была буква **P**, а не **П**.

¹³ Один этот пример выступает против утвержденной даты возникновения кириллицы — X век н.э. Полагаю, что дальнейшая разработка этрусского материала уточнит время рождения русского буквенного письма.

Мы видим, как веками по Европе от латинского написания расходились лучи зеркала — бронзового солнца, образуя самые различные вариации. В германские поступает **шпигель** — зеркало.

Теперь, когда и у славян, и у латинян прояснились структуры «формантами» (у славян — орудийный суффикс и ср. род, у латинян — уменьшительный суффикс и ср. род), переразложение продолжилось. Выделяется в обеих средах общий корень *SPEK-*, от которого производят похожие слова: лат. *specio* — «глядеть», *speciēs* — «зрение», *specto* — «смотреть», *spectaculum* — зрелище, представление, спектакль; *aspectrum* — точка зрения...

В эту поразительную согласованность и диссонанс одновременно трудно поверить. Но в условиях соревнования и взаимозависимости языков на пятачке юго-запада Апеннинского полуострова, такие коллизии были неизбежны.

Славяне позже заимствуют у латинов получают корень: **SPE** в добавок к существующему **ZRE**– зреть, зрение, зрак, зрелище, зри... Из диалекта, где слово прочтено «по-латински», вошла в славянские языки основа **spe** (спеть, спей = зреть, зрей). Зри в корень.

В этимологическом словаре Фасмера, считающемся лучшим словарем, приведена такая этимология: **«зеркало» — церк. зерцáло (см.), словен. zrkalo «зрачок», zrkálo, zrcálo «зеркало», чеш. zrcadlo, zrkadlo, словц. zrkadlo, полаб. zarkódlü «зеркало», сюда же зёркать «шнырять глазами», диал. (Преобр. I, 250). Вероятно, калька лат. Speculum».**

Веками этимологи блуждают в подобных попытках, извлекая жалкие обрывки фонетических созвучий. Происхождение слова до сих пор не рассматривается в генетической связи с графическим знаком-первоиероглифом. Наученное зрение подводит кандидатов в ученые, не позволяя им увидеть отражения истины в зеркале истории.

Однако теперь им придется справиться и с этрусским фактором, с надписью на этруском «зеркале» — *Gerkle*. Только в славянском языке слово это может превратиться в **zerkle* и только в славянском произойдет метатеза плавного: **zrekle*. И в этой форме, но в записи протокириллической **SPEKLE* этрусское имя Юного Солнца уже в новом значении, как название бытового предмета, попадает в молодой латинский язык. Таинственный этрусский след мы наблюдаем отчетливее всех в русском языке и опосредованно — в латинском. Это позволяет начинать историю русского языка и письменности не с X века н.э., а значительно раньше.

Впервые подходы к этой теме были опубликованы мною в казахском журнале «Простор» в 1968 году в подборке «О языке некоторых этрусских надписей». Откликов статья не получила, кроме одного устного, изреченного «старшим наученным сотрудником» из института Славяноведения. Он очень торопился на обед, читал, нервничая, захлопнул журнал и сказал: «Теоретически невозможно. Славянские языки возникли в пятом веке новой эры. Славно, что Вы интересуетесь этим, молодой человек, но, увы, против науки не попрешь!». И эта встреча убедила меня, что против такой науки — надо!

* * *

Археология слова и письменного знака помогает восстановить живую историю культуры Homo Sapiens. Эти примеры из серии «1001 слово» доказывают действенность такого археологического метода.

Я договорился со своим читателем, что не буду постоянно указывать — из каких источников взял ту или иную информацию. Потому что за шестьдесят лет перелистал с миллион страниц и адреса почерпнутых информации не запомнились, но смысл их закрепился в памяти. Все источники можно найти, поэтому не буду тратить оставшееся время на воспоминание.

Язык отцов, язык тысячелетий

Язык отцов, язык тысячелетий
Ты временем, как глина, обожжен
В тебе — удар меча и посвист плети,
Мужская гордость и горячность жен,

В тебе звучат забытые наречья
Шумеров, гуннов, хрип монгольских слов.
Где ты рожден? В пожарах Семиречья?
Тебя по жилам к нам перенесло.

И ты звучишь, переполняя тело,
Ударом сердца, колоколом душ.
И как меня судьбою б ни вертело,
Клянусь тобою — я к тебе приду.

Так из далеких и счастливых странствий
Приходит сын к забытому отцу,
Приходит в ярком, дорогом убранстве,
В начале жизни или же концу.

Этот свой завет я не выполнил. Разговорный казахский знаю свободно и всегда наслаждался легким клекотом отчей речи. Но не пишу на нем.

Вместо этого я открыл подлинную историю казахского языка, доказав истину того юношеского определения «тысячелетний», вопреки сопротивлению вполне «казахскоязычных» языковедов.

Меня интересовала глубинная история языка, открывающая неизвестные главы истории культуры не только казахов или тюрков, но и многих других народов древнего мира.

Наши языковеды об этом не пишут.

У нас не так много инструментов, способных помочь максимально бережно исследовать свидетельства истории и приблизиться к ее знаниям. Археология нам в этом не поможет.

Только археология слова.

Коркыт — бог заходящего Солнца

...На Сыр-Дарье, в Кызыл-Ординской области, несколько лет назад установили мемориал в честь Коркыт-Ата. Он был готов уже давно, но разливы капризной Дарьи, имеющей свои еще не разгаданные тайны (Сыр), добавили дополнительной работы скульпторам. Коркыт, как считают казахи, изобрел кобыз — смычковый инструмент для исполнения очень нерадостных, минорных мелодий. Хотя, если проследить историю названия инструмента, то средневековый кобыз, попавший в Киевскую Русь и названный кобза, обходился без смычка, имел много струн, на нем исполнялись мелодии и серьезные, и радостные. А киргизский комуз и вовсе двуструнный брат нашей домбры.

«Коркыт-ата» для жителей Кызыл-Ординской области — это имя реального человека. Когда-то именно в этих краях появившегося на свет и здесь похороненного. Поэтому в Кызыл-Орде к этой фигуре особое отношение: он — земляк. Его имя присвоено новому аэропорту. Тысячи специалистов и ученых вышли из стен Университета имени Коркыт-ата. Чем особым прославился легендарный старик, если за право назваться родиной Коркута борются и Туркмения, и Азербайджан, и Турция. Хотя там никто не приписывает ему изобретения кобыза, которого в тех культурах вообще не было. Я был на нескольких его могилах (в Ерзрумской провинции в Турции и в дагестанском Дербенте), даже выступал на открытии памятника Коркуту в центре Брюсселя 18 мая 2004 г.

Все рассказы о средневековых приключениях племен тюрков-огузов, собранных в XII столетии в сборнике о деде Коркуте, завершаются фразой: «И вышел дед Коркут, и сказал:

«Где те беки, которые говорили — весь мир мой?
Их похитила смерть, скрыла земля».

В древнеегипетских легендах солярного цикла меня привлекают два имени, несомненно, связанные изначально какой-то сюжетной линией. Её нетрудно расшифровать. Одно мы только что рассмотрели: («Гор-сын» — «Юное Солнце», «Солнце-дитя»).

Второе Hr-'t — «Гор-отец» или теперь мы понимаем — «Старое Солнце», «Солнце-отец».

Некогда легенда эта пришла в Египет извне, вместе с каким-то из пришлых этносов, несомненно, успевшим повластвовать в государстве Нила, иначе бы его миф не прижился в общегосударственной культуре.

Hr-'t каждый вечер спускается под землю, где протекает большая темная река, и борется с водяным змеем Апопом ('P-'p) и погибает. Вот и весь сюжет. За ним, вероятно, следовала вторая часть — каждое утро юный герой Hr-j' (Hr-hl) побеждает водяного змея.

Так образно интерпретировали поэты III-го тысячелетия до н.э. феномен Умирания Старого Солнца (закат, наступление ночи) и феномен возрождения его в образе Юного Солнца (восход и наступление утра). Сюжет этот, скорее всего, изображался когда-то графическими символами, обозначавшими Закат (Солнце опустилось в воду) и Восход (Солнце поднялось над водой). Если воду изображала волнистая линия, то понятно совмещение двух толкований этого знака: 1) вода; 2) змея. В результате рождается третья синкретичное решение — водяная змея.

Такой сюжет мог родиться в культуре какого-то островного племени, которое каждый вечер видело, как Солнце опускается в воду и каждое утро — поднимается из воды, тем самым побеждая «водяную змею». Гор-сын зажил своей жизнью, полной опасных встреч с водяными драконами (крокодилами), которых юный герой побеждал без усталости. Гор-отец с таким же постоянством боролся с гидрой, но без всякой надежды на успех.

Легенду о Кор-кыте сохранили казахи, жившие на берегах Сырдарьи. Она стоит того, чтобы её привести. В ней сохранены

основные черты египетского сюжета о Заходящем Солнце, ужаленном водяной Змеей. Тот же фатализм, ожидание неизбежного заката. Почувствовав приближение старости, Коркыт решил искать бессмертия (уйти на край земли, чтобы смерть его не нашла). Оседлав сказочную верблюдицу Жель-Майа, он отправился в путь. Достигнув края земли, старик увидел людей, которые рыли яму. «Кому копаете могилу?» — спросил старец. «Деду Коркыту», — был ответ. Он повернул Жель-Майа в другую сторону. Побывал на всех «четырех краях света» и всюду повторялась та же сцена. «Кому?...» — «Деду Коркыту». И Коркут возвращается к Сырдарье. Здесь он стелет ковер на поверхности воды и, сидя на ковре, играет на кобызе. День и ночь продолжает играть: пока звучит его мелодия, смерть не смеет к нему приблизиться. И лишь когда он, изнуренный, вздремнул на миг, смерть, приняв образ водяной змеи, ужалила его, и он умер.

Эта народная легенда, записанная в XIX-м веке Ч.Валихановым и А.Диваевым, живет и поныне.

Сколько тысячелетий живет этот египетский миф о Старом Солнце, сохранный кочевниками! И сюжет, и имя героя уцелели.

Сюжет с могилами мог быть подсказан сказителям былым «мягким» вариантом имени героя: **Көр күт** — «Жди могилу...».

В огузском фольклоре фабула с гидрой продержалась несколько тысячелетий, но в средние века все языческое в легенде не выдержало редакцию ислама. Остался только вывод, в мусульманстве приемлемый: смерти никому не избежать — ни рабу, ни владыке.

Казахи позже огузов приобщились к мусульманству и потому сохранили египетский вариант мифа о боге Заходящего Солнца, в основных параметрах почти нетронутый. Здесь обозначено и время захода (Коркыт-ата почувствовал приближение смерти), и борьба с горизонтом (стремление избежать смерти), и поражение от водяного змея («вода»-«горизонт» Змея сверху — ☯). Только кобыз прибавился. Благодаря тому, что казахи еще не избавились от шаманизма, сохранился самый древний миф-легенда тюркской словесности, доказывающий подлинную (почти датированную) древность тюркской духовной культуры и языка. Доказывающий даже сам факт пребывания тюрков в Древнем Египте и не как случайных гостей, а как активных участников исторического процесса во времена, относимые нами еще вчера к доистории.

Бог растений Osiris

...Тюрко-кипчакские диалекты тоже проявили себя в древне-египетском. Прежде всего, они помогают разобраться в происхождении имени бога растений — **Osiris**. Он и фараон, и отец бога **Gör-ogly**.

Знак Осириса — **Ψ**. Этого Бога изображали лежащим на спине, а через его тело прорастали прямые длинные ростки.

Этот знак только тюрки, скорее всего, называли **ös'- өс** — «расти». От него — **ösir** (өсір) — «взращивай», **ösiris** (өсіріс) — «взращивание» (каз.).

Имя **Osiris** на древнеегипетском и выражало смысл — «взращивание», как сообщали древние греки.

Иероглиф **Ψ** **ös'** был знаком и славянам. Общее название сложного знака они присвоили детали — вертикальной черте. И ее название стало словом ось, обозначающим именно это понятие, выраженное знаком. Но и прежнее, тюркское значение — «расти» — осталось в славянских названиях быстро растущих деревьев (осина, осьпа, осика) и растений (осока).

Можно ли опровергнуть эту этимологию?

Наверное, можно, опираясь на утвержденный в мировом языкознании возраст тюркского этноса и его языка — «начальные века первого тысячелетия нашей эры».

Но тогда предложите другую этимологию имени Бога растений!

Но ее, насколько мне известно, просто нет. Слово **Osiris** и вся картина его развития есть только в тюрко-кипчакских, а точнее — в казахском. И с этим фактом надо или доказательно бороться, или согласиться. Факты приведенных примеров говорят о том, что в Древнем Египте сотрудничали тюрки-огузы (**Gör-ogly**) и тюрки-кипчаки (**Ösiris**).

Но то, что возможные предки вечных кочевников были когда-то земледельцами и поклонялись Богу растений — делает историю тюрков диалектически более сложной и живой.

Кипчакский акцент слышится и в другом слове, происхождение которого тоже связано с древним Египтом.

Как произошло слово «пирамида»?

Лет двадцать назад побывал в Египте. До этого только читал. Часы провел в музее. Постоял у изображения Гора-сына. Вполне себе молодой человек, но с головой сокола. Я тогда уже пытался проводить сравнения Гора-сына с тюрко-огузским **Gör-ogly** (**Gör-сын**), с

греческим *Ger-akl(os)*, но пока ничего, кроме некоего фонетического сходства имен героев в активе не наблюдалось. Увидел в музее изображение Гора-сына в римских латах, верхом на коне, копьем поражающего змея. Это уже конец I тысячелетия до н.э. Осталось пару столетий до начала эры христианства. И эта скульптура поможет жрецам новой религии создать образ святого Георгия-Победоносца, поразившего Змея.

В одном из залов музея среди десятков предметов, извлеченных из пирамид, я увидел скульптурную группку — маленький фараон. Просто мальчик в одежде фараона, сидит на корточках под опущенными крыльями коршуна. Спросил у проходящего экскурсовода: «Что это обозначает?». «Просто игрушка такая была.» Как отмахнулся. И ушел со своей делегацией.

«Игрушка» излучала какую-то негативную энергию. Мрачный коршун, конусом опущенные крылья. И под ними маленький, вовсе не веселый мальчик в царском обличи.

Потом, через годы, я перевел эту художественную композицию в лексический ряд: *per-o* — «фараон», *mut* — «коршун» (древ.-егип.).

Консонантным письмом эти два слова изображались в подписи — *prmt*.

Я полагаю, что эта скульптурная картина была художественным сообщением о кончине фараона — сына Солнца или Солнца-сына, то есть маленького Солнца. Той самой Точки в центре круга. Зрачка в оке.

Крылья коршуна (птицы Смерти) повторяли очерк пирамиды — .

Греки видели графическое и художественное воплощения знака Смерти Фараона: . И слышали или читали его египетское наименование: 1) *per-o-mut*; 2) *prmt*.

В византийское время грамматисты совершили ошибку. Создавая пары букв — заглавная, строчная — они прикрепили к большой У — «и-грек», т.е. и-греческий (лат.) «малую» , сделав ее строчной. И с тех пор древнегреческие слова, содержащие в письме букву , читаются с византийской ошибкой.

И *peromut* прочлось — *peromyt*.

Поэты, толкую египетский знак и название, сложили прекрасную легенду в духе платоновского социализма.

Бого-герой Прометей (**Promyt-tey*) поднимается на вершину священной горы *Olimp*, где у костров пируют боги. Крадет головешку, чтобы донести огонь людям, мерзнувшим у подножья, но не донес. Его

схватили на спуске, приковали к середине горы, и коршуны выклевали ему печень.

Видимо, в разные времена у разных народов греки узнавали названия этой фигуры Смерти Властителя. **▲ ▲** **per-o-mut* > *per-o-myt*; *prmt*.

Тюрки перевели на свой язык: *Ölim-pij* — «Смерть Властителя»
Ölim — «смерть», *pij* — «властитель» (общетюрк.)

В каз.: *bij* — 1) *«властитель»; 2) «судья». *Bijlik* — «власть».

Как произошли Олимпийские игры?

Они происходили всюду в Древнем Средиземноморье и Древней Передней и Малой Азии, где обитали тюркские племена — огузов, кипчаков, карлуков, болгар... Эти «игры» случались сразу после смерти племенного вождя. От старости тогда правители не умирали, и власть по наследству его отпрыскам не переходила. Поэтому требовалось немедленно избрать нового. Самого сильного, меткого, быстрого, выносливого. Искусного оратора. От этого зависела судьба племени.

И выигравший во всех этих состязаниях считался избранным на племенной (государственный) трон. Тогда появилось слово Первый, то есть высший, лучший.

От обряда (тризна — выборы) осталась только традиция спортивных состязаний (Олимпийские игры в Греции, а ныне — в мире).

В среде тюрков-кочевников до XX века сохранялся обряд спортивных состязаний на тризне. И айтыс — спор, диспут, дискуссия — выявлявшие ораторские и поэтические способности человека. Тогда такие прения были необходимы для выборов. А ныне это просто забава, зрелище, состязание острословов.

Идею первого порядкового числительного и «технологию» его создания в латинский язык и другие индоевропейские привнесли Олимпийские «игры» тюркских племен, происходившие в Древнем Средиземноморье, Древней Малой и Передней Азии в бронзовом веке (и ранее).

Важно рассмотреть историю одного из знаков солнца **☉**, который стал символом власти во многих этносах. Он же подсказал идеи «Один в небе» и «Первый в обществе». В каких-то культурах так изображали бога, в других — властителя, представителя Неба на Земле. Тюрки сначала называли знак просто «один-десять», т.е. «единица-десятка»: *per* (*ber, bir, pir*) — «один», *un* (*on*) — «десять».

☐ *per-un(on)*.

Графема с таким названием истолковалась как знак бога-громовержца (облако, молния, сопровождаемая громом).

В древ.-рус. Перун — бог-громовержец. Предметы в его честь — бубен и било.

В южн.-слав. *perun* — «молния».

В литовском *Percunas* — «бог-Громовержец».

...Переходя из культуры в другую, название сократилось: ☐ *per-u*, *per-o*...

Толкования жрецов порождали слова со значениями разных масштабов — макро поэтические и микро. Например, *per-o* — «фараон» (др.-егип.) и *pero* — «перо птичьё» (славян.).

...Итак, ▲ *ölim-pij* — «Смерть Властителя».

Тризна — выборы в виде спортивных состязаний.

Кому достанется знак власти ☐.

Названия: 1) *Per-un*, *Per-o*, *Pir-unta* (*ber-unda*, *bir-unta*);

2) *Pir-unta* > *Pir-inti*; *ber-unda* > *berende*.

В албанском: *berende* — «бог». (Албанцы тоже были вытеснены латинами с Аппенин.)

Тот, кто заслужил Первое место во всех состязаниях, получал ☐. Венец на голову. (Или — оселедец, или — булаву, двусторонний топор, или — просто круг и прямую трость, как у царей Ассирии.)

О чем говорят эти страницы, подсказанные темой «1001 слово»?

О том, что древняя и древнейшая история человечества и народов только-только начинает приоткрываться благодаря новой дисциплине — **археологии слова и образного письменного знака (первоиероглифа)**.

За два последних века (XX-XXI) в мире было издано много этимологических словарей. Но пока ни в одном из них не установлено происхождение формы и значения хотя бы одного слова. Расшифровывают только недавно образованные сложные термины — «самолет», «паровоз», «теплоход» и т.п. Но как произошли составляющие **сам** -, **-лет**, **-воз**, **тепло**-, **пар**- ? Ответа ни в одном этимологическом словаре нет.

Каждое древнее слово было когда-то названием образного письменного знака — это утверждение является основой метода новой этимологии.

Об этом когда-то задуманный этимологический словарь, посвященный выявлению тюркизмов в русском языке и постепенно превратившийся в универсальный межэтнический словарь этимологии знаний «1001 слово».

...Знак отрицания Луны в III тыс. до н.э. (или в IV) сохранял и более привычную «южную» форму в ДПА — ☯ tor. И северную *➤.

Как узнавалось название деталей? И отрицанием общего названия. Тюрки отрицали изменением качества ударного звука. Индоевропейцы — предлогом или суффиксом *ne*.

Итак, как звучало название знака основы в тюркских?

Tör (или **tür**) — в казахском **төр** — почетное место, трон.

Избрав хана (*töre*), старейшины казахских племен поднимали его на белой кошме. И держали на вытянутых руках не для того, чтобы почувствовать тяжесть новой власти, но дабы создавался материальный знак, повторяющий очертания иероглифа. Кошма обязательно должна была прогибаться, загигать края кверху.

Сравните — европейское **tor-n* > **tron**. (Тоже отрицание названия сложного знака, но суффиксом *-ne*)

Использовался и другой способ отрицания — *a* (*ä*). Если надо узнать название другой детали сложного знака, отрицалось название первого:

t — **tör-ä** > **tore** — «господин» (каз.).

Или в других тюркских — **tür-i**, **tür-ik**.

Не так ли, и не тогда ли возникло слово «тюрк»?

(А в казахском открывается этимология еще одного слова и происхождения предмета (орудия): ☯ tor > ☯ tor — «сеть».) Превращение месяца экватора в северный *➤ способствовало развитию письма¹⁴.

¹⁴ Имело значение и направление строки: тюрки всегда писали справа налево. Это направление движения луны — первого бога по небу. Шумеры и все будущие европейцы — слева направо. Солнце подсказало это направление строки.

ГЛИНЯНЫЕ КНИГИ И ДРУГИЕ

На чем писали в древности до изобретения бумаги?

До нас дошли из прошлого надписи, вырезанные на камнях, на черепаших панцирях, на деревянных дощечках. Но более распространенным в Древнем мире стал материал для письма, изобретенный в Египте. Его делали из мякоти тростника, избыточно росшего в долинах Нила. Египтяне в своих документах называли его р-р-г: они не изображали в письме гласных звуков. Римляне огласовали это слово по-своему — *раругус* (папирус), древние греки исказили в произношении и согласные, и гласные, назвав этот материал *biblos*. Популярность его в Греции со временем стала столь велика, что название папируса получило новое значение: *biblio* (библио) — «книга». Отсюда известное каждому школьнику слово «библиотека» — «собрание книг». «Библия» — название Священного писания христианской религии некогда означало просто — книга. И к каждой книге неплохо бы относиться как к библии.

Древнейшие греческие папирусные свитки появились в IV веке до нашей эры. То есть, почти две с половиной тысячи лет тому назад начали писать на этом материале. Папирус в Рим и Грецию привозили по Средиземному морю на кораблях из Египта. Но часто корабли тонули, и доставка задерживалась. Письменность уже была настолько распространена, что нехватка папируса вызывала в Риме народные волнения, как нехватка хлеба. Об этом сообщает римский писатель Плиний.

Дефицит папируса возбуждал и активность творческой мысли. В маленьком Пергамском царстве (Малая Азия, территория сегодняшней Турции) именно из-за затруднений с доставкой папируса из Египта какой-то умелец наладил производство нового материала для письма. Сырье для него не надо было привозить: вполне хватало своего, местного. Баранью шкуру лишали шерсти и доводили обработкой до полной белизны и гладкости. Причем она была одинаково гладкой с обеих сторон. Мы не знаем, как этот материал называли в Пергамском царстве. Но римляне называли его — пергамент, по имени места его рождения.

Главные преимущества пергамента — 1) его можно было изготовить в любой стране, в любом месте, где водился мелкий рогатый скот; 2) пергамент несравненно прочнее и долговечнее папируса; 3) пергамент можно было не только скатывать в свиток, как папирус, но

и складывать листы вдвое, что привело к изменению формы античной книги. Появились библии из пергамента.

Единственный его недостаток — цена. Он стоил почти столь же дорого, как привозной папирус.

* * *

В Китае во II веке нашей эры создали новый материал. Для его производства не требовалось расходовать дорогую кожу, которую с большей выгодой можно было использовать для других целей — пошива обуви и одежды. Пригодился опыт египтян, но вместо нильского тростника применили отходы производства льна, шелка, кору бамбука и камыш. Измельченную, увлажненную массу прессовали между сукнами в листы, затем обрабатывали крахмалом и просушивали. Так получали бумагу.

Она была дешевле пергамента, но обладала некоторыми его преимуществами. В частности, она, в отличие от папируса, была неломкая, что позволяло складывать ее и брошюровать. И была гораздо тоньше пергамента, а значит, больше листов умещалось в объемах одинаковых с пергаментными томами.

Секрет производства бумаги охранялся в императорском Китае еще строже, чем технологии шелка и фарфора. Достаточно сказать, что почти целое тысячелетие бумага не выходила за пределы Китая. За это время китайцы создали из бумаги всевозможных сортов разные полезные вещи. Например, бумажные деньги впервые появились в Средней империи. Стали делать из бумаги игральные карты, внутренние перегородки в домах и прочее.

Создание нового материала — выдающийся вклад в развитие цивилизации. Авторы папируса и пергамента человечество не запомнило. Мы знаем лишь родины этих замечательных изобретений — Египет, Малая Азия. Что уже немало. Папирусу посчастливилось чуть больше: его название содержит в себе слово (p-p-r) из древнеегипетского языка, который давно считается мертвым.

Но бумаге повезло в другом: благодаря древним китайским энциклопедиям, мы знаем автора этого великого изобретения. Им был императорский служащий и ученый Цай Лунь. Однако, китайское название бумаги не получило известности в мире из-за ее медленного распространения. Даже ближайшие соседи Китая — турки Средней Азии и персы узнали о бумаге только в XII веке. И потому называли ее по-своему. В древнюю Русь этот товар доставляется из Средней Азии, и, наверное, потому слово «бумага» — тюркского происхождения.

До XVI века вся древнерусская литература была исполнена на пергаменте. Пергамента не хватало для Священного писания. Библию надо было размножать, потому что интерес к ней возрастал: церковь усиливала свое влияние. Некоторые художественные произведения стали смывать мокрой тряпкой с пергаментных листов, чтобы на месте повестей и поэм записать Библию. Появление бумаги спасло древнерусскую литературу от полного уничтожения: теперь, прежде чем смыть произведение нецерковного содержания, его переписывали на бумагу. Так было сохранено и бесценное «Слово о полку Игореве». Оно дошло до первых исследователей в бумажном списке XVI века.

В те же периоды бумага распространяется в Западной Европе. Книжники эпохи Возрождения были знакомы с древними папирусными свитками, уцелевшими в редких хранилищах от костров инквизиции. (Христианские фундаменталисты сжигали всю литературу дохристианских времен.) На новый материал, похожий внешним видом на папирус, перенесли его название. С тех пор во французском и немецком появилось слово *papier* — «бумага», в английском — *paper*.

* * *

Интересно, что папирус и пергамент в языках всех народов, которые были знакомы с этими материалами, выступают под своими именами и не имеют других наименований. Но бумагу всяк называет по-своему: китайцы — джи; персы и турки — кааз, кагаз; славяне — бумага; западноевропейцы — *paper*, *papier*; греки — харти; монголы — бичиг...

И если бы китайцы не сохранили свои древние летописи, трудно было бы узнать, каким было самое первое название бумаги и определить по нему языковую принадлежность изобретателя. Иначе говоря, узнать этническое авторство, понять — какой народ изобрел этот материал.

Языкознание позволяет определить размах смыслового развития слов. Напомним, что словом «библ» — греки сначала обозначали письменный материал («папирус»), потом книгу.

Монгольское название бумаги происходит от тюркского «бичик» — «надпись», «книга».

Интересно, что имена материалов часто переходили на орудия письма и наоборот. Например, русское «карандаш» происходит от турецкого названия графита — «каранг-даш» — «темный камень». Были и другие варианты наименования этого минерала в тюркских языках: *кара тас* — «черный камень» (каз.).

Начиная с XI века, тюрки захватывают арабские страны — Ближний Восток и север Африки. За несколько веков колонизации происходит активный взаимообмен словами. В арабские и африканские языки попадают тюркизмы, и наоборот — тюркские языки впитывают в себя лексику юга. В ту эпоху язык суахили, распространенный в Восточной Африке, вообрал в себя много арабских и тюркских слов: китабу — «книга» (из арабского), каратаси — «бумага» (из тюркского названия графита — тем, чем пишут на бумаге).

Слово как микрочип заключает в себе гораздо более значительный объем исторической информации, нежели раньше считалось. И если найти нужный золотой ключик, можно почерпнуть в слове больше сведений, чем нам сообщает археология и письменная история.

Человеческая цивилизация основана на великих изобретениях и открытиях, авторы которых неизвестны.

Мы, благодаря новому языкознанию, способны приблизиться к правильным ответам на вопросы — кто изобрел колесо, седло, сделал первую повозку, лодку, весло, парус, стремя, солнечные часы, бусы, лук, саблю, меч, сверло, штаны, сапоги, чашу и другие предметы, которые, казалось бы, всегда сопровождали человека. Но нет, все это приобреталось по пути из глубин доистории в наши дни. И каждый народ внес свою лепту в сокровищницу материальной и духовной культуры человечества. Не все сохранили память о своем вкладе так бережно, как китайцы. Большинство, увы, в разные периоды своей истории утрачивали письменность, а когда обретали ее вновь через века, забытое уже не восстанавливалось. Но устный язык не прерывался: словарь — тот несгораемый, неиссякаемый архив исторических сведений, который сохраняется для нынешних и будущих историков. Мы уже сейчас можем черпать из него. И выяснять, что иные, ныне малозаметные народы, некогда были культурно весьма активны, обладали развитой письменностью. Но со временем, как и человек, народы стареют и забывают — какими могучими и мудрыми они были в юности. Забыли маршруты своих перемещений по планете, откуда и когда они пришли сюда, на землю сегодняшнего проживания. Все народы кочевали по планете в поисках земли обетованной.

* * *

Итак, мы теперь знаем — в какой последовательности возникали основные материалы для письма: папирус — пергамент — бумага. Знаем, когда и где каждый из них возник.

Но самым древним письменным материалом была простая глина.

Шесть тысяч лет назад в благодатных долинах великих рек — Тигра и Евфрата возникло государство Шумер. Разноплеменное население этого государства создало замечательную письменность и материал для нее. Более долговечный, чем папирус или пергамент.

Сначала писали на сырых глиняных таблицах. Потом их сушили на солнце, и такие надписи на затвердевшей глине уже можно было хранить долго, пока они не попадали под дождь. Но однажды кто-то догадался высушить глиняную плитку не на солнце, а в огне костра. В результате этого опыта человечество получило удивительной прочности материал — обожженную глину. Такую закаленную в огне страницу уже нельзя было легко сломать, сжечь или размочить. Обожженная глина сначала использовалась только для письма, затем из нее стали делать строительный материал, не уступающий камню — кирпичи и черепицу для кровли, а также посуду.

Раскапывая курганы в долинах Тигра и Евфрата, археологи XIX века нашли развалины библейского города Вавилона, возникшего когда-то в Шумере, и десятки древнейших библиотек. Они выглядели не так, как нынешние. Исписанные глиняные плитки (таблицы), положенные друг на друга, образовывали стопки. Древнейшие кирпичи не отличались формой от письменных таблиц — такие же плоские глиняные квадраты. Возможно, первые библиотеки и подсказали инженерную идею — именно так строить стены. О родстве кирпича, черепицы, керамики между собой говорит общая техника изготовления (обжиг глины). Лингвист должен увидеть и родственность названий этих предметов. Славянское слово «черепица» возникло из более древнего слова «кирпич», в средние века попавшего в русский язык.

Другой фонетический вариант (*кермить) был заимствован древними греками. Они так называли предметы из обожженной глины. Слово в греческом произношении приобретает вид «херамис» — «обоженный кирпич». Из того же источника — современное «керамика» и древнерусское «керамида» — «кирпич», «черепица».

Более подробно о происхождении этих слов я написал в книге «Тюрки в доистории» 2002 г. в главе «Эпоха кирпича».

Тюркские языки сохранили не только наиболее древние формы названия предмета из обожженной глины (кирпич, кирпиш, кирмик и др.), но и грамматические средства, позволяющие восстановить генезис этого слова. И в результате выясняется, что в древнейшем тюркском языке было образовано сложное слово для обозначения глиняной таблицы: *кир пить — «глиняное письмо», «глинопись».

При этом автор термина имел в виду еще сырую, не обожженную глину: кир — «сырая земля», «мокрая глина» (др.тюрк.).

Но до древних греков и славян изделия эти доходили уже в другом, более позднем виде (после закалки огнем) и, к тому же, предметы эти предназначались уже не для письма, а для создания строительных материалов и посуды.

Древние тюрки входили в состав многоязыкового, пестрого населения Шумера. Они внесли много слов в шумерский язык. В третьем тысячелетии до н.э. в Шумер вторглись кочевые племена, пришедшие с юга Аравийского полуострова (предки будущих арамейцев, евреев, арабов). Это вызвало исход других народов из Шумера. В их числе были и тюрки. Возможно, тогда глиняная таблица стала известна и другим народам, на территории которых приходили тюрки, изгнанные из Шумера.

Наши предки, возможно, только назвали новый материал (обожженную глину) и способствовали его распространению в древнем мире. Но даже в этом случае они сделали достойный вклад в мировую цивилизацию, о котором следует вспомнить.

РОДИНА И ЧУЖБИНА

Памяти Гейдара Алиева

Азербайджан отмечает столетие со дня рождения Гейдара Алиева. Сто лет — много или мало? Каждый из нас стремится прожить столько. Кому-то повезет, а редким — удастся, прожив меньше, достичь целей, значение которых еще долго придется осознавать людям.

В мае 2003 года я прилетел в Баку, чтобы поздравить Гейдара Алиевича с восьмидесятилетием. Но мне сообщили, что после внезапного приступа санитарный самолет увез Муалима за границу для лечения...

Чего достиг Гейдар Алиев за отпущенные ему восемьдесят лет? Не берусь перечислять всё, что он успел сделать для своего народа. Скажу о его личном участии в моей судьбе.

В 1975 году вышла моя книга «Аз и Я», где я высказал предположение о том, что «Слово о полку Игореве» было написано двуязычным автором, знавшим, кроме древнерусского, и один из тюркских языков кипчакской группы — татарский, казахский и т.д. То есть, половецкий.

В июне 1975-го в Азербайджане проводились Дни Советской Литературы, где и меня пригласили принять участие. Писатели из всех республик СССР выступали в те дни в Баку и других городах веселой, праздничной страны, какой был и показался нам в те дни Азербайджан.

Прощальное застолье проводил для группы литераторов сам руководитель республики. Многим из нас достались слова благодарности за выступления, а в конце он неожиданно для меня произнес: «Олжас нужен не только Казахстану, а всем тюркам».

Позже, пытаясь понять услышанное, я решил, что Гейдар Алиев так оценил мою недавно вышедшую книгу «Аз и Я». Я тогда успел послать по экземпляру только двум читателям и вовсе не тюркам — Константину Симонову и Эдуарду Межелайтису. И успел даже получить их ответные письма с оценкой, которая позже помогала мне устоять после сокрушительного обсуждения книги в Академии Наук СССР в феврале 1976 года.

Тогда поверил, что Гейдар Алиев если не читал, то слышал о книге и по-своему оценил её. Эти его слова на том застолье оказались особым напутствием автору в долгой работе, которая начиналась в середине шестидесятых, когда я впервые познакомился с трудами по древнетюркскому руническому письму и услышал о Шумере — самом древнем государстве, открытом археологами XIX века под холмами арабской страны Ирак. Моё увлечение этими темами в семидесятых проявилось книгой «Язык письма», написанной в Риме, и продолжается до сих пор.

В текстах на глиняных таблицах я нашел много слов, похожих на тюркские, но не решался опубликовать их, зная утверждение шумерологии, что шумерский язык нельзя сопоставить ни с одним из живых языков человечества. Это язык, проявившийся письменно в IV-III тысячелетиях до н.э., давно вымер, и ни одно слово из него не дошло до языков «нашей эры». То есть, до эпохи Христианства. В началах этой эпохи и рождались ныне существующие языки и письменности.

За прошедшие десятилетия своего увлечения я опубликовал около десятка книг и много статей, в которых подбирался к мысли, что Древняя Передняя Азия (Шумер) имела многоэтническое население

и, когда в III тысячелетии до н.э. Шумер захватили древние семиты, начался великий исход: из Двуречья (Тигр и Евфрат) уходили этносы, унося с собой свои языки и иероглифические письменности.

Эти работы стали итогом полувекового увлечения поэзией знакотворцев Четвертого тысячелетия до н.э. Чтобы дойти до этих открытий, мне пришлось доказать себе происхождение «1001 слова» из разных языков и наречий.

...В этой новелле я хочу сказать об известном шумерском иероглифе с названием **suber (sumer)** и значением — «чужая страна». Если рядом с названием какого-то региона или города стоял этот иероглиф, читатель понимал, что речь идет о чужой стране. И что поразительно — именно Шумер — территория Двуречья (Тигр и Евфрат) в шумерских источниках обозначалась этим знаком — «чужая страна». Археологи, открывшие эту великую страну под холмами Ирака, не найдя ее самоназвания, стали обозначать её более удобным для произношения вариантом названия иероглифа — **Sumer (Suber, Subjer)**.

О том, что наименование иероглифа еще в те ранние тысячелетия анализировалось, свидетельствовали названия деталей этого сложного знака. Нижнюю часть «шумеры» нарекали **kur** — «гора», а верхнюю — **kir** — «земля». Такое противопоставление гласных этих слов говорило о действии в том «шумерском» языке грамматического закона, отголоски которого дошли до нас, например, в английском, где умножение предмета вызывает изменения качества гласного в его названии: **foot** — «нога», **feet** — «ноги», **tooth** — «зуб», **teeth** — «зубы»¹⁵

Но в обсуждении и анализе иероглифа принимали участие многие обитавшие в Двуречье народы.

Я предположил, что среди них были и древние турки-огузы.

Узревшие в графике деталей сложного знака образы обычных явлений, верхнюю часть знака они называли **sub** — «вода», а нижнюю — **jer** — «земля», хотя, конечно, более подходило к изображенной части значение «гора», присвоенное этому элементу сложного знака шумерами. И такое сочетание смыслов получило в культуре Двуречья чудовищное толкование: «вода над горой» — всемирный потоп. Этот сюжет отразился во всемирной духовной истории, в которую поверили и ученые.

¹⁵ Отдельные части подобных конструкций использовались в других языках. Сравните, каз. **tis** — «зуб», но множественное число добывается суффиксом: **tis-ter** — «зубы» (каз)..

Тюркский языктворец, возможно, понял, к какому выводу приведет читателя такое понимание нижней детали, и назвал её не «гора», а «земля». Вода над землей — обычное весеннее наводнение, вода над горой — смертельный потоп. Поэтому пусть лучше знак наводнения обозначает «чужую страну». После наводнения жизнь и в чужой стране продолжается.

Признать это сложное слово **sub-jer** («вода-земля») тюркским было бы нахальством, а не смелостью; когда все поколения ученых-шумерологов почти два столетия утверждали и утверждают, что «шумерский язык ни с каким из живых или мертвых языков земли нельзя сопоставить, назвать родственным».

Среди сохранившихся «шумерских» лексем я нашел немало слов, которые можно смело назвать тюркизмами. Но не решался опубликовать это собрание, пока не разобрался в главном иероглифе и его названии.

Теперь я могу утверждать, что не только китайский язык — ровесник «шумерскому», но и тюркско-огузский звучал на берегах реки Тигр (***Tingr**) шесть тысячелетий тому назад.

Право заявить эти слова я «заработал», когда нашел в древнеогузском словаре слово **jersub** — «родина», «родная страна». Оно состояло из двух слов: **jer** — «земля», **sub** — «вода». Но расположенных в порядке обратном тому, который мы встретили в шумерском слове **sub-jer** — «вода»-«земля». И значение — «чужая страна».

Итак, у меня сложилось два сложных слова с противоположными значениями. Шумерское **subjer** (вода-земля), «чужая страна», «чужбина», и в текстах древнетюркских рун, сохранившихся на каменных стелах в монгольских степях **jer-sub** — «родина», «родная земля» (буквально — «земля-вода»).

Отличия, которые требовали объяснения. У шумерского слова был иероглифический знак: **sub-jer (sumer)**, название которого состояло из двух слов, имеющих только в словаре тюрков-огузов (Азербайджан, Турция и др.)

Слово **jersub** — «родина», «родная страна» дожило в огузских наречиях до наших дней, но уже не имело графического (иероглифического) выражения. Хотя, судя по литературным источникам, в древних текстах не только тюркских, фразеологизм «земля-вода» употреблялся в том же значении «родная страна». Когда царь Дарий пришел в Причерноморские степи, он потребовал у кочевников «землю-воду». И еле унес ноги после такого требования. Геродот в своей «Истории» приводит этот сюжет.

Теперь я с понятным пренебрежением, которое копилось больше полувека, листаю статейки так называемых тюркологов, которые обозначили возраст тюркского языка и письменности. По этой теории, которой почти век, тюркский этнос произошел в начальных веках новой эры, в монгольских степях. Кочевники, конечно, не могли изобрести свою письменность и поэтому переняли алфавит у согдийских торгашей, чьи караваны, видимо, доходили до тюркских степей. И даже подсчитали — когда. В пятом веке новой эры.

...Некоторые памятники тюркской письменности были уничтожены, но не религиозными фанатиками. В наше время и чиновники, и, так называемые, ученые приложили к этому руку. Я не буду говорить о бесхозяйственном отношении областных «краеведов», допустивших утрату нескольких енисейских памятников, но вспомню о своих хождениях по кабинетам монгольских и московских начальников в начале 1980-х, после того, как увидел на орхонских стелах следы автоматных пуль. Невдалеке стояла советская воинская часть. А в голой степи пострелять практически некуда, только в эти обелиски. Каменные манускрипты, простоявшие под открытым небом полтора тысячелетия, пережившие жару, морозы, тюркские каганаты и империю Чингисхана, чиновниками монгольской и советской культуры были отданы на расстрел. Я предлагал переместить памятники в любой монгольский музей, а на их места установить точные каменные копии. Пусть их расстреливают. На копии деньги даст Казахстан, я договорился с Кунаевым. Наши скульпторы и архитекторы воссоздадут шедевры до последней щербинки. На это монгольские власти не согласились. И Москва на них не надавила. Хотя полк перевели в другое место.

В 87-м на конференции тюркологов в США я организовал письмо в ЮНЕСКО, под которым подписались все участники конференции — тюркологи со всего мира. Мы требовали взять тюркские памятники под защиту, включить их в список всемирного наследия. Прямо с конференции группа турецких ученых вылетела в Монголию. Их диалог с Улан-Батор продолжался годами. Уже в конце 90-х, когда в Казахстане вице-премьером, курировавшим науку и культуру, стал Имангали Тасмагамбетов, монголов удалось убедить, что орхонские памятники представляют ценность. Мы договорились с японскими мастерами, которые изготовили точные копии памятника, установленные впоследствии в Евразийском университете имени Л.Н.Гумилева в Астане.

...С горечью вспоминаю и осень 1972 года. Мне позвонил Мурат Ауэзов: «На Или школьники нашли камень с письменами». Я бюллетеню: нога в гипсе, повредил на тренировке. Хватаю костыли, спускаюсь во двор, несколько писателей, архитекторов, художников, ученых — мои ребята. На трех машинах едем к месту находки. Это 110 километров от Алма-Аты, урочище Тамгалытас («Камень с письменами»). Холодное, туманное утро. Но настроение у всех — на ура.

Тамгалытас — известное место. На берегу Или отвесная скала, покрытая надписями разных времен. Джунгары, захватившие эти места в XVIII веке, оставили надписи буддийского содержания и рисунок, изображающий Будду. Вероятно, это место пользовалось определенной популярностью и до джунгар. Учитель из селения Баканас привел детей на экскурсию. Они разбрелись по урочищу и один увидел край каменной плиты, выглядывающий из земли. То ли дождями, то ли паводком размыло почву. Учитель, увидев письмена, позвонил в Академию. Ребята, зная, что в нашей Академии нет специалистов-палеографов, сообщили о находке мне. Мы нашли эту плиту. Большой плоский прямоугольник метр на полтора, аккуратно разлинованный. Строки явно рунического письма, идут справа налево, каждое слово отделено от другого двоеточиями. Несколько сот знаков. Мне принесли из багажника складной стул, расположился с листом бумаги: в спешке никто не захватил ни приличного альбома, ни фотоаппарата, чтобы скопировать текст. Не переживали — потом, когда находку доставят в Академию (должен был прийти грузовик с рабочими), отмоют от тысячелетней пыли, тогда и прочтем. А пока расстелили дастархан, разлили вино по кружкам, как и положено в поле, подняли за находку первого крупного рунического текста в Средней Азии. До этого были обнаружены только несколько кратких надписей в горных местностях и в захоронении (таласские камни, ачикташская палочка, бронзовое зеркало на Иртыше). По иссыкской серебряной чашечке с 26-ю буквами до сих пор спорят.

И вдруг — целый текст из сотен букв! Было от чего прийти в возбуждение.

Пришел самосвал из Академии, ребята собрали сухую траву, застелили дно железного кузова, чтобы камень не повредился на неровном проселке. Грузовик увез плиту. Больше никто из нас ее не видел.

Машина не упала с моста в Или. Не уехала в неизвестном направлении с бесценным культурным сокровищем. Она прибыла в Академию, разгрузилась во дворе. Академики из отделения общественных наук

спешно вытребовали себе у Президента Академии большую премию за великое открытие. Торопливо и неправильно поделили. Одному доктору не досталось. И тот в справедливом озлоблении нашел корреспондента «Комсомольской правды» и доложил ему свою версию: в том месте на берегу Или снимался исторический фильм «Кыз-Жибек». Герой по сценарию должен был высечь на скале древнетюркскую надпись, что и сделал художник киностудии. Фильм сняли, уехали. А надпись нашли и объявили древней. Вышел фельетон. Страна посмеялась и забыла. «Разоблаченные» академики не сумели защитить находку. Они не показали ее ни мне, никому из тех, кто видел ее на Или в то утро. Они, оказалось, отдали плиту строителям (строился один из корпусов Академии), те разбили ее на мелкие части и заложили щебнем в бетонный фундамент нового здания. Мне осталось только объявить об этом преступлении ученых с трибуны писательского пленума: «Вся наша историческая наука, вся Академия не стоят того камня, который они захоронили в фундаменте очередного сарая».

Я имел право сказать так еще и потому, что участвовал в создании фильма «Кыз-Жибек» как главный редактор киностудии. Это по моей подсказке режиссер-постановщик С.Ходжиков поручил художнику киностудии собственноручно вырубить на прибрежной скале несколько тамговых знаков. По сюжету два племени объединялись в союз и положено было закрепить это событие ритуалом — гербовые знаки племен высекались на памятной скале рядом друг с другом, что и символизировало побратимство. Знаки были высечены еще до съемок. Большие два тамговых знака, заметные издали. Актеру-исполнителю главной роли оставалось только подняться по скале и изобразить процесс письма по камню. Что и было сделано. Кадр этот сохранился в фильме.

Отголоски того события и были извращенно доложены корреспонденту (Николаю Боднаруку). Всего два тамговых знака высек художник киностудии, а не сотни. Он бы и не смог, даже если это и потребовалось бы по сценарию. Так был потерян один из памятников руники.

...Работая над книгой «Язык письма», я занимался и древнескандинавским письмом, в котором понятие «родина» выражалось руническим знаком , обозначавшим «дом». Не случайно в германских языках «родина» это — «домашняя страна».

В древнетюркском алфавите, в котором уцелели и несколько иероглифических знаков, сохранился иероглиф äb' — «юрта», «дом». В разных текстах представлены были и такой вариант , и такой , который, по-моему, и был проанализирован и разделен знакотворцем. Почему?

Если знак означал когда-то «родину», то, как обозначить понятие «чужбина», «чужая страна»? Перевернуть знак — ? На это знакотворец не мог пойти, ибо полученный иероглиф совпадал с «шумерским» — **gud** — «бык», и пришлось отказаться от первой попытки. Но он нашел выход — он не стал переворачивать , а разделил его на части и переставил их: — такое сочетание частей он назвал **jer-sub** («земля»-«вода») т.е. «родина», а противоположное сочетание — **sub jer** («вода»-«земля») — «чужбина», «чужая страна» — Suber, Sumer, Шумер.

...Вот с этих картинок я, считаю, начнется настоящая тюркология — история тюркских языков и письменностей. И это своё главное открытие из серии этимологий «1001 слово» я посвящаю памяти Гейдара Алиева, чьи слова помогли мне приблизиться к правде о происхождении таинственного Шумера и тюрков.

Сегодня ко мне приехал Кямаледдин Гейдаров – министр по чрезвычайным ситуациям Азербайджана. Он был в Бишкеке на одной встрече и решил заехать в Алма-Ату – навестить старого друга.

Я знаю его больше двадцати лет. Когда Гейдар Алиев стал президентом, он приблизил талантливого генерала. Тот брал на себя самые трудные поручения, требующие от человека кристальной сдержанности. Например, на посту Председателя Таможенного комитета. Кямаледдин, как и его отец Фаттах, был по-настоящему предан Гейдару Алиеву.

Он мог бы легко встроиться в капиталистический, как говорится, метод. У него это легко получалось до назначения на высокие государственные посты. Добившись успехов там, Кямаледдин Гейдаров проявил свой характер и талант государственного строителя.

Когда Баку начал расти и расширяться, он помогал этому процессу. Построил много больших домов.

Сколько стоит бескорыстный поступок?

Может быть, это не совсем скромно, но в Азербайджане я был самым заметным из деятелей «со стороны». Приезжал туда в трудные времена и участвовал в их жизни. И чтобы это отметить, Гейдаров, когда построил какой-то микрорайон, в одном из домов, на одном из верхних этажей (окна выходят на море) выделил мне 4-х комнатную квартиру. В один из приездов меня привезли туда, поднялись на лифте, открыли двери и объявили: «теперь это Ваша квартира!».

С тех пор я несколько раз останавливался там вместе с Маргаритой. И Мадина приезжала туда. Сегодня она приготовила обед и много сладостей, чтобы угостить Кямаледдина Гейдарова. Но оказалось, что и он их не ест, страдая от диабета, как и я.

Однажды он сделал мне подарок.

Когда-то Гейдар Алиев вызвал его и попросил помочь одному министру: «Видишь, он работает на совесть, но живет на одну зарплату. Скоро выйдет на пенсию, ему будет не на что жить. Если можешь, помоги ему...». И Кямаледдин помог.

Он рассказал мне эту историю и продолжил: «Я вижу, Вы приезжаете к нам, не получая при этом никаких гонораров за свои книги, которые подарили Азербайджану. И всегда помогали нам бескорыстно. Я вспомнил завет Гейдара Алиевича и предлагаю Вам свою помощь.»

«В каком смысле?»

«Назовите мне Ваш счет в банке, и я постараюсь, чтобы он не был пустым...»

Это было неожиданно. Впервые в жизни получил такое предложение. Но счет оставил.

Вернувшись, заглянул в банк и обнаружил, что на счету появилась довольно крупная сумма. Я удивился, а он ответил: «Это благодарность за то, что Вы сделали и делаете для Азербайджана».

И я вспомнил свою давнюю поговорку: благодарны только благородные.

Это позволило мне помочь дочери — Лейле, которая живет на съемных квартирах в Италии с двумя детьми подростками.

Вот такой незабываемый случай. При том, что я ничем не мог ответить Кямаледдину — ни до, ни после. Он отблагодарил меня бескорыстно. Помня урок Гейдара Алиева — помогать тем, кто работает бескорыстно на благо Азербайджана.

Но сегодня мы говорили о другом.

Он рассказал, что в Бишкеке, когда узнали, что он летит в Алма-Ату, кто-то сказал: «казахи считают, что кыргызы произошли позже их...».

«А я знаю, что Вы занимаетесь тюркологией долгие годы...»

«Ровно шестьдесят лет»

«Так все же, кто на самом деле произошел раньше — кыргызы или казахи?»

Я сказал, что на этот вопрос не ответит ни один специалист. Могут только сказать, что казахи в I тысячелетии до н.э. побывали в Италии и оставили следы — множество слов с дифтонгом **au** (подробнее об этом расскажу в следующей главе). Слова с этим дифтонгом существуют только в казахском языке. Их я нашел в древне-латинском, по крайней мере, с VII века до н.э.: **aus** (рот), **aur** (тяжелый, aurum — золото, самый тяжелый металл). А спустя два века, по данным языка, там появились и кыргызы.

«Как это?»

Дифтонг **au** кыргызы превращают в долгий **oo** (Алатау - Алатоо). Так в латинских появляются слова с долгим **ō**: **ōs** — «рот» (лат.), **ōr** — «золото» (фр.). Если посмотреть на европейские имена, можно увидеть, как дифтонг **au** превращается в **ō** (например, немецкий Пауль становится французским — Поль). Эту тему я бы дал студентам как задание: найти и систематизировать все примеры превращения дифтонга. Их сотни.

Все это говорит о том, что в древней истории проявили себя и казахи, и кыргызы. Поэтому спорить о том, кто первый — бессмысленно. Пусть тюркологи наконец займутся по-настоящему научными вопросами — влияния всех тюрков на культуры древнего мира.

А о нашей современной истории говорить стыдно. Поэтому мы не говорили о ней с нашим гостем. Как и о современной литературе, которая за 30 лет произвела на свет только нечитающее поколение.

За эти годы у нас появилось довольно много миллиардеров. Но я не знаю ни одного писателя, ученого или художника, у которого был бы загородный дом, роскошная машина или серьезный счет в банке. И себя причисляю к этому писательскому ряду. Даже гонорары за книги авторам отменили. Потому что все деньги, которые им полагались, ушли в карман Главного миллиардера и его родни. А все остальные обеднели.

Наша великая литература, наука, искусство — все это кануло в прошлое.

Об этом мы не говорили с моим другом — Кямаледдином Гейдаровым. Я рад, что он в хорошей форме и знаю, что он принесет еще много пользы Азербайджану. Теперь самая лучшая политика — взаимозависимость, которая поможет Азербайджану и Армении устроить мир, о котором сейчас можно только мечтать..

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ КОЛЬЦА?

...65 лет назад мы с Маргаритой Владимировной зашли в наш районный ЗАГС, дождались своей очереди и стали перед заведующей.

— Надевайте кольца, — распорядилась она.

Я достал из коробочки тонкое золотое колечко. Маргарита подставила безымянный палец левой руки. Я надел и на свой безымянный на правой ладони.

— Пожмите друг другу руки. Только окольцованные пожимайте. Все! Акт состоялся.

— А поцелуй?

— Все, очередь ждет, еще нацелуетесь...

...Откуда взялась и распространилась по миру эта традиция? Я тогда не понимал, почему кольца? И надо надевать их только на безымянные пальцы. Через несколько десятков лет понял — потому что безымянный это четвертый. А две четверки это — восемь. Два колечка соединенные в рукопожатии — восемь, символ встречи полов.

«Арабы это придумали? Ведь восьмерка из арабских цифр».

В 1962 году я открыл свой Шумер.

Таинственную, самую древнюю страну. Населяли ее разноразличные племена, но главным языком был так и не назвавший себя.

Шумеры поклонялись богине — Венере (**Dingir**), и ее знак *
восьмилучевик претворялся, видимо, и в таких формах — 8, упрощившихся в скорописную 8. Именно такая скорописная наиболее выразила бы идею сближения полов. Может поэтому древние римляне называли Венеру богиней любви?

Экспериментируя с графемами, допускаешь и скандальные штуки.

Я не знал, как шумеры называли эту придуманную мной восьмерку, похожую на арабскую. И применил к ней казахское числительное: 8 — сегіз — «восемь». Очень близким показался скандальный глагол сигис — «совокупление».

Могло ли это слово некогда обозначать «восемь» и одновременно выражать то, что подсказал графический знак — сближение, соединение близких по форме половин?

Может, в каком-то соседнем тюркском таким словом выражали оба значения?

Проделал немало работы, чтобы убедиться в том, что тюрки-кипчаки добились чего-то в практике утверждения этого удивительного явления:

...В III тысячелетии до н.э. древние семиты пришли в Древнюю Переднюю Азию. Начался исход местного многоэтничного населения. На восток ушли солнцепоклонники-китайцы, а с ними тюрки-огузы и карлуки. Те, кто верил в Венеру, подались в сторону Малой Азии, и оттуда до Аппенинского полуострова дошли тюрки-кипчаки и латины.

Эта новелла покушается на всё стройно выстроенное здание тюркской истории, которую начинают в V веке н.э. в степях Монголии: огузы создают каганат, перенимают письмо буквенное у торговцев-согдов и двигаются на запад, где встречаются со всеми другими тюрками — кипчаками, булгарами, саха...

Пока что в тюркологии царит именно такое настроение.

Работа над ошибками

...Недавно получив приглашение на конференцию из казахстанского Института языкознания, я вспомнил об одном разговоре, состоявшемся осенью 2018 года в кабинете президента. Назарбаев высказал пожелание провести в Алма-Ате Второй международный конгресс тюркологов. За большим столом, кроме президента, молча сидел Марат Тажин, советник Назарбаева по вопросам культуры.

Я понял, кто подсказал Нурсултану эту тему, и, почему я был приглашен участвовать в обсуждении. Марат гораздо чаще своего руководителя заглядывал в энциклопедию и, конечно, знал, что Первый конгресс тюркологов состоялся в Баку, в 1926 году. И практически все его участники, кроме С. Малого и Радлова были репрессированы. Тюркология как наука только-только начиналась, но после такого проведения Первого конгресса практически остановилась. Конференции положено открывать большими научными докладами. Но что можно будет выразить в докладе, открывая Второй конгресс? Какими знаниями пополнилась наука о тюркских языках за прошедшее почти столетие? Кто-нибудь занимался историческими и доисторическими связями образных письменностей?. Никто.

Научных званий в мире прибавилось, но знаний не становится больше. Не только в тюркологии — во всех гуманитарных науках. Развивались только те, которые работали на оборону. И нападение. Поэтому мир подошел к обрыву, за которым нет дорог.

Я высказался против проведения Второго конгресса. Ни в Алма-Ате, ни в Ташкенте, ни в Анкаре.

До сих пор бытует в науке теория «древнетюркского языка», от которого якобы произошли все ныне существующие тюркские наречия. Древнетюркским языком считают язык рунических текстов, найденных на каменных стелах в монгольских степях. Но Сергей Малов на Первом конгрессе дал ему более точное определение — «древнеогузский язык». А это значит, язык рунических текстов не был пратюркским, от которого произошли все другие языки тюркской семьи. И такое уточнение ведущего тюрколога должно было сказаться на дальнейшем развитии тюркского языкознания. В последующие десятилетия открылись бы новые направления лингвистики, определившие, что не было никогда тюркского праязыка: огузские (азербайджанский, турецкий), карлукские (узбекский, уйгурский), кипчакские (татарский, казахский, карачаевский) и др. возникали все в своеобразных условиях взаимозависимости друг от друга и от других языков, соседствующих в ранней, древней и средней истории.

В столетии, сокращенном Сталиным, и казахское языкознание могло достичь большего и не допустить ошибок, от которых до сих пор страдает и, видимо, еще долго будет страдать письменное казахское слово.

Но археологи слова находят в общих источниках факты, нарушающие границы этих «ужасающих гармоний».

Я нашел несколько очень характерных слов в латинском VII в. до н.э.: **aus** — «рот», **aur** — «золото» и целый ряд других слов с дифтонгом **au**, который сохранился во многих языках Европы. Из тюркских — только в казахском и в родственных тюрко-кипчакских — татарском, ногайском, каракалпакском — до сих пор звучат слова с дифтонгом **au**.

Кипчаки произносят **auz** — «рот», **aur** — «тяжелое», «тяжесть» (*«золото») — за прошедшие почти три тысячелетия в тюркских проявилось другое название самого тяжелого из металлов.

В V в. до н.э. латинское **au** в ряде примеров переходит в долгий **ō**: **ōs** — «рот» (лат.), **ōr** — «золото» (фр.) звучат в Римской империи долго.

Превращение дифтонга в долгий испытывают и тюркские языки. Например, казахский **au** системно превращается в киргизское **oo**: **Алатау** > **Алатоо** и т.п.

Тюрки-огузы и карлуки не произносили **au**-дифтонг, они его про-слаивали гортанным медиатором: **ahyz** — «рот», **ahyr** — «тяжелое» и т.д.

Чудовищная практика невежественных языковедов Казахстана, поверивших «более старшим товарищам», утверждавшим, что все казахские **au**-формы произошли от древнетюркских (т.е. огузо-карлукских) производных: ***ahy**. И поэтому нынешний казахский письменный искаженно передает родное устное слово. Например, вместо природного дифтонга нас наградили нелепым тритонгом, которого ни в каком другом наречии не отыщешь.

Название печени баур заставляют школьника записывать — бауыр. Почему?

Потому что по-древнетюркски **bahyr** — «печень».

Гортанная «прокладка» **-h-** часто действительно соответствует казахской губной **w**, но этого соответствия мало, чтобы иметь право портить казахский письменный язык.

Вызовите к доске школьника, продиктуйте несколько слов, поставьте оценку. Увидите, чего достигла казахская школа за сто лет освоения кириллицы. Почему и сегодня так трудно идет обучение казахскому языку? Учитель диктует все те же аул, ауз, баур...

Ученик пишет, как слышит.

Учитель исправляет: «ауыл, ауыз, бауыр».

Не ученику, а учительству такому давно надо поставить двойку.

После 90-х казахский язык получил статус государственного языка, т.е. обязательного. Но почти половина школьников в городах — русскоязычны. Заставь их произносить **ауыл**, когда даже у Льва Толстого и у Лермонтова — в книгах **аул**. И устно ни один казах не произносит вместе три гласных **ауыл**.

Так малограмотность первых казахских тюркологов сказалась на судьбе письменного казахского слова.

Вносим правку в лист школьной истории.

...Лексические образования, содержащие отрицательный предлог **a-** возникли действительно в латинском.

Но что там, на Аппенинах, делали кипчаки?

Участвовали в создании будущей Римской империи? Если будущие бильгамеши займутся «смеха ради» проверить эту подсказку, то соберется немало лексического материала, подтверждающего и такую неожиданную гипотезу.

Что в VIII в. до н.э. юго-западную часть Аппенинского полуострова захватили кипчаки и булгары (предки чувашей). На пограничных камнях выбили название страны: **ITEI** («страна Собаки»).

Вариантов этого названия, я полагаю, было много в те времена (**Iteli** или **Itali**). Великая засуха поразила регион будущей Турции, и прибрежное население полуострова кинулось искать для жизни новые края. Кипчаки и булгары добрались до Аппенин. Следом за ними успели латины. Булгары приняли их сторону, и кипчаки переселились выше по течению Тибра и zaloжили город, который назовется не латинскими именами — **Urba, Urma...**

Какой святой собаке поклонялись те кипчаки и булгары?

Волку, да, было. Турецкий Боз курт («Серый волк») и сейчас отзывается в сердцах.

Но **Iteli** — «Страна Собаки» — случайная оговорка истории, или было что-то в I тысячелетии до н.э. на Аппенинах, и в Европе, что произошло позже и в Поволжье?

Полистать те века, может, прочтется что-то похожее.

Римская история переполнена именами, но есть среди них и постоянно повторяющиеся. **Attila**, например. Главный герой, боровшийся с Римом, нареченный римлянами как «бич божий». В германской истории его называли **Itel**. Опорой имени являются согласные **t-l**, вокруг которых держатся явно не чужие гласные. Так могли называть какой-то народ, представляющий Страну Собаки. Хорошо бы собрать все народные именах и просеять сквозь времена. Не тогда ли великая река Евразии получила имя **Idel** — «Волга» (каз.), **Edil** — «Волга» (тат.).

Может, эти имена когда-то имели другой какой-то важный смысл, и опорный согласный **d** некогда звучал глуше **IteI, Ital?**

...Вернемся на Аппенины в Страну Собаки.

Кипчаки совершают свадебный обряд. На безымянные пальцы по кольцу, рукопожатие, и возникла серебряная или золотая восьмерка — **8**.

Толпа сопровождающих: «**Segis!**» — «восемь», и разрешающе — «**Sigis!**» — «совокупление». Молодые отправляются выполнять поручение.

Праздник увлекает юных римлян. Они хотят такого и для себя. Увоенную восьмерку они переписывают, но культура угла не признает овальных линий. И цифра приобретает соответствующий вид:
8 → X.

Название фигуры остается тем же, но числовое значение, естественно, изменилось. И в латинском появились новые слова. Мы — свидетели и соавторы. Вся картина:

каз. 8 — 1) **segis** — «восемь», 2) **sigis** — «совокупление» (каз.),
лат. **X** — 1) **seks (sex)** — «совокупление», 2) **siks** — «шесть».

Осваивая эту угловатую фигуру, латины разделяют ее пополам:

— «мужчина» (широкие плечи, узкая талия),

— «женщина» (узкая талия, широкие бедра).

Вполне возможно, что природные особенности, замеченные римлянами, искусственно поддерживались и развивались аристократией империи. Кипчаки, увы, продолжали верить своей восьмерке — 8¹⁶.

...Не знаю, где и как узнали кипчаки этот обряд, его знаки и термины. Обряд, несомненно, был связан с культурой поклонников Венеры в Древней Передней Азии.

* * *

Моя бабушка Злихá (её полное имя было Зулейха), когда приходила к нам в гости, осторожно подходила к телефонному аппарату. Я убеждал ее, что, когда я кричу «алло, алло» — не аллаха зову, а опять упрекаю техника. Она, конечно, была мусульманка. Но подозреваю, что верила только своему таинственному богу — «Тянри».

Древние турки величали его «Тенгри».

Постойте, а как в Шумере называли Венеру? Огузы произносили её имя звонко — **Dingir**, а кипчаки должны были глуше.

Может быть, главную реку Двуречья тогдашние огузы так и звали, как своего небесного бога — **Dingir** или **Tingir**! Посторонние слышали **Tigr**.

... Уже сейчас я могу набросать предположительную схему первого заселения Двуречья тюркскими кочевыми племенами в IV тысячелетии и создании на берегах великих рек, прежде всего, реки, получившей загадочное название **Tigr** (хотя в этих частях Передней Азии главные хищники Азии не водились и в древности, о чем свидетельствует археология) первых городов первого государства тогдашнего мира. Названия этих городов **Ur, Uruk, Akkand** (ставшего столицей государства в III тысячелетии) дают достаточно материала для признания их

¹⁶ Удивительно — сочетание «88-С» по коду радистов означает «целую».

тюркизмами. Как и название главной реки **Tigr**, видимо первоначально звучащей как ***Tingr** — один из вариантов общетюркского имени бога-неба. Казахи до сих пор поклоняются богу **Kok-Tengri** (Голубому Тенгри), казахи-мусульмане произносят осложнившееся имя бога — Алла-Тенгри. Недалеко от Алма-Аты в горной цепи высится семитысячник Хан-Тенгри («Повелитель Неба» каз.).

Я думаю — может быть, китайское наименование всей горной цепи — Тянь-Шань («Небесные горы») связано с именем ее самой высокой вершины — «Тенгри» — «Неба бога» (тюрк.) в языке тюрко-огузов могло и звучать звонче, и приобретать иное значение. Об этом говорит, по-моему, шумерское **Dingir** — «Венера»¹⁷.

Но огузы поклонялись солнцу, и потому в III тысячелетии, когда Шумер захватили древние семиты, китайцы ушли на восток искать страну восходящего солнца. В исход в том же направлении ушли будущие майя, инки, тюрки-огузы... А тюрки-кипчаки уже поклонялись Венере и потому ушли в северо-западном направлении, туда, где вечером восходит самая близкая к луне, самая яркая звезда — Венера. По этому маршруту в исход ушли все этносы, ставшие европейскими.

Заметки под заглавием «Тюрки в Шумере» можно было сделать многостраничной главой. Несколько примеров, которые доказывают, что тюрки (огузы, карлуки, кипчаки) были в Шумере, мы привели ранее.

Или, например, как объяснить шумерские личные местоимения: **me** — «я», **se** — «ты», а сложением **mese** — «мы», **sese** — «вы»?

Ни в одном другом языке человечества не найти для сравнения личные местоимения, сравнимые с приведенными, как например, в моем родном: **men** — «я», **sen** — «ты» (каз.). Возможно, в древнеказахском личные местоимения ед. числа складывались без согласн. окончаний: **biz** — «мы» (***mis**), **siz** — «вы» (***sese**). Во всех тюркских языках система личных местоимение единственного и множественного числа выглядит также.

«Профессиональные ученые» скажут, что все это, конечно, просто случайные совпадения.

Тогда я попрошу взглянуть на шумерский иероглиф — **tu, tud**

¹⁷ Этимолог, пытающийся узнать происхождение английского слова **diner** — «вечер», не обойдет этого шумерского слова.

— «родить». Соответствия этому слову пока не обнаружены шумерологами ни в одном языке. Имею право предложить казахский материал: **tu** — 1) «роди»; 2) «родись». И сразу дополнительное открытие: знак изображает женщину с поднятыми руками. Мне такое прочтение фигуры знака подсказало знание — великая Майя родила Будду в лесу, держась руками за толстый сук дерева. Я студентом на геологической практике в пустынях Прикаспия слышал истошные крики женщины, рожавшей стоя, вцепившись в аркан, протянутый под куполом чабанской юрты.

По образу этого иероглифа создавалась многоэтажная Вавилонская башня, которую никто не увидел.

А в XX веке, когда шумерские иероглифы уже были прочтены и демонстрировались в Европе, инженер Эйфель увидел в этом иероглифе Эйфелеву башню, которую я двенадцать лет, пока работал в Париже Представителем Казахстана в ЮНЕСКО, разглядывал каждое утро.

ДОРОГИ ШЁЛКА

В ноябре 2019 г. состоялась международная научная конференция на тему: «**Великие миграции народов. Великая Миграция в Евразии в III-IV вв. н.э.**» в г. Москва, став седьмой в рамках проекта из серии «**Великие переселения народов**». Конференция была проведена на базе и при научной поддержке Российского университета Дружбы Народов.

Результатом Московской конференции для меня и для многих стало объяснение причин явления, получившего название у историков «Великое переселение народов» и происходившего между IV и VII веками нашей эры. Среди причин данного явления важную роль, вероятно, сыграли передвижения тюркоязычных народов, призванных Китаем обеспечить (не бескорыстно) безопасность торговых дорог вдоль «Великого Шелкового Пути», сопровождая караваны из Китая до территории Римской империи. Так, начиная с IV и далее, вплоть до VII века продолжалось динамичное заселение тюркскими племенами

территорий, по которым пролегали эти маршруты, что собственно и могло привести к переселению древних тюрков, в частности, их огузско-карлукской ветви из монгольских степей на запад и их постепенному расселению по основным маршрутам Великого Шелкового Пути (Предки тюрков болгарской ветви и тюрков кипчакской ветви пришли к Каспийскому морю с запада — от Рима).

Термин «Великое переселение народов» был давно представлен в научной историографии и в учебниках. Мы можем предположить прямую связь двух глобальных событий истории Евразии — «Великого переселения народов» и «Великого Шелкового Пути».

Основной причиной этого массового драматического явления называется нашествие гуннов, пришедших в Европу из глубин Дальневосточной Азии. Кто они? Монголы? Тюрки? Пока признается компромиссное — «тюрко-монголы».

Но массовая миграция под влиянием нашествия — явление, вероятно, кратковременное. А «Великое переселение...» охватывает период, протянувшийся, по-видимому, с начальных столетий н.э. до VII века. Скорости и динамика миграций, надо полагать, отличались в разные периоды в зависимости от различных обстоятельств.

К настоящему изучению этого процесса историки могут приступить в будущем, только рассмотрев все другие причины общих и локальных перемещений этносов на территориях не только Северной Евразии, но и мира.

На мой взгляд, в качестве одной из самых главных причин «Великого переселения» следует назвать «Великий Шелковый Путь».

Он начался с конца I тысячелетия до н.э. и длился до XIII века — эпохи Чингисхана.

За это время было наработано несколько маршрутов этого первого трансконтинентального торгового пути от Срединной империи (Чжунго) до Римской.

В истории и на географической карте Евразии эти перемещения товаров, идей, культур должны были оставить следы. И некоторые из них вполне узнаваемы.

Какие следы могли оставить торговые караваны? Прежде всего, думаю, названия перевалочных баз, таможенных пунктов на границах государств, которые приходилось пересекать. Например, интересно будет подробно рассмотреть, как и где отложилось на картах Евразии слово **alban** — «таможня» (тюрк-монг.), которое стало названием местностей, стран, народов.

«Шелковый путь» — великая имперская идея, порожденная в

древнем Китае — «Завоевать мир не мечом, но товаром». Но товаром особым, исключительным. Секреты производства таких товаров охранялись, как ныне «плутониевые», и даже строже, если самые развитые государства Центральной Азии и Европы несколько столетий не могли воспроизвести у себя технологию шелка, фарфора, бумаги и других материалов, привозимых из Китая.

Эта идея «завоевание мира товаром» была, уверен, вполне осознанно противопоставлена идее классической империи — «завоевания мира оружием», воплощенной в политической практике Рима.

Борьба этих двух начал не закончилась с крахом Римской империи: проект Великого Шелкового Пути, остановленный Чингисханом и эпидемиями в XIII столетии, начал возрождаться в конце XX-го века. Китай снова завоевывает мир товарами, пусть не такими эксклюзивными, как раньше, но и они за три десятилетия сделали Китай первой экономикой мира. Империей нового типа, замысел которой возник в Поднебесной два тысячелетия назад.

О нескольких маршрутах Великого Шелкового Пути, проходившего даже по Европе, можно судить по названиям шелка в европейских языках.

В известных этимологических словарях английское **silk** — «шелк», производят от корня латинского слова **serikum** — «шелк».

Сказывается убежденность, что шелк из Китая доставлялся караванами, прежде всего, в Рим. И оттуда поступал в другие европейские страны. Поэтому фонетическое развитие ***serik > silik > silk** вполне предсказуемо, как считают лингвисты. Путешествие германского термина приводит к славянскому названию шелка: ***silk > *shelk**.

Но почему в романских языках, самых близких к латинскому, не получил распространение **serikum**? Этот вопрос этимологи должны были задать себе, сравнивая с латинским термином итальянское **seda** — «шелк», испанское **sede** — «то же». То, что эти слова явно не родственны латинскому — очевидно. Но тогда возникли бы вопросы — как произошли романские формы? Да и латинская, кстати.

Европейские словари на эти вопросы не отвечают. Привлекаю и словари языков Азии. Прежде всего, китайский, с которого, безусловно, надо было начинать европейским этимологам.

В китайском: **si** — «шелк», **sidi** — «шелковое».

В лексиконе торговли прилагательное «шелковое» естественно превращалось в существительное — «шелк». Китайское название товара почему-то наиболее точно передавать в древнегерманском (готском) языке: **sidi** — «шелк» (гот.).

Удивительно, что лингвисты еще не заметили этого совпадения. А если бы обратили внимание, то приоткрылась бы завеса над тайной одного из маршрутов Шелкового Пути: Китай — Крым (Черное море) — Андалузия (Средиземное море) и далее.

Какие известные науке исторические данные можно было использовать при этом?

1) Полуостров Крым в начальные века н.э. населяли готы. А точнее, «остготы», т.е. «восточные готы».

2) Южную провинцию Испании населяли «вестготы» — «западные готы».

Почему случилось такое географическое разделение древних германцев? И что означает этот этноним «готы»?

Мне кажется, термин стал названием этноса благодаря Шелковому Пути, участниками которого стали древние германцы, оказавшиеся в Крыму, часть которых была «командирована» из Крыма на юг Испании, в Андалузию, в порты Средиземного моря.

В Крыму, вероятнее всего, была перевалочная база этого маршрута. Склады, казармы для размещения отрядов сопровождения, конюшни, стоянки для верблюдов. И, конечно, порт для торговых судов.

По-видимому, содержалась перевалка германцами, имевшими опыт перевозки товаров морем. Кто сопровождал караваны верблюдов до Черного моря? Скорее всего, кочевые турки. Степные караваны на перевалке разгружались, и, если судно было готово, товар, привезенный на верблюдах, оказывался в его трюмах. Приезжие купцы перебирались в каюты, и корабль в сопровождении уже готского отряда отправлялся по морю на другой берег. Там снова использовался вьючный скот, и готы охраняли караваны до самой Андалузии, где часть товара доставалась испанским торговцам вместе с названием, которое испанские торговцы слышали от готов сопровождения (**sidi**) или от купцов-китайцев (**sidi**). В испанском языке появилось название этого товара **sede** — «шелк» (исп.).

В Андалузии была, вероятно, создана еще одна перевалка, которую содержали те же готы, но представленные в исторических свидетельствах как западные готы.

Из портов Андалузии корабли с шелком (**sede**) отплывали на Аппенинский полуостров. Но не в Рим, а во Флоренцию, которая была одной из первых столиц Италии. Там корабли разгружались, и шелк поступал на базары Флоренции уже под названием **seda** — «шелк» (ит.).

Маршрут от Крыма до Андалузии не был, наверное, разовым. Веками китайцы использовали эти две перевалки. И, похоже, вполне законно: за десяток тысяч верст от рощ своего тутовника Срединная

империя, по-видимому, имела имперские территории, где устраивала перевалочные базы для своих товаров. И на этом маршруте первой обнаруживаемой перевалкой может стать Крымская. Ее китайское название **gotu** — «имперская земля (территория)» могло дойти до остальных европейцев, уже обретя иной смысл — этноним древних германцев.

Таким образом, на этом маршруте выявляются две перевалки, обслуживавшиеся древними германцами — Крым (**ostgotu**) и Андалузия (**vestgotu**). Определения к терминам добавили уже европейские историки.

Вероятно, тогда делались попытки «народной этимологии»: «корень» ***gotu** совпал с общегерманским **got** — «бог». И это созвучие могло сыграть свою роль в судьбе китайского термина, ставшему именем древних германцев. Готы, занимаясь выгодным бизнесом, посещали Испанию, Италию. И, возможно, с этим обстоятельством связано то, что в IV в. н.э. готы стали христианами. Появился готский алфавит, почти не отличавшийся от латинского. Так шелк, возможно, помог последующему принятию древними германцами католической веры.

До VIII в. н.э. кочевые тюрки обитали в монгольских степях. И постоянные нашествия северных соседей в течение нескольких веков заставили Китай выстроить Великую Китайскую стену, хотя и она не избавила от давления Тюркского каганата.

Первые китайские караваны проходили на Запад, наверное, в сопровождении отрядов, потому что караванные тропы пролегали через густонаселенные чужими народами территории. И хотя, вероятно, существовали международные договоры — «торговые караваны неприкосновенны», — не всюду и не всеми они выполнялись. Хотя договоры, думаю, существовали долго, обеспечивая международную торговлю. Например, в Лаврентьевской летописи есть строки о том, что купец Беловод Просович проходил с караваном из Хивы (или Хорезма) в Киев мимо реки Каялы, где Кончак громил войска князей Игоря и Всеволода. О увиденном купец и сообщил великому князю Святославу. Но торговцев и товары воины Кончака не тронули. Иначе бы летописец не промолчал об этом.

Конечно, не только договоры гарантировали безопасность транзита товаров, но и сильные отряды. Степные тюрки славились как самые успешные воины. Мыслители и торговцы поднебесной подсказали императору (уже не узнать, какому), что северного соседа лучше взять на боевую службу. Те товары, которые кочевники привыкли добывать в Поднебесной оружием, теперь они получали как зарплату. Тюркское племя, выделявшее такой отряд, получало от купца, надо

полагать, определенную компенсацию товарами и золотом.

Отряды кочевников сопровождали караваны по разным маршрутам. Один (южный) проходил, по-видимому, по странам Средней Азии, Ирана до Византии (Малая Азия) и оттуда морем до Аппенинского полуострова. Думаю, этим путем пришло в Рим название шелка — **serikum**.

...Тюрки освоили термин **sidi** — «шелковый», заменив китайский суффикс прилагательного **-di**, на тюркский **-lik**.

И в дальнейшем на всех маршрутах, где караваны сопровождались тюркскими отрядами, местные торговцы слышали уже это название приобретаемого материала — ***silik** (вместо **sidi**).

В Северной Европе отюреченный термин прописался, похоже, раньше, чем в Южной. Так, думаю, и возникло **silk** — «шелк» (англ.).

Название отрядов сопровождения (**serik** — «сопровождающий», каз.) в языках принимающих сторон постепенно обретает расширенное значение. Видимо, недобрая слава этих отрядов способствовала порождению этих значений: я узнаю это слово в монгольском **цирик** — «войско», в турецком **чепик** — «войско» (яны чері = «новое войско», «янычары» — самая яростная часть воинства Османской империи).

От этого корня произошли характерные слова в различных тюркских наречиях. Например, **seri** — «витязь», «одиноким воин в степи» (каз.). Более раннее значение сохраняется в **serik** — «сопровождающий» (каз.).

Такое направление поиска требует более полного собрания примеров из тюркских (и не только) словарей, но и этих примеров достаточно для воссоздания следующих сюжетов.

Когда на горизонте появлялось облако пыли, наблюдатель несясь в селение с криком — «Serik!.. Serik!.. Спасайтесь!». И люди видели в слове **serik** смысл — «Враги! Войско!.. Чужое войско!..».

А когда селение или город ждали торговцев с долгожданным товаром, тогда «Serik, serik идет!..» воспринималось иначе — «Шелк! Шелк! Торговцы с шелком подходят!».

Тюрки уже в начальные века нашей эры влюбились в шелк. Называли его — **silik** и самых красивых девушек называли **silik kyz** — «шелковая девушка».

В некоторых тюркских языках поменялись названия этой ткани. Например, в казахском уже в позднем средневековье появилось **žibek** — «шелк», от **žib** — «нить», «волокно».

Тогда и возникла в фольклоре эпическая фигура красавицы Кыз-Жибек («Девушка — Шелковая»).

С детства горжусь, что у меня пять сестер и все — красавицы. Но у них разные имена. Только одну родители называли — Жибек. А надо было — всех!

...Переселение тюрков на Запад от монгольских степей имеет уже не идеальные, а вполне практические причины, выработанные в процессе развития Великого Шелкового Пути, в организации которого турки приняли активное участие. И расселились в западной части Евразии, скорее всего, именно по маршрутам распространения шелка.

Определив, таким образом, все возможные маршруты шелка, мы сможем восстановить демографическую карту, существовавшую до рождения этого трансконтинентального торгового пути.

Удастся ли нынешнему Китаю создать более совершенный механизм торгово-экономических связей «Один пояс — один путь», объединив этим поясом весь мир?

Я надеюсь, что ученые не только Китая и Евразии будут с обостренным вниманием изучать предмет под названием «Великий Шелковый Путь». Но изучать и преподавать его следует с учетом произведенного им эффекта под названием «Великое переселение народов», чтобы грандиозный новый Шелковый путь, могущий опоясать земной шар, не стал причиной подобных явлений в мировом масштабе.

Пусть сохраняется, живет в планетарном сознании великая идея древних мыслителей Китая — «Мир покоряется не мечом, но красотой, воплощенной в произведениях, таких как Шелк, Фарфор, Бумага!...». Надо ли причислять к этим символам и такое китайское изобретение как Порох, но мирный Компас — обязательно! Чтобы он показывал всем нам и всегда, что Нет Востока, Запада нет! Есть большое слово — Земля, Большое на всех языках!..

ПОЗНАВАТЬ СОСЕДЕЙ

Недавно наш Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО посетил Генеральный консул Китая г-жа Цзян Вэй. На этой встрече я рассказывал о том, как Центр может помочь китайским историкам

объяснить происхождение иероглифа **☼** — «солнце». Впрочем, синологи наверняка знают, что этот иероглиф I тысячелетия до н.э. происходит от более древнего **☉** — «солнце» (II тысячелетие до н.э.)¹⁸, который, в свою очередь, видимо, зависел от древнеегипетского **☉ Ra** — «бог-солнце» (III тысячелетие до н.э.).

Но пока неизвестно, почему египетский иероглиф оказался в китайской культуре, почему «солнце» пятнистое. Наш Центр сближения культур добрался и до этих вопросов. И других — почему точка превратилась в горизонтальную черту?

Центр уже имеет ответы и на эти вопросы.

Это произошло в I тысячелетии до н.э. Историки письма знают, что в тот период изменился сам характер иероглифического рисунка — плавные округлые линии превратились в прямые, угловатые. Так **☉** — «солнце», **☾** — «луна» (II тыс. до н.э.). В I тыс. до н.э. **☼** — «солнце», **☾** — «луна». Толкуя эти изменения, мы можем понять, какое значение реформа письма имела для культуры и политики Китая.

Знак квадратного солнца, прежде чем стать гербом и знаменем нового Китая, вероятно, воспринимался толкователями священных иероглифов и как карта мира. Горизонтальная черта в ней, как они видели, обозначила территорию Китая. Метафора или математическая фигура? Но именно такое понимание, утвержденное государством, видимо, помогло возникнуть термину — Срединная Империя.

Другие этимологии этого названия, возможно, и есть, однако наша, определенно, заслуживает обсуждения.

Кроме того, черта эта, думаю, выражала стратегию развивающегося государства. Согласно ей, Срединной Черте предстояло полнеть, набираться массы, поглощая собой все пространства квадрата. Толкователи, работая со знаком, наверное, представляли варианты постепенного разрастания Черты. Предположим такие: **☼☼☼☼**.

О чем говорят цифры? О том, что китайская наука, вероятно, сопоставляла свой древний иероглиф «солнце» с древнеегипетским **Ra** — «бог-солнце», говорит немного. Только то, что в политическом лексиконе появилось утверждение о пятидесятилетней культуре Китая. На чём основано это пятидесятилетие? Археологи пока нашли письменные артефакты четырех тысячелетий на китайской территории. Пятидесятилетние артефакты относятся только к древнеегипетской культуре.

¹⁸ Название пока не восстановлено. (О.С.)

Но как ☉ Ra, попал в Китай? Великий Шелковый Путь еще не начинался, случайный контакт, возможно, и был, но не в Третьем тысячелетии до новой эры.

...Если конференция о пятнистом солнце состоится, то мы представим там материалы, доказывающие, что в III тысячелетии до н.э. китайский этнос обитал неподалеку от Египта — в Двуречье, на берегах Тигра и Евфрата. Пополним сообщение Википедии о Шумере гипотезой, опирающейся на давно доказанные факты. Мы сказали о том, что в окружности, превращенной в квадрат, знакотворец Первого тысячелетия до н.э. видел уже не солнце, а модель земного мира. Не тогда ли черта стала пониматься и как ось, разделяющая мир восхода и заката. Великий Шелковый Путь соединил обе тогдашние империи — Срединную и Римскую, олицетворявших две половины мира.

Противоречия половин придали черте, делящей и соединяющей половины, новые определения. В том числе и такое — Ось зла. Какое из них особенно проявит свою энергию в нашем веке?

Мир должен знать о причинах вековых духовных конфликтов, разделяющих народы. Сближение культур — основная задача ЮНЕСКО, а, значит, нам надо понять, почему они расходились. Культуры разошлись, неправильно поняв свои священные знаки. Такие, например: +, ☉. А «правильно» это как? Выяснением этого наш Центр и занимается.

...Перебрав еще несколько исписанных листов, я наткнулся на тот, который подсказал, о чем можно говорить на второй встрече с генконсулом.

На листе была написана китайская цифра 六 liu — «шесть». Крупно начертана, как призыв взглянуть и увидеть еще что-то. И я понял — да, мне уже многое об этом иероглифе известно.

Пусть генконсул будет первым представителем КНР, кто узнает то, что когда-то открылось мне. Я не знаю трудов китайских ученых о генезисе цифр, в том числе и этой. Но теперь могу подсказать им несколько мыслей на этот счет. Прежде всего, выскажу предположение, что в составе, наверное, многоэтнического населения Шумера в IV и III тысячелетии до н.э. массово были и китайцы, активно проявлявшие себя в письменной культуре.

В Третьем тысячелетии до н.э. в Двуречье вторглись древние семиты. Это событие твердо датировано, и основные последствия его авторитетно описаны. Кроме некоторых подробностей. Например, такой. Нашествие древних семитов вызвало исход значительной части населения Двуречья и Шумера, прежде всего.

Шумеры поклонялись Венере. Но в составе его населения были и солнцепоклонники, чьи священные знаки вошли в письменность Шумера (например, ► **ud** — «солнце», ⊕ **udu** — «бог-солнце» созданы не в Шумере).

Солнцепоклонники (а это, скорее всего, были китайцы и тюрки-огузы) пошли на восток, искать страну восходящего солнца.

Исход происходил, я полагаю, длительно. Может быть, десятилетиями. Китайцы и тюрки успели пообщаться и с древними семитами, оставив в их культуре явственные следы своего влияния.

Как и когда рождались арабские цифры? Недавно возникшая традиция заставляет считать, что в VII веке н.э.

Но, сравнивая ряды китайских цифр разных периодов I и II тысячелетий, я увидел явную зависимость арабских цифр от ранних китайских. Китайский знакотворец начал когда-то складывать черты-единицы в значимые фигуры. Первой такой цифрой-фигурой стал квадрат, обозначающий число четыре.

Когда инструментом счета были только пальцы конечностей, в письме использовалась черта-единица (палец руки). В каких-то культурах точка — единица (отпечаток пальца ноги). В шумерских надписях встречаются обе формы единиц. Другой главной цифрой пятеричного счета была ладонь или след ступни (☞). Двумя главными цифрами они были и в прашумерском: черта или точка — **i** — «единица», ☞ (или ▼) — **u** — «пятерка».

Произошла первая культурная революция — переход от пятеричного счета на десятеричный. Этот переход очень красиво и грамотно пережили знакотворцы, создавшие латинские (т.е. римские) цифры, сохранив формы и значения первых главных цифр **I** — **i** — «единица», **V** — **u** — «пять», и, создав без напряжения новую главную цифру **X** — просто удвоив старую пятерку (***X**)¹⁹. Пралатины, скорее всего, тоже входили в состав сложного населения Двуречья. В шумерском лексиконе проявляются пралатинизмы (в этимологическом словаре «1001 слово» я их привожу).

В китайских цифрах также возникает «десятка», по-видимому, заимствованная у «соседей» пралатинян: косой крестик превратился в прямой: ⊕ — «десятка» (кит.). Другое происхождение этой цифры мне пока не видится.

¹⁹ То, что названия первых главных цифр не стали числительными в латинском, говорит о том, что авторами «римских» цифр были не латиняне.

В шумерской культуре переход от пятеричного счета к десятиричному вызвал сокрушительную перестройку цифр.

Шумерские знакотворцы не стали создавать новые главные цифры. Они просто на порядок повысили числовое значение старых главных числительных: **I** — было «один», стало — «пять», **> u** — было «пять», стало «десять». И цифровой ряд приобрел примитивно первобытный вид: **I II III IIII IIIII** и т.д. до **> u** — «десять».

Авторы «римских цифр» при переходе на десятичность сохранили вертикальную единицу, цифру пятерку и создали благодаря им несколько сложных — **IV, VI, VII, VIII**.

С древности до наших дней лишь китайцы сохранили первые шумерские числительные: **i** — «один», **u** — «пять». И цифры почти сохранились: единица стала горизонтальной чертой, а о «пятерке» сейчас поговорим.

...Китайский десятичный ряд создавался в несколько этапов. В одном из первых еще фигурировали самые ранние цифры черта-единица и угол-пятерка (**∨ > ∧**), но далее их вытесняют натуралистически-складные: квадрат — «четверка», и ***□** — четверка плюс единица²⁰. До нашего тысячелетия она дошла уже с прикрепленной единичкой **Б** — «пятерка».

Когда появилась эта лишняя черточка, прикрепляющая единицу к квадрату?

Могу допустить, что очень давно, еще в период затянувшегося исхода из Древней Передней Азии. Тогда эту пятерку усвоили те древние семиты, которым суждено было стать арабами и донести все эти и другие наработки до т.н. «арабских цифр». И какие же это были наработки?

Семитский грамматист принял прикрепляющую перемычку за полноценную черту-единицу и включил ее в число основных черт. И утвердил это свое открытие в окончательной форме цифры:

Пятерка превратилась в **Б**: пересчитав все детали, грамматист выявил новое число — «шесть». (Такой и дошла ошибочная шестерка до арабских цифр.) И уже из нее тогда же пришлось добывать утраченную пятерку. Грамматист убрал одну из «единичек», показавшейся ему лишней, и возникла элегантная, открытая в обе стороны **Б**.

Так из одной китайской искусственной пятерки возникли две арабские цифры.

²⁰ К ранним складным я отношу и шестерку **∧** — пять плюс единица. (О.С.)

Если кто-то предложит другие биографии этих первых арабских цифр, готов выслушать. Но, уверен, их просто нет и не будет.

...Вполне допускаю, что в пракитайском был и другой вариант шестерки.

Здесь пригодится сравнение с «римскими» сложными цифрами первой пятерки цифр. Действовал ясный позиционный принцип: горизонтальная строка идет слева направо. Работают главные цифры — пятерка и единица. Если единица слева от пятерки (т.е. направлена к началу строки) это уменьшение пятерки на единицу — IV. А если справа (т.е. в продолжение строки) — прибавление на единицу VI.

С появлением десятки позиционный принцип в «римских» продолжал действовать — VII, VIII, IX, XI, XII и т.д.

Китайцы рано перешли на вертикальную строку, и это сказалось на цифрах. Прежде всего, на единице: она стала горизонтальной — j: вертикальная единица делала строку менее ёмкой. До нас дошли сложные цифры первого ряда, когда пятерка еще была U (V), а единица — I. Строка уже была вертикальная, и действовал оригинальный позиционный принцип. Вертикальная строка шла по письменному полю снизу вверх, но строки — справа налево. И если вертикальная единица присоединялась к основной справа и была направлена вниз, то это означало уменьшение пятерки на единицу. В арабских цифрах с того времени появилась Ч (M) — «пять минус один» (!).

Если черта-единица прибавлялась к пятерке слева и была направлена вверх, то это было прибавление на единицу U — «5 + 1». Эта шестерка не уцелела в позднекитайском письме. Но без нее не было бы следующей, которая дошла до наших времен: t — «семь» (кит.). И она попала в арабский цифровой ряд, механически изменив позицию 7 (x) — *«шесть плюс один» (!).

Как иначе объяснить происхождение этих удивительных иероглифов?

Следы действия китайского позиционного принципа находим и в другой цифре — девятке.

Сравним с римской IX — десять минус один. Китайская десятка +, а девятка — t. (Черта — единица направлена вниз — вправо.)

Арабская десятка еще в двенадцатом веке новой эры — ●, а девятка — 1. Что доказывает — праарабское письмо знало вертикальную строку.

Итак, уже начинают проясняться важные пока туманные дали

культурного прошлого — факты неожиданной взаимозависимости разных культур, арабской и китайской, явно отдаленных друг от друга географически и исторически.

Предлагаем тему следующей международной конференции — «Китайские цифры в Шумере и далее — в арабской культуре».

...Возвращаюсь к надписи на странице, которую я чуть не отправил в корзину для макулатуры. На ней не было никаких строчек, кроме крупно написанной китайской цифры

▲ — **Liu** — «шесть» (кит.).

Когда она родилась, синология еще не знает.

Дату возникновения этой китайской цифры теперь можем определить, опираясь на шумерский иероглиф **𒂗** — **Liu** — «человек» (IV-III тыс. до н.э.).

Шумерскому, предполагаю, предшествовала архикитайская цифра, которая сохранила форму, название и числовое значение до сегодняшних дней. Пройдя, по меньшей мере, пять тысячелетий, а, может, и больше.

Культура древних китайцев, входивших, повторяю, в состав многоэтнического, по-видимому, населения Двуречья, влияла на шумерскую. Их знакотворец по-своему воспринял образное содержание китайской цифры, которая напоминала схематическое изображение фигуры человека: **▲** — раскинутые руки, раздвинутые ноги.

И у названия заимствованного сложного знака в шумерском языке появилось лексическое содержание: **Liu** — «человек». Числовое значение тоже следовало графически изобразить, но уже не метафорически, а конкретно²¹. И это удалось сделать шумерским грамматистам в два этапа. В первом, думаю, было соединено два треугольника

* **𒂗** — **Liu** — «человек».

Число шесть узнавалось по этой комбинации.

Во втором этапе, когда случился переход от пятеричного исчисления к десятичному, все сложные цифры были заменены простым сложением единиц.

И на этом этапе числовое значение **Liu** требовало более современного обозначения. И знакотворец этого века или тысячелетия на «спине человека» начертил шесть единичек. Так возник **𒂗** — один из самых популярных шумерских иероглифов, получивший международное распространение. О чем еще говорит эта уже шумерская

21 В пракитайском это сочетание было не метафорой, а сложением цифр пятерки и единицы.

цифра? О том, что шумерский грамматик уже не знал, что когда-то в письменностях Двуречья знаком **∇ > ▲** обозначали число «пять». При переходе к десятичному счету прашумерская пятерка **>** стала десяткой. Числовое значение первых цифр менялось не от изменения положения их в письменном поле, а по указанной ранее причине.

По словам, появлению которых способствовал этот иероглиф, можно восстановить и то, с какими другими иероглифами он участвовал в словотворческом процессе. Не все такие союзы сохранились в глиняных таблицах, дошедших до наших времен, но самый первый активно представлен в шумерских материалах: **𒌦𒌦 — Liu-liu —** «народ», «люди».

В странах, с которыми Шумер соседствовал, это сложное слово обретало несколько другие смыслы, по которым можно судить, в каких отношениях были шумеры с ними. Так, на языке Урарту слово **liu-liu** обозначало — «враг», в древнеперсидском **Liu-Liu** — «чужой народ», и т.д.

(Живучесть этой шумерской лексемы впечатляет. В 1992 году в Таджикистане развернулась гражданская война за власть. И в Казахстан бежали оттуда тысячи семей цыган. «Люлю» — так эту народность называют во всех персоязычных краях.)

В шумерские тысячелетия множественное число еще передавали лексическим удвоением. Тогда еще великую возраст и социальным статусом женщину в каких-то языках (не шумерском) называли **ma-ma**. И главного в роду мужчину **pa-pa** или **ba-ba**. Пока кто-то из языкотворцев Древней Передней Азии не стал применять шумерский иероглиф **↑** — **ti, tir (di, dir)** — «стрела» как символ удвоения, множественности. В некоторых наречиях тогда появился такой формант множ. числа. И вместо удвоенных терминов родились и навсегда укрепились в языках Евразии термины с суффиксом **ti, tir**

ma-ma > mati, matir > mater'

pa-pa > pati, patir > pater

ba-ba > bati, batir > ...

В тюркских языках произошло естественное выравнивание качества звуков: если звуки начального слога твердые, то отвердеют звуки и второго слога. Так ***ba-tir > batyr**.

Первое значение слова Батыр — глава рода, родоначальник. А это понятие включало в себя многое — обеспечивать безопасность семьи, рода, и расширять пастбища. А выполнять эти обязанности удавалось только сильным воинам, что и добавляло значения слову батыр > баатыр. (Монгольское расширение гласного.) В древнерусском

наработались слова-производные — богатырь и богатый. (Пока не восстанавливается знак, называвшийся в тех языках словом Ma, Ba, Pa. Поэтому не изображаем такую группу со знаком стрелы²².)

Особое развитие позднешумерская группа — Liu-ti (Liu-tir) получила, думаю, в германском и в славянских.

В Третьем тысячелетии до н.э. славянские словотворцы, уверен, видели это иероглифическое выражение «Человек с копьем» и с названием «лю-ти».

Когда грамматисты еще понимали, что знак «стрелы» это просто множитель, тогда в том диалекте утвердилось прочтение «люд», «люди».

В другом праславянском диалекте или в другом уже времени знак «стрела» был воспринят буквально, и тогда это графическое сочетание значило — «Человек с оружием». Как мирные славяне относились к вооруженному человеку, говорит слово — лютый, лют. Оно есть во всех славянских языках. Этимология не установлена. Пытались производить от древнегреч. *luxos* — «волк», но с этим никто ныне не согласится.

В этимологических словарях также без ответа остается д.-в.-н. *liut* — «народ». Оно во всех германских этимологических словарях. И действительно очень похожи друг на друга — древне-немецкое и славянское *liud*. Но происхождение германского только теперь проясняется. Предлагаем и германистам рассмотреть, как эта группа иероглифов выглядела в позднем Шумере: — *Liuti* — «люди», «народ» (шум., III тыс. до н.э.).

Такая этимология не требует от исследователя выдающихся лингвистических способностей. Просто надо было около шестидесяти лет копаться в иероглифах шумерских, древнетюркских, китайских и прочих, чтобы можно было увидеть на листке бумаги какую-нибудь интересную закорючку, и в памяти сразу возникнет вся сложнейшая картина превращения слов и знаков, создававшаяся все это время в твоей памяти.

И ради чего все это? Не знаю, может быть, ради предстоящего разговора с генконсулом. На первой встрече я пытался кратко объяснить наше виденье понятия взаимозависимость. Что все народы, особенно близкие соседи, взаимозависимы культурно, а не только экономически и политически. Как можно сегодня выразить взаимозависимость культур

²² Название «стрелы» -tir (dir, der) стало в тюркских языках суффиксом множественности. Например, в казахском — *tün* — «ночь», но *tünder* — «ночи», *üj* — «юрта», *üjder* — «юрты». Попутно предложу этимологию инд.-европ. числительного *tri*, выросшего из прилагательного **tir-i* (др.-перс.). Праформой возможной цифры могло стать написание , возникшего из шумерского *tir*.

полуторамиллиардного Китая с пятитысячелетней письменной культурой и двадцатимиллионного Казахстана с письменностью, родившейся в середине XX века н.э.? Хотя бы тем, что гражданин Казахстана обнаружил письменные доказательства контактов культуры древнего Китая с шумерской в III или IV тыс. до н.э. И этим нашел подтверждение формуле о пятитысячелетней культуре Китая. Артефакты, обнаруженные мной (их еще много впереди), убеждают, что до III тысячелетия до н.э. китайский этнос имел определенную государственность на территории Древней Передней Азии (Двуречье). Историки получают основания начинать говорить о «Старом Китае». И о длительном переходе к Тихому океану, где был создан «Новый Китай».

Срединная черта в истории постоянно возрождающегося Китая называлась по-разному. Почти тысячелетие — Великий Шелковый Путь. Мир сегодня уже не плоское, круглое пространство, каким был в древности, но — круглый Земной шар. Поэтому название срединной линии обрело объемность: «Один пояс — один путь!». По этому маршруту в бесконечное будущее народы двигает энергия мысли, накопленная в каждой культуре. Народы начинают вспоминать и ценить каждый свой интеллектуальный подвиг, сотворенный, может быть, только вчера или ещё в каменном веке. Сам процесс вспоминания и оценки поступков, оправдывающих имя нашего вида Человек Разумный — умножает уверенность каждой великой и малой нации в своём и общем бесконечном будущем.

ЧАСТЬ II

Документы эпохи

(Выступления, публикации, интервью)

ПОРТИТЬ ОТНОШЕНИЯ

Доклад на Пленуме Правления Союза писателей КазССР

Январь 1972 г.

В ожидании критика

Уверен, что критик — это не преподаватель правописания, а учитель правдописания. Яростный учитель, ревнивый отец литературы, каким был неистовый Виссарион, великий энтузиаст, для которого работа на этом поприще была не службой, а служением.

Упрекают критику за то, что она в своем стремлении к безошибочному уже достигла границ «позорного благоразумия», успокоилась, стала академичной и отстает от бурного развития других жанров литературы.

Разговор о критике только начат. Мы и собрались сегодня, чтобы поговорить о наших казахстанских делах подробно и нелицеприятно.

Мы вправе сказать, что у истоков казахской литературной критики стояли такие выдающиеся мыслители, как Чокан Валиханов и Абай Кунанбаев, чей вкус и взгляд на проблемы национальной культуры формировались под влиянием передовой русской мысли XIX века.

...Для того, чтобы активно оценить достижения нашей критики, не обязательно, думаю, рецензировать десятки книг и сотни статей, созданных в пределах этого жанра. Достаточно обратить внимание на подшивки газеты «Қазақ әдебиеті» и журнала «Жұлдыз» за период после VI съезда писателей республики.

Сколько диспутов и споров, и разговоров за круглым и треугольными столами прошумело в русской критике за эти полгода! Почему же съезд не внес никакого оживления в нашу критику? Ни одного диспута по темам, нам необходимым. Уже давно интересует писательскую общественность проблема казахского исторического романа.

Казалось бы, есть все предпосылки для начала большого разговора на эту злободневную тему на страницах «Жұлдыза» или «Қазақ әдебиеті», но его не последовало.

Руководство Союза не может в приказном порядке возбудить активность критических отделов названных редакций, остается лишь вызывать к ним.

В сентябре 1971 года вышла в «Вопросах литературы» статья А. Марченко, быстро ставшая знаменитой в нашей республике.

Состоялось заседание в Институте литературы, где обсуждалась эта статья. «Қазақ әдебиеті» ограничилась публикацией отчета этого заседания. В материалах этих, кроме полемически заостренных ответов на «выпады» московского критика, ничего не содержалось.

При всей однобокости примеров и выводов А.Марченко, в статье была поставлена чрезвычайно интересная теоретическая проблема, мимо которой неторопливо прошли наши литературоведы и критики: «Тысячелетний эпос и молодой роман». Соотношение этих двух форм в современной казахской прозе — разве не стоит обсуждения такая тема? Но она получает пока осуждение. Выступление А.Марченко неожиданно обнаружило наше отставание в вопросах теории культуры. Ее камень, упавший в запущенные огороды академического, анемичного литературоведения, должен был стать зерном не такого спора.

Городская или аульная литература?

Несколько лет назад в русской критике появилось определение «деревенская литература». Этому предшествовал целый период развития очерковой журналистики, посвященной теме возврата в село. Озабоченность писателей деревенской темой была продиктована острейшим народнохозяйственным вопросом. В послевоенные годы русское село испытывало крайний недостаток рабочих рук. Молодежь уходила в город. После переписи 1959 года обозначилась резкая диспропорция в некоторых областях России в соотношении городского и сельского населения. Призыв вернуться в село впервые прозвучал в очерках, перешел в стихи и воплотился в художественную ткань повестей и романов. Это литературное течение со временем приобрело и негативные черты, на которые вынуждены были указать перед V съездом критики, выступившие в «Правде», «Вопросах литературы» и «Литгазете». В некоторых произведениях деревенской прозы внесоциальные, абстрактно-гуманистические трактовки духовных ценностей деревенского мира оборачивались идеализацией патриархальщины.

Лозунг «Назад в деревню» был бездумно подхвачен казахскими журналистами и некоторой частью писателей. Все вы помните эту кампанию, которая была нами вовремя приостановлена и последствия ее объяснены. То, что было актуально для некоторых областей РСФСР, оказывается, было нехарактерно для других республик, в частности, для Казахстана. 75 процентов казахского населения живет на селе. Казахскую молодежь скорее следовало призывать идти на фабрики, заводы и стройки республики, вливаться в рабочий класс городов и новостроек.

Термины «деревенская тематика», «деревенская литература» перекочевали в нашу критику. Хотя, если задуматься, мы пока могли обойтись без этих формулировок. В русской литературе есть «деревенская проза» потому еще, что есть ярко очерченная «городская», урбанистическая проза и поэзия. У нас же нет городской литературы. Современный город, даже как географическое понятие, редко появляется на страницах наших книг. А если вдруг и возникает, то лишь как стартовая площадка по пути в аул. Если лирический герой оказывается, предположим, в Алма-Ате, то лишь затем, чтобы контрастней выразить свою неизбывную тоску по родному аулу.

Город и аул — это уже не просто местожительство, это эстетические, нравственные и социологические категории. Определяются отчетливо границы между городским и аульным мышлением, мировосприятием, что, несомненно, сказывается на развитии литературы и культуры в целом.

Давно пора критике поставить эту тему на обсуждение, тему, исключительно важную для культуры народа, только вчера испытывавшего коренной перелом в вековом жизненном укладе переход от кочевья к оседлости.

Цитирую статью Мухамеджана Каратаева «Народу нужны мастера», опубликованную в 1-2 номерах «Простора». Статья обзорная, охватывающая литературу последней пятилетки. Вот где можно было уйти от механических перечислений и сосредоточиться на проблемах. Наличие «деревенской темы» констатируется, и то только в нескольких строках. «Жизнь казахского аула в прошлом и настоящем была и продолжает оставаться темой многих книг, созданных в разное время». Далее перечисляются без оценки названия книг. И в заключение следуют общие слова: «Показывая перемены в жизни казахского аула, писатели в то же время раскрывают динамический характер советского человека, выросшего в патриота, социалистического интернационалиста и гуманиста».

И это — все! Все — о деревенской тематике и казахской литературе. О ее проблемах. О ее воплощении.

И разве не символично, что эта статья главного нашего критика, написанная по всем канонам, обличенным и порицаемым на январском пленуме, вышла в свет именно в январском и февральском номерах. Как своеобразный отклик на наши слова об отсталости критики.

Никаких острых проблем не ставится в этой статье, никакой критики конкретной — только критика вообще, не задевающая ни

одного смертного, типа — «нет еще произведений о жизни горняков, проходчиков, строителей и транспортников».

Должен сказать, что в этой статье значительное место уделено и творчеству О.Сулейменова. Мухамеджан-ага вообще очень много пишет об этом авторе, всегда доброжелательно и добро, не скупясь на лестные определения. И мне следовало бы по всем правилам взаимной вежливости отвечать тем же, но я думаю, дорогой Мухамеджан-ага, вы бы не уважали меня за такие услуги. Я часто выступаю с критикой статей Каратаева, главным образом потому, что он наиболее плодовитый и активный наш критик, наиболее авторитетный — в его трудах ярче и выпуклей видны общие недостатки развития этого жанра в республике. В последние годы мне приходится все чаще выступать устно и письменно в роли критика. И я начинаю понимать, что причины несмелости, комплиментарности иных критических работ чаще всего носят попросту бытовой характер.

Литература — это жизнь

Человек, сделавший критику своей профессией, должен быть готов ко всему. К тому, что с ним перестанут здороваться друзья. Его будут избегать редакторы, он может испортить отношения с людьми, с которыми ему жить в одном городе всю жизнь бок о бок. И эти отношения перейдут на детей его и внуков.

Истинный критик в такой обстановке становится самым неуживчивым человеком. А у каждого хоть маленькая, да семья. К тому же, думает он, за рецензию платят гроши, если даже ее удастся «пробить». Суммируя все эти грудящиеся невзгоды, человек, даже неслабохарактерный, волей-неволей скатывается к тихому, безопасному литературоведению, пишет целый год плановые 3 листа о каком-нибудь классике, получает солидную зарплату, накапливает ученые степени и изредка пописывает хвалебные рецензии, приобретая друзей.

Такой путь проходят многие наши борцы за великую казахскую литературу. Хорошо тем критикам, которых спасает от мелочных интриг их высокое общественное положение, таких как, например, Ш.Елеукенов, они более свободны в своих оценках. Но каково, скажем, Николаю Ровенскому? Ему время от времени обиженные авторы то нос разобьют прямо на работе, то еще какой-нибудь сюрприз в том же роде. И надо воздать должное человеческому мужеству Ровенского, который продолжает оставаться на своем боевом посту и хоть и реже, но все же выступает с принципиальными статьями против серости и

провинциализма. И, кажется, не стремится защищать кандидатскую. Он защищает литературу.

Критику нужен характер, кроме всего. Мне нравится Мурат Ауэзов. Для меня это новый тип казахского критика. Если молодой литератор читает в подлиннике древнекитайскую литературу, изучает историю литератур Востока и стремится быть в курсе мировых культурных событий, — для меня это уже характеристика. И его первые работы, пусть еще неорганизованные, клочковатые, подкупают глубиной эрудиции, подлинной культурой, которой недостает порой маститым нашим литературоведам. И, что не менее важно, у Мурата есть бойцовский характер. При всей его природной деликатности он «невежлив» в своих поисках истины.

И я обращаюсь к молодым критикам Рымгали Нургалиеву, Аскару Сулейменову, Зейнулле Сериккалиеву, Мухтару Магауину, Сагату Ашимбаеву и всем другим — напомнить еще раз: если мы не изменим своим убеждениям, не поступимся гражданским долгом ни при каких условиях; если станете выше приятельских и групповых отношений, если всю жизнь посвятите борьбе за знания, а не звания, только тогда ваше перо принесет пользу родине и народу.

Казахский стих

...Сразу после V съезда в «Литературной газете» открылась дискуссия о содержательности поэзии. Более чем полгода она продолжается. Ни один казахский критик не участвовал в ней.

Дискуссия, надо сказать, проходит не на высоком уровне. Термин «содержательность» постоянно подменяется термином «содержание». Более того, опять дали о себе знать рецидивы застарелой болезни противопоставления содержания и формы стиха. Для нас эти мотивы, зазвучавшие в материалах дискуссий, были бы хорошим поводом — возобновить или начать в нашей литературной печати диспут о формализме и формотворчестве. Определить, наконец, истинные значения этих слов, которые постоянно путаются. Чувствуя важность такой постановки, я хочу остановиться на этом вопросе подробней.

Мне до сих пор казалось, что одна из основных бед нашей многонациональной поэзии именно в несовершенстве средств выражения. В частности, казахский стих буквально подавлен фольклорными нормами. На последнем съезде писателей Казахстана вынужден был выразить сожаление, что у нас после Абая не было реформаторов стихов. Даже «формалистов» не было, хотя кампании борьбы с формализмом проводились регулярно. Слишком правильная, безошибочная у нас

поэзия. По изданию поэтической продукции мы занимаем одно из почетных мест среди республик, но это не отражает истинной картины взаимоотношений стиха и читателей. Народ, веками воспитывавшийся на эпосе, сегодня почти не читает стихов, что, насколько мне известно, пока не волнует ни самих поэтов, ни критиков наших. Во всяком случае, эта проблема еще не стала предметом обсуждения. Кажется, причина такого расхождения между «производством» и «спросом» в одном — мы не вполне учитываем новые условия, в которых обретается наша культура.

В эпоху фольклора казах был Слушателем, за полвека новой истории он стал Читателем. Результаты культурной революции отразились на судьбе стиха. Он потерял массового слушателя и пока еще не приобрел массового читателя. Почему?

Мне кажется, потому, что стихотворение, перейдя на бумагу, сохранило все формы устного и не приобрело признаков письменного стиха. Какое содержание вкладывается нами в эпитет «письменный»?

...Стих родился в эпоху бесписьменного творчества и приобрел канонические формы, благодаря Слушателю. Четко сконструированная, озвученная повторами речь легко запоминалась и исполнялась. Мелодическое звучание проще усваивалось. Это свойство слуховой памяти не изменилось с тысячелетиями.

Великими становились стихи, которые запоминались. Рядовой киргизский сказитель-манасчи держит в памяти десятки тысяч строк «Манаса». Выдающийся — сотни тысяч. И этот цикл поэм сохраняется неизменным на протяжении веков, в исполнении разных сказителей. И размер, и рифма играют чисто техническую роль. В эпосах ритмический рисунок примитивен и постоянен. Ему не придается самостоятельного значения. Описание кочевья, боя, похорон и любовного обладания передается одинаковым десятисложником (или одиннадцатисложником). Ни о какой звукописи (т.е. творческом музыкальном контексте, или фонетической метафоре), как о принципе, не может быть и речи.

Рождение письменности привело к рождению новых жанров художественной речи. Функцию запоминания приняла на себя бумага или другие письменные материалы. Эпос постепенно лишался ставших необязательными канонических рамок устного стиха. Но еще долго древняя проза не сможет забыть своего происхождения. Оно ощущается в музыкальности композиции произведения, в попытке сохранить метричность и, конечно, в стилистике. Переходная проза строится по законам устного эпоса, хотя уже лишалась главного внешнего показателя стиха — монотонности. Проза этого периода, на мой взгляд, обладает признаками свободного стиха.

Чувство формы

Чувство формы — явление развитой письменной литературы.

Известный литературовед З.С.Кедрина, много полезного сделавшая для казахского литературоведения, по-видимому, не права, объясняя в книге «Живые корни» неудачные попытки некоторых наших стихотворцев в 30-х годах использовать поэтику Маяковского. «Самые системы стихосложения в русском и казахском языках совершенно различны. В казахском существует постоянное ударение на последнем слоге слова, а в русском языке ударение переходящее. При наличии постоянного ударения в словах нельзя строить силлабо-тонический стих, являющийся в современной русской поэзии основным. Поэтому принцип построения казахского стиха силлабический. Он требует равного количества слогов в каждой строке, то есть, безусловно, правильного размера».

З.Кедрину нетворчески повторяет и М.Хамраев, распространяя это ошибочное положение на всю тюркоязычную поэзию («Основы тюркского стихосложения», Алма-Ата, 1963 г., стр.180). Этим оправдывается и то, что «тонический стих Маяковского не оказал и не мог оказать влияния на строй тюркского силлабического стиха» (стр.131).

Единственно, что мог подарить Маяковский казахским поэтам, по мнению Хамраева, — это графическую композицию — «лесенку», которая выглядит нелепо при «безусловно правильном» размере «бармак». Уважаемые стиховеды в данном случае оправдывают лингвистическими причинами наш нетворческий подход к образцам новой поэтики, узаконивают навечно монотонность тюркского стиха, невозможность полифонизма.

Никакой язык не дает одной поэзии преимущества перед другой. Мы просто еще не реализовали богатые возможности казахской речи. Абай, независимо от Маяковского, еще в конце XIX века дал образцы «лестничной» композиции строфы, основанной на количественном неравенстве слогов в строке, т.е. на неправильности размера. Он ввел несколько новых строф и принципов рифмовки.

Это еще не свободный, но уже вольный стих. Абай нарушал традиции и силлабического стиха задолго до того, как теоретики обосновали его непоколебимость. И Маяковский знал, что совершает ошибку, ломая каноны русского стиха, но у художника есть право на ошибку, которая может в будущем стать правилом.

Наследие Абая и Маяковского каждый поэт использовал по-своему. Это их право. Они ввели в стих живую ритмику разговорной речи. (Кроме того, современная тюркология уже не так уверенно говорит о

постоянном ударении на последнем слоге. Все больше находят в словаре примеров ударения скользящего. Одно это позволяет надеяться, что в будущем станет возможной постановка вопроса о тюркском силлаботоническом стихе).

Как видим, еще не все ясно в хозяйстве стиховедов. Тем своевременней дискуссия, начатая «Литгазетой». Хочу надеяться, что она продолжится в республиках и выльется в разговор о дальнейшей судьбе казахского письменного стиха.

Мой читатель

Новые требования предъявляет письменность и к прозе. Они входят в сферу темы «Эпос и роман», ждущей своего обсуждения.

Следует назвать еще одну проблему, не исследованную критиком. Проблему читателя. У нас в республике очень активный читатель. Достаточно сказать, что на журнал «Жулдыз» только подписываются около 200 тысяч человек. Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что среди толстых журналов в нашей стране по тиражу «Жулдыз» занимает первое место.

Поэтические сборники у нас выходят, можно сказать, большими тиражами. Мой последний сборник вышел в количестве 40 тысяч экземпляров. Такие тиражи редки в центральных издательствах. Не будем скрывать, что в других братских республиках, кроме, пожалуй, Украины, максимальные тиражи для поэтических книг не превышают 10 тысяч.

Прозаическая книга в Казахстане выходит порой тиражом в четверть миллиона экземпляров.

Научно-техническая революция в Казахстане породила новый, совершенный тип читателя. Читателя двуязычного. Книжная картотека его обширна. Она включает в себя произведения литературы всего мира, всех эпох и народов. Он искушен в современных науках о природе и обществе. Он ставит перед нами необычные проблемы — читатель, по своему образовательному и культурному уровню стоящий значительно выше иного писателя, который призван оттачивать его мысли и чувства.

И задача писательская теперь формулируется и так: стараться не отстать от своего читателя. Попытаться понять его запросы и требования. Он чуток, требователен и заботлив, казахский читатель.

Недавно мне позвонил незнакомый человек: «Вы нашли реку Каялы?». Вопрос был неожиданным. Несколько лет назад в «Литературной России» я напечатал статью «Где река Каяла?». На реке с таким названием произошла та несчастная битва князя Игоря

с Кончаком. Реку эту ученые еще не нашли на карте. Я спрашиваю: «Вы филолог?» Нет, говорит. Был в отпуске в Западном Казахстане. Там есть речка, которую местные жители называют Каял. Может быть, Вам пригодится.

Спрашиваю: «Вы — литератор?» Он смутился: нет, я простой инженер.

«Простой инженер!». Знаменательная для нашего времени фраза. «Простой», потому что инженеров, специалистов с высшим образованием в Казахстане уже десятки и десятки тысяч. Только за пять последних лет вузы республики подготовили свыше ста тысяч специалистов по 160-ти специальностям. Это сотни тысяч квалифицированных работников заводов и совхозов. Это наш читатель, который осуществляет технический прогресс, который преобразует жизнь нашей республики.

Читателю — строителю нового Казахстана — есть чем гордиться. А писателям? Ответить на этот вопрос нелегко. За последнюю пятилетку мы издали 22 романа, 24 повести, 8 пьес, 33 поэмы и множество рассказов, очерков, стихотворений, песен и детских произведений. Количественные достижения налицо. Важно отметить также, что подавляющее большинство произведений охватывает темы современности.

Значительно выросло художественное мастерство писателей, естественней и тоньше становится слово и образ. Блеснул своими новеллами старый мастер языка Г. Мусрепов, проявили себя К. Мурзалиев, С. Муратбеков, К. Исаков, А. Ашимов, М. Макатаев, пошли в литературу с первыми повестями молодые писатели, среди которых хочется выделить С. Санбаева, О. Бокеева.

В эти годы окреп и громко заявил о себе рядом книг исторический жанр в казахской прозе.

Но давайте честно скажем себе, товарищи, появилось ли в этом внушительном количестве произведений за пятилетие хотя бы одно значительное о сегодняшней жизни Казахстана?

М.Каратаев в своем обзоре так и не смог остановиться ни на одном названии, хотя пафос его статьи — современность.

Плод образа и ума

Думается, основная беда писателей, берущихся за ответственные темы — в непрофессиональном, не научном знании нашей действительности. Писатель должен быть не только хроникером, но и прежде исследователем общественной жизни. Пусть не обманут нас

водоразделы, проведенные недалекоими учеными между искусством и наукой. Литература сегодня — это плод и образного, и логического мышления, детище ума и сердца, точной математики и музыки.

Того запаса средних знаний, которые мы вынесли из школы или вуза, решительно недостаточно для современного писателя. Чтобы быть профессионалом-практиком, надо уже стать теоретиком. Писатель — это сложная фигура, сочетающая в себе и художника, и социолога, и лингвиста, и литератора, и специалиста в той области, в которой живут и трудятся персонажи его книг.

Мухтар Ауэзов не успел дописать роман «Племя младое». О новом поколении нашего народа, о сельской интеллигенции, о труде чабанов.

Последние годы жизни Ауэзова редко видели в Алма-Ате, он жил со своими героями, серьезно и углубленно изучая своего будущего читателя.

Иные же из молодых, да и маститых, торопятся схватиться за перо, полагаясь в основном на образное, поверхностное восприятие темы. И в результате — профанируют действительность.

Садясь за стол, не всегда представляем того, кому адресуем свои книги-письма. Что ему поведать, нужны ли ему твои мысли и переживания? И пишем в пустоту.

У нас почти не развито искусство рекламы книжной продукции. Но зато существуют другие, более примитивные и действенные каналы популяризации — слух о хорошей книге.

Ребенка пичкают сладостями и витаминами, он их не принимает и грызет кусок известки. Он не разбирается в терминах латинских, просто его организму необходим кальций, и он его находит.

Пусть простят меня за это грубое сравнение, но действительно, читательский успех иных книг можно объяснить только тем, что народному организму нужна была та художественная информация, которая заключена именно в тех книгах. Не переваренное мясо, а грубая известка. Мы не можем пройти мимо того факта, что самыми читабельными книгами в прошлом году были романы, посвященные событиям, отдаленным от наших дней.

Чем это объяснить?

Тем, что мало ярких, талантливых книг у нашей современности. Да, и этим, но есть, по-видимому, и другие причины. Одна из них в том, что, как правило, они написаны лучше. Их авторы основательно изучали материал. Есть причины исторического свойства — почему современный инженер интересуется рекой Каялой.

...Критик часто, говоря о форме, не забывает и о содержании произведения. Но беда в том, что чаще всего он ограничивает свой взгляд обложками рассматриваемой книги, как шорами. Мы говорим, что поэту и прозаику не поможет ученость. Но критик, прежде всего, ученый. А в науке исследуемое явление не может быть изолировано от подобных или даже противоречащих. Ученый от факта стремится перейти к природе факта, только тогда ему может быть понятно происхождение факта.

И графит, и уголь, и алмаз — минералы, различные по многим свойствам, внутренним и внешним качествам. Но химический состав у них одинаков — и уголь, и графит, и алмаз называем карбоном. Иначе говоря — отличаются они формой и содержательностью, но содержание у них одно. Этот простой наглядный пример приложим к народу. Я не буду делить людей по этим трем категориям — этим займется время. Оно выделит по эпохам пласты бурого и черного угля и найдет сияющие крупницы с совершенной кристаллической структурой. Мы только знаем, что исходное вещество — карбон. И, может быть, отчасти от нас зависят те условия, в которых это вещество будет претерпевать испытания давлением и температурой, чтобы претвориться в окончательные формы. Значительно упрощая схему задачи, скажу, что слово входит в систему физических факторов, воздействующих на развитие человечества не менее, чем, скажем, такие заметные события, как война и революция.

Человек с малых лет попадает в атмосферу Слова. Оно его давит, возвышает, греет, жжет или леденит постоянно, до конца жизни. Оно способствует формированию его художественного вкуса, мировоззрения, самосознания, отношения к себе и к природе. Слово устное и письменное, материнское, дружеское, враждебное, талантливое и бездарное делает человека или вялым, податливым, затемняет его душу и сознание, или усиливает его сопротивляемость, придает крепость и яркость граням его характера.

Ошибки идеологии

М.А. Шолохов на встрече с молодыми писателями летом 1959 года сказал просто: «Инженер, допустив ошибку в расчетах, может ее легко исправить, но ошибка писателя, инженера человеческих душ, становится ошибкой миллионов людей, их бедой. Неверное писательское слово может искалечить душу человека, унижить и озлобить его»

Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из наших критиков взял на себя труд перечесать все повести и романы, поэмы и стихи казахских

авторов за несколько последних десятилетий. Эти произведения участвовали в воспитании моего поколения. Они внесли определенные черты в характер казахского народа. Есть ли в этой продукции то общее, что совпадает с ленинскими задачами воспитания революционного поколения? Есть, несомненно. Но одновременно есть и то, что противоречит задачам нашей идеологии, хотя открытым текстом это не выражено. Я, возможно, беру на себя слишком большую ответственность, так категорически упрощая громадный опыт казахской советской литературы, но позвольте мне выразить свое читательское мнение.

Годы революции выдвинули на первое место из важнейших средств немедленного воздействия на народ тактику агитационного убеждения. Лозунговость, резкая графичность, где допускались лишь два густых цвета — красное и черное — вот стиль произведений первых годов революции, когда требовалось в максимально короткий срок убедить колеблющиеся массы малограмотного крестьянства в необходимости революционных преобразований. Тогда был нанесен массивный удар словом по недавнему прошлому. Оно было попросту зачеркнуто. Тогда в Петрограде и в Москве молодые горячие поэты сбрасывали Пушкина с корабля современности, объявляя его дворянским поэтом. Тогда же был «забыт» и Абай, и Чокан Валиханов за непролетарское происхождение. Но проходили годы, рождались новые поколения, окрепла и упрочила свои позиции советская власть, агитация постепенно развилась в свою высшую и более тонкую форму — пропаганду. Возвращались в культуру Пушкин, Толстой, Лермонтов, более бережным и внимательным стало отношение к прежним эпохам, и становилось очевидным, что Октябрьская революция оказалась органичным этапом развития тысячелетней истории наших народов. И доказывать необходимость этой великой эпохи можно было, лишь увидев в деталях все предыдущие, научно обозримые. Наша эпоха — естественное звено в бесконечной цепи времени. Эта идея распространялась по нашей огромной стране с разной скоростью. Казахская литература начала широко осознавать ее лишь в последнее десятилетие. Раньше понял ее, пожалуй, лишь Ауэзов, воспроизведя на страницах своего великого творения полный многокрасочный образ казахского народа — этнический, психологический и социальный. В дореволюционное время — феодальный и колониальный гнет, но и жизнь, полная высоких раздумий и возвышенных чувств.

И революция не то, что выпустила из темницы жалкого, немытого раба с блуждающим взглядом, а высвободила творческие силы

душевно здорового, талантливого народа с трагическим, великим прошлым и прекрасным будущим. Ауэзов первый из казахских писателей ввел в литературу характеры динамические, активные, действующие. В них бурлила живая кровь, они входили дерзко и уверенно в толпу бездумных бодрячков или унылых страдальцев, созданных воображением наших писателей-агитаторов.

Можно ли, без конца изображая дырявые юрты, грязные деревянные корыта, из которых якобы ели казахи, доказывать необходимость революции? Разве только в том, что корыта заменили фарфоровыми тарелками — значение революции. Это взгляд обывателя.

Ребенком научившись читать, я должен был изо дня в день наслаждаться картинами невежества, забитости и отсталости моего народа.

Тогда формировался мой человеческий характер, закладывалось мое мировоззрение. Тогда мне нужно было вложить в душу хоть крупинку гордости за моих предков. За что мне их было уважать? Меня настойчиво заставляли их жалеть и презирать.

И счастье, что я прочел книгу Александра Бека «Волоколамское шоссе». Его железный Бауржан стал моим героем. Резкий, гордый, справедливый, отважный и мудрый. Он воспитал уважение к казахам не только у меня. Принадлежность к народу Бауржана стала для меня счастьем. Я это осознал потом, через много лет. Тогда же, вероятно, чувства мои не так формулировались. Потом был «Абай» Ауэзова.

И поэтому я сегодня не хочу и не могу читать новейшие диологии и трилогии наших писателей, где без конца с чистым реализмом, который точнее назвать неонатурализмом, изображается уже давно несовременный образ казахского народа в переходный период от начала XX века.

Как бы ни восхвалялась форма и техническое совершенство этих книг, содержанием они устарели.

Их содержание и есть наследие того проклятого прошлого, которое продолжает угнетать меня.

Неужели не замечают казахские критики, что на шестидесятом году советской власти так агитировать меня, современного читателя, за советскую власть уже вредно.

История состоит из биографий

Не обжигая меня, юного читателя, пламенем высоких характеров, героическим настоящим и прошлым моего народа, писательское слово не способствует кристаллизации моего характера и гуманистических убеждений. Не выполняет своего долга.

Итак, чем же объяснить интерес народа к историческому роману?

Ш. Елеукенов верно определил: «Ростом национального самосознания».

Добавлю — отсталостью нашей исторической науки. Моему инженеру, чтобы лучше строить настоящее и будущее народа, надо знать, на каком культурном фундаменте оно зиждется. Любой из нас может назвать сотни имен и событий, на которых зиждется история русского народа. Мы знаем историю Англии и Америки, Испании, Арабии и Китая. Теперь сделайте с собой такой эксперимент — сколько современный казахский интеллигент помнит имен и событий из казахской истории, скажем, недалекого XIX века? С десятков. XVIII-го? Единицы. XVII-го? Пустота, и дальше пустота и тьма.

Народ, проделавший до XX века многотысячелетний путь, сложный и трагический, сквозь мрак поражений и пламя побед пронесший свою душу живую и сохранивший от китайских, мусульманских и монгольских императоров великую землю, которая сегодня всей своей площадью и глубиной служит коммунизму, этот народ достоин того, чтобы знать свою биографию. И биография эта требует уважения.

Особый интерес вызвал роман Ильясa Есенберлина «Хан Кене». Первое произведение, где главным героем — историческая личность, которую нельзя отнести к плеяде «лучших сынов казахского народа». Личность с заведомо неблагополучной репутацией.

Если уж учиться у русских, то учиться широте взглядов на историю. И не бояться упоминания имен Аблая и Тауке. Все дело в том, как оценивать их дела и мысли. Попробуйте исключить из русской истории князей Дмитрия Донского и Александра Невского, царей Ивана Грозного и Петра I — будет ли серьезной такая история? Мы должны знать все что было, ничего не утаивая от народа.

История не терпит пробелов, история повторяется, если ее забывают.

У меня на полке стоит недавно изданный томик Аркадия Аверченко, написавшего в эмиграции злобную антисоветскую книгу «Дюжина ножей в спину революции». Об этой книге говорил Ленин в передовице «Правды».

И Бунин, и Куприн не скрывали в эмиграции своих антисоветских взглядов и всячески пропагандировали их. Но история от них не отвернулась. Мы понимаем всю сложность тех лет и возможность любых ошибок талантливых людей.

Их ошибки не опасны сегодня нашему строю, он доказал свою силу и прочность в битве не с такими врагами. Опубликована переписка

Ленина с Горьким. Вы читали ее. И после всего того, что говорил о Ленине в запальчивости писатель, обвиняя его в том, что он поставил Россию на край гибели, Ленин пишет записку военкому с просьбой достать где-нибудь дров для пролетарского писателя Горького, а если не удастся, то придется искать в другом месте, и вопрос — где? Невозможно без волнения читать эти записки.

Мы же, ученые-историки, порой, оценивая высказывания и действия тех или иных личностей, начисто абстрагируемся от эпохи, в которой они жили. От сложностей условий исторических, и судим их задним числом.

Проверка историей

Я намеренно сфокусировал внимание на отношении к истории, ибо считаю, что история — есть своеобразный психологический тест, по которому определяется и мировоззрение художника, и уровень развития его личности в нравственном и политическом отношении. Ведь история — это не только прошлое, сегодняшний день тоже часть истории, неразрывно связанная с предыдущими и последующими. Время развивается с такой скоростью, что мы не успеваем отбить границы между прошлым и настоящим. Мы воспеваем луну как светящийся круглый камень так же, как пели о ней во времена Гильгамеша и Конфуция. Чувственно она такая же, как была, но разуму нашему известно, что человеческая нога ступила на ее ноздреватую поверхность. Только вчера человек ступил на Луну, а кто из сидящих в этом зале без усилия вспомнит имя этого землянина. Это уже история, и память наша несовершенная оттесняет событие в отдаленные уголки, давая место новой, непрерывно поступающей информации. И поэтому человечество выделяет из себя особый разряд людей — хранителей памяти — писателей.

Каждый писатель, о чем бы он ни писал — о пирамидах Хеопса или о новейших открытиях физики, прежде всего, по природе своего дарования — историк. Поэтому воздерживаюсь от резкого деления литераторов на тех, кто пишет о современности, и на историографов. И те, и те воздействуют на современного читателя, на него рассчитана их продукция и все, что помогает усовершенствованию человека нашего общества.

История — это нравственный и философский опыт народа. В истории — истоки и этапы становления и развития национальной культуры, начало тех добрых человеческих качеств, которые слагают нынешний народный характер.

Отрицая историю, мы лишаемся значительной доли того культурного багажа, который нам необходим сегодня.

Уже намечилось значительное разветвление внутри жанра.

Героика «Хана Кене», «Стрелы Махамбета», «Яик — светлая река», «Курмангазы» и др. сочетается с осмыслением художественных открытий, и самым характерным примером такого рода я бы назвал новую повесть С.Санбаева «Когда ждут мифов» — о древнем казахском художнике.

Такое направление исторической прозы мне кажется не менее важным, чем героическое.

Мне непонятно некоторое пренебрежение нашей критики к книгам, на которых лежит ярлык — исторический роман. Бесславны были писатели, которые всю жизнь посвятили этому жанру. Казахским историографам повезло — их вещи появились в то время, когда возрос интерес к истории, и критики их не обошли.

Но произведения русского или татарского писателя, посвященные истории Казахстана, продолжают оставаться вне поля зрения казахской критики.

Десятилетиями, с 30-х годов, осваивает эту тему глубоко и серьезно москвич Сергей Николаевич Марков.

Есть ли хотя бы одна обобщающая статья о его творчестве? Может быть, он и сам не знает, какое влияние на новую казахскую литературу он оказал. Скажу только о себе — мое отношение к истории складывалось под непосредственным воздействием рассказов и стихов Маркова. Много уже написал Морис Симашко. Созданные им в Казахстане книги вышли уже на нескольких языках за рубежом. Рецензию на его романы написал Андре Стиль. У нас же имя Симашко в критической литературе появилось лишь однажды в малограмотном фельетоне одной из молодежных газет.

Написал о кипчаках любопытную повесть и Юрий Плашевский. Уже есть значительный материал для статьи или книги «Русские советские писатели об истории Казахстана». В ней найдется место для критического осмысления рассказов Всеволода Иванова, поэм П.Васильева, романов И. Шухова и Д. Снегина.

Кстати, скажу, что казахские критики произведений русских и уйгурских писателей, живущих в нашей республике, почти не замечают, если не сказать — совсем. Хотя русские критики постоянно пишут о казахской литературе. Мало знает казахский читатель о романах Хизмета Абдуллина, Ивана Щеголизина, о книгах стихов Александра Лемберга, Валерия Антонова и др.

Названные мною имена и русская критика не очень-то жалуется, хотя это одни из лучших писателей республики.

...И наконец, нам бы хотелось сказать о политическом благодушии нашей критики. Дальше призывов — крепить дружбу народов и стоять на страже завоеваний социализма в области национальных отношений — критики не идут. Хотя встречаются еще в советской литературе аспекты, которые должны были стать предметом принципиального разговора.

«Вопросы литературы» недавно провели очередное заседание «круглого стола» критиков, в котором и мне удалось участвовать.

Валентин Оскоцкий в интересном выступлении привел несколько примеров неклассового подхода к истории из свежей литературы.

Так, цитировалась книга узбекского литературоведа, в которой хан Тимур объявлялся чуть ли не демократом. Упоминалась в этом ряду книга о генерале Скобелеве, изданная недавно центральным издательством, где Скобелев превозносится как национальный герой.

По возвращении я прочел в журнале «Простор» повесть Ивана Петровича Шухова «Трава в чистом поле», немало слов в которой отведено Скобелеву. Сообщу прежде, что мне известно об этом генерале. О нем написано много в дореволюционной России и потом, в белой эмиграции. Сейчас зарубежная печать время от времени касается этого имени, когда речь заходит о советских среднеазиатских республиках. Наиболее полно изложена судьба Скобелева в большой книге Николая Кнорринга, вышедшей в Париже. И удивительно то, что книга эмигранта более объективно и всесторонне изображает события той эпохи и обнаруживает более диалектический, я бы сказал даже «марксистский» подход к истории, нежели произведения советских авторов на ту же тему. Генерал Скобелев блестящий полководец, человек большого личного обаяния, автор лозунга «Славянам править миром, а славянами править России». Целью его жизни был захват восточных колоний Англии, прежде всего, Индии. Средняя Азия нужна как плацдарм для проникновения в Иран, Афганистан. Царь Александр II поддерживал этот авантюрный план. Первый пункт программы Скобелев выполнил блестяще, утопив в крови Мангышлак и Туркмению.

И только бомба народовольца, оборвавшая жизнь Александра II, помешала ему приступить к следующим действиям.

Эта бомба спасла Россию от войны с Англией. Александр III отверг план Скобелева. И карьера генерала закатилась.

Фигура по-своему, безусловно, трагическая, достойная внимания писателей. Но, проливая слезы над его личной судьбой, мы не должны

забывать о той стороне его общественной деятельности, которая вызвала гнев и осуждение всей прогрессивной России. Нас не может обманывать популярность Скобелева в обывательских, черносотенных кругах мещанской Москвы. Пролетарский Петербург и передовая интеллигенция не принимали Скобелева. Причины этого холода должен был понять уважаемый автор повести «Травы в чистом поле».

Стало чуть ли не нормой в иных романах, говоря о прогрессивных последствиях присоединения Средней Азии и России, умалчивать о негативной стороне этого предприятия, называвшегося колонизацией.

Отвлекаясь от исторической реальности, мы, повторяю, задним числом, по прошествии многих лет после тех кровавых событий, вырываем отдельные фигуры из той среды и судим их или возвеличиваем.

Воспевая Ермака, порицая Кучума, слагая оды Скобелеву и Перовскому, разглагольствуя о приятных манерах генералов Колпаковского и Кауфмана, мы как-то начинаем забывать о тысячах сожженных и растоптанных карателями аулах. Требуя от тех ханов или кедеев, кто погибал под казачьими шашками, немедленного понимания всех прогрессивных последствий этой кампании, иные писатели проявляют глубокое непонимание процессов истории.

Прошрое, проклятое прошрое, гнездится в закоулках душ, на сгибах карт. Оно доходит до новых поколений со старыми песнями. Оно — в уцелевших царских, генеральских названиях городов и сел. Оно пышным цветом распускается там, где пассивен ученый и невежественен критик.

На земле за полвека появилась новая общность людей, новая нация — советский народ, в который вошли представители десятков национальностей.

И мы, советские писатели, критики, должны быть особенно бдительны ко всякому проявлению узкого национализма и пережитков монархических настроений, непримиримыми ко всему тому, что может бросить тень на нашу дружбу и братство.

В заключение разрешите выразить надежду, что сегодня у нас состоится свободный обмен мнениями по всем волнующим нашу литературу вопросам. Свободный, стесненный лишь рамками регламента, ибо в своем кругу мы вправе ошибаться и эти ошибки могут иметь позитивную ценность для дальнейшего развития литературы и культуры нашего народа.

Давайте, товарищи, портить отношения!

Январь 1972 г.

СЛОВО О МУХТАРЕ АУЭЗОВЕ

(Доклад на праздновании 90-летнего юбилея писателя)

Сентябрь 1987 г.

Дорогие товарищи, прежде всего, разрешите от имени Союза писателей Казахстана поблагодарить вас, собравшихся почтить память Мухтара Омархановича Ауэзова. Поприветствовать и поблагодарить наших гостей из Москвы, из братских республик, учеников, друзей, читателей Мухтара Омархановича Ауэзова! Выразить благодарность ЦК Компартии республики и правительству в организации этих торжеств, праздника в честь нашего писателя!

В этот год любое заметное событие в культурной жизни республики и страны проходит в условиях нелегкого процесса революционного возрождения. Это придает особую тональность нашему сегодняшнему разговору. Камертонный зачин на конференции по творчеству Ауэзова, состоявшийся на днях в Академии наук КазССР, ученым удалось избежать привычной келейной парадности, выступления носили деловой и откровенно-исповедальный характер. Есть биографии, в которых отражены пути развития общества во всей диалектической сложности. Судьба Ауэзова — человеческая и творческая помогает нам понять — что же происходило с казахской литературой в этом столетии. Прослеживая линию его жизни, мы имеем возможность взглянуть в общее прошлое, увидеть то, что раньше не замечалось. Такие судьбы прибавляют народу зоркости, освежая чувство справедливости.

Ауэзов отметил свое 60-летие в 57 году, был награжден Орденом Ленина, слушал о себе впервые так официально, изобильно льющиеся слова величания. Это был миг торжества и смущения Ауэзова. К тому времени он завершил свою главную книгу, благодаря которой термин «Казахская литература» стал выражать в стране и мире вполне осязаемое, реальное понятие. Роман расходилась по языкам, набирал силу и к имени автора прибавлялись все новые, все более возвышенные эпитеты.

70-летие отмечали уже без него. И в докладах оценки труда и таланта писателя не опускались ниже определения — выдающийся.

К 80-летию он называется великим, впервые после Абая. Эти высокие, заочные определения, словно компенсация за те ярлыки, которые сопровождали его почти до самой смерти. Словно одному

достался весь объем славы, отпущенный первому поколению интеллигенции советского Казахстана.

К нынешней дате тонус эпитетов заметно понизился. Во вчерашнем номере «Казправды» читаю заголовок «Большой писатель и ученый». Выразилась ли в этой трансформации более трезвая оценка творчества или, вероятней, сказывается наша общая реакция на эйфорическую чрезмерность выражений прошлого десятилетия, когда слишком много и во всех сферах обнаруживалось необыкновенного, замечательного и великого. Но думаю, что народное отношение к Ауэзову уже не зависит от газетных определений. С годами имя истинного художника вообще избавляется от титулатуры, а на Востоке даже от фамилий. Мы говорим просто: Абай, Хайям — без сложных фигуральных конструкций, поддерживающих имя на должной высоте. Светильники еще нуждаются в подпорках. Светило уже обходится без них.

Но, прежде чем взойти и утвердиться на небосклоне национальной культуры, алмазно-хрупкий источник света должен проявлять и алмазную твердость, ибо он на своем пути входит в столкновение с антрацитовою темнотой наших сознаний. И, просвещая, гибнет или, просветляя, восходит в бессмертие. Об этом говорит нам судьба Мухтара.

Мухтар Ауэзов родился в самом конце прошлого столетия, названного веком науки. Время возрождения человеческого достоинства в планетарном масштабе. Лишь воспитывая свободного человека с просветленным сознанием, человечество может достичь подлинной независимости и бессмертия. Эта идея сформулирована в XIX веке. Она легла в основу всех прогрессивных учений и добрых идеалистических утопий, программирующих будущее. Искры из интеллектуального костра, бушевавшего в западном полушарии, в центрах России, достигали и национальных окраин. Мы, к сожалению, по-настоящему не изучали XIX век Казахстана. Набор разрозненных, лишенных внутренней взаимосвязи фактов, увы, еще не история.

Дореволюционный Казахстан, как и любая другая провинция империи, был, естественно, включен не только в хозяйственную, но и в культурно-политическую орбиту России. Что нам известно о казахской интеллигенции прошлого столетия? Одиноко заметны только 3 фигуры просветителей: Чокан, Ибрай, Абай. И эти имена мы узнали, во многом, благодаря стараниям Ауэзова. Исследователи привыкли рассматривать их изолированно, вне связи с природной средой. Этаким горным пикам, одиноко торчащим в голой, плоской степи. В

природе такого не бывает. Хан-Тенгри возможен только в системе, где есть вершины самых разных степеней, подготавливающих взлет семитысячника.

Писатель Галым Ахметов, ныне продолжая традицию Ауэзова, проводит годы в архивах страны. Он восстановил несколько сотен имен казахов, получивших до революции высшее образование в институтах и университетах России. Подчеркиваю: не Академия наук, не работники институтов, входящих в систему Минвуза и Минпроса, а писатель-энтузиаст, ему сейчас более 80 лет, занимается этой работой.

Хотел связать на свой страх и риск, но подумал: какой-то такой страх и риск должны испытывать ученые, восстанавливая факты культурного влияния демократической России на казахское общество? Высшее и среднее специальное образование получали, как ни парадоксально, в основном, представители низших слоев казахского населения. По утвержденному колониальной администрацией порядку, местная знать обязана была отрывать в военные и светские учебные заведения своих отпрысков. Но чадолюбивые отцы степи чаще всего вместо своих сыновей направляли учиться детей батраков, большей частью из них формировалась степная интеллигенция. Первые инженеры, юристы, врачи, ветеринары, возвращаясь в родные края, приносили с собой демократическую атмосферу, которой была насыщена среда российского студенчества. И через них вольнолюбивые стихи Пушкина и Лермонтова, идеи Чернышевского и других рыцарей свободы находили отзвук и в степной крае, формировали демократическое сознание. Они не могли не выступать проводниками передовой русской культуры. Возможно, были среди них и реакционеры, но ведь далеко не все.

Игнорируя этот аспект, мы резко обеднили картину духовного взаимодействия народов в прошлом. Изречения Чокана, Абая и Ибрая о животворящей роли русской культуры, по-видимому, только реплики из того многоголосого хора, услышать который нам помешало наше политическое невежество.

Правильно сказано: Чокан не начинался с Чокана, и не с Абая начался Абай, была определенная культурная среда — тот самый животворный космос, без которого невозможно становление интернационального мировоззрения, поражающего нас в этих личностях. И разве не говорит нам о характере среды хотя бы такой факт: племянник Абая — Шакарим — поэт не менее одаренный, чем его прославленный родич, состоял в переписке с Львом Толстым, ездил на его 80-летие в Ясную Поляну, знал восточные языки и, в совершенстве, русский. Перевел Дубровского в поэтической форме, пожалуй,

единственный опыт в этом роде в мировой литературе. Философ и теоретик музыки, что мы о нем знаем? Что знает современный читатель и о многих других, среди которых воспитывался юный Мухтар?

И в XX веке судьба Казахстана в главном повторяла судьбу России. 1905-й год и в степи всколыхнул сознание. После репрессий наступило ослабление режима.

Вслед за Россией и на окраинах возникают легальные партии буржуазно-демократического толка. Пора, наконец, ученым разобраться в какофонии политической жизни предреволюционного Казахстана и определить научное, а не только юридическое отношение к идеологическим направлениям «Алаш», «Уш жуз» и другим. Рассматривая их не обособленно, но в связи с общеполитической жизнью российского государства. При определении этих дореволюционных партий мы еще пользуемся оценками сталинского периода, трагическая односторонность которого горько сказалась на судьбе отдельных личностей и народов нашей страны. Нужно внести объективную ясность в понимание того сложного, запутанного времени. Необходимо хотя бы потому, что в принадлежности к буржуазно-демократическим партиям обвинялась практически вся творческая и техническая интеллигенция Казахстана, начиная с 20-х и до 50-х годов. Из той плеяды ученых и писателей, чей талант раскрылся сразу после Октябрьской революции, уцелел только Мухтар Ауэзов.

История казахской литературы представляет собой пунктирную линию, отсутствуют целые периоды развития. Прерывать времен связующую нить живую — значит, пересекать кровеносный сосуд, который питает общественное сознание. Замалчивание, извращение правды прошлого — одна из причин тех уродливых проявлений в общественной жизни, свидетелями которых мы были.

Мухтар Ауэзов — фигура возрожденческого масштаба. Такие проявляют себя во многих областях духовной жизни общества, они влияют на всю культуру в целом. Задачи революционного возрождения побуждают их быть и учеными, и писателями, и общественными деятелями.

Ауэзов — первый профессиональный драматург, первый режиссер и организатор театра, в числе первых журналистов и прозаиков, первый литературовед, даже игрок первой футбольной команды, организованной в Казахстане.

В одно сообщение не уместить описание всех сторон его деятельности. Поэтому мы попытаемся проследить воплощение в его творчестве не только одной художественной идеи, которая как сверхзадача,

как кредо, оплодотворяет его устремления на протяжении всей жизни. У каждого писателя есть своя стержневая тема. Ауэзов определил ее для себя в самом начале пути — это Абай. Юный Мухтар узнавал грамоту по рукописным сборникам стихов Абая, с детства впитал мощь его поэтического мира и потом все отпущенное время посвятил изучению, пропаганде и защите творчества своего учителя.

Сейчас мы вполне допускаем, что нынешнее поколение читателей могли и не узнать Абая, если бы не настойчивость Ауэзова. Летом 1917-го года двадцатилетний Ауэзов создает научно-популярный журнал для молодежи по названию «Абай». Он и редактор, и автор этого издания. Почти в каждом номере его статьи на самые разные темы науки, политики, искусства и о творчестве Абая. В 23-м году выпускает монографию «История казахской литературы», где значительное место отводится Абаю. Этот труд был очень популярен и формирует общественное отношение к Абаю, как к общенациональному поэту. Двадцатые годы в истории русской и советской литературы довольно хорошо изучены. Разные соревнующиеся направления, рассвет школ, новаторская эстетика Маяковского, народность поэзии Есенина, десятки ярчайших имен.

Двадцатые годы в национальных республиках были столь же наполнены творческим горением. И Казахстан — не исключение. И здесь проявились яркие таланты, но об этом мы теперь можем судить лишь по отрывочным сведениям. В официальной же истории нашей — это десятилетия вырванных страниц.

Краткий период свободного творчества заканчивается в 1927-28 годах. Республиканские газеты того времени читаешь со стесненным сердцем. Вот отрывок из характерной публикации: «Мы можем без особых затруднений определить абаевскую философию как конгломерат разновидностей обычной, буржуазной, идеалистической философии с преобладанием теологии. На 11-м году нашей революции этот буржуазный хлам без всякой критики преподносится молодой казахской общественности, как истинно материалистическая философия на казахский лад. Мы считаем, что одна из первоочередных задач партийной организации Казахстана на идеологическом фронте состоит в том, чтобы покончить с абаизмом, как обычным буржуазным хламом. Поэтому в кратчайший срок необходимо мобилизовать все культурные силы партийно-советской общественности Казахстана против учений Абая и его современных единомышленников» («Советская степь», 2 августа 1928 года, автор курировал в ЦК Компартии Казахстана идеологию).

После такой критики имя Абая было изъято из печати, и чтение его стихов каралось тюрьмой и ссылкой. Казахстану хронически не везло на своих идеологов. У нас сегодня есть право и все основания с горечью признать, что местные идеологические вожаки за редкими исключениями были невежественными политиками. Их естественный дальтонизм категорически упрощал многоцветье мира культуры. Эта, до конца не разоблаченная традиция, еще имеет тенденцию к продолжению.

И в русской культуре новое утверждалось в борьбе с реакционным прошлым. Но разобрались, что не все новое — прогрессивно и не все старое — устаревшее. В диспутах с леваками, требовавшими забыть Пушкина и Толстого, приходилось участвовать и Ленину. На одном из молодежных собраний он признался, что Пушкин ему ближе, чем Маяковский, но после такого заявления Маяковского ведь не запретили. И даже в трудные 30-е его называли талантливейшим поэтом нашей эпохи, несмотря на то, что он писал стихи, посвященные Рыкову и Бухарину.

Один из парадоксов сталинского режима: в кровавом круговороте 30-х не были репрессированы самые известные русские писатели. В период, проходивший под лозунгом «незаменимых людей нет!», — все же поняли, что нельзя заменить никем Горького, Шолохова, Федина, Пастернака, Фадеева, Твардовского, Тихонова, Всеволода Иванова, Булгакова, Анну Ахматову.

Но далеко от столицы в национальных республиках писателей не берегли. Сейчас журнал «Дружба народов» запросил из каждой республики списки имен литераторов, пострадавших в период культа личности. И можно не сомневаться, что самый большой перечень представит наша писательская организация.

В 1932-м году Ауэзов выходит из заключения. Освобождение далось ему ценой публичного покаяния в газете, которая уже называлась «Казахстанская правда». В этой статье Ауэзов отказывается от лучших своих произведений «Енлик-Кебек», «Кок-Серек» и «Лихая година». Он, по сути, отрекается от всего себя, но Абая не предает. Можно себе представить, каких усилий, какой политической ловкости потребовала от него работа по изданию в 1933-м году первого двухтомного собрания сочинений поэта. В 37-м году в стране отмечалась важная литературная дата — 100-летие со дня смерти Пушкина. В Алма-Ате проводился школьный конкурс на лучшее исполнение стихотворения Лермонтова «На смерть поэта». Мне об этом рассказывал сын Беимбета Майлина, которому тогда было 13 лет. Он участвовал в

этом конкурсе, занял какое-то место. И в эти дни, проклиная царизм, убивали поэтов, учеников и продолжателей Пушкина. И можно удивляться, как тогда уцелел Мухтар Ауэзов. Как сохранились Сабит Муканов, Габит Мусрепов и Габиден Мустафин.

Читаем в «Казахстанской правде», сентябрь 1937 года: «Разве может Сабит Муканов, нынешний председатель Союза писателей, не прикрывать Сейфуллина, когда сам Муканов выступает в роли глашатая и рупора буржуазного национализма. Он выступает на сей раз в роли редактора контрреволюционных, националистических книжонек, автором предисловия к сборнику пропитанных контрреволюционным национализмом рассказов, написанных Ауэзовым, когда он был видным деятелем и идеологом «Алаш-Орды»...» и так далее, и тому подобное.

Уже создан Союз писателей СССР. Фадеев не всех в состоянии спасти, но Ауэзова и Муканова выручает. Мухтар Омарханович продолжает воскрешать Абая, именно в 37-м написаны первые страницы будущего романа-эпопеи. Глава, посвященная переводу письма Татьяны Онегину. В 42-м году издается первый том, в 47-м — вторая книга; Сталинская премия I степени, он первый писатель — действительный член Академии наук КазССР. Но и эта золотая броня не может защитить Ауэзова от местных янычаров. Непотопляемость Мухтара выводит их из себя. Когда мы говорим о том, как поддерживал Ауэзов своих молодых коллег, помогал им выйти на широкую дорогу международного признания, имея в виду и Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова и Мустая Карима, мы не забываем об опыте дружбы Мухтара с Фадеевым, Тихоновым, Соболевым, Всеволодом Ивановым. Они не просто поддерживали своего казахского собрата, они попросту спасали его в те годы.

В 51-м году новая волна газетных атак. Обвинения все те же. Певец феодализма, буржуазный националист, идеолог Алаш-Орды. Время идет, в мире произошли великие перемены, а у нас ничего не меняется. Даже формулировки и методы. Заготовлен ордер на арест академиков Сатпаева и Ауэзова. Геолога Сатпаева трудно обвинить в пристрастии к феодализму, и потому фабрикуется уголовное дело о растрате и хищении материальных средств. Оба тайно уезжают в Москву. Фадеев и Тихонов идут, как говорится, на самый верх. Ауэзов остается в Москве, преподает в МГУ литературу народов СССР. Сатпаев заведует кафедрой рудных ископаемых.

В 54-м году, выступая в оперном театре на Съезде писателей Казахстана, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Пантелеймон

Кондратьевич Пономаренко, с присущей ему прямоотой говорил, обращаясь к бывшим руководителям печати и науки: «Социализм остро нуждается в талантах, вы обязаны были искать и поднимать одаренных людей, настраивать на службу советской власти. А вы — то не многое, что имели, обливали грязью, выводили из строя, замахиваясь на них, вы били по будущему народа...».

И обычно невозмутимый Сатпаев, сидя в зале, не сдержался, закрыл лицо руками. Плакали вдовы тех, кто в 1930-м, 37-м, 52-м ушел и не вернулся.

Ауэзов, наконец, впервые получил возможность спокойно работать. Завершить свой гигантский труд, который в 59-м году был удостоен Ленинской премии. Через два года его не стало. Он сделал меньше, чем обещал его талант, но он поднял, воскресил и утвердил в сознании миллионов великого поэта Абая. И поднимая его, не как одинокую фигуру, а всеми корнями ушедшую в толщу народной культуры, поднял, подвинул на новую ступень сознания свою молодую нацию.

И не только казахскую. Чингиз Айтматов сказал о романе так: «...Это вклад всех тюркоязычных, в том числе и в прошлом кочевых народов. Эпопея «Абай» — это наша художественная и социальная энциклопедия, наш общий мандат, наш отчет за все прожитые времена на обширнейшем Евразийском пространстве. За все, что нам удалось постичь, создавая свою систему ценностей, свой художественный и нравственный мир, свое великое поэтическое слово... Ауэзов поднял нас в этом смысле на мировой уровень общезначимого, художественно-исторического мышления. Чтобы обозревать мир, чтобы быть видными для других, чтобы перекликаться, провозглашая достоинство человеческого духа, надо иметь такие высоты, такие вершины, как Мухтар Ауэзов. С высоты Мухтара Ауэзова мы судим о себе и общаемся с другими народами».

И эта обретенная нами высота позволяет ныне спокойно и пристально взглянуть в недавнее прошлое, увидеть события и фигуры действующих лиц в объективных масштабах, не гиперболизируя, но и не уменьшая. Поднимая Абая, возвышая сознание народа, Мухтар Ауэзов поднял в глазах мира и себя. Не это ли лучший, самый гуманный способ роста, поднимая, а не затаптывая других. Любой другой метод доказал неоднократно свою бесперспективность в жизненном опыте личностей, народов и империй. Только вместе, поддерживая и возвышая друг друга, восходим и сами на свою высоту.

И эта формула диалектического взаимодействия человека с миром полно выразилась в судьбе Мухтара Ауэзова, определив ее высокую типичность и уникальность. И я надеюсь, что к 100-летию Ауэзова в докладах будут названы, наряду с ныне славными именами и другие, пока неизвестные миру вершины, возрожденные и рожденные нашим временем. С тех пиков мы увидим — чего достигли за последнее десятилетия трудного века в откровенном и честном сотрудничестве с братскими народами нашей земли. И я желаю всем, здесь присутствующим, принять участие в будущем столетнем юбилее великого писателя — Мухтара Ауэзова.

Журнал «Абай», сентябрь 1987 г.

В сентябре 1997 года 100-летие Ауэзова не отмечалось. Не до того, видно, было: вовсе воздвигалась и укреплялась фигура человека, который не читал Абая и роман о нем.

К ЭПОХЕ ОСОЗНАННОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

(Доклад на Ташкентском симпозиуме писателей стран Азии и Африки в 1978 году с перерывами звучал в течение нескольких дней)

1978 г.

20 лет минуло с того дня, когда в Ташкенте писатели 37 стран Азии и Африки совместной декларацией подтвердили осознанное стремление к единству.

Тогда впервые в одном собрании встретились продолжатели литератур, несущих на себе печать тысячелетий, и основоположники письменностей дотоле неизвестных. Собрались, чтобы определить общие задачи развития национальных культур, выявить платформу

общих интересов. От встречи к встрече росло число участников нашего движения, в ассоциацию вливались новые члены — вновь образованные союзы и национальные ассоциации писателей. Уже на пятой конференции в Алма-Ате были представлены писательские организации 86 стран.

Первые собрания, естественно, превращались в политические форумы, что вызывало критику сторонников «чистого искусства». Вопрос свободы и ангажированности литературы неоднократно был предметом дискуссии на наших встречах.

В последние годы спор на эту тему, кажется, поутих.

«Каждый из нас не принадлежит себе. Мы — это голос пробуждающегося народа. Мы ангажированы революцией».

Я цитирую выступления писателей Азии и Африки. В них выражена позиция, которую можно признать общей.

И этот итог естествен. Само движение солидарности писателей Азии и Африки возникло в результате развития национально-освободительной борьбы. В движение вошли литераторы, связавшие свое творчество с антиимпериалистической, антиколониальной борьбой, борьбой против феодализма, социального неравенства. В результате их усилий рождалась на континентах новая, общественная, активная литература, формирующая сознание демократических масс.

Все наши встречи проходили под знаком этой борьбы и потому они представляли интерес не только для специалистов, исследователей культуры, но имели и первостепенное политическое значение.

Независимость — не панацея

Рушились последние колониальные империи и выдвигались на передний план следующие задачи культурного строительства. **Независимость**, добытая большинством народов Азии и Африки, **не разрешила всех проблем, но породила новые**. В тех странах, где задачи национально-освободительного движения не совмещались с задачами социально-освободительной борьбы, национальная независимость не освобождала от зависимости экономической и культурной. Избавление от гнета колонизаторов закономерно усилило класс «своих» эксплуататоров. И мы оказались свидетелями политического парадокса: борьба за национальное освобождение спланивала народ колоний, победа — разъединила, обнажив классовые, социальные противоречия, связанные с ростом имущественного расслоения, упрочнения позиций национальной буржуазии. Это состояние отразилось в литературе. Смысл нового измерения заключался в том, что если в

период национально-освободительного движения литература борьбы рисовала романтический идеал — образ свободной родины, создавая приподнятые героические фигуры борцов, то теперь все чаще возникали в литературе ноты разочарования и уныния. Все чаще говорится о трудности самостоятельного развития. Набирает силу сатирическая литература. Наступает отрезвление, и вместе с ним рождаются произведения литературы критического реализма. Обостряется глаз художника, внимательно анализируется состояние общества, стремление отразить сложнейшие процессы, начавшиеся в стране в ходе радикальных перемен. И вместе с тем часть писателей старается не замечать новой ситуации и продолжает придерживаться стереотипов прежнего романтизма. Не понимая или не желая понять всю сложность действительности, эти писатели создают собственные модели ее. Так возникает два способа уйти от непонятного, два варианта неоромантизма. Самый простой — это уход в выдуманную красоту или в героическое прошлое. И полярно противоположный способ — не украшать, а упрощать действительность, сводя ее к отчетливому черно-белому варианту. Неадекватность литературы такого рода как инструмента исследования жизни все острее ощущается писателями, и внимательный читатель афроазиатской литературы может заметить ставшие особенно наглядными в 70-е годы противоборство между реализмом и различными формами неоромантизма, борьбу за становление подлинно реалистической литературы. Все больше писателей осознают реальность положения — **независимость не стала панацеей от всех бед. Независимость еще не есть свобода, а только первый этап на пути к подлинному освобождению человека.** Следующие этапы, может быть, не менее трудные, чем первый, — это освобождение от социального ига, от невежества, от пережитков колониального прошлого, свобода от религиозного сознания... Эти трудные задачи, которые входят в круг проблем «духовная деколонизация», не могут решаться по отдельности, а только вкуче, ибо причины их взаимосвязаны, диктуют писателям особые требования как представителям самого передового отряда национальной интеллигенции, как архитекторам и каменщикам культурного строительства.

Я бы хотел обратить внимание на те общие проблемы, которые затрагивались на наших предыдущих встречах, но подробно не обсуждались.

В частности, вопросы — кто он, творец сегодняшних культур Азии и Африки? Каков его внутренний мир? Как он отвечает на главный вопрос возрождения — кто мы?

Маргинальная личность

Особую роль в активизации культурных процессов играет в деколонизированном обществе так называемая первая интеллигенция. Она движущая сила общества там, где еще нет развитого рабочего класса. Первая интеллигенция — во главе освободительного движения, на ней ответственность за то, какими путями и темпами пойдет социальное развитие страны.

Как правило, первая интеллигенция — это выходцы из высших и средних слоев населения, впитавшие в себя культуру метрополии и в меньшей степени традиционную народную культуру. Это интеллигенция, рожденная на границе двух миров, — результат культурного этнического синтеза. Американские социологи, пожалуй, первыми заметили и описали это явление в термине — «человек на рубеже культур», определили его генезис как порождение империализма экономического, политического и культурного и сделали такое заключение — маргинальный человек легко становится неустойчивой личностью с космополитическим мировоззрением, у которого нет чувства подлинной связи со своим народом, со своей родной культурой и исторической традицией. И потому никакой позитивной роли в развитии этноса и его культуры маргинальная личность играть не может. Мне кажется, вывод этот поспешен, ибо явление нами изучено недостаточно. Следует, вероятно, пока говорить о сложности, неоднородности, о диалектическом состоянии той части народа, которая волей истории оказалась маргинальной. Опыт показывает, что из маргинального сословия выходят и космополиты, и подлинные интернационалисты, у которых ум и сердце открыты для ценного, созданного и родным народом, и народом метрополии. Выходят и ассимилянты, равно как и отчаянные националисты.

Я вспомнил один школьный урок. Если сложить пластины свинца и меди, то через некоторое время в результате взаимной диффузии частиц металлов на граничащих плоскостях образуется так называемый диффузионный или, применяя нашу терминологию, маргинальный слой бронзы. Чем выше температура, тем активней диффузия: на пластинах, помещенных в морозильник, бронза образуется значительно медленнее. Простоты ради, мне кажется, можно сопоставить этот пример с рассматриваемым явлением. Даже антагонистические культуры в условиях расовой и национальной дискриминации взаимопроникают и образуют пограничный слой бронзы — результат вынужденного взаимодействия. Но если взаимодействие народов в федеральном государстве рассматривается как сознательная

цели, то есть процесс протекает в более теплой атмосфере, то диффузионный слой образуется быстрее и мощнее. Этот **пограничный пласт — результат взаимодействия контактирующих культур и одновременно проводник дальнейшего взаимопроникновения**. Я думаю, что в этом и состоит позитивное значение маргинальной личности. Она сама и произведение, и знак интеграла между двумя средами. Пограничная полоса не только разделительная линия, но и линия соединения. Вот это диалектическое состояние борьбы и единства противоположных сред в полной мере воплощается в маргинальной личности, определяя прогрессивный и драматический характер ее деятельности и существования.

Маргинальность была и во времени шумеро-египетских контактов, и всегда будет, пока народы взаимодействуют. Маргинальная среда выдвигала деятелей науки, литературы и политики. На границе иранской и арабских культур возросли Авиценна, аль-Хорезми, Хайям и Бируни. На границе иранской и тюркских культур расцвел гений Навои. Пушкин и Толстой — порождение по меньшей мере двух национальных культур — России и Франции.

Я не боюсь ошибиться, заявив, что все мы в той или иной степени люди маргинальной формации. И понимание своей природы необходимо для осознания долга и призвания — проводников процесса взаимодействия культур.

Историческая активность и пассивность

Мы поняли: расизм и комплекс расовой и национальной неполноценности зиждется на общей основе — на невежестве. Сокрушить комплексы Превосходства можно, лишь победив в себе комплексы Неполноценности. И поэтому, просвещая себя, мы боремся и с невежеством вчерашнего колонизатора. Независимость лишь первый шаг на пути к равенству. Подлинное равенство — через взаимоуважение. И это мы поняли.

Не только гнев и торжество, не только эмоции, но и печать глубоких размышлений на лице новой Африки, на лице новой Азии — на страницах литературы этих континентов, вот что вселяет уверенность в их будущее. Независимость — начало размышлений о своей судьбе, которая уже неотрывна от судьбы всего мира.

Эра колониализма началась с эпохи великих географических открытий. Европа открывала для себя мир и осваивала его, порабощая. Эра колониализма завершится на наших глазах. Порабощенные народы начинают открывать себя, осваивать материальные и

духовные богатства своих родин. И открывать для себя мир во всех его культурных и этнических проявлениях. Набирая силу и темп, возрождение народов несет с собой в числе прочих и такие важные вопросы: какими глазами смотреть на своих бывших поработителей? Какое выработать отношение к культуре Запада? Какие пути общественного развития наиболее согласуются с историческими традициями и достоинством народа?

Вычеркнуть пятьсот лет и начать с того момента, на котором социальное развитие было заторможено? Начать, чтобы пройти последовательно все стадии, которые пережили развитые страны? Или заимствовать самые современные структуры? И такие вопросы ставятся, первые ответы кое-где претворяются в жизнь.

Так, недавно в Центральной Африке создано маленькое государство, которое объявило себя империей по типу древнеримской. Уже функционируют государственные структуры феодального, монархического толка, есть государства, избравшие капиталистический путь развития, есть страны, в которых объявлен социалистический строй.

Азия и Африка в поиске, в брожении. Динамические процессы, в них происходящие, отражаются на жизни всего мира. Может быть, благодаря этому человечество только сейчас начинает осознавать свое единство. Популярность таких сравнительно новых терминов, как взаимопонимание, объясняется тем, что они стали выражать осознанные понятия.

Независимость снимает политические барьеры и дает возможность деколонизированным народам выйти из вековой изоляции, целенаправленно участвовать в процессе мирового сотрудничества во всех сферах человеческой деятельности. Ибо уже очевидна научная **формула любого развития** (экономического, политического и культурного) — **взаимодействия**. Этот закон, на наш взгляд, универсален для любого социума:

От политической, культурной зависимости — через период независимости — к эпохе осознанной взаимозависимости!

Таков путь справедливого развития нации в человечестве. И лишь в обществе, развивающимся во взаимозависимости, могут быть устранены причины, обуславливающие расовые и национальные предрассудки. Эту глобальную перспективу мы не должны терять при решении сегодняшних локальных задач, иначе **независимость в своем предельном выражении может повести к самоизоляции**. Иными словами, к общественной деградации.

Взаимозависимость — это условие существования человечества, но оно невозможно без взаимопонимания и направленного взаимодействия.

Чем характерна эпоха Независимости? Возросшей активностью Действия и Размышления.

В 20-х годах монгольский писатель Эрдене Батухан обратился к писателю Горькому с письмом, в котором рассказывал о трудностях становления новой монгольской литературы. Горький ответил: «Наиболее полезной была бы вашему народу проповедь принципа активности. Именно активному отношению к жизни Европа обязана всем тем, что в ней прекрасно и достойно уважения всеми расами...

Принцип активности, стремящейся к деятельной свободе, а не к свободе бездействия».

Эти слова могут стать эпиграфом к новой главе истории каждого народа Востока и Африки. Как и мысль Льва Толстого о том, что переустройство мира и переустройство человека должно происходить одновременно. В чем природа активного и пассивного отношения к жизни? Буржуазные ученые XIX века определили свое понимание в ответе на этот вопрос: оказывается, все дело в особых свойствах расового характера. Европа обязана своим расцветом природной расовой активности; Азия, Африка и Америка были заселены расами с пассивным характером, потому они и оказались в подчиненном положении.

Авторы арийской теории довели эту мысль до совершенства, «доказав», что наиболее полно характер белой расы воплотился в германцах. Эта теория зародилась и утвердилась в сознании историков в то время, когда «сумрачный германский гений» ярко выражался в философии, музыке и технических науках. Когда считалось, что все великие открытия и изобретения (такие, как изобретение пороха, книгопечатанье и др.) были сделаны на Рейне и Одере.

Набиравшее силу востоковедение обнаружило факты, противоречащие арийской системе. Оказалось, и порох, и книгопечатанье, и сама бумага были изобретены на Востоке в то время, когда германские племена еще стояли, по определению Энгельса, на нижней ступени варварства.

Эти и подобные факты требовали объяснения.

Каким образом народы, отнесенные к пассивным расам, могли создавать в древности выдающиеся цивилизации? Историк Грум-Гржимайло объяснил этот феномен тем, что, оказывается, в жилах древних китайцев текла добрая струя привнесенной арийской крови.

Потом были открыты и изучены культуры Древней Передней

Азии — Шумеро-Аккада и Ассирии, созданные круглоголовым типом, к которому относились центральноазиатские народы. Если следовать логике, принятой в германской историографии, то надо было и семитов, и центральноазиатов признавать арийцами.

Ген ариизма проникает и в труды современных ученых. Не избегал его и такой широко известный ныне норвежский этнограф Тур Хейердал в своем оригинальном исследовании об инках. Он пришел к выводу, что инкскую и ацтекскую цивилизацию создали белокурые пришельцы. Если это так, то надо полагать, что слухи о норманнах, ходивших в Америку задолго до Колумба, имеют под собой материковую почву. Как и теория об особой исторической роли нордической расы. Правда, серьезных доказательств этому выводу нет, но сенсационные методы исследования привлекли к работам Хейердала внимание всего мира. И потому они получили большую известность, чем работы мексиканских ученых, опровергающих эту концепцию. Арийские идеи работают уже в другой оболочке — яркой и добродушной. Так, по деталям, создавалась в умах картина истории мировых цивилизаций.

...Расовый и национальный характер с легкой руки арийских специалистов был зачислен в ряд вечных, неизменных ценностей, как раз и навсегда данное, представленное единым психологическим типом. Это постоянство расового и национального характера иначе, как особыми свойствами крови, не объяснить.

Из идеи неизменности народного характера произрастают еще бытующие в науке и литературе представления о народах робких и храбрых, добродушных и жестоких, ленивых и трудолюбивых.

О народах, не способных к цивилизации, и о народах-деятелях.

Национальный характер и тем более расовый (если таковые вообще существуют) — категории зыбкие, изменчивые, подверженные воздействиям множества трудно учитываемых факторов — и среды обитания, и способов производства, исторических условий и т.д., и т.п. Историческая активность или пассивность того или иного народа скорее всего имели конкретные социальные причины.

От западоведения и востоковедения — к мироведению

...Эпохи возрождения всегда характеризуются ростом интереса к истории. В ней ищут ответы на вопросы современности. Исторический материал помогает понять механизмы развития сегодняшних представлений. В советской литературной печати уже несколько лет идут дискуссии о роли науки и школы в воспитании

мировоззрения человека эпохи НТР. Наиболее серьезные ученые так определяют роль средней школы: ее основной задачей является обучение молодого человека нравственности, ясному логическому мышлению, истории цивилизации. Но, конечно, не датам, географическим названиям и описи памятников культуры. Надо прежде всего воспитать широту мышления, освободить юный мозг от пут стандартных рассуждений, показать захватывающую дух динамику развития взгляда на вещи...

Я не могу сказать, что такая научная дисциплина, как «История цивилизации», еще не преподается ни в одной из школ мира. В Европе самый способный ученик знает о расцвете и падении европейских империй, имена царей и королей, имена и деяния борцов против тираний. Он знает некоторые факты из истории европейской культуры — Леонардо да Винчи, Галилея, Гальвани... Студент исторического факультета, чтобы получить на выпускном экзамене по истории мира оценку «отлично», вовсе не обязан знать имени арабского математика аль-Хорезми, открывшего алгебраический метод, имени Цай Луна, изобретшего бумагу, индийского астронома Арияхатту, предвосхитившего Галилея на тысячу лет своим утверждением, что земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Можно слыть историком и культурным человеком, не зная истории восточных культур. В школах же некоторых стран Азии с почтением относятся к памяти своих исторических гениев, но как будто не ведают, что существовали на свете Птолемей и Коперник. Но мы уже стоим в преддверии новой школы, где история цивилизаций, то есть история мира, решительно потеснит историю войн. И мы будем воспитывать не только воинов, но и творцов. А пока этот предмет еще создается, еще бродит в умах, еще только собираются воедино разрозненные факты взаимодействия всех древних и современных культур человечества. Пока только формируется убеждение, что история войн и государства — драматический фон или среда, в которой происходила настоящая история — драма человеческой мысли. Борьба Знания и Веры, света и тьмы.

Почему я говорю все это на собрании писателей, а не историков? Потому что литература — это наука, может быть, высшая из мировоззренческих наук, это художественное исследование жизни человека и общества. Рассматривая явление вне исторического контекста, мы его не поймем. И если мы задумаемся над фактами действительности, мы уверены, что они обоснованы космосом прошлого. И не случайно колонизаторская наука отнимала у народов Азии и Африки право на историю, не случайно входил в обиход термин «неисторические

народы». Эпохи возрождения выдвигают писателей-энциклопедистов. Культура, восстающая из пепла, нуждается в них. И я убеждён, что каждому из нас приходится задумываться над этими вопросами.

В борьбе с «европоцентризмом» поспешно рождалось в Азии противоположное направление — «востокоцентризм». И как результат противоборства этих течений — концепция локального, автономного развития каждой культуры. Эту идею всего несколько десятилетий тому назад выражали достаточно профессиональные историки, специалисты, занимавшиеся проблемой взаимоотношений Запада и Востока.

Однако археологические и лингвистические открытия последнего времени заставляют заново переосмыслить карту древнего мира и поколебали представления об изолированном самобытном развитии населявших его народов. Появилось и африкановедение. Выяснилось, что до колонизации африканские народы не были так уж оторваны от центров мировых цивилизаций. Археологи установили, например, что народы, населявшие территорию Зимбабве уже тысячи лет назад, поддерживали торговые отношения с Египтом и Китаем. Что племена банту умели выплавлять железо из руды уже во II веке н.э., когда на большей территории Азии и Европы еще был век бронзы.

На смену былому **западоведению** и **востоковедению** сегодня приходит **мироведение**. В марксистской науке, последовательно развивающей теорию мирового взаимодействия, появился фундаментальный труд «Всеобщая история искусств», успешно ведется работа над «Историей всемирной литературы». В перспективе — «История цивилизаций человечества». Когда основные положения ее войдут в школьные учебники и основой мировоззрения подрастающих поколений будет знание того, что ни одна цивилизация не выросла на пустом месте, а возникла в процессе бурных взаимодействий с предшественными и современными ей, тогда не будет почвы для споров и о природе активного и пассивного отношения к жизни.

В среде буржуазных ученых Запада, не согласных с арийской теорией, были попытки объяснить материалистически феномен восточной пассивности. Объясняли влиянием мусульманской и буддийской религий, которые якобы отличались от христианской тем, что воспитывали специфическую особенность мироощущения — фатализм, предопределенность. Ничто в мире не зависит от участия человека, все ниспослано свыше. Все определено. Творец — бог, человек — творенье, и жизнь и смерть в руках неба. Отсюда вырабатывалось фатальное принятие всего, что посылает жизнь.

Истина человека в том, чтобы быть слитным с бытием, быть покорным ходу вещей, а не бороться с ним. Так была погашена энергия борьбы, порыв за пределы узнанного. Пассивность — это плод победы Веры над Знанием, это стремление приспособливаться к среде, а не утверждаться в ней, пересоздавая ее. Преувеличение роли среды, сил надчеловеческих, бытия над сознанием вызывает заторможенность процесса роста производительных сил на Востоке. Целью человеческой становится не жизнь, а выживание. Пассивность сознания — первопричина всех зол социальных, причина экономической и культурной отсталости, и в итоге — одна из основных причин ежечасных поражений в пятисотлетней войне с Западом. Мне кажется, есть доля правды в этом объяснении. Да, Вера побеждала Знание. Но это особенность не только буддизма, но и, скажем, христианства, знаменитого своими победами над наукой. Жертвой христианства пала культура Эллады. Знаменитая александрийская библиотека была сожжена по приказу церкви. Труды выдающихся греческих ученых, продолжавших и обобщивших научные знания Египта и Передней Азии, были превращены в пепел, и Европа более чем на тысячелетие погрузилась во тьму незнания.

Религиозный фактор

Христианство вовсе не возбуждало активности мысли. Тот же догматизм, та же предопределенность хода вещей. Быть или не быть? — такого вопроса не возникало в сознании христианина до эпохи Возрождения. Более того, если сопоставить истории трех мировых религий, то большую свободу светскому знанию, как это ни парадоксально, позволял именно ислам в эпоху своего массового становления. Может быть, потому, что ислам сразу стал религией государственной. Во всяком случае, халифы с первых же шагов новой религии сделали обретение светских знаний, развитие науки и техники одним из требований ислама. Расцвета исламская культура достигла в IX-XI веках. Это время характеризуется бурным подъёмом во всех областях науки, доступных человеческому разуму той эпохи. В то время, когда Европа и Дальний Восток уже не подавали никаких признаков интеллектуальной жизни, в мусульманских странах расцветали философия, математика, астрономия, историография, лингвистика, химия, фармакология. Еще одна из важных особенностей этой цивилизации — мусульманские правители, борясь с иноверцами и язычниками, тем не менее не запрещали ученым пользоваться знаниями, полученными из книг греческих, индийских, китайских авторов. В «доме мудрости», основанном

в Багдаде при халифе аль-Мансуре (VII век), была собрана огромная библиотека, которая стала своего рода академией, где ученые проводили на арабский язык иностранных авторов. Значение такой деятельности мусульманских ученых для мировой культуры было неоценимо. Достаточно сказать, что средневековая Европа открывала для себя греческих философов, переводя их труды на латынь с арабского. В XII и XIII веках, благодаря распространению в Европе бумаги, привнесенной арабами, основные работы мусульманских математиков, оптиков, медиков, музыковедов были переведены на латынь и стали основой европейской науки средневековья. Запад просыпался не без воздействия культур древнего мира, обобщенных в передовой мусульманской культуре. Образно говоря, семена эллинских, иранских, индийских, китайских знаний бурно развились на почве арабской культуры, и плодами с ветвей этого сада познания питалось европейское Возрождение.

Но почему не продолжился золотой век арабской культуры? Иссая творческий потенциал, запас природной активности? В XII веке турки-сельджуки хлынули из Средней Азии, захватили Месопотамию, утвердились в Багдаде. Пока мусульманская Испания переживала эпоху политического раскола, тюркские кочевники из Египта вторглись в Северную Африку и уничтожили существовавшие там государственные структуры. Походы крестоносцев за гробом господним довершили картину XII века, а в XIII грянул ураган монгольской военной активности, который довершил разгром арабской государственной цивилизации и задавил всходы возрождения в Китае и Индии. Но монгольские клинки XIII века хотя и не коснулись Западной Европы, вызвали в ней своеобразный экономический кризис. Были порублены традиционные торговые артерии между Европой и Востоком, а именно Великий шелковый путь, что заставило Европу изыскивать возможности восстановить постоянный контакт с богатыми странами Востока. В поисках Индии, к XV веку ставшей легендарной страной, где золото растет прямо на деревьях, испанские и португальские морепроходцы избороздили просторы мирового океана, попутно открыв для Европы два материка — Америку и Африку. Так началась эпоха колонизации, названная европейскими историками более поэтично — эпохой Великих Географических Открытий. В тот самый год, когда юный Микеланджело выполнял во Флоренции свою первую работу — лепил колоссальную снежную статую, испанские конквистадоры начали переплавлять золотые статуи ацтеков в слитки для удобства транспортировки в корабельных трюмах.

Для того, чтобы расцвел гений Микеланджело и Леонардо да Винчи, были погублены великолепная ацтекская цивилизация, государственные культуры Африки, обессилены цивилизации Востока. Нам еще предстоит осмыслить все последствия колониализма для духовного развития человечества, но одно из прямых следствий его уже сейчас поддается описанию. Колониализм прервал естественный ход развития духовной жизни обществ. В средние века религия на Востоке уже переживала трансформацию, уступая позиции знанию. Колониализм вызвал религиозное возрождение, усилил влияние традиционных вер и верований, которые стали патриотическим фактором, символом особенности, отличности от захватчиков. Когда была утрачена государственность, проявились и укрепились те черты ислама, о которых говорил Маркс, характеризуя ислам как самую фаталистическую религию. Колонизаторы не подавляли религий поработенных стран Азии и Африки, не заменили своей. Казалось бы, за пятьсот лет владычества европейцев христианство должно было стать единственной мировой религией, что являлось некогда целью апостолов.

Объединить человечество единой верой, одной моралью. Опыт насаждения веры у христиан был. Известно, как жестоко приводились к кресту некоторые северо-восточные племена в средневековье. Но в **Африке и в Азии на практике утверждалось не христианство, а утверждался христианин.** Христианство именно в эпоху Возрождения становилось религией для избранной расы. Ввести в свою веру — значит, сделать раба себе равным. Значит лишить себя права распоряжаться его жизнью и имуществом, и свободой. Допустить его к библии и к просвещению. Отношение к этому вопросу предельно откровенно выразил один известный цивилизатор — «К югу от Суэца десять заповедей теряют свое значение». Эти десять заповедей теряли значение и в Европе при дворах государей. Усиление светской власти естественно ослабляло влияние церкви. Христианство с его моралью не могло быть государственной религией. Первая заповедь «Не убий!» не помешала европейцам сотворить самое смертоносное оружие того времени — огнестрельное. Государство стремилось быть сильным. Познав цену техники, развивало науку, которая проповедовала активное отношение к жизни. Земной рай доступен, чем небесный. Эллинское жизнелюбие, как антитеза христианскому аскетизму, стало содержанием искусства Возрождения. **Радость жизни, активное мироощущение утверждалось в европейском сознании не благодаря христианству, как пытаются утверждать некоторые исследователи, а категорически вопреки ему.**

Европа справилась со своей религией и способствовала усилению Восточных религий. Вот, на мой взгляд, одна из причин разности мироощущений, которую отметил Горький в письме к монгольскому коллеге.

Можно ли сказать, что мы уже справились с религиозным сознанием, основой того, что в атеистическом лексиконе называется невежеством?

Не наученное, а научное мышление

Знание еще не победило веру. Кто из нас твердо знает, что Земля кружится вокруг Солнца? Мы не знаем, мы просто верим в это, как раньше верили в то, что Солнце вращается вокруг Земли. Мы верим, что бога нет, с такой же горячностью, как раньше верили в его существование. Обучение основано на зубрежке, на заучивании, на беспрекословной вере в своих учителей, в безграничность, в безошибочность их знаний. Мы воспитываем **не научный способ мышления, а наученный**, то есть знания накладываются на те же стеллажи мышления, на которые возлагались постулаты веры.

Как мы относимся к истории? Объективному исследователю чуждо чувство исторической обиды и благодарности. Проявление эмоций деморализует науку. Мы должны знать, а не переживать прошлое. Но пока что историография все еще искусство. Мы, созидая прошлое, творим его по подобию своего мировоззрения, переводим великую поэзию Древности на язык своего понимания. Но любой перевод неадекватен оригиналу. Даже улучшая оригинал, эмоциональная наука творит монстра.

Единственный выход — создавать универсальное мировоззрение, общее для культур всех этносов.

Мы должны, описывая прошлое, оперировать рациональными понятиями, избегая эмоциональных категорий. Был каменный век, век бронзы, век железа. Но не было у человечества п, значит, ни у одного племени золотого века. Все народы — участники п акционеры любой цивилизации, и каждый из нас сегодня — наследник всей истории человечества от Шумера и Египта и каждый ответствен за сегодняшнюю цивилизацию. Никто никому ничего не должен. Современный африканец имеет право сознательно владеть прошлым человечества не меньше, чем любой гражданин Запада и Востока. И грек X века не мог считать себя единственным наследником эллинизма, ибо уже знал его меньше, чем образованный араб того времени, читавший Аристотеля в переводах и толкованиях аль-Фараби.

Прошлое принадлежит тому, кто его знает. Будущее — тому, кто его созидает.

Мы определяем свое отношение к культурам вчерашних колоний и метрополии. Действительно, культура метрополии — понятие сложное. Есть культура парашютистов и культура Шекспира, Сервантеса, Гюго. Как наши предки в XIX веке умели отличать голос пушек от голоса Пушкина. Мы так часто произносим слово «культура», оно стало так привычно, что зачастую не требует осмысления. Но в каждую эпоху, в каждом обществе оно несет разные значения. Когда мы говорим о культуре высоко цивилизованного общества, мы подразумеваем синтез науки, интеллектуального искусства, религии и соответствующую мораль, а на островах Полинезии или в некоторых племенах Африки культура выражается только искусством и примитивными верованиями. В оценке этого явления всегда преобладает внешний, количественный критерий. Мне кажется, самое общее определение культуры, годное для разных обществ и времен: **культура — это доведенные до оптимума, сбалансированные взаимоотношения человека и среды, выработанные условиями борьбы за существование.** Эскимос, за тысячелетия достигший гармонии со средой обитания, был культурней пришельца, не приспособленного к суровым условиям Севера. Полуголый африканец в долинах Кванзы и Замбези был на первых порах культурней пришлого португальца.

Внедряясь во все широты, постоянно входя в новые географические и этнические среды, приспособляясь и приспособляя среду, не стесняясь заимствовать все защитные достижения местных обществ, европеец вырабатывал универсальный характер своей культуры, наиболее приближенной к мировой модели. Механизм этой модели — постоянный обмен веществ. Фигурально выражаясь, она всеядна, может с одинаковым аппетитом питать себя и бананом, и треской. А не только бананом и не только треской. Каждый из нас определяет тип своей культуры и путей ее развития. Относится ли она к типу островных, то есть изолированных самобытных культур, или к континентальным, возникшим в условиях контактов, или к межконтинентальной, стремящейся к мировой модели.

Выход из изоляции, активный контакт, взаимодействие — вот что важно для будущего любой современной культуры.

Дискуссии о путях развития национальных культур естественно обострены в условиях мировой интеграции. Боязнь с усилением фактора общего ослабить особенное, экзотичное, полагая, что это и есть лицо культуры, эта боязнь приводит кое-где к искусственным мерам

по огорчению естественного обмена. Особенность становится самоцелью, принимается как высшая ценность национальной культуры. Но эти меры едва ли способны принести что-нибудь, кроме вреда национальной культуре. Там, где преобладает Особенное, совершенно естественно стремление к Общему и наоборот. В сильно интегрированной евро-американской культуре Общее преобладает над Особенным, и потому отчетливо прослеживается тенденция к индивидуальному, к экзотичному. Особенное, Необычное, Экстравагантное, Оригинальное давно стало критерием оценки любых проявлений западного искусства. Организму западной культуры не хватает пряностей, и она их ищет, находит и культивирует. Увлечение формами неолита, примитивных искусств островных культур литературный авангардизм — все это явления одного порядка, все это объясняется естественными процессами развития мировой модели. Но стоит ли культурам с сильно выраженным островным комплексом Особенного некритически заимствовать этот критерий?

Крайне важно соблюдение диалектической пропорции Общего и Особенного в литературе. Ибо доведенный до предела культ Особенного лишает произведение литературы коммуникабельности, она перестает быть средством общественной информации, становится вещью в себе, не выполняет свою функцию. И эта зависимость от западных оценок особенно опасна там, где литература находится в становлении и общественная ее роль необычайно высока и необходима.

От читателя к зрителю?

Ровно год назад в Париже на коллоквиуме «Техника, прогресс и литература», организованном ассоциацией французских писателей, мы обсуждали и такой вопрос: как средства массовой информации влияют на интеллектуальные искусства; являются ли радио и телевидение действующими агентами в развитии литературы?

Думаю, что тема эта может быть затронута и на нашем симпозиуме, ибо, мне кажется, для литераторов Азии и Африки эта проблема в скором времени будет иметь первостепенное значение: экономическая и техническая интеграция способствует бурному распространению средств массовой информации по всем странам.

На парижском коллоквиуме мы при обсуждении упустили из виду одно важное обстоятельство, которое должно было обратить на себя внимание. Если в экономически развитых странах такие опасные соперники книги, как телевидение, радио и кино, использовались обществом со стопроцентной грамотностью, с прочными традициями

книжного образования, то в некоторые деколонизированные страны эти средства приходят одновременно с букварем, а порой и раньше его. И развиваются значительно быстрее, чем грамотность. И есть серьезная опасность, что средства массовой информации при неумеренном распространении могут затормозить культурную революцию, заменив собой книгу.

Современное общество может миновать в своём ускоренном развитии несколько социальных формаций и вступить в социализм из феодального или патриархально-общинного строя. Примеры этому есть и в нашей стране.

Но невозможно без ущерба для человеческого развития превратить Слушателя в Зрителя, заставив его миновать самую важную для современной культуры стадию Читателя. **Эволюция гомо сапиенса резко разделяется на два этапа — бесписьменный и письменный периоды. Первому миллионы лет. Последний насчитывает всего 6 тысячелетий. Высшим техническим достижением Человека Слушающего был каменный топор. Человек Читающий создал все остальное. Он и стал воплощением Человека Мыслящего и Творящего. Письмо способствовало убыстренному развитию мыслительного аппарата. Закономерность темы «Книга и цивилизация» доказывается на многочисленных примерах из истории: с появлением у народа письменности развивались государство, науки, искусства; забывалось письмо — культура деградировала. Книга является самым объективным, самым выразительным символом цивилизации. Она развивает творческие способности, заложенные в человеке, как никакое другое средство информации. Она развивает творческие способности, заложенные в человеке, как никакое другое средство информации.**

Книга развивает зрение разума. Утрачивает ли свое значение книга в эпоху НТР, когда все усложнявшиеся условия существования требуют от человечества нарастающих интеллектуальных усилий?

Совсем недавно появилось бытовое телевидение, и катастрофические темпы его развития уже сказываться. Например, в США телевидение постепенно заменяет собой книгу. Америка перестает быть читающей нацией, превращаясь в нацию Зрителей и Слушателей. Пассивное потребление художественной и научной информации атрофирует мышление. Читатель в Америке отрицательно изменяется и количественно, и качественно. Об этом можно судить и по крайней мере по двум уже широко известным симптомам. Уменьшение объема книги объяснили убыстрением темпа жизни. Но чем объяснить упрощение содержания и формы? Бестселлером становится

лишь предельно облегченное чтение, содержание которого обязательно должно напоминать штампы телебоевиков.

Классика издается в предельно адаптированном виде. Я держал в руках карманное издание «Войны и мира».

С каждым годом увеличивается число малограмотных среди выпускников школ и колледжей. Многие из них попросту не умеют читать. Может быть, в этом повинна и система образования, слишком либеральные условия, но, думается, львиная доля вины приходится на основного учителя американской молодежи — на телевизор. Культура породила Молоха, который теперь пожирает ее. Вероятно, в будущем это положение отрицательно скажется на социальном развитии. Уже сейчас в США ощущается дефицит в творческих кадрах. Чтобы сохранить высокий уровень жизни, нужно неуклонное наращивание темпов развития науки и техники. Пока Америка богата, она привлекает талантливых людей из читающих стран. Но и там Зритель угрожающе растет за счет Читателя.

Творческая потенция любой страны выражается сегодня не только экономическими цифрами, о ней можно судить и по количеству, и по качеству книжной продукции. И прежде всего художественной литературы. В дальнейшем взаимозависимость эта будет еще явственней. **В культуре, не породившей Шекспира, не появится и Ньютон.**

Телевидение, выдающееся достижение человеческого разума, требует разумного использования.

У нас в стране очень развиты средства информации. Думаю, в каждом доме есть телевизионный аппарат. Признаться, сам я его не часто включаю. И программ у нас еще мало, да и зрелище победнее возможного. Но я все чаще думаю, что эти свойства нашего телевидения, может быть, невольно способствуют развитию нашей культуры. Могу констатировать, что ни кино, ни телевидение у нас пока еще не угрожают книге.

Мы можем гордиться своим Великим Читателем. Мы еще долго будем самой читающей страной мира. В каждой квартире есть домашняя библиотека, которая собирается ежедневно и всю жизнь. Несмотря на все растущие тиражи книг, бумаги не хватает для переизданий. Ни в одной стране нет книжного черного рынка. У нас он появился. Согласен, это ненормально, спекулянтов книгами надо судить, но этим рынком я горжусь.

Недавно побывал в библиотеке автомобильного завода им. Лихачева. 730 000 книг в ее фонде. Она обслуживает в год 58 000

тысяч читателей. Это в большинстве своем рабочие служащие завода. 42 филиала библиотека имеет в заводских цехах, в общежитиях, в районах, где живут рабочие этого предприятия.

Можно не говорить об экономистских показателях этого и других заводов, достаточно сообщить библиотечные цифры, чтобы судить об уровне и перспективах развития страны. Недавно меня попросили рассказать о моей республике, о Казахстане, о том, чего достиг мой народ за годы социализма. Я хотел сообщить, сколько новых городов появилось в степи, сколько искусственных морей, сколько тонн стали, свинца, хлеба производится в республике. Но потом окончательно запутался в цифрах и сообщил те цифры, которые мне более известны. Я сказал: до Октябрьской революции в Казахстане выходило две газеты на казахском языке общим тиражом в полторы тысячи экземпляров. Сейчас месячный тираж двух толстых литературных журналов на казахском языке, издаваемых Союзом писателей Казахстана, приближается к 400 тысячам экземпляров. И это, не считая десятков газет, еженедельников и специальных журналов. Не считая продукции национальных книжных издательств, в том числе двух литературных издательств «Жазушы» и «Жалын», ежегодно печатающих книги наших прозаиков и поэтов в количестве 20 миллионов экземпляров. Эти цифры более, чем другие, позволяют мне верить в будущее казахского народа, народа, ставшего Читателем. Пусть не сразу, пусть не сейчас же, но он выдвинет из своей среды гениев, достойных внести от имени народа свой вклад в мировую цивилизацию. Я желаю каждому африканскому и азиатскому писателю, американскому и европейскому коллеге такого доброго и взыскательного читателя, который появился в нашей стране за несколько десятилетий.

...Читая лучшие произведения афроазиатской литературы, заражаешься ее накалом, ее высоким гражданским настроением. Не называя имен и произведений — их десятки и десятки, — я бы хотел остановиться на одной мне знакомой. Может быть, но, памятуя, что наш симпозиум не только торжественное мероприятие, но и вполне рабочее, я бы хотел среди своих коллег откровенно высказать впечатления от некоторой части прочитанного. Я хочу понять: адаптированная литература — это отражение естественного этапа развития или сознательное производство?

Существующая в большинстве деколонизированных стран диспропорция между уровнями писателя и читателя — реальность, которую, несомненно, надо учитывать. Пытаясь самостоятельно ответить на поставленные вопросы, я оглядывался и на опыт советской

казахской литературы. Некоторые казахские писатели, которые в тридцатые годы стремились сознательно опуститься до уровня малограмотного читателя, в конце концов отстали от бурно развивающегося читателя, не принося заметной пользы национальной культуре.

Говоря языком экономистов — темпы и масштабы потребителя в наш век обгоняют темпы и качество производства. Выпуск дешевой некачественной продукции, в конечном счете, деморализует экономику, и ей бывает трудно, а порой и невозможно перестроиться на выпуск продукции высшего качества, которую уже требует рынок. Великий Читатель в нашей стране стал причиной кризиса упрощенной литературы. Большая часть наших читателей двуязычна. И казахскому писателю поневоле приходится конкурировать с Толстым и Маяковским, Тагором, со всеми выдающимися литераторами мира, приходящими к нам в русских и казахских переводах. Читателю в библиотеке или книжном магазине безразлично, какой автор — казахский, кенийский или английский — создал эту книгу. Он берет то, что ему интересно. Это и есть современный демократический читатель, для которого без снисхождения творили и творят великие умы человечества.

Какой бы мы представляли поэзию средневекового Ирана, если бы Хайям и Хафиз писали исключительно для малограмотных, которых, надо полагать, в том Иране было значительно больше, чем в нынешнем. Литература — это самая выразительная модель национальной культуры. И создавать ее, пусть из самых благородных побуждений, ориентируясь на нетребовательного читателя, невыгодно для народа. Ибо упрощенная литература неправдива, она отражает упрощенную действительность. Современная интенсификация народного образования позволит очень скоро покончить с неграмотностью и малограмотностью в большинстве стран Азии и Африки. И от того, какая литература ляжет на стол завтрашнего школьника, зависит его духовное развитие. Великая, отягченная мыслями словесность мускулирует сознание, формирует нравственность; облегченная расслабляет, воспитывает потребителя, а не творца. И о другом обстоятельстве мы не должны забывать. Наши общества вышли из вековой изоляции. Адресуясь к своему племени, мы обязаны знать, что за движением нашего пера следит многонациональный читатель мира. Своим произведением ты являешь народу мировую культуру и одновременно демонстрируешь миру духовные возможности своего народа. Мы все хотим узнать мир, узнать Африку и Азию, и потому огромен интерес к афроазиатской литературе. У нас нет времени

творить для внутреннего потребления и на экспорт. У нас нет времени для облегчённой литературы.

Мы живем во времена особые.

Еще в начале века Лев Толстой в интервью американскому журналисту очень крупно высветил взаимозависимость графика социальной жизни и литературы. Он говорил: «Великая литература рождается в период освободительных движений, когда пробуждается нравственность. Взять, например, период борьбы за отмену крепостного права в России и борьбу за освобождение негров в Соединенных Штатах. Посмотрите, какие писатели появились тогда в Америке и России». Точность этого наблюдения доказывается примерами из истории многих культур. И стремительный расцвет африканских, азиатских, латиноамериканских литератур в последние десятилетия объясним универсальной формулой Толстого. Азия и Африка сейчас переживают, может быть, самый яркий период своего исторического существования. И эта переполненная социальными страстями, сложная, бурная эпоха нуждается в максимально реалистическом выражении¹.

В этом зале находятся основоположники новых литератур, деятели Возрождения, призванные возбуждать творческую энергию народов, пробудившихся к человеческой жизни. Не упустить, не растратить, предельно использовать это редкое время, которого ждали, добивались полтысячелетия, успеть создать великие культуры, достойные наших страданий, сомнений и надежд. Успеть внушить людям нравственность, естественность человеческого достоинства, сознание всеобщей взаимозависимости как условия существования на нашей маленькой родине — планете Земля.

Чтобы каждый, берясь за перо, уже сейчас имел право сказать вместе с Уитменом:

Людей я несу в себе всюду,
куда ни пойду,
Они наполняют меня
и будут наполнены мною.

¹ Одна эта статья (выступление писателя на слове эпох) объясняет краткую историю мировой цивилизации — этот конспект нужно прочесть и запомнить учителям средней школы, преподающим историю культуры в десятих-одиннадцатых классах. Учителя и старшеклассники периода т.н. независимости этой статьи не читали.

МОЖЕТ, ЭТО ТВОЙ ГОРОД

1985 г.

Ночь. Сажу за освещенным столом, смотрю в темное окно.

Средневековые хроники полны предчувствий конца света. Нашествие соседей, извержение вулкана, затмение солнца — конец света. Наводнение в долинах Тигра и Евфрата местными мифотворцами было расценено как всемирный потоп, ибо мир в их представлении, естественно, ограничивается районами Месопотамии.

История полна детскими страхами человечества.

Умудренный взрослый взгляд на прошлое свойственен нашему поколению, на глазах которого вчерашние сказки стали реальностью.

Что есть XX век? Время материализации метафор.

Крылатые кони, огнедышащие драконы, ковры-самолеты не волнуют воображение. Но конец света не представляется нам просто стихотворной гиперболой, он не списан в архив поэзии. Мы знаем, что в любой день это понятие может превратиться в огненную действительность.

Лук и стрела так долго сопровождали человечество, что уже в Элладе и Древнем Риме стали поэтическими образами.

*Появились соха, мотыга, плуг —
Лук им не смог помешать.
Народились орудия скотоводов
Лассо, укрюк —
Лук им не смог помешать.*

Какую скорость набрала война! Сейчас не осталось на вооружении ничего, что было использовано во второй мировой. До чего грубели мы, если даже войны Чингисхана сегодня нам кажутся невинными забавами младенствующего человечества! Грубая поэзия реальности все чаще воплощается в цифры. Ни одно поэтическое сравнение не может по силе воздействия уподобиться этому: со времени изобретения пороха взорвано 10-15 миллионов тонн тринитротолуола, одна, только одна современная ядерная бомба содержит заряд мощностью в миллионы тонн. Все выстрелы, взрывы, пожары минувших войн, все беды прошлого мира — в одной небольшой элегантной упаковке, которая уже имеет конкретный адрес. Может быть, это мой город. Может быть, твой.

Научно-техническая и социальная революция придала истории резкое ускорение. Техника развивалась быстрее нравственности, сознание не поспевало за вещью. Приспособлены ли наши дороги к таким скоростям? Сумеет ли человечество затормозить, если на проезжую часть исторического пути выйдет ребенок?

Он уже на обочине, уже шагнул на полотно! Веселое, перепачканное цветочной пылью дитя человеческое, мягкое, теплое средоточие надежд и мечтаний, сгусток радости, любви и доверчивости. Тормоза! Есть же у этой машины тормоза!

Тот, кто вытаскивает боеголовку, кто стоит у пусковой установки, кто ораторствует на трибуне — все они должны думать о нем. Родовой клич — во имя счастья наших детей! — когда-то оправдывал истребление чужого рода. Когда человечество делилось резко — «мы» и «не мы».

Удивительно, что эта первобытная альтернативность внедряется в сознание и сегодня, когда ни одно племя, регион, государство, континент не могут, не должны рассматривать свою судьбу вне планетарного контекста.

Ребенок на дороге — и мой, и твой. И эта ситуация разоблачает обаяние романтического призыва — вперед! Там, за ребенком, для меня нет никакой цели. Только вместе с ним.

«Литературная газета», 1985 г.

СОЗДАНИЕ ДВИЖЕНИЯ

«НЕВАДА-СЕМИПАЛАТИНСК»

28 февраля 1989 г.

...Мы собирались сегодня в четыре часа здесь провести собрание книголюбителей. А потом увидели, что книга может и подождать, и пригласили людей, которые любят жизнь, которые хотят бороться за жизнь на своей земле.

Последней каплей для нас стало последнее ядерное испытание на полигоне под Семипалатинском. Вырвался газ. Радиоактивный газ. Хотя специалисты говорят, что это благородный газ. Но в это очень трудно поверить, тем более, что, если бы ветер подул в другую сторону — по расчету считалось, что он подует в сторону Абайского района — а он неожиданно подул в сторону военного городка. И поэтому стало известно, что газ все-таки неблагородный. И это облако заставило зашкалить все счетчики Гейгера.

Мы, писатели, получаем каждый день письма из районов, расположенных вблизи полигонов, где приводятся потрясающие нас факты вымирания целых семей.

И об этом мы должны молчать?

Никакие соображения обороны уже не заставят нас соглашаться с атомными полигонами на территории республики!

Мы долго молчали. И первый же голос был услышан! И на первый же голос, я вижу, собрался народ сюда! Я считаю, что мы сейчас должны организовать в Движение. Движение самое миролюбивое, мирное, самое интернациональное Движение на Земле!...

...Мы назвали наше Движение — «Невада» в надежде, что наши единомышленники в американском Штате Невада, которые блокируют атомный полигон там, найдут в нас своих братьев по беде. И если эти два движения объединятся, может быть, наш голос, поддержанный общественными организациями, народами нашей республики и страны, народами зарубежных стран — заставят правительства государств, входящих в атомный клуб сесть, наконец за стол переговоров и подписать соглашение об окончательном запрещении испытаний во всех сферах.

...Мы должны выбрать председателя этого Движения. Какие будут предложения?

Из зала: «Сулейменов!»

Кто — за, прошу голосовать. Спасибо. Я — тоже.

Пусть они возьмут названием своего Движения имя города Семипалатинск. Наши требования — закрыть атомные полигоны в Казахстане.

...Здесь речь идет о жизни и смерти: быть или не быть — такой гамлетовский вопрос стоит перед нами. И осознать его нам дано.

Меня пронзали звучавшие сегодня выступления. Женщины, которые потеряли многих из своих семей, говорили сегодня. Мы говорили: у нас сорок лет мира, а оказывается, нет — шла война, но незаметно.

Здесь раздавались слова «геноцид» — я с этим не согласен. Потому что геноцид — это истребление только одного народа. А у нас в Казахстане истреблялись все казахстанцы — все сто народов, которыми мы так гордились. Поэтому спасение Казахстана — это дело не только казахов, но всех, кто считает Казахстан своей Родиной, своим Отечеством.

Я благодарю вас всех, товарищи. За то, что вы откликнулись на зов писателей. Пришли и высказались. За ваши открытые лица. За ваши открытые слова. За нашу общую надежду.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Июнь 1989 г.

Мы, литераторы говорим не только о цветочках, но больше о ягодах. Среди многих аспектов перестройки для меня главный — продолжение процесса деколонизации, замороженного в 20-е годы. И он происходит со всеми проявлениями, характерными для этого процесса. Оригинальность исторической ситуации в том, что бывшая метрополия — Россия, наравне с другими республиками, сама стала колонией центра. Мы пересматриваем в новом свете привычное. Интересы государства всегда были выше интересов народа и личности. Я избирался в Семипалатинской области, на земле древней исторической традиции. Там рождались великие казахские писатели, эти степи и горы — наши Ясная Поляна, Михайловское, Тарханы. И именно в этих местах действует атомный полигон. В Соединенных Штатах один полигон, в Китае — один, другие страны испытывают заряды за тысячи миль от своих территорий, выплачивая компенсацию жителям атоллов. В СССР несколько полигонов. Самый старый — Семипалатинский. И самый активный: 18 взрывов в год. Находится практически в центре страны. 15 лет производились открытие испытания на земле и в атмосфере. В этом районе взорвано зарядов суммарной мощностью в 2,5 тысячи хиросимских

бомб, по самым скромным подсчетам. Могло ли это пройти бесследно для здоровья населения районов, окружающих объект. Даже если официальные специалисты говорят — да, мы не верим. Эксперты общественного движения «Невада-Семипалатинск» располагают другими данными — более страшными. Третье главное управление Минздрава СССР держит в тайне материалы исследований. В Хиросиме и Нагасаки ныне, пожалуй, самый высокий в мире показатель средней продолжительности жизни — благодаря направленному подъему уровня здравоохранения, социальной сферы в этих городах, от них — по всей Японии. Надо признать, наше государство проявляло меньше сочувствия и уважения к своим гражданам. В районах, окружающих полигон, за 40 лет испытаний за счет центра не построено ни одного здравпункта, не оборудована ни одна сельская больница, не говоря уже о другом. Последствия открытых взрывов еще долго будут сказываться на здоровье всей страны. В 1963 году было, наконец подписано соглашение о прекращении испытаний в нескольких сферах. Справедливости ради, надо воздать должное позиции наших ученых и особенно академика Сахарова, убедивших правительство настаивать на таком соглашении. Это случилось после испытаний самой мощной водородной бомбы в 60 мегатонн. Ученые увидели, какой кошмар готовит миру их изобретение, в котором совместились гений и злодейство, с нарастающим преобладанием последнего. Это сочетание теперь видится даже в том, что организаторами Семипалатинского полигона приказано было стать Курчатову и Лаврентию Берия. И подземные взрывы тоже небезопасны, о чем говорит выброс радиоактивных газов 12 февраля этого года. Подобное случалось и раньше, например, прошлым летом. Тысячи детей в один день слегли с поспешно поставленным диагнозом ОРЗ, кровотечением из носа, головокружением и прочими признаками, весьма характерными не только для насморка.

Мир меняется. У нас становится меньше врагов на Западе и на Востоке, значит, меньше расходов на оборону. Советские мировые арсеналы переполнены, ядерные щиты в супердержавках приобрели колоссальные размеры и способны сокрушить тех, кого призваны защищать. Заявление Михаила Сергеевича Горбачева в лондонском Гилтхолле, что страна прекращает производство расщепляющихся материалов, прибавило надежды на безъядерный XXI век, прибавляет уверенности, что мы становимся мирным государством. О том, что в стране новая ситуация, что центр уже слышит нас, можно судить по такому факту. Рождение движения Невада-Семипалатинск привело к приостановке испытаний.

Полигоны уже несколько месяцев молчат. Хрупкое молчание. Мы очень надеемся, что правительство и общественное антиядерное движение в странах атомного клуба услышат нас, поймут и поддержат, создадут условия для подписания окончательного соглашения о запрещении испытаний во всех сферах. После 19-й партконференции теперь особенно очевидно, что наше развитие будет все больше зависеть от степени открытости диалога народа и государства, в процессе которого должны совершенствоваться порой разные позиции. Стоит помнить, что беды страны начались на исходе 20-х годов именно с преследования инакомыслия. Чтобы демократизация и гласность продолжались, важно законодательно высказать государственное отношение к инакомыслию. Признать его творческим фактором, а не враждебным. Необходимо в резолюции или отдельных документах осудить преступления сталинской клики против социализма, в частности такие, как физическое истребление оппозиции. Объявить преступной левацкую теорию и практику «бурного развития», проявившуюся в темпах и методах печально известных реформ. Сколько раз свежие ветры перемен в результате подобных «ускорений» превращались в сокрушительные ураганы. Казахи в войне потеряли 350 тысяч жизней, а в так называемые периоды «бурного ускорения» более 4 миллионов. Каждый народ может вспомнить подобное в своей биографии. История бессмысленно повторяется, если ее уроки не идут впрок. Надо, наконец, издать «белую» или, вернее, «черную» книгу сталинского произвола с данными по всем республикам.

Мы не хотим огульно отказываться от всей нашей истории. Ведь кроме темного, в ней были наработаны общие духовные ценности, наряду с печальным есть позитивный опыт, который необходимо сохранить и продолжить. Но именно поэтому надо отделить чистое от кровавого. Да, миллионы уходили безгласно. Сегодня память кричит о них, сегодня мы в состоянии осудить произвол. Это свидетельство скорости развития нашей морали и правового сознания. Алма-атинские студенты и рабочие первые в стране провели несанкционированные митинги. Если бы алма-атинские события декабря 1986 года были широко, демократично обсуждены и поняты, возможно, не случилось бы 9 апреля в Тбилиси. Я считаю, было бы правильным рассмотреть обстоятельства алма-атинского трагического инцидента в свете нового гуманистического подхода.

Передаю все телеграммы и письма в соответствующую комиссию Верховного Совета, где готов выступить с докладом по этому вопросу. И призываю своих земляков — казахов, русских, немцев, украинцев,

уйгур, корейцев, турок, все испытывавший народ Казахстана понять серьезность момента, поверить в то, что справедливость возможна, если мы сохраним выдержку и понимание ценности наших общих интересов. Сколько боли накопилось в стране, какая сильная отдача. Нет ни одного народа, в чьем сознании не кровоточат раны. У многих из нас на руках кричащие требования турок-месхетинцев, крымских татар, абхазцев, ингушей, чеченцев, гагаузов. Комиссии Верховного Совета по межнациональным отношениям предстоит огромная работа, и надо, чтобы до следующего Съезда хотя бы некоторые из этих трудностей были преодолены. Все туже затягивается карабахский узел, подключаются все более масштабные факторы: этнические, религиозные и другие.

Академик Лихачев справедливо говорил о роли культуры в межнациональных спорах. Эта роль ограничена без полного, объемного знания истории вопроса. Односторонне направленные знания, которыми воспитывались народы, — причина многих национальных обид и амбиций. Нужно издавать специальную серию сборников, документов по этим горячим темам. Культура предполагает шаги навстречу друг-другу. В такой сборник надо бы, кроме объективных исторических сведений, включить и жесткую правду о Сумгаите, и сообщение о катастрофе самолета из Баку, где летели на помощь пострадавшим от землетрясения 50 воинов-азербайджанцев, вызвавшихся помочь соседям в беде. Эти ребята хотели внести свой вклад в дело восстановления дружбы, и они внесли, что смогли — свои жизни. Памятника им нет, имена их не прозвучали в прессе. Об их участии знают только матери. Таких безвестных фактов благородства, наверное, много, надо их постоянно оглашать. Чтобы мы учились сострадать друг другу. Не случайное произошло в Узбекистане, не случайное — в Башкирии. Знамение, тягостная, страшная метафора, которую нам дано прочесть. Очевидно одно: нельзя нагнетать давление, когда столько дырявых трубопроводов в стране. Сгущенное горючее вещество национальной и социальной неудовлетворенности течет к дорогам, по которым идут поезда с детьми. Пусть детям и внукам в наследство не передается ожесточение. Мы заслужили право, а они просто обязаны быть счастливыми.

Москва, июнь 1989 г.

ИЗ ТЕКСТА ВЫСТУПЛЕНИЯ НА МИТИНГЕ МАД «НЕВАДА- СЕМИПАЛАТИНСК» БЛИЗ СЕЛА КАРАУЛ

6 августа 1989 г.

Михаилу Горбачеву и Джорджу Бушу

Мы организовали антиядерное общественное Движение «Невада-Семипалатинск», чтобы бороться за прекращение испытаний ядерного оружия в Казахстане, чтобы отстоять наше исконное право на мир и безопасность в собственном доме.

Мы, жители Казахстана, особенно ощущаем всю бессмысленность и жестокость испытаний ядерного оружия, расплачиваясь за это здоровьем людей и здоровьем Земли. Сегодня человек боится пить воду, есть пищу, растить детей. И у этой последней черты человеческого отчаяния, мы обращаемся к вам, лидерам двух великих стран!

Необходимо уже сегодня перевернуть последнюю страницу истории войн и ядерного противостояния. И вместе написать новую главу истории мира — главу доверия.

Сегодня, 6 августа 1989 года, мы собрались близ Семипалатинского полигона у казахского села Караул, в сердце срединных степей, связующих Восток и Запад. И в День солидарности борцов за безъядерный мир, чтобы заявить: пора сделать решительный шаг к всеобщей безопасности. Подписать Договор о взаимном моратории на подземные испытания ядерного оружия и снять с повестки дня главный вопрос современности — угрозу уничтожения жизни на Земле.

*Движение «Невада-Семипалатинск»,
6 августа 1989 года.*

КОМПЕНСАЦИИ — ДА, ВЗРЫВАМ — НЕТ!

*Обращение к жителям Семипалатинской,
Карагандинской, Павлодарской областей
накануне референдума*

19 июля 1991 г.

В октябре 1989 года в результате действий народного антиядерного движения в Казахстане была оставлена работа Семипалатинского ядерного полигона. Около двух лет он молчит. Это первый случай народного моратория на испытания оружия массового уничтожения.

В результате — заморожена деятельность не только советских ядерных лабораторий и производств, но и существенно снизилась активность соответствующих объектов в США. Это сказывается на функционировании всего мирового военно-ядерного комплекса (ВЯК), представляющего на сегодняшний день в определенном смысле единый механизм, все звенья которого взаимозависимы. Если мораторий станет бессрочным, то к 1995 году возможно будет остановить и все другие полигоны на земле. Новая Земля — Невада — Моруроа — Лобнор.

Продолжение испытаний пятью членами ядерного клуба — главное препятствие на пути подписания остальными государствами договора о нераспространении ядерного оружия, который должен быть возобновлен в 1995 году.

Казахстанцы!

Вы своей борьбой против полигона вносите наиболее действенный вклад в программу реализации «горбачевской» идеи XXI-го безъядерного века. Президентом Горбачевым осуществление этой идеи поручено военно-ядерному комплексу. Оно невозможно без активизации народной и парламентской дипломатии.

С самого начала движение «Невада-Семипалатинск» требовало остановить полигон и возместить ущерб, нанесенный населению окружающих областей за сорок лет открытых и подземных испытаний.

Первый ответ государства обнародован в конце 1990 года: закрыть Семипалатинский полигон в 1993 году, но до этого провести 18 испытаний (цель — выиграть время для подготовки другого полигона на территории РСФСР).

Это предложение вызвало соответствующую реакцию в обеих республиках. В России возник Сибирский комитет «Невада-Семипалатинск» (Барнаул), объединяющий активистов антиядерного движения пяти восточных областей РСФСР и Северо-западное отделение (Ленинград).

Второе предложение центрального правительства стало известно недавно. В нем предлагается компенсация населению пораженных испытаниями областей в размере пяти миллиардов рублей и официальное закрытие полигона 1 января 1992 года. Но при условии проведения до этого срока трех подземных испытаний средней и малой мощности.

Планируемые испытания — калибровочные. Такие взрывы проводятся только на тех полигонах, которые подготавливаются к дальнейшему длительному использованию.

Государство, предлагая такое, вновь демонстрирует высокомерное неуважение к своим гражданам. Осознает ли оно безнравственность условий предлагаемой компенсации? Все равно, что жителям Чернобыльского региона обещать очередные субсидии, только если они согласятся на взрыв очередного блока.

Пять миллиардов рублей платит международный военно-ядерный комплекс не за три взрыва — за срыв народного моратория, за подрыв мировой антиядерной программы!

Вот, на мой взгляд, одна из причин невиданной щедрости правительства, находящегося под влиянием атомных фанатов. Другая причина не менее существенна. Верховный Совет Казахской ССР принял в конце прошлого года Декларацию о суверенитете Казахстана, запрещающую испытания оружия массового уничтожения на территории республики. Дав согласие на продолжение испытаний, мы своими руками зачеркиваем одну из статей Декларации о суверенитете, открывая путь к дальнейшим поправкам. И создаем прецедент, опасный для суверенитета других республик.

Верховный Совет Казахстана 26 июня 1991 года по существу не ответил однозначно на предложение центрального правительства и оставил право окончательного решения за региональным референдумом.

В обращении координационного совета движения «Невада-Семипалатинск», опубликованном в начале июня, предлагается именно такой способ обсуждения предложений центра.

Предлагаемая сумма — это больницы, дороги, водопроводы, медикаменты, это весомая прибавка к семейному бюджету в каждом

доме, где больше ртов, чем хлебов. Мы знаем настроения людей и уверены, что чувство достоинства, обретенное за последние годы, подскажет народу самый верный ответ. Он выдержит и это дьявольское испытание, испытание соблазном.

Наше движение объединяет сотни тысяч людей разных политических взглядов и убеждений. И заметную роль в антиполигонной борьбе играют члены Коммунистической партии. Знаю многих рядовых коммунистов и средних функционеров, для которых «защита интересов народа» — не просто фраза, но формула конкретного действия. Таких большинство, и поэтому я — один из них.

Однако стало известно — партийное руководство некоторых областей и районов подбивает население дать согласие на проведение «последних взрывов». Зная какой у партии накоплен опыт по организации «волеизъявления народа», мы не можем не усомниться заранее в истинности бумажных итогов референдума. Есть основная сегодня заявить: если референдум одобрит продолжение испытаний, значит, результаты голосования фальсифицированы. В этом случае я официально прерываю свое членство в Коммунистической партии и призыву активистов движения «Невада-Семипалатинск» последовать моему примеру.

Учитывая обстановку в стране, мы более года назад выступили с инициативой «Два моратория». Пока действует народный мораторий на Семипалатинском полигоне, движение объявляет мораторий на массовые демонстрации, митинги и забастовки. Мы твердо придерживались этого принципа, продолжая борьбу с военно-ядерным комплексом парламентскими методами. Но первый же взрыв на полигоне вызовет взрыв народного возмущения — в этом у нас нет сомнения.

Мы надеемся на поддержку россиян, Верховного Совета РСФСР. Не допустить переноса полигона на Новую Землю! Начав с себя, мы поможем оставить работу мирового ВЯК. Политика односторонних шагов в деле ядерного разоружения доказывает свою действенность! Если парламент РСФСР примет постановление, не допускающее испытания на территории России, наш военно-ядерный комплекс окажется в положении британского, которому давно уже негде тестировать свои ядерные изделия, кроме как по контракту в Неваде. Франция в скором будущем «избавится» от последней колонии в Тихом океане, и парламент, уверен, не даст согласия на открытие полигона в метрополии близ Парижа или Марселя. Прекратив испытания на своих полигонах, мы выбиваем из рук зарубежных ядерных оружейников главный козырь: «Советы взрывают».

Казахстанцы, сегодня на нас с надеждой смотрит весь мир. Мы добились права выбора решения, и наш ответ будет продиктован чувством ответственности не только перед своими детьми, но, повторим, — перед всем человечеством. Если государство способно выделить такие средства, чтобы «купить» три взрыва значит, мы вправе потребовать эти деньги в возмещение ущерба от сотен открытых и подземных испытаний, которые проводились в течение десятилетий без нашего согласия, без соблюдения мер безопасности населения и медико-социальной поддержки.

Мы должны выйти на референдум с требованием: «Компенсации — да, взрываю — нет!».

Пусть эти слова будут от руки вписаны в каждый бюллетень для голосования. И копия бюллетеня в виде обыкновенной записки, открытки с этими словами, с фамилией и адресом голосовавшего должна быть передана представителю движения «Невада-Семипалатинск». Эти народные бюллетени будут собраны нами и представлены в Верховный Совет республики в качестве контрольного документа.

Компенсации — да!

Взрываю — нет!

«Казахстанская правда»

19 июля 1991г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПОСЛЕДНЕМ СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

6 сентября 1991 г.

Уважаемый председатель, уважаемый Президент, уважаемые депутаты! Вчера выдающийся физик Е.П.Велихов сравнил путч с ударом, который резко продвинул общество вперед. По законам общей физики, тело продвигается вперед и от здорового пинка

в зад. Сейчас, похоже, такое стремительное ускорение получают Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР.

Можно понять нашу озабоченность и тревогу. Уместно не только вспомнить о судьбе Учредительного собрания и Государственной думы и сравнить Конституцию с женщиной «нетяжелого» поведения. Кто теперь будет контролировать действия Госсовета, если Съезд как высшая власть самораспускается? На первый взгляд, это именно так и выглядит. Мы просто еще не успели усвоить в стремительном круговороте событий, что термин «Советский Союз» приобрел эпитет «прежний». И, соответственно, утрачивают первоначальное значение вчера еще полновластные структуры, да и Конституция СССР под большим вопросом, когда прежнего Союза уже фактически нет. Поэтому теряют смысл боевые заявления типа «слагаю с себя депутатские полномочия», ибо все мы их и так лишаемся.

Пафос выступлений депутатов Самарина, Оболенского, Журавлева был бы оправдан полгода, месяц назад. Тогда еще заявление о создании Госсовета должно было вызвать именно такую реакцию депутатов и расцениваться как попытка исполнительных органов взять на себя всю полноту власти. Военно-бюрократический переворот и был таким действием с целью сохранения и восстановления унитарного государства, супердержавы в полном объеме, с Варшавским Договором, с реанимацией союзных режимов в Азии и Африке.

Сегодня республики одна за другой объявляют о своей независимости, они не хотят и не будут подчиняться по вертикали, и Съезд не может их заставить. Но они заинтересованы в горизонтальных связях.

Необходимость сохранения общего экономического пространства в самых оптимальных политико-экономических отношениях мы все должны осознать. Для этого предлагается создать совет президентов независимых государств, оптимистично названный Госсоветом, и номинальный законодательный орган по типу европарламента, своего рода палату представителей суверенных парламентов.

В идеале мир в будущем получит название Соединенные Штаты Евразии. В новой ситуации теряют смысл многие принятые нами законы, в том числе о процедуре выхода из Союза, о выборах Президента. Теперь мы не можем снимать или выбирать Президента СССР. Президента нового Союза или Содружества, вероятно, не будут избирать и всенародным голосованием. На неопределенный переходный период целесообразно сохранить именно Горбачева, подтвердив его полномочия Госсоветом и палатой представителей.

У многих вызовет сомнение квота представительства в будущем законодательном органе: равное представительство всех. Думаю, это показное равенство ныне неуместно. В природе нет равенства и только благодаря этому она развивается, но есть человеческое понятие справедливости, что нарушается с первых шагов, хотя бы в отношении республик, входящих в состав РСФСР и других федеративных образований. Предложение добавить республикам РСФСР хотя бы по одному месту тоже неточно. Ибо существуют бинациональные республики: Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и другие. Возможно, со временем они разъединятся, и тогда каждая должна иметь представителей в этой палате.

И все-таки грустно и тем, кто успел выполнить наказы избирателей, и тем, кто рассчитал эту работу на весь срок мандата. Хочу напомнить в этой связи об одном наказе, который нам с депутатом Петрушенко был дан избирателями: закрыть Семипалатинский полигон. Народное движение, депутаты Союза и Казахстана выполнили этот наказ. Депутат Петрушенко же за активное невыполнение наказа избирателей стал полковником. Только случайность помешала получить звание генерала.

Но был у нас общий на всех наказ: бороться за демократию. Мы не должны расходиться из этого зала с горечью, ибо борьба продолжается, и нам выполнять свой долг пожизненно. Да, экономика еще не стала рыночной. Да, вместо нее «базарной» становилась политика. Но благодаря этому базару, раздражающему Съезд бесконечными выборами и сессиями, воспитывалось демократическое сознание народа. И произошло то, что произошло — империя рухнула. И теперь наша задача сделать так, чтобы ее обломки не обрушились на голову народа. Наша задача — упорядочить этот процесс, сделать его гуманным. Для этого требуются самодисциплина и собранность. На опыте деколонизированных стран мы поняли, что независимость — не самоцель. Она не должна быть конечной целью освободительной борьбы, но периодом, переходным этапом к эпохе осознанной взаимозависимости. Эта эпоха начинается сегодня (она как бы совмещается с периодом независимости), придает ей осмысленность и перспективу понимания целей.

У нас сохраняются обязательства друг перед другом и общие интересы. Все это надо сформулировать и упорядочить. Этим должны заняться Госсовет, Совет представителей и новые межреспубликанские экономические структуры. И надо делать это, не мешкая, пока еще реакция не собралась с силами.

Предлагаю сократить дебаты на общие темы и перейти к конкретной проработке документов, которые скоро будут предложены. Не надо забывать, что пустые кастрюли могут стать для демократии страшнее танков.

*«Казахстанская правда».
6 сентября 1991 г.*

СТРОИТЬ ЗДАНИЕ НА КРЕПКОМ ФУНДАМЕНТЕ

**Выступление на Съезде партии
Народный Конгресс Казахстана**

6 июля 1992 г.

Мы проводим свой съезд в сложное время, сразу после недавних выступлений оппозиции, как их называли газеты, на площади у Парламента.

Друзья наши сомневались, стоит ли собираться именно сейчас. Может, перенести съезд на более спокойное время?

Но когда оно наступит, это спокойное время? И придет ли, если мы все будем бездействовать и ждать его наступления?

Мы собрались, чтобы обсудить и принять программу действий на переходный период до 2000 года. Без программы нет партии. Есть группа людей, объединенных пока еще зыбким убеждением в необходимости объединиться в момент всеобщего разброда, хаоса в общественном сознании. Объединиться, чтобы совместно выработать единую позицию, линию поведения, план общественного развития.

Мы живем в переходный период, в сложно-переходный. До 2000 года переход нашего общества может осуществиться в разных направлениях. И вперед — в сторону реальной независимости, т.е. свободных отношений в условиях демократии. И вспять, если далее

усилится тормозящее действие сопротивляющихся бюрократических структур и мы не найдем способов эффективного поворота общественного сознания и настроения в сторону рыночной экономики.

Реальную угрозу целостности, а значит, самому существованию государственности Казахстана представляют сепаратистские настроения в некоторых областях, пограничных с Россией. Они подогреваются разными силами как извне, так и внутри республики, в частности отчаянными акциями некоторых национальных партий.

Мы, партия либерально-демократического толка, считаем политику умеренности и компромисса — наиболее соответствующей нашему сложному обществу в столь сложное время. Мы против того, чтобы разжигать факелы свободы в пороховых погребах. Мы за то, чтобы нашим обществом управляли выработанные сообща законы, а не личности и эмоции.

И мы должны выиграть время, чтобы создать правовое государство и заложить основы современной экономики, оправиться от кризиса, чтобы более спокойно и планомерно решать вопросы национального и общественного строительства. Перед нами горький опыт республик, в которых национальные реформы опередили экономические и правовые, и теперь мы каждый день видим по телевизору фронтовые репортажи из вчера еще цветущих братских республик. Гамсахурдиа начал с лозунга: «Грузия для грузин», и сразу возникли проблемы Абхазии, Южной Осетии, Аджарии, а теперь и собственно грузины (менгрелы) пытаются определить границы с Кахетией и Имеретией. Молдавские реформаторы, приняв Закон о языке, немедленно поменяли алфавит на латинский, всю документацию и переписку стали исполнять на молдавском, и около 40 процентов населения (в основном жители промышленных городов) были исключены из числа граждан независимой Молдовы. И возникли приднестровская и гагаузская горячие точки.

Тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей уже заплатили жизнями за безграмотную, поспешную политику национал-радикалов. Там, где побеждает радикализм, проигрывает народ. Где национальные вопросы опережают экономические, там льется кровь, останавливается производство, царит голод и холод в уцелевших домах.

О какой демократии, о какой рыночной экономике и правах человека можно говорить, когда разгорается пламя взаимного геноцида?

Я бывал в Нагорном Карабахе, был в Баку в январе 90-го года, когда туда ворвались танки генерала Варенникова.

А конфликт начался в конце 87-го, с воспаленных выступлений армянских интеллигентов, которые посчитали момент удобным для

сведения застарелых счетов. В феврале 88-го облсовет Карабаха провозгласил отделение от Азербайджана. Война в Карабахе длится уже 4 года. Тысячи убитых и искалеченных. Какой народ готов платить такую цену за просчеты некомпетентных политиков, за безволие государственной власти?

Есть закономерность, и она хорошо прослеживается на истории армяно-азербайджанского противостояния. Резня вспыхивала в 1905 и 1918 годах. То есть, когда происходят революции, и государственная власть ослабевает. Эту закономерность любому государству надо помнить, если оно государство. Свобода не есть вседозволенность. Демократию определяли многие философы. Мне понятней и ближе формула знаменитого вольнодумца Европы Вольтера: «Демократия есть строжайшее соблюдение законов, утвержденных народом».

Мы за сильную президентскую власть в Казахстане. За сильный, профессиональный парламент и за независимый от парламента и президента суд. Эти три властные структуры при поддержке политических партий здравого смысла должны быть гарантами стабильности и межнационального согласия в самый трудный переходный период.

Мы должны выиграть время для осуществления полной экономической реформы. Дать возможность народу накормить себя, одеться и обуться, и тогда более спокойно, в более доброжелательной обстановке будут государственно и всенародно решаться вопросы языка, культуры и просвещения.

Заострять на них внимание недоедающей, всем недовольной, обоглаженной массы — это провоцировать раскол общества, это срыв процесса экономического и государственного развития. Какая сегодня разница людям, на каком языке исполнена кассовая ведомость, если денег на зарплату все равно нет?

В марте 90-го года, выступая на третьем Съезде народных депутатов, я говорил об опасности забегания политической реформы вперед экономической. Народ бросился в политику, забыв про производство. И тогда в кулуарах московские журналисты упрекали меня в том, что я выражаю как бы общее настроение застойной Средней Азии и Казахстана, где политические процессы отстали от российских, закавказских и молдавских. Даже народного фронта нет в Казахстане! — говорили они. И общий настрой газет центральных в то время был таков. И я им ответил: «Наш регион не торопится. Мы однажды уже поспешили за Центром, в 17-ом. Теперь приглядываемся. Все лучшее возьмем, худшее повторять не собираемся».

С той пресс-конференции прошло 2 года. И вполне левые газеты Москвы изменили свой взгляд на застойность, нереволуционность Средней Азии. В «Известиях» недавно была опубликована любопытная статья Н.Андреева «Средняя Азия без Москвы». Там такие строки: «В Ашхабаде нет политической жизни. Как принято писать, «общество спит». И возникает простая мысль: а может, это и хорошо?... Многих за пределами Туркмении стабильная обстановка в республике раздражает. Приходится слышать: ничего, час пробьет, и народ поднимется... Это вообще характерно для современной прессы: если в каком-то регионе царит спокойствие, не слышно выстрелов, нет противостояния, то высказывать презрение к живущему там народу за покорность. Ведущий телепрограммы «Новости» недавно сказал: «Стабильность — враг перемен». Никак не могу понять этой логики. Получается, что если идет война, если льется кровь, человек идет на человека, то это великое благо?». Так пишет Н.Андреев. Так уже думает самая серьезная пресса России и других стран. Но безответственные продолжают нагнетать обстановку.

Я находился в Москве, когда передавали сообщения о митинге оппозиции на площади в Алма-Ате. Называли — десятки тысяч участников. Народ требует отставки правительства и Президента. Ликование чувствовалось в этих сообщениях. Какое впечатление это произвело на москвичей? Я в те дни общался со многими известными в стране людьми и неизвестными. Гнетущее впечатление. «Неужели и до Казахстана докатилось?»... Это отношение и верхов, и низов честной, сострадательной России, уставшей от безграмотных революций, нехваток и противостояний, чувствующей раскаяние за то, что когда-то дала обмануть себя и увлекла за собой другие народы по ложному, трагическому пути. Теперь мы хотим быть более осмотрительны и не копировать чужие модели.

Да, у нас нет народного фронта, то есть бескомпромиссного противостояния. У нас есть партия Народный Конгресс Казахстана, цели которой — объединенно решать проблемы, общие для всех наций и особенные для каждой. Наш метод — поиск компромисса там, где он возможен. И никакого компромисса с политическим невежеством, могущим увести народ к очередной катастрофе. Хватит нам катастроф, что случились в 20-х и 30-х годах.

Нам дается шанс использовать многонациональность государства, как преимущество для ускоренного экономического и культурного развития. Для этого необходимо планировать и формировать политику взаимодействия.

Для этого необходимо, чтобы, кроме общих трудностей, были осознаны проблемы каждой группы населения республики, каждой национальности. И сообща, государственно и индивидуально участвовать в разрешении этих проблем. Одни решаются быстро, другие потребуют десятилетия. И важно не пытаться решить их экстренно и кардинально. Иначе можно сделать их вовсе неразрешимыми.

Плод вынашивается матерью девять месяцев. Даже если мы сочиним закон, по которому ребенок должен появиться за месяц, будем принуждать мать поскорее родить — ничего, кроме беды, не получится. Наши законы должны соответствовать объективным законам развития общества, тогда они во благо.

Мы создаем проблемный комитет, куда войдет группа ученых, социологов, экономистов, философов, которые проанализируют все-сторонне состояние нашего общества и выявят особенности развития его частей. Проблемы, общие для всех и частные для отдельных. Здесь потребуется участие академических институтов и национально-культурных центров.

К общим проблемам относятся такие заметные и раздражающие, как резкое понижение и без того невысокого жизненного уровня, падение производства, трудности с жильем, здравоохранением. Они взаимосвязаны и зависят друг от друга, как и менее заметные, но тем не менее первопричинные — недостаточный уровень среднего, специального и высшего образования по сравнению с мировым, отсюда невысокая планка компетентности во всех сферах хозяйствования, науки и управления. Последствия действия этих факторов мы ощущали давно и повсеместно в СССР.

Научно описанные и обоснованные общие трудности во всей их взаимосвязи будут способствовать упорядочению хаотизированного общественного сознания, помогут определить рациональные меры и средства для преодоления проблем.

Вот один из главных уроков, который должны мы были вынести из трагедии голода 30-х годов.

Но ни ученые, ни политики наши не осмыслили этого урока. Экстенсивное животноводство продолжало оставаться ведущей, национальной отраслью производства. И так до сих пор.

Начиная с 54-го года, добровольцами из России, Украины и Белоруссии были распаханы пастбища в Центральном и Северном Казахстане. Животноводство оттеснилось в полупустынные и пустынные зоны, где проживают исключительно казахи. И я хотел бы (и знаю, как это важно), чтобы мы воспринимали беды друг друга сострадая.

Чтобы русские, украинцы, немцы и другие казахстанцы поняли и близко к сердцу приняли трагедии своих казахстанских братьев. И пойдет ответная волна душевного тепла. И казахи примут к сердцу беды своих братьев. Как всегда принимали. И я считаю одной из перво-степенных задач государства и всего народа — выправлять положение в этих районах. Кто бывал там, меня поймет.

Именно в этих регионах Центрального, Восточного, Западного и Южного Казахстана Министерство обороны СССР обосновало свои полигоны, где, пренебрегая элементарными нормами безопасности и морали, проводило испытания ядерного, химического и бактериологического и обычных вооружений.

«Невада-Семипалатинск» будет снимать документальный фильм о пяти таких полигонах, некоторые из которых еще действуют.

Но кому предъявить счет за колоссальный ущерб человеку и природе? Русскому народу? Но это была не русская, а советская армия. Россия сама заляпана пятнами подобных полигонов. А она кому счет предъявит? Центра нет. Республикам самим придется возмещать потери. Очищать землю, вводить гидропонику, выращивать хлеб. Как Саудовская Аравия, которая продает России пшеницу, выращенную на песке. Но кто это будет делать? Дети нынешних животноводов или снова для этого приглашать хлебобобов из других краев?

Для меня очевидно одно — нация не может состоять из одних животноводов и служащих. Это в лучшем случае этнос. Современная нация — это народ с развитой классовой структурой, которая приходит на смену родоплеменной структуре. Нация — это народ с национальным самосознанием, которое вытесняет пережитки феодального, родоплеменного сознания.

И строго говоря, рассуждая о среднеазиатских народах как о нациях, мы идем на определенный допуск. Ибо туркмен — он только для посторонних туркмен, для своих он еще туркмен-текинец, или туркмен-эрсариец, или иомуд. Также еще неоднородны и узбеки, кыргызы и таджики. И, конечно, казахи — аргын, алшин, кипчак, уйсунь, конрат, адай... Рабочий класс казахского народа только формируется, и в последнее время — активно.

Нация — это явление относительно новое. Она рождается в горниле капитализма. Это одно из верных положений Маркса, еще никем не опровергнутое. При феодализме наций не было. Некоторые народы Российской империи, пережившие начальный капитализм, успели сформироваться как нация. Но многие не успели, ибо капитализм, делавший первые шаги в Средней Азии и Казахстане был уничтожен. А вместе с ним и все надежды на социализм.

Марксово учение можно выразить простой схемой: феодализм — почва, капитализм — каменный фундамент, социализм — стены, коммунизм — крыша здания.

Большевики разрушили и без того слабенький фундамент и стали возводить крепостные стены социализма прямо на песчаной почве феодальных отношений. Стены постоянно перекашивались, и требовались периодические перестройки, платой за которые были, кроме материальных, и тотальные человеческие жертвы.

Правопреемники КПСС, которые собираются продолжить строительство социализма в Казахстане, живут, кивают на европейские социалистические партии. Некоторые из них у власти, скажем, в Швеции. И шведам от этого неплохо. Но они забывают добавить: то, что называют шведским социализмом, возникло на базе высокоразвитого шведского капитализма. Вполне по Марксу.

Мировое развитие в XX веке со всей очевидностью показало, что такие важнейшие понятия, как «нация», «демократия», «права человека», «плюрализма», «правовое государство» и «свободное общество» могут быть наиболее полно реализованы только в условиях развитого капитализма, т.е. в условиях саморегулирующейся рыночной экономики, признающей все формы собственности: от частной до государственной.

Это не воспевание капитализма, но констатация неопровержимого исторического факта. И потребуется немало усилий ученых, политиков, да и самих первых наших капиталистов, чтобы пересилить общественную аллергию на слово «капитал», которая была воспитана десятилетиями настойчивой пропаганды.

У современного капитализма много недостатков (их надо знать, чтобы не повторить у себя), но много достоинств. И нам обязательно повторять все его стадии в полном объеме, весь путь поисков, потерь и находок.

Нам представляется возможность воспользоваться опытом западных стран, включившись в процесс мировой интеграции. И было бы глупо не воспользоваться этим шансом.

Вовсе не обязательно самим пытаться открывать таблицу умножения, когда это уже сделано другими.

... Таким образом, в переходный период мы можем говорить о становлении и развитии казахской и других наций республики, а не возрождении. Вправе говорить о возрождении и развитии языка, лучших традиций морали, забытых ремесел и способов хозяйствования. В частности, о традиции активного земледелия, которым

занимались предки казахов до того, как перешли к кочевому, экстенсивному животноводству.

Нам нужно знать друг друга лучше. Знать, что два таких суперэтноса, как славянский и тюркский, не в прошлом веке встретились, даже не в прошлом тысячелетии. Их взаимоотношения в прошлом, большей частью мирные, во многом определяли судьбы Евразийского суперконтинента. Их сегодняшние отношения определяют будущее Евразии.

И всякий, кто намеренно или по недомыслию берется вредить этим отношениям, расстроить историческое тяготение народов друг к другу, выступает против объективного хода истории.

Мой доклад был о текущем моменте, и этот момент закономерно включает в себя века и тысячелетия. Мы хотим, чтобы народы и нации продолжались в дальнейшей, более справедливой к нам истории, и потому собираемся и обсуждаем программы совместного выхода из критических ситуаций.

По выводам ученых ЮНЕСКО, земля Казахстана может при разумном использовании прокормить более миллиарда человек. Такая в ней заложена природная сила. Более миллиарда! Столько мы можем производить продукции! И нам, 17 миллионам казахстанцев, не должно быть тесно на этой земле, равной территории пяти Франций. Республика Казахстан богаче Франции в пять-десять раз и потому мы должны быть богаче. И докажем это себе и миру, если сохраним мир у себя.

Вечерний Алматы, 6 июля 1992 г.

ШОКОВАЯ? НЕТ, ГУМАННАЯ ЭКОНОМИКА

(Деловое предложение Правительству)

26 января 1994 г.

Штудирую труды экономистов. Работаю над вариантом антикризисной программы. Мы все сейчас думаем, как обустроить Казахстан.

Несколько лет длится «эпоха старших научных сотрудников» в политике СНГ. Речистые завлабы пошли косяком в правительства.

Нужно было проверить правильность монетарной гипотезы в условиях крупномасштабного экономического эксперимента. Россия дала такую возможность. Профессор Гарвардского университета Джефри Сакс, став официальным советником президента, через Егора Гайдара осуществил этот эксперимент, получивший зубодробильное название «шоковая терапия».

В результате — развал, распад, тотальное обнищание.

Россия, прошедшая через много исторических шоков, этот не приняла. 12 декабря она ответила на выборах, проголосовав в отчаянии не за Жириновского, а против политики завлабов. Против экспериментов над сотнями миллионов живых людей, что по сути дела, тот же экономический фашизм. 1.5 млрд. долларов МВФ обещал доплатить российскому правительству, если они доведут программу его до конца!

Потеряв этот гигантский полигон, МВФ стал настойчивей в Казахстане. И теперь эти пресловутые 1.5 млрд. обещаются нам. Да, мы попали в разряд слаборазвитых государств. Но, еще надеюсь, не слабоумных.

Шоковая терапия — это прививка легочной чумы организму, пораженному хроническим туберкулезом.

И я не могу ждать, пока наши профессора от экономики выступят против этой прививки. Их знания быстро активизируются после вскрытия, а мы хотим спасти борющийся организм.

Недавно прошедший съезд НКК в своем постановлении выступил против превращения Казахстана в очередной полигон испытания провалившейся модели. Мы разрабатываем свою концепцию гуманной экономики и гуманной политики.

Почему эти советники не рекомендуют применить у нас и в России модели, уже доказавшие свою жизненность, прошедшие проверку в таких странах, как послевоенная Япония и Германия? Научно это заокеанским завлабам неинтересно, ибо не ново. Но было бы интересно для наших граждан, уже не раз испытывших, что не все новое — прогрессивно и не все старое — устаревшее.

У нас достаточно знаний и достоинства, чтобы самим определить, что из мирового опыта нам подходит, а что следует отвергнуть. Есть, безусловно, и в предлагаемой монетарной гипотезе узлы и элементы, которые следует использовать, но в модели нашей, соответствующей нашим особенностям и условиям.

С чего начинали Германия и Япония в 45-м?

С чего начинался подъем Южной Кореи и стран Юго-Восточной Азии в 70-80-х?

У стран СНГ с послевоенными Германией и Японией много исходно общего. Мы также, как они, пост-имперские образования, с разрушенной экономикой. Мы также, как они, отказываемся от прежнего хозяйственного уклада и избираем неокapиталистический. Они начали с создания индустрии малых предприятий, отказавшись от громоздких имперских форм.

Только малая индустрия поможет развивать частное и цивилизованное кооперативное производство, которое поднимет к жизни средний класс — стержень современного социума. Без него невозможны разгосударствление и приватизация промышленных динозавров. Попытки немедленно приватизировать индустриальные гиганты, распустить совхозы и колхозы способны лишь драматизировать и без того трагическое положение экономики и миллионов людей, не понимающих куда их ведут. Великий народ, терпимостью великий. Но можно ли до бесконечности злоупотреблять этой многотерпимостью? Можно ли словами «демократия», «суверенитет», «независимость», «государственный язык» бесконечно долго заменять еду, одежду, жилье, безопасность и уверенность в гражданском равноправии?

Явлинской вместе с губернатором Немцовым уже начали в Нижегородской области России реализацию программы, подобной той, о которой мы говорим.

С начала 1993 года Немцов направил часть областного бюджета на кредитование частных и коллективных проектов малых предприятий по переработке сельхозпродукции. И за один год около ста мини-цехов и мини-заводов уже дали продукцию. В этом году намерены ввести в строй в несколько раз больше. Убежден, что пример этой области подхватит вся Россия, и в короткое время страна выйдет из кризиса. Главное сейчас — насытить внутренний рынок товарами первой необходимости. И россияне глубинку эту задачу начинают решать сами, без помощи МВФ.

Немцов с Явлинским разработали банковскую схему, гарантирующую правильное использование кредита. Он выделяется на два года под 13% годовых. Если предприятие не начинает функционировать в первый же год, то кредит изымается с учетом ставок, предусмотренных для коммерческих кредитов 230% годовых. И этот предприниматель больше никогда не получит льготного кредита.

Уже сейчас видны первые результаты развития малой индустрии в области. Обычно, пока довезешь молоко до единственного в области молокозавода, половина его скиснет. Пока догонишь скот до мясокомбината, он теряет в весе до 50 процентов. Переработка на

местах сохраняет эти проценты, и таким образом количество готовой продукции почти удваивается при том же объеме сырья. Удваиваются и доходы крестьянских хозяйств, что стимулирует их производительность. Здесь видна и координирующая роль государства в развитии частного и кооперативного сектора, возможность четкого планирования. В Японии, даже в США, правительство играет активную роль в экономике малых предприятий. Так, например, Минсельхоз США осуществляет стабилизацию рынка молочных продуктов: все фермы во всех штатах получают одинаковую цену за свою продукцию, и взвинчивать цены на готовую продукцию, значительно выше уровня рентабельности — нельзя.

У нас же молокозаводы и мясокомбинаты, используя свое монопольное положение, диктуют хозяйствам непомерно низкие цены на их продукцию, а на свои продукты — разбавленную до невозможности сметану и «разбавленную» колбасу — устанавливают совершенно дикие.

Так понимают демократию и свободу цен госпредприятия пищевой промышленности по всему СНГ. Без правительственного регулирования в данных случаях не обойтись. Чтобы стабилизировать рынок продовольственных товаров, необходимо обеспечить госрегулирование цен на сельхозпродукцию и продукты питания, полученные в результате ее переработки. Малые частные предприятия перерабатывающей отрасли становятся конкурентами госдинозавров и стимулируют возрождение сельского хозяйства республики — самой нерентабельной отрасли общественного производства. Необходима государственная программа «Малая индустрия». В рамках этой программы — предусмотреть выделение сельхозколлективам или частным предпринимателям льготных правительственных кредитов для создания производств, мощностей по переработке и хранению. Эти тенговые кредиты должны быть использованы для приобретения только отечественного оборудования. (Так поступили в Нижегородской области, что обеспечило заказами оборонные предприятия, быстро наладившие выпуск оборудования мини-заводов по мировым образцам).

Таким образом, развитие малой индустрии оживляет широкую сеть инфраструктуры всего общественного производства. Эффект кругов на воде. На первых порах можно использовать валютные кредиты, предоставленные Казахстану специально для поощрения частного предпринимательства: дать возможность закупить импортных мини-заводов.

Распределением кредитов должен заниматься срочно созданный Инвестиционный банк, входящий в государственно-общественную корпорацию «Малая индустрия».

Чтобы заставить людей хорошо работать без государственного принуждения, целесообразно уменьшить налог на добавленную стоимость, для предприятий, получивших кредит. Новому парламенту предстоит правовое обеспечить эту концепцию возрождения сельского хозяйства, в частности новым законом о налогах, который бы стимулировал рост бизнеса в самых отдаленных глубинках. В США, например, нью-йоркский бизнесмен платит в казну больше, чем техасский фермер, на Аляске налоги вовсе нулевые. У нас — что в Алматы, что в безводных Кызылкумах — налог одинаково безжалостен. Так лучше торговать «Сникерсами» в столице, чем попытаться поставить пекарню в Богом и правительством забытых пустынях.

Большую роль в реализации программы могут сыграть руководители областей. Они обладают не меньшей самостоятельностью, чем Немцов в Нижнем Новгороде. Они являются непосредственными проводниками идей Президента-реформатора. И от их энергии, энтузиазма сегодня напрямую зависит — появится ли в Казахстане индустрия малых предприятий. Я давно слышал о гидропонике как о загубленном у нас деле. Недавно только вице-президент сожалел — хорошая идея не пошла. Кормовое зерно усваивается скотом на 30 процентов, остальное уходит в навоз. А если зерну сначала дать прорасти на воде (даже морской), то и объем кормов значительно увеличивается, и усваивается на все сто. Это прибавка существенная и молока, и мяса. И как радостно было узнать совсем недавно, что идея не ушла в песок. Гидропоника уже действует в Атырауской области. Результаты можно выразить в цифрах. И о каждом таком новаторском шаге администрации необходимо нам узнавать не из писем друзей, а из газет, по телевидению. Пропагандировать ростки новой экономики, учить людей живому предпринимательству. Мы идем из эпохи трудящихся в эпоху, где главной фигурой объявлен собственник. Мы все трубим о его появлении и надеемся, что с его приходом все изменится. И таковой уже есть: у многих — роскошный дом, машина, участок земли, лавка, магазин, фирма коммерческая.

Но жизнь народа от этого не улучшается и не улучшится, пока не появится над горизонтом мощнеющая фигура Трудящегося Собственника — товаропроизводителя. Именно он сформируется в долгожданный средний класс — становой хребет общества. Он формируется из талантливых крестьян, рабочих, интеллигенции,

чей творческий потенциал реализуется в материальное богатство страны. Он рождается в ауле, селе, городском поселке и превращает их в цветущие городки с развитой инфраструктурой, где уровень жизни будет ничуть не ниже столичной, но намного привлекательней. Он родится этот Трудящийся Собственник, и обустроит наш Казахстан в считанные годы. Если его рождению не мешать, но помочь.

Пустить с молотка промышленные гиганты — это еще не разгосударствление. Поднять малую индустрию, чтобы человек — хозяин вырос с нуля со своим малым предприятием до среднего, а потом и крупного — это и есть подлинная приватизация.

Малая индустрия — фундамент рыночной экономики. Но, судя по бюджету, правительство и прошлый Верховный Совет и не думали заниматься в этом году рыночной экономикой. Есть в нем статья «Фонд преобразования экономики» — 4 млрд. тенге на это отпущено. Их них сколько, вы думаете, отведено на поддержку предпринимательства? 20 млн. тенге. Это на весь год, на все 19 областей. В 25 раз меньше, чем губернатор Немцов инвестирует в частные предприятия одной своей области. Остальное из 4 млрд. будет брошено в так называемую макроэкономику. В долгострой, который способен наполнить потребительскую корзину звоном цифр и обещаний... Недавно, на встрече с кандидатами в депутаты будущего парламента, Президент с понятой горячностью сетовал на то, что партии критиковать правительство научились. И есть за что. Но предложить конструктивную программу, но выступить с экономическим, социальным проектом — нет их. А правительство ни от чего разумного не откажется! Предлагайте программы и «бригады» исполнителей, сказал Н.А. Назарбаев. Попробуем воспользоваться советом. Партия НКК предлагает разработать совместно с общественной «бригадой» программу «Малая индустрия». И в этом же году в Казахстане начнут работать сотни новых предприятий.

Правительство, используйте шанс.

«Казахстанская правда».
26.01.1994

НАРОДНЫЙ КОНГРЕСС

Ноябрь 1994 г.

Четыре года назад — в октябре 1990 года — была принята декларация о суверенитете Казахской ССР. К тому времени все республики, имевшие статус союзных, провозгласили свою суверенность. Последними объявили о независимости друг от друга Россия и Казахстан. Многие вместили в себя годы, предшествующие разделению. Немало интересного произошло в годы последующие. Завершилось великое противостояние Востока и Запада, тоталитарной системы и демократической. Социалистические государства начали срочно перестраиваться в капиталистические. Но волне перестройки политическое реформирование стремительно обгоняло экономическое. Идеи социального и национального реванша получили опасное развитие в целом ряде новых государств, вызвав кровавые конфликты.

Но ряд республик миновала чаша сия. И среди них, слава Богу, наш Казахстан. И это не случилось само собой: несколько факторов способствовали политической стабильности. Во-первых, традиции интернационализма, воспитанного в десятилетиях. Во-вторых, национальный радикализм не получил широкого развития и потому, что ни одна национальность не имела подавляющего количественного превосходства над всеми. Такая сбалансированность сослужила республике в опасные времена добрую службу. В-третьих, надо отметить правильную, жесткую, в нужный момент компромиссную политику руководства республики, которое не допустила самого страшного — паралича власти, после чего начинаются хаос и распад. Сегодня уже все граждане понимают, что политическая стабильность — главное условие развития общества. Это понимают и казахи, и русские, и представители всех других этносов, образующих народ Казахстана. Это понимание, пожалуй, главное достижение республики за три года независимости.

Партии Народный Конгресс Казахстана исполнилось три года. 5 октября 1991 года состоялась учредительный съезд, на котором родилась партия. Мы прошли свой первый круг спокойно, без рывков, не проявляя спринтерской активности. Мы возникли, когда стали создаваться партии национального толка. Мы провозгласили своими

постулатами интернационализм, защиту интересов человека, независимо от национального, классового и других отличий. И заявили о себе как о политической организации, исповедующей принцип взаимозависимости классов в обществе, взаимозависимости национальностей в государстве, взаимозависимости государств в Евразийском и мировом пространстве. Никакого изоляционизма во внутренней и внешней политике. Сотрудничество, а не классовый или национальный антагонизм.

В переходные годы важно сохранить определенную преемственность власти. Новейшая история доказала истинность этого тезиса. В 1978 году я попытался предсказать пути будущего политического развития народов разваливающихся империй и колоний, имея в виду, конечно, и наши республики:

«От веков колониальной зависимости — через период независимости — к эпохе осознанной взаимозависимости».

Период наших независимостей стартовал в 1991 году. Сейчас мы на переходе к эпохе осознанной взаимозависимости. Мы начали понимать, что нам друг без друга нельзя: слишком сильны вековые связи. За эти годы и в Казахстане эйфории национальной идеи поубавилось, наметился отлив волны радикализма, здоровый природный консерватизм помог людям уяснить, что на голом этническом энтузиазме новое государство не построить. В этом отношении мы, кажется, лучше некоторых использовали дарованную судьбой независимость: не растранижили ее во взаимных распрях. И наша партия была активным проводником идей межнационального согласия. Переходный период завершается и в России, и в Казахстане.

Политическая реформа в самых общих чертах состоялась. На чем же споткнулись президенты-генсеки? На экономике. Здесь преемственности не получилось. Экономическая программа забуксовала, и обнаружилось наше несогласие с правительственным курсом. Хозяйственный упадок, резкий обрыв жизненного уровня населения способны накалить политические страсти гораздо более серьезно, чем вопросы национальные. Особенно встревожило нас в начале этого года кабинетное, несогласованное с народом, согласие правительства на эксперимент, известный под названием «шоковая терапия». Точнее, «шоковая хирургия». Ибо это операция без наркоза, и народ это сразу почувствовал на себе. Поддержав в 1991-м безальтернативную кандидатуру Назарбаева, мы поступили правильно. С его политической платформой мы во многом согласны и сейчас. Но мы не согласны с хозяйственной практикой, провальной экономической

политикой. С самого начала государственной самостоятельности в республике отсутствовали четкий план развития, видение перспективы. Импровизационно менялись направления реформы. Выписанные из-за рубежа советники дули с разных сторон в паруса нашей каравеллы, и кормчий послушно рулил в разные стороны. Ударно строя капитализм, нас решили вернуть на исходные позиции. Революция национализировала предприятия, мы — денационализируем. Революция коллективизировала крестьянские хозяйства, мы — деколлективизируем. Раздаем по дворам скот, комбайны и тракторы. И в итоге — поголовье скота сократилось втрое, урожайность упала, хозяйства разрушены. И запоздало прозвучали недавно признания Президента в том, что он узнал: погоду на сельхозрынке делают не фермеры, а крупные кооперативные хозяйства. И кое-где вновь стали собираться разгромленные совхозы. Но теперь это уже резко обедневшие хозяйства. Примеров такого туристического подхода к серьезнейшим вопросам народной жизни можно привести много.

Импровизации хороши в музыке, а не в политике. Почему бывшие партийные руководители оказались неспособными выправить экономику в новых условиях? Прежняя система подбирала и растила в республиках кадры руководителей особого склада. Хороших, послушных исполнителей. Была метрополия — Москва, творчество осуществлялось там. А в республиках требовалось только исполнять наработанные в центре сценарии. Казахстан, потеряв центр, испытал острую нужду в руководстве со стороны. В Алматы объявился американский репетитор — доктор Бэнг, представленный как автор «южнокорейского Чуда». Он подарил нам идею жилищных купонов. Оказалось, что заурядный доцент из Бостона не имеет к Южной Корее никакого отношения, кроме коммерческих интересов, которые он здесь удовлетворил, а потом отбыл. Появились турецкие, французские и прочие советники. Результаты те же. Даже собственные казахстанские советники из президентского института стратегических исследований могли бы объяснить, что ни турецкая, ни чилийская, ни южнокорейская модели нам не подходят. Они типологически относятся к одному разряду и несовместимы с казахстанскими условиями. Например, экономика Южной Кореи расцвела на постоянных американских вливаниях. Боязнь кимирсеновского социализма заставляла Конгресс накачивать Сеул миллиардами, искусственно возбуждая его экономику, чтобы создать в противовес северному аскету яркую витрину свободного мира. Такими же детищами Холодной войны являются и Чили, и Турция.

Холодная война завершилась. Казахстан стал частью разрушенной

империи зла. Интерес к нам в эти годы поддерживали только ядерные боеголовки: Запад не хотел, чтобы вместо одной ядерной державы — СССР, появились четыре. Поставив свою подпись под отказом от этих средств, мы в миг стали заурадной страной третьего мира. Уровень интереса к нам заметно снизился. Обещать стали меньше. И ранее обещанное не дают. А ведь концепция правительственной программы вся построена в расчете на эти обещания внешних займов и кредитов. Теперь остается искать поддержки в странах, более подходящих по уровню. Или строить будущее в расчете на свои немалые возможности, на собственный потенциал и грамотные отношения рыночные отношения с другими странами. Мы предлагали этот путь три года назад. Наша экономика должна учитывать кроме цифр и свои исторические традиции хозяйствования, психологический склад и сознание общества. И даже географию — то, что мы находимся в географическом тупике и все наши дороги к мировым океанам проходят через Россию и Китай. Это наши вечные сожители по планете, через них мы интегрируемся с Западом и Востоком.

В Китае был, пожалуй, один из самых ортодоксальных социалистических режимов. И самый бедный. Мыслитель Дэн Сяо Пин, которому к 90-летию присвоили официальное звание «Самый мудрый старец» предложил в 79-м году простой сценарий реформы. И он был претворен талантливыми исполнителями. Этот сценарий шел против социалистических догм, ибо превращал пролетариат в мелкую буржуазию и мировую революцию сводил к сотрудничеству со вчерашними врагами — «бумажными тиграми».

Дэн Сяо Пин рассчитывал не на займы, а на инвестиции. В первой пятилетке реформ была обеспечена свобода малому бизнесу — товаропроизводству и торговле в городе и на селе. Не приватизируя предприятия крупной промышленности, не разгоняя сельскохозяйственных кооперативов, но отдавая землю в долгосрочную аренду. В 13 портовых городах объявили зоны, свободные для совместного с иностранцами предпринимательства. Во второй пятилетке реформы появились уже миллионы мелких и средних предприятий — товаропроизводящих, торговых, посреднических, сферы услуг, строительных. Валовой национальный продукт рос ежегодно на 10-12 процентов. Таких темпов развития мир не знал. В третьей пятилетке они подошли к этапу постепенного разгосударствления в секторе тяжелой промышленности, к созданию мощных акционерных компаний, где акции — не пустые бумажки, а наполнены золотом. Потому что предприятия не стояли, а работали с полной отдачей — наращивали свою стоимость.

Еще десять лет назад СССР значился по уровню доходов в списке стран второго мира. Китай был в третьем. У нас подушный доход составлял более 200 долларов в год. В Китае — около 30. Сегодня соотношение изменилось. В некогда самой бедной провинции Китая — Синьцзяне — доход около тысячи долларов на душу. В Казахстане опыт Китая надо изучать, особенно систему привлечения внешних и внутренних инвестиций для развития массового малого бизнеса. Мы планируем в процессе подготовки экономической программы партии поездки наших экспертов в Китай, другие интересные районы Евразии. Мы планируем встречи и с деятелями МВФ — специалистами борьбы с инфляцией, чтобы задать им вопрос: как можно победить инфляцию, не развивая товаропроизводство. Их ученики в Казахстане на этот вопрос принципиально не отвечают и упорно добивают традиционное хозяйство, не давая хода новому. Хотелось бы им посоветовать время от времени заглядывать в учебники по экономике и задуматься над такими азами: «Инфляция возникает в результате сокращения товарной массы в обращении при неизменном количестве выпущенных бумажных денег». Основной причиной инфляции могут стать остановка промышленности, развал сельского хозяйства, замороженность мелкого товаропроизводства. Что у нас и происходит все эти три года. Правительство стремится изо всех сил не напечатать лишние купюры, не обращая внимания на тающую товарную массу, и рапортует с гордостью об успехах на антиинфляционном фронте. Вместо того, чтобы все средства, денежные и правовые, бросить на подъем товаропроизводства, оно продолжает вкладывать деньги в краткосрочные кредиты. В конце 1993 года доля долгосрочных кредитов составила чуть больше 4 процентов, а краткосрочных — 95,3 процента. Приоритетом остается не производство, а уличная коммерция. Инфляция — беда, никто не спорит. Но борясь с туберкулезом, нельзя прививать больному СПИД и гордиться, что он погиб не от туберкулеза.

Мы теперь знаем, как преодолевали инфляцию в самой населенной стране мира — Китае. Увеличением товаропроизводства. Малый и средний бизнес — это база, почва рыночной экономики. Не имея этой основы, нечего говорить о рынке. Единой стратегии развития малого и среднего бизнеса в Республике Казахстан еще не появилось: несовершенна законодательная база, репрессивна налоговая система. Ведомства, призванные оказывать поддержку предпринимательству, по сути, сдерживают его развитие. Сколько их, так называемых предприятий частного сектора? По данным Кабинета Министров,

таковых было в прошлом году 15 764. В нынешнем их стало 11 177. И не ошибетесь, если предположите, что обнакротились и выбыли из игры именно производящие. А сколько рыночной стране необходимо частных предприятий? Есть ли такие нормы? Увы, этой темой никто не занимался, и, мне кажется, напрасно.

Наблюдая некоторые соотношения, я вывел одну закономерность, которую назвал «принцип пяти процентов». Проверил догадку на материале нескольких государств и пришел к осторожному выводу. В высокоразвитых странах владельцы частных предприятий составляют 1/20 часть всего населения. В США, например, 13 миллионов хозяев. По отношению к 260 миллионам — 5 процентов. Примерно такое же соотношение в Японии и Германии. В менее развитых странах процент меньше. Эта закономерность может стать хорошим классификационным признаком, определяющим степень экономического развития. И может помочь планированию государственной деятельности. Сколько же хозяев, предпринимателей-собственников должна породить деловая активность в Казахстане, чтобы и нам выйти в разряд развитых? 5 процентов от 16 миллионов — это 800 тысяч. Вот столько нам необходимо постоянно действующих частных, коллективных и госпредприятий, конкурирующих между собой за рынки — внутренний и внешний. Это мечта, но она осуществима, если мы проявим достаточно упорства и политического профессионализма. Справедливости ради надо сказать, что президент стал уделять больше внимания проблемам товаропроизводства. После недавней поездки в Турцию он сообщил о нескольких конкретных проектах: в Талдыкоргане будет строиться бумажная фабрика, работающая на соломе и макулатуре. Это в основном оберточная бумага и картон, что тоже нужно; в Петропавловске начнет действовать макаронная фабрика; где-то турки обещали поставить фабрику по обработке шерсти. Несколько лет ничего нового не строится, останавливаются заводы и фабрики. И, конечно, на этом фоне обещание построить силами турок макаронное предприятие способно вселить в народ надежду. Об этих будущих фабриках люди с подъемом говорили в телеинтервью на Дне Республики: «Мы потерпим!».

Как мало надо нашему многотерпевшему народу, чтобы поверить в будущее. Но можно ли бесконечно эксплуатировать это счастливое свойство людей? Какие объективные обстоятельства, кроме очевидной неквалифицированности «отцов реформ», мешают Казахстану выйти из кризиса, в который они его загнали? Меня заставляет это говорить серьезно обоснованная тревога за судьбу нашего государства.

У правительства нет денег даже для выплаты задолженности по зарплате и пенсиям, кроме обещанных мировым банком 170 миллионов долларов. Нет денег для выплаты процентов за стремительно растущий внешний долг. Он достиг 4 миллиардов долларов. Крупнейшие предприятия, выпускающие валютную продукцию, вошли в список банкротов (а это сотни тысяч квалифицированных рабочих и инженеров): Карагандинский металлургический комбинат, Павлодарские алюминевый и тракторный, Соколовско-Сарбайское объединение, Мангыстау мунайгаз, Актюбинскнефть, Южказэнерго, Шымкентский «Фосфор», жамбылские фосфорные комбинаты. Цвет и гордость казахстанской промышленности. И взамен этих гигантов нам предлагают основывать свои надежды на обещанной турками макаронной фабрике и картонном производстве.

Мы начинаем подготовку к выборам 96-го. Какой ожидается атмосфера предвыборной борьбы? Предсказать нетрудно. Это прежде всего будет борьба за удержание власти. И она уже началась. Если она будет производиться цивилизованно, в рамках закона — это нормально и естественно. А законный способ только один: нынешнее руководство может и должно бороться за удержание власти, резко повышая уровень жизни народа. И против такой формы борьбы у нас не может быть возражений. Мы будем всячески помогать правительству. И в то же время мы должны обратиться ко всем честным, здравомыслящим работникам госслужбы. Оцените, за что мы боремся и за что борются те, кто довел страну до такого состояния, и сделайте свой нравственный выбор. Он поможет вам не совершать ошибок.

Профессионалы всегда нужны партии. Нашей партии сейчас надо укреплять связи с другими политическими организациями республики, чьи платформы в корне не противоречат нашей. И если в этих позициях больше общего, чем отличий, мы в постоянном диалоге можем укрепить общее. Мы не будем отвергать никакие предложения о сотрудничестве, о совместных действиях, если они не противоречат закону, нашим убеждениям и стратегическим установкам. Нам лучше сотрудничать с партиями, чья опора в народе.

Невозможно отрицать того, что еще сильны в обществе прокоммунистические настроения. Экономическая ситуация еще более их обостряет. В народе ностальгия по прежним временам. Пусть не сытым, но и не голодным. Люди не были так унижены. Нельзя допустить, чтобы в общественном сознании понятие «тоталитаризм» ассоциировалось с благополучием, а «демократия» — с нищетой и страхом за будущее. Коммунистическая партия Казахстана в этом году,

наконец, зарегистрирована. Ее отстаивали мужественные люди, которые не выходили из партии даже после отпуска. Их убежденность достойна уважения. Мы можем с ними спорить по отдельным программным моментам, но сотрудничать, а если надо, и блокироваться в коалиции мы будем, чтобы вместе отстаивать интересы человека. В этом смысле у нас много общего с социалистами, с профсоюзами, с движением «Азат», с движением «Лад», Рабочим движением и др. Разногласия только повредят демократическому процессу, а вместе мы способны стать доброй, разумной силой. Наш кандидат пойдет на выборы со своей командой, то есть с людьми, которые по своим профессиональным и морально-этическим качествам способны стать костяком органов исполнительной власти в столице и на местах, которые убеждены в правильности социально-экономической и политической программы НКК.

Пока в нашем активе нет такого потенциала, и если бы нам завтра предложили войти в коалиционное правительство, мы оказались бы в трудном положении. Кого предложить, чтобы он оказался на уровне поставленных задач и не дискредитировал партию. Поэтому мы сами заинтересованы в том, чтобы выборы состоялись не раньше 1996-го. В оставшееся время мы должны проделать большую селекционную работу. Расширить членство партии за счет способных специалистов из всех областей государственной деятельности, кто имеет опыт и проявляет способности в своем деле. В том числе привлекать и наиболее перспективных и знающих работников из действующей администрации. Выработать систему и методику подготовки и учебы талантливой молодежи. Под эти задачи произвести функциональную реорганизацию наших рядов, начиная с руководящих органов. Новые задачи потребуют больших денежных средств, и мы должны их изыскать. Этим будет занят производственно-финансовый орган партии. Как видите, мы не скрываем своих намерений и открыто заявляем, что вступаем в следующий круг марафонской дистанции. Теперь надо будет прибавить скорость. Период раскачки, разбега завершается. Необходимо обрести уверенность и начать настоящую партийную работу. И организационную, и научно-практическую — по завершению партийной программы экономического развития Казахстана. Вчерне она готова, но дел еще много. Короче, нам нужно доказать свою состоятельность как серьезной, созидательной политической силы. Это нам предстоит сделать.

«Аргументы и факты», ноябрь 1994 г.

«ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ В РОССИИ РАЗОГНАЛИ ТАНКАМИ — НАМ ХВАТИЛО ОДНОЙ ТАНЬКИ»

6 апреля 1995 г.

Итак, в очередной раз мы без Верховного Совета. Нам был понятен роспуск непрофессионального парламента 12 созыва. Следующий за ним, но уже профессиональный, в полном составе пострадал из-за допущенных нарушений на выборах в марте 1994 года — по одному избирательному округу. И все же решение о роспуске Верховного Совета не имеет под собой четкой и конкретной аргументации. Создавшуюся ситуацию я попросил прокомментировать бывшего депутата Верховного Совета Республики Казахстан 13 созыва, народного писателя Олжаса Омаровича Сулейменова.

В международном праве, которое имеет приоритет перед национальным законодательством, отмечены три механизма роспуска парламента. Это отзыв депутатов избирателями, добровольное сложение депутатами своих полномочий. И самый простой, но требующий специальной статьи, — если законодательный процесс по тем или иным причинам зашел в тупик, то Президент имеет право своим указом распустить парламент и назначить новые выборы.

В Казахстане в декабре 1993 года был использован метод самороспуска. В нынешнем марте использовано ноу-хау. Неожиданно для всех сработала правовая мина, заложенная в решении Конституционного суда, — окончательном и обжалованию не подлежащем. Добавлю, даже если не безупречном с юридической точки зрения. В республике по Конституции не оказалось служебной инстанции, которая могла бы выступить арбитром в возникшем споре. И уже низложенный Верховный Совет на своем последнем заседании 11 марта вносит в статью Конституции поправку, согласно которой Президент и Верховный Совет имеют право приостановить действие законов о Конституционном суде и конституционном судопроизводстве, если решения этого органа напрямую касаются основ конституционного строя. Но поправка оказалась запоздалой, решение о его толковании

уже действовало по римскому принципу «плох закон, но это закон». Единственный положительный вывод из этого урока, который можно сделать: Конституция переходного периода как Основной закон, действительно, нуждается в совершенствовании, и, может, наша поправка, наряду с другими, войдет в новую редакцию этого документа, который надо принять всенародно, на референдуме.

Конституция переходного периода — не Коран и не Библия, которые писались раз и не терпят поправок. Это живой документ. Я не могу согласиться с определением, прозвучавшем в докладе Президента на заседании Ассамблеи народов Казахстана: «Конституция — это договор правительства с народом». Таковыми могут быть только временные документы: правительства меняются, и каждое новое, исходя из такой установки, уже новый договор принимает под свою программу, под себя. Думаю, точнее было бы назвать Основной закон общественным договором, всем обществом оговоренными правилами жизнедеятельности государства. И в нем, наряду с непоколебимыми общечеловеческими принципами, должны найти отражение местные особенности, связанные с нашей историей, традициями и общественным менталитетом.

— Какова реакция самих депутатов Верховного Совета на их роспуск?

— Свержение Верховного Совета ошарашило депутатов, но не вызвало бурю негодования в обществе. Такая реакция предвиделась аналитиками: к парламентам у населения в постсоветских республиках сложилось определенное, неуважительное отношение как к шумливым, бестолковым и бесполезным довескам к исполнительной власти. Даже расстрел Верховного Совета в Москве не поднял избирателей России на его защиту. А наши менее драматические события восприняты еще более апатично: российский Верховный Совет разогнали танками, а здесь хватило одной Таньки. Так раздраженные депутаты по-свойски называют Татьяну Квятковскую.

В свое время я протестовал против того, чтобы наш созыв официально назывался тринадцатым.

Предлагал: «Верховный Совет Республики Казахстан. Первый созыв». Тринадцатый — число несчастливое, во-первых. Во-вторых, мы уже не Казахская ССР, а другое государство, и парламент другой, работающий на профессиональной основе.

Но, на самом деле, я ошибался в главном. Верховный Совет, избранный в марте 1994 года, не стал первым парламентом — независимой, профессиональной ветвью власти. Он продолжал традицию,

сложившуюся в советское время, — быть исполнительным органом исполнительной власти. Законопроекты продолжали готовиться в министерствах и ведомствах. Кабинет Министров поставлял их в Верховный Совет, тот голосованием утверждал. Производительность такого, с позволения сказать, парламента напрямую зависела от скорости подготовки законопроектов в структурах исполнительной власти.

— И, естественно, встает вопрос: а нужна ли вообще такая инстанция, проводить дорогостоящие выборы, отвлекать бюджетные средства на содержание депутатского корпуса, когда средств не хватает на зарплату и пенсии?

— В советские времена такой нерабочий Верховный Совет был необходим как демократическая ширма, и расходы на него были политически оправданы. На демократические одежды режим тратился, не считаясь. Сейчас происходит сброс этих нарядов. Если мы хотим наполнить термины демократии истинным содержанием — в добрый путь. Независимость ветвей власти — это есть механизм взаимных сдержек и противовесов.

Законодательная власть — парламент — издает законы, исполнительная их исполняет, судебная обеспечивает контроль за их соблюдением и пересекает нарушения. Президент осуществляет контроль за деятельностью всех трех ветвей. Это азбука демократического механизма. Наше общество уже несколько лет блуждает в этих трех ветвях, как в трех соснах. Пытаемся использовать опыт западных демократий. Но напрямую применить все это накопленное в веках разнообразие в наших условиях не удастся. В Швейцарии принятие закона затягивается до 8 лет. Они законов наготовили на века. Мы себе такую роскошь позволить не можем, мы их печем, как блины, и почти все — комом. В США правом законодательной инициативы не обладает никто, кроме членов конгресса. Ни министр юстиции, ни президента не могут предложить конгрессу рассмотреть свои законопроекты. Но поэтому у каждого конгрессмена есть государством оплачиваемый аппарат разработчиков, в котором — юристы, экономисты, политологи — целое учреждение. Конгрессмен вносит подготовленный своим аппаратом законопроект на обсуждение конгресса, и после его утверждения там он попадает на утверждение к президенту. У нас такая процедура невозможна. У депутата нет рабочего аппарата. Он не в состоянии самостоятельно выработать необходимый взвешенный законопроект. Ему остается исполнять только одну функцию — голосовать.

Строго говоря, такой парламент нам не нужен. С таким способом законотворчества вполне справятся исполнительная власть и

Президент. Тем более что принятые Верховным Советом законы практически не отличаются от законопроектов. А время теряется. Мне кажется, именно эти мотивы руководили таинственными силами, продиктовавшими решение Конституционного суда. Но можно ли Казахстану вообще обойтись без парламента? Да, если бы мы жили в изоляции от всего мира. Можно было бы обойтись без партий, общественных движений, множества газет и прочего. Но всего металла Казахстана и России не хватит на новый железный занавес. И потому придется считаться с мировым общественным мнением о необходимости новых выборов. Но какой теперь нам нужен Верховный Совет?

Об этом стоит подумать всем.

— И все-таки, как Вы считаете, новые выборы депутатов в Верховный Совет состоятся?

— Выборы, вероятно, состоятся. Новый Центризбирком учтет ошибки прошлого. Нельзя не согласиться с тем, что при подсчете голосов в большинстве округов по вине Центризбиркома был нарушен американский принцип «один человек — один голос». В избирательном бюллетене в округах требовалось напечатать разъяснительную строку. «Оставить одну фамилию, остальные зачеркнуть». Этого не было, и многие люди, не привыкшие за прошедшие десятилетия вообще что-либо вычеркивать в бюллетенях, оставляли фамилии всех кандидатов. И получалось, что человек отдал за каждого по голосу. Правильность такого подхода подтверждалась соответствующей безграмотной инструкцией Центризбиркома.

Новый Центризбирком нарежет новые округа с равным количеством избирателей, хотя в условиях нашей республики это дело вовсе не простое. У нас, скажем, 7 млн. избирателей. Предположим, пусть будет по 100 тыс. избирателей в округе. В Алматинском округе, например, эти 100 тысяч размещены на площади в несколько кв.км., а в сельском округе, например в Мангыстау, эти 100 тысяч на 100 тысячах кв. км. Кандидаты одним этим уже поставлены в неравные условия. Сельскому, чтобы объехать своих избирателей, потребуется и времени, и бензина, и здоровья во много раз больше, чем городскому.

— Но ведь эти же проблемы стояли и перед прежним Центризбиркомом. Как здесь соблюсти до точности букву закона, изобретенного в Швейцарии, где нет такой пространственной разницы между городом и селом?

— Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, продиктованным отличием нашей страны от стран Западной Европы. Соблюдая швейцарский закон, мы вынуждены нарушать права казахстанских граждан.

И конституционный суд, целый год разбиравший дело о неравном количестве избирателей в округах, должен был вынести и честное определение — совет Центризбиркому, как разрешить это противоречие. Думаю, нашим юристам есть над чем поломать голову, готовя документы к предстоящим выборам... Это можно было сделать и год назад. Но будем надеяться, что сей юридический казус, явивший миру слабость нашей юриспруденции, позволит всему обществу и каждому гражданину признать силу закона и поверить в свою защищенность. Если такой вывод будет подтвержден всей последующей практикой, то историк будущего может заявить, что в марте 1995 года Казахстан сделал шаг к правому государству.

Но мы пока не в будущем, мы в настоящем, которое круто замешано на прошлом. И нам надо много потрудиться, чтобы построить гуманное, справедливое государство. И особую роль в этой работе должна играть наиболее мыслящая в будущем часть общества — политические партии. Но прежде им надо самим встать на ноги, выйти из поры младенчества.

Беседовал **Михаил Амбарцумян**
«Столица», №14. 6.04.1995 г.

«НАРОД МОЙ, НЕ ЗАБЫВАЙ ИСТОРИЮ»

1995 год

Я испытал потрясение, узнав, что сотворили в Петропавловске летом с первым памятником Магжана Жумабаева. Кто повинен в этом преступлении? Русский шовинизм? Безусловно. Но и узколобый национал-радикализм организаторов юбилея, спровоцировавших своей неумелостью это варварство.

Митинг в центре Петропавловска на открытии памятника организовали писатели из Алматы. Ни одному русскому писателю, рабочему не дали слова. И осталась на площади кучка казахов-слушателей. Русским жителям этого города (а их более 90%) не объяснили,

кто такой Магжан, не вызвали у них сочувствия и уважения к судьбе земляка. Откровенное одноязычие митинга было воспринято как проявление враждебности по отношению к русской части населения города, а Магжан был понят как вождь агрессивного национализма, враг русских. И ночью, когда довольные участники торжества предавались бурному празднеству, неизвестные попытались разрушить памятник. Это вызывает «справедливый гнев» казахских интеллигентов и настраивает на более решительную борьбу с великодержавным шовинизмом. Настраивает на более жесткие меры по утверждению государственного языка, «государственной культуры», «государственной нации»!

Если мы пойдем по этому пути, мы потеряем свою государственность, не успев обрести ее. Ей могут быть уготованы такие же испытания, как памятнику несчастного Магжана. Опыт истории новых государств показывает, что там, где побеждают национал-радикалы, терпит поражение народ. Национал-радикализм — это проявление политического невежества. И я уже несколько лет пытаюсь сдерживать новоявленных «патриотов», активности которых в защиту национальных ценностей я лично возбудить не мог, как ни старался в былые времена.

В газетах «Егемен Қазақстан», «Халық кенесі», «Қазақ әдебиеті», «Жас Алаш» было опубликовано открытое письмо группы писателей Олжасу Сулейменову, где меня обвиняют в приверженности к русской культуре и пытаются выставить предателем нации.

Наша писательская «община» мне хорошо знакома, ее социальные характеристики известны. Большинство пришло из аулов в педвуз, и, не проработав ни одного дня в школе, сразу — в литературу, учить народ.

Из 600 членов Союза писателей я знаю только троих инженеров, двух врачей, рабочих вообще не было. Их послевоенного поколения ни один даже в армии не послужил, не проработал в многонациональных коллективах. Поэтому запас жизненных впечатлений у большинства весьма ограничен, соответственно и масштаб мировоззрения.

Мировой литературе известны случаи, когда нехватка жизненных впечатлений восполняется природной мудростью. Но этим даром Бог немногих балует. У большинства никогда не было друга, приятеля другой национальности. И о русских многие знают по случайным, часто негативным контактам. И по этим личным впечатлениям создают мнение обо всем народе. Писателям надо бы знать, чем живут казахстанцы — их читатели и герои. О чем мечтают, что их тревожит,

на что надеются. И, может быть, это предостерегло бы от многих ошибок сейчас, когда время отрывает литераторов от писательского стола, вторгает в политику. Если помните, я призывал каждого писателя взять шефство над школой в своем родном ауле. Собрать для нее библиотеку, регулярно ездить, давать живые уроки языка и литературы. И показал пример — купил машину книг для городского интерната. Пример поддержали, кажется, двое из шестисот. И заглохло.

Недавно с грустью читал отчеты о юбилеях. Любимому писателю аульчане собрались и подарили легковую машину, телевизор, японские ковры. Он это принял и уехал в Алматы. А родную его школу дети всю зиму не посещали: холодно, угля купить не на что. Об этом писала актюбинская газета. Народный Конгресс Казахстана перечислил той школе деньги на топливо. Последовала помощь школе и другого юбиляра из Жамбылской области в сходной ситуации. Юбиляр — один из самых яростных ораторов в прежнем парламенте. Его выступления принесли ему желанную известность, но нанесли, пожалуй, наибольший ущерб межнациональным отношениям. Прослыть патриотом нынче выгодно и безопасно. Но почему-то в 70-х, когда мы боролись за право казахского языка получить статус государственного наравне с русским, они помалкивали: было опасно.

— Теперь, когда мы ради сохранения и укрепления статуса казахского предлагаем придать по справедливости такой же статус русскому, они призывают людей воспротивиться этому. Опасности для народа они не ощущают, но есть возможность проявить патриотизм. Летом на июньском пленуме НКК мы заявили, что ход исторического развития все равно приведет когда-нибудь к созданию Конфедерации Суверенных Государств Евразии. И ядром этого экономически-оборонного образования будет союз России и Казахстана.

Меня обвиняют в том, что я не патриот своей Родины и в угоду России пытаюсь отказаться от независимости. Объясняю: конфедерация есть союз политически независимых государств со своими президентами, правительствами, бюджетами, парламентами и конституциями.

Эти государства не подчиняются друг другу, но система договоренностей обеспечивает их единое экономическое и оборонное пространство. Между ними условные границы. Государства создают друг другу режимы наибольшего благоприятствования в торговле и экономике.

Меня обвиняют в том, что я, как «русскоязычный поэт», не понимаю сути трагедии казахского языка. «Его трагедия в том, что

вчерашняя коммунистическая пропаганда заставила нас невольно пропустить русский язык в «красный угол». Наш язык остался на пороге», — утверждают казахские писатели, обратившиеся ко мне с открытым письмом.

Если я в силу своего «русскоязычия» сути трагедии не понимал, то вы, казахскоязычные, значит, понимали и ничего этой «пропаганде» не противопоставили. Даже своего открытого смелого слова-протеста!

Много факторов объективных и субъективных мешали тому, чтобы казахский язык занял ведущее положение в бурно индустриализовавшейся республике. Например, казахи не пошли на крупные предприятия, и наш язык не стал языком промышленности. От десяти тысячного набора на Темиртауский металлургический через год осталось несколько казахских рабочих. Среди них Нурсултан и Сара Назарбаевы. Остальные вернулись в аулы. Это тоже пагубное воздействие коммунистической пропаганды? А писатели помогли своими произведениями более активному внедрению казахов в индустрию?

Но теперь, когда коммунистической пропаганды не стало, многие уверены, что только националистическая пропаганда позволит занять казахскому языку и культуре подобающее им почетное место.

Однажды, году в 1988, я застал Димаша Ахмедовича Кунаева в его домашнем кабинете. На полу была груда книг. «Очищаю библиотеку, столько хлама накопилось». Я посмотрел эту макулатуру. Прекрасно изданные тома, романы, разоблачающие буржуазный национализм, воспевающие советскую власть, дружбу народов (помню одно название коллективного сборника — «Пою Россию мою»), все с верно-подданническими надписями: «отцу нации», «светочу», «гению», «с вечной благодарностью»...

После 86-го многие из этих авторов первыми рвались на трибуны, чтобы успеть заклеить Кунаева. Теперь они с таким же рвением клеймят Россию, русский язык. Не дай Аллах, чтобы бельсендизм на волне поощряемого «режиссерами» национализма получил у нас развитие. Разрешенная храбрость — самый порочный вид трусости. Он оборачивается для народов трагедией.

Сегодня меня призывают «осознать особую ответственность перед казахским народом и изменить свое ошибочное мнение». Именно потому, что я знаю, какими темпами может пойти развитие процесса разрушения межнациональных отношений и во что это выльется, я действительно осознаю свою особую ответственность перед народом. В этом столетии немногим этносам досталось так, как казахам.

Теперь для меня никакая идея не стоит того, чтобы ради нее жертвовать миллионами жизней. Никакая красивая фраза, даже из такого документа, как Конституция! Чтобы прийти к такому выводу, не требуется особых усилий воображения. Надо просто побывать, как я, во всех горячих точках, повидать то, что видел я. И элементарная логика выстроит факты современной жизни Таджикистана, Азербайджана, Чечни, Ингушетии, Грузии, Югославии в систему объективной закономерности, вполне проявляемой и на моей родине, только в более скоротечном, ускоренном варианте. И если я что-то предлагаю, пусть оно покажется парадоксальным, неприемлемым на первый взгляд, прошу верить, что сказано это мною не случайно, не в ораторском запале, не ради какой-то сиюминутной политической выгоды.

Это сказано ради того, чтобы сохранить мой народ, дать ему время для спокойного развития. За свою жизнь я ни разу не предал друга не солгал своей матери. Никогда не лгал своему народу.

Сегодня, когда Казахстан стоит на распутье, необходимо напомнить себе основные вехи истории нашей. В XVIII веке Россия спасла казахов от полного истребления. Это грех забывать. В XIX веке стали колонией России. Это мы помним. В XX веке вместе с ней бедовали и побеждали, вместе вставали с колен и получали независимость из рук России. Надо постараться это запомнить. Мы сможем обойтись без России как метрополии. Россия может обойтись без нас как колонии. Но в будущем нам не дано обойтись друг без друга, как суверенным государствам, связанным живыми жилами исторической взаимозависимости.

Если мы этого не поймем, у нас нет будущего. Нас объединяли мудрые — пусть не разделят невежды. Не забывай, народ мой, уроков Аблая и Абая.

«Аргументы и факты», 1995 г.

ОБ ОШИБКАХ КРИТИКОВ СОЦИАЛИЗМА

(Дискуссия, которую мечтал организовать Хайек в 1978 году, все же должна состояться)

10 марта 1999 г.

I

Газета «Казахстанская правда» в декабре перепечатала статью Виталия Третьякова «Какой президент нужен Казахстану и какой президент Казахстана нужен России». Кажется, впервые так откровенно было заявлено, что в идеале требуется России от сопредельных государств.

Правомочность такого «вмешательства во внутренние дела» в самый разгар предвыборной кампании у казахстанцев не вызвала сомнений: с Россией мы еще не расстались. Она в каждом доме — на экране телевизора, в ежедневных московских газетах.

И потому выступление московского журналиста никому из нас не показалось голосом из-за рубежа. Но также ли прочна обратная связь? Нам-то ясно, что наше будущее как независимого государства во многом зависит от степени взаимозависимости с Россией, от того, какой она сама станет в ближайшие годы и в дальнейшем. И это понимание, воспитанное историей вековых отношений, позволяет казахстанцам надеяться, что и россияне осознают взаимозависимость своей страны с соседними государствами, вчера еще — «братьями», которые тоже предъявляют свои требования к политикам Российской Федерации, как к своим. А если учитывать некоторые особенности ситуации, то даже более, чем к своим.

Московские реформаторы потратили в эти годы немало сил, пытаясь повернуть и вторую голову российского орла на Запад. Они не поняли органичности гербового символа: Россия по природе своей евразийская страна. Стать только Западом ей, убежден, никогда не дано, также как — только Востоком. Из этого и надо было исходить, определяя идеологию преобразований. Нельзя приносить традиционную «восточную общность», характерную и для российского уклада, в ритуальную жертву «западному индивидуализму». Разумней было бы найти формы их соотношения в единых моделях.

Разочарование последнего десятилетия пошатнуло доверие республик СНГ к Москве. «Какая нам нужна Россия?» Мы имеем моральное право и ответить: нам нужна сильная, мудрая, уважаемая миром Россия.

Тогда и Казахстан, и другие новые государства, вовлеченные историей в планетарную систему с Россией в центре, будут чувствовать себя уверенней и спокойней в сотрудничестве с другими великими соседями по планете. И России не помешает доброе, здоровое окружение. Мы все нуждаемся в открытой, согласованной общей политике достойного сосуществования в Евразии. Это, надеюсь, объясняет, почему нам не безразлично, что происходит и произойдет завтра в России.

II

...Время подведения итогов столетия.

XX век пишущие называли по-разному — веком электроники, атомным, даже «нейлоновым» (Эльза Триоле). Для политика это столетие помечено знаком анализа. Преобладание центробежных сил над центростремительными. Создавались недолговечные союзы, но распадались вековые колониальные державы — Османская, Российская, Британская, Французская, Португальская...

Дж. Неру еще в середине века, объясняя распад империй ростом самосознания закабаленных народов, назвал наше столетие «веком национализма». Но ныне мы не считаем национализм единственной или главной разрушительной силой. Он просто более заметен, чем экономические причины. В этом мы убеждаемся, изучая драму еще недавно казавшегося несокрушимым «социалистического блока».

...В 60-х — 80-х годах я увлеченно занимался историей национально-освободительных движений. Побывал в нескольких десятках стран «Трех А» (Азия-Африка-Америка), знакомился с участниками и руководителями оппозиции — многие из них были писателями. Некоторые пришли к власти после деколонизации и вскоре спивались или погибали в межплеменных распрях. В 1978 году в Ташкенте на симпозиуме писателей стран Азии и Африки я выступил с докладом, в котором говорил о роли творческой интеллигенции в процессах эмансипации. О том, что, планируя будущее, уже нельзя представлять независимость конечной целью национально-освободительной борьбы. Опыт многих деколонизированных стран показывает, что культ независимости приводит в изоляцию, в тупик, откуда путь только один — назад, в пещеры, в колониализм, пусть даже с приставкой «нео-». Завоеванная или «подаренная» независимость должна стать рабочим, переходным этапом к эпохе осознанной взаимозависимости. С бывшей метрополией, с соседями по региону, со всем миром. В сжатом виде программа национально-освободительного движения в докладе изложена была так:

***«От веков колониальной зависимости
Через период независимости
К эпохе осознанной взаимозависимости».***

Несмотря на литературную сдельность, формула передавала логику развития освободительного процесса в деколонизированных станах. Защищал формулу в прениях. Помню вопрос из зала: «Считаете ли приложимой эту программу к судьбе республик советской Центральной Азии? Они тоже бывшие колонии Российской империи». Я ответил, как мне казалось, очень ловко: «Формула универсальна». Понимай как хочешь. Но это не избавило меня от разговора с инстанцией после симпозиума. Там весело поинтересовались — когда же предвидится период независимости для республик Средней Азии? Никто и представить себе не мог, что через какой-нибудь десяток лет появится Союз Независимых Государств, в котором независимости будет больше, чем союза. И нам придется митинговать, убеждая, что нельзя останавливаться, застревать в этом периоде.

Работы хватает: мы должны понять пагубность категорического принципа Или-Или — орудия классовой, национальной, расовой, религиозной исключительности. «Или ты, или я! Вместе нам — невозможно». Отказаться от него в политике всех уровней — от семейной до межгосударственной.

Около двухсот миллионов погибших в войнах мировых, гражданских, национально-освободительных и отнесенных к «внутренним делам государств».

Эти цифры как наше общее покаяние надо успеть вспомнить и пережить на пороге Двадцать первого, осознать их практичность, дабы не повторить многократно в следующем.

По закону парности век Анализа может смениться веком противоположного знака. Когда он начнется? Календарное столетие далеко не всегда совпадает с понятием «век». Он может длиться и тысячелетия — «каменный век», или вовсе не быть — «золотой век».

Зависит ли от нашей воли характер наступающего столетия, сможем ли мы сообща превратить его в век Синтеза? «Время собирать камни».

События Двадцатого века слишком часто подчинялись идеологии, зачастую невежественным. И это становилось причиной глобальных катастроф. Многие ученые отрицают такую роль человеческого разума в процессах истории. Но я верю в возможность влияния человека на эволюцию. И дурного, и доброго влияния.

Принцип разумного компромисса И-И также универсально применим. Даже при решении природоохранных и хозяйственных вопросов. Гибель Аральского моря, конечно, можно отнести к результатам эволюционных преобразований в природе: в одних местах моря исчезают, в других возникают. Но историк в состоянии объяснить эту беду по-другому: Арал — жертва холодной войны. Хрущев поставил задачу — перевес в ракетном вооружении. Требовалось значительно увеличить производство хлопка. Чтобы хватало не только на ситец, но и на сухое ракетное топливо. Понадобилось расширить площади под хлопчатник в Средней Азии. Для интенсификации орошения построили несколько водохранилищ по течению Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Вопрос был поставлен с большевистской категоричностью: или-хлопок, или-Арал! Выбрали первое. Вода перестала поступать в море, и оно высохло. Миллионы лет создавалось, за три пятилетки погибло. Теперь, даже опустошив водохранилища, Арал не восстановить.

Воля человека повинна в природной катастрофе. Неразумная воля. Вполне применимо здесь согласованное наклонение, если бы не поторопились, обсудили проекты со специалистами, то и хлопка было бы вдосталь, и Арал бы синел в прежних берегах. Но политика «Или Восток, или Запад» времени на иное решение судьбы моря не опустила.

Война — всегда была двигателем технического прогресса. Что может принести цивилизации философия И-И? Гуманитарный прогресс. Развитие общечеловеческой морали. Механизм компромисса: лучший способ уничтожить врага — сделать его другом. «Не требуй уступок от противника, начни с себя».

Мы еще не осмыслили в полном масштабе того, что мир называл «политикой Горбачева». Предложил разоружаться и начал с себя. Отказался от конфронтации, раздвинул железный занавес, обрушил Берлинскую стену, вывел войска из Европы и пр., и пр.

Заслуг перед человечеством у него больше, чем перед собственным народом. Перед миллионами тех, кого обездолила Перестройка — неумело осуществленные благие пожелания вместо научно-обоснованной, всенародно обсужденной программы демократизации и экономических преобразований. Политика «начать с себя» могла реализоваться как культура уступать, не теряя достоинства.

Отсутствие программы помешало хорошему начинанию. Советский Союз вместо того, чтобы сделаться другом Запада, совершил самоубийство.

Ребенок смотрит на мир и видит, какой он есть. Ученый — каким он может быть. Политик — каким он быть должен.

Все три ракурса только вместе образуют объёмную модель, в которой каждый из нас найдет выражение своего мировоззрения.

Несмотря на кажущееся завершение глобального противостояния, главный вопрос XX века — социализм или капитализм? — сохраняет актуальность, и спор этот еще далек от завершения. Миллиарды людей вовлечены в него.

Один из самых заметных идеологов холодной войны, выдающийся английский экономист, лауреат Нобелевской премии Фридрих Август фон Хайек, более полувека «сражавшийся» (по его выражению) с социализмом, задумал в 1978 г. провести широкую международную дискуссию, в ходе которой ведущие теоретики социализма встретились бы лицом к лицу с учеными-сторонниками рыночного порядка и сообща решили, был ли социализм ошибкой. От дискуссии пришлось отказаться по практическим соображениям. Взамен коллеги предложили ученому написать что-то вроде антисоциалистического манифеста. Таким документом и стала книга «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма»².

Она опубликована на английском в 1987 г., переведена на русский в 1992 г., как раз перед началом гайдаровских реформ в России. Она стала настольной книгой, учебником для молодых реформаторов и в других странах СНГ, руководством по борьбе с плановой экономикой во имя спонтанного рыночного порядка. Написанная живо, популярно, местами напоминает стиль цитатников Мао для хунвейбинов. Это сравнение оправдано, потому как реформы нанесли ущерб нашим государствам, возможно не меньший, чем культурная революция Китая.

Поэтому, несмотря на титулованность уважаемого автора, труд сей надо было прочитать и обсудить критически, а не воспринимать сразу как руководство к действию.

Подзаголовок обещал читателю, что в книге будут проанализированы недостатки теории и практики марксизма, его многочисленных толкований — ленинизма, сталинизма, троцкизма, маоизма и прочих ветвей еще до конца не устоявшейся, требующей ревизии и развития доктрины. Основная ошибка адептов в том и заключилась,

² Ф.А. Хайек. «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма», М.Изд. «новости», 1992.

что гипотезу, возникшую на материале юного капитализма XIX века, нетерпеливые последователи поторопились объявить теорией, превратили в аксиому, возвели в религиозное учение, не допускающее дальнейшего развития.

И другие промахи социалистов, увиденные «со стороны», помогли бы всем нам понять, что с нами происходило.

Подзаголовок явно противоречит содержанию книги. Ее суть лучше выражает название введения «Был ли социализм ошибкой?» (в память о несостоявшейся дискуссии).

Для самого автора такого вопроса, кажется, никогда не существовало. По его убеждению, социализм всегда, с истоком был глубоко ошибочен с научной, фактической и даже логической точек зрения. И что «его повторяющиеся провалы в нашем веке явились прямыми результатами его научной несостоятельности».

Стиль языка книги, особенно введения, выдержан в болезненно-боевых интонациях, характерных для научной публицистики периода разгара холодной войны. «Спор о рыночном порядке и социализме есть спор о выживании — ни больше, ни меньше.

Следование социалистической морали привело бы к уничтожению большей части современного человечества и обнищанию основной массы оставшихся» (стр.18). «Главная задача (книги) все же состоит в том, чтобы показать, что социализм — одно из наиболее влиятельных политических движений нашего времени — основывается на явно ложных посылах. Пускай он вдохновляется благородными намерениями, пусть во главе его стоят некоторые из лучших умов нашего времени — из-за него оказывается под угрозой уровень жизни, да и сама жизнь значительной части современного человечества» (стр. 21).

Хайек считал социализм явлением, противным человеческой природе. От начала до конца противоестественным и враждебным. Без единого светлого пятнышка. Возникновение и развитие цивилизации, по его мнению, зависело исключительно от феномена, который он назвал «расширенный порядок человеческого сотрудничества», подразумевая под этим то, что «другие не совсем точно называют капитализмом». «Для понимания нашей цивилизации необходимо уяснить, что этот распорядок сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно...».

В своих работах Хайек последовательно выступает против признания роли рационального в развитии культуры, цивилизации: по его убеждению, эволюция решительно не признает участия человеческого сознания. «Я не в силах удержаться от улыбки, когда книги

по эволюции (даже написанные великими учеными) заканчиваются призывами к человеческому разуму взять бразды правления и контролировать дальнейшее развитие» (стр.42).

Социализм, согласно Хайеку, и есть антинаучная попытка сознанием определять ход развития человеческой истории, влиять на объективные процессы.

Другое дело — капитализм («расширенный порядок»). Он возникает в человеческом обществе естественно, без прямого участия разума.

В качестве критериев оценки жизненности рынка и не перспективности социализма Хайек как экономист признает, в основном, объемы производимой продукции: «Научный анализ показывает, что, следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка, мы производим и накапливаем больше богатства, чем возможно добывать и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы коей претендуют на строгое следование разуму. Таким образом, цели социализма фактически недостижимы, и программа его невыполнима» (стр.17).

В 1979 г., когда писались эти строки, Запад действительно производил больше качественной продукции, чем весь «социалистический лагерь».

И Хайек прав, если считать, что сущность социализма ограничивается только своеобразием хозяйственного механизма, а цель — производить как можно больше.

Самое простое нестареющее определение цели социализма дал в античности Платон — общество должно заботиться о слабых. Относил он к этой категории женщин, детей, стариков и больных. А сильные должны заботиться об обществе.

Производство продуктов и товаров — это не цель, но средство, с которым, действительно, лучше справлялся «рыночный порядок».

Сегодня мы более свободны в определениях специфики противопоставляемых систем, нежели современники Маркса, ибо они имело дело, по сути, только с предвиденьями, мы уже можем оперироваться объективными данными статистики. И вправе сделать такой вывод — нет ныне особого социалистического или капиталистического способа хозяйствования. Коллективный труд и рыночная конкуренция вполне уживаются под одними флагами. Планирование рынку не противопоказано, и даже напротив, сложнейшее производство без продуманной на года вперед программы развития существовать в современном мире не может.

Отличие систем пока еще можно увидеть в разных способах распределения полученного продукта.

Для Хайека и социализм, и капитализм представлялись чем-то неизменным, но динамика жизни такова, что известная формула социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду» уже вполне соответствует и капитализму. (Рабочий на конвейерной сборке автомобилей «Вольво» получает за час труда 40 долларов; такую оплату любой наш трудяга смело отнес бы к высшей, коммунистической категории — «по потребностям»).

Методологически неверно было отождествлять понятия «социализм» и «социалистические государства». О каком социализме в Эфиопии или в Кампучии можно было говорить? Профессор так и не определил классификационные признаки отрицаемой им системы. Иначе бы он увидел их в социальном процессе Швеции, Дании, Норвегии, которые первыми подтвердили правоту главного «организационного» постулата марксизма — социализм может возникнуть только на базе высокоразвитого капитализма.

Ждать, пока капитализм в России достигнет надлежащего уровня, у ленинского поколения социал-демократов не было никакой возможности. Ленин добился принятия революционной редакции постулата. Социализм не возникает, его нужно строить именно в беднейших странах, лучше без такого фундамента как капитализм, ввиду его архивраждебности трудовому народу. Так была оправдана революция в России, заложены теоретические основы мировой пролетарской революции и проекты будущих социалистических государств в самых бедных странах Азии, Африки, Латинской Америки.

Об ошибках социалистов, а не социализма и нужно было говорить.

Революционный, догматический социализм проиграл, уступая место в мире научно обоснованному эволюционному социализму, который не заменяет собой капитализма, не отторгает его, как растение не отрицает почву, на которой произрастает.

...Полезно время от времени ревизовать политический словарь. Семантика терминов изнашивается, требует освежения, а некоторые изначально несут неверные значения. Слово «революция» со времен Робеспьера и Гавроша мир привык понимать, как «переворот», ассоциируя его с переворотом колеса, началом поступательного движения, а в общественном смысле — началом прогресса после веков застоя.

Вероятно, теперь нелишне будет узнать, что первое и основное значение латинского *revolution* — «откатывание назад», «движение

колеса вспять», переносное — «падение на спину». От глагола *re-volvere* — «катиться в обратном направлении», «сваливаться».

Поэты верят в таинственную, мистическую силу слова. Часто его первичный смысл оказывает на явление, им названное, прямое семантическое влияние. Судьба всех общественных событий, нареченных историками «революцией», подтверждает это наблюдение. И октябрьская революция объективно явилась «откатыванием», опрокидыванием вековых устоев, культуры, экономической жизни многих народов. Потребовалось четыре жестоких десятилетия, чтобы колесо этой истории, завязнув в кровавой грязи, остановило свое движение вспять и начало медленно проворачиваться вперед, горько навостывать упущенное: *evolution* — «развертывание», «развитие». От глагола *evolvere* — «проворачивать колесо вперед», «развивать».

События XX века доказали со всей очевидностью: эволюция — это путь прогрессивного развития, революция — акт регресса, стремительного, как падение в пропасть.

И если мир этого расклада не поймет, то следующий век не станет новой эпохой, а явится продолжением воспетого поэтами века сокрушительных революций.

IV

Перечитывая ныне труды ученых-героев холодной войны, видишь, как стремительно устаревает их пафос, доказательный материал и выводы. Они выполнили свою роль в свое время, а на большее, вероятно, и рассчитаны не были. Книга И.Эренбурга «Убей немца!» не пережила 1945 года: произведения с пометой «анти-» не могут претендовать на судьбу «Войны и мира».

Чего не заметили специалисты-обществоведы?

За десятилетия предельно напряженного противостояния должно было произойти то, что Гегель назвал вторым законом диалектики — проникновение противоположностей. Постоянная угроза пролетарских революций способствовала росту уровней социальной защиты трудящихся. Западное государство взяло на себя роль организатора социальной справедливости, выработав очень эффективную систему сбора и распределения. Капитализм в борьбе более ускоренно обретал социалистические черты.

Социализм же постепенно восстанавливал права частной собственности.

В 1979 г. в отчётных документах Госкомстата СССР были опубликованы крамольные показатели. Сравнивалась продуктивность

колхозно-совхозного производства и подсобных личных хозяйств. В частном пользовании находилось около 2% сельскохозяйственных угодий. И на этом клочке земли, оказывается, выращивалось 72 % общесоюзного картофеля, надаивалось 20% молока, настригалось 30% шерсти и т.д. Возникла мысль: а что, если отдать крестьянину хотя бы половину земли?

Почему впервые эти цифры появились в 1979-м? Можно ли это связать с тем, что секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству в то время становится М.С.Горбачев? Какой-то знаменательный год: исламская революция в Иране; начало афганской войны... И все же — рубежный год и для истории социализма: в 1979-м в Китае стартуют реформы Дэн Сяопина. Провозглашен лозунг: «Одна страна — две системы». Самая ортодоксальная коммунистическая секта — КПК («Коммунистическая партия Китая») — первой признала неправильность коренного положения марксизма-ленинизма о неприемлемости частной собственности на средства производства. Сочетание плановой экономики и свободной рыночной конкуренции дало неожиданные результаты: ни соцстраны, ни капиталистический мир не знали таких темпов экономического прогресса, которые двадцать лет демонстрирует Китай. Вспомним приведённые выше слова Хайека о том, что «цели социализма фактически недостижимы и программа его невыполнима», потому как «централизованно управляемая экономика» не в состоянии производить продукта больше, чем капиталистическая.

Реформы Китая, вероятно, подвигли и СССР на перестройку.

В 1985 г. КНР уже показывала 9% роста ВВП.

(СССР только раз за всю свою историю достигал такого «процента». Кажется, в 1969-м, на исходе первого генсековского срока Брежнева.) Китайский опыт тогда уже позволял сделать несколько полезных выводов. Прежде всего — реформы качественно проводятся при наличии продуманной программы и под контролем сильной центральной власти. Любое ее ослабление придает перестройке стихийный характер, превращая реконструкцию в разрушение, что и произошло с Советским Союзом. Мы начали с шумной политической либерализации, погубившей экономическую реформу. Десятилетиями строго организованное общество, с четко распланированной экономикой, нормами морали и межнационального общежития было подвергнуто резкой дестабилизации, лишилось всех планов и надежд на будущее. А заодно всего нажитого. Общая картина — растерянность обнищавших масс и преступный непрофессионализм сменяющихся,

как в калейдоскопе, правительств. Единственное демократическое достижение — гласность, когда народ вопит, а власть безмолвствует. Подобно коту Васье из басни Крылова.

Непрофессионализм оказался самым заметным, самым действенным инструментом преобразований. Большевицкий принцип Или-Или был заимствован молодыми реформаторами России и их коллегами в других странах СНГ: они изничтожали все, что несло на себе печать социалистического, с такой же детской убежденностью как их отцы и деды — капиталистическое. Если поколение Аркадия Гайдара ликвидировало частную собственность, национализируя все средства производства до последней сохи, то активисты поколения Егора Гайдара столь же беспощадно в революционные сроки приватизировали всю государственную. (В наших условиях годится параллель — Ураз Джандосов (большевик) и его внук Ораз Джандосов.) Сложная структура собственности (индивидуальная — коллективная и государственная) складывалась еще в доистории — «мое и общинное». Она существует как объективная закономерность. Искусственное нарушение этой структуры привело к трагическим последствиям. Придуманные человеком законы правильны, если не противоречат естественным. И нынешняя невежественная установка на тотально частную собственность оборачивается еще большей бедой.

Грамотно, думаю, поступили китайские старцы. Они исправили ошибку основоположников — восстановили в правах индивидуальную собственность, однако не за счет государственной и коллективной, не приватизируя промышленные гиганты, бездумно обанкротив их (как это случилось в некоторых наших государствах), но создав условия для ускоренного развития малого и среднего производительно-го бизнеса. Возникающие новые предприятия и становились частной собственностью. За двадцать лет многие из них выросли в крупные заводы, конкурирующие с государственными. Китайские реформаторы не только сохранили былой промышленный потенциал, но значительно умножили его.

Китай впервые за несколько обозримых веков уверенно обеспечил продовольствием свое всегда многочисленное население; промышленные товары Китая заполнили рынки всего мира. Сопоставим эти два простых показателя с соответствующими нашими — российскими, казахстанскими, украинскими или кыргызскими и результаты сравнения помогут понять, что было разумнее, совершенствовать социализм или варварски разрушать его как очередной мир насилия, до основания, а затем... На «затем» времени обычно не хватает.

Что мы чувствуем сейчас, в этом главном рубежном году? Запад и Китай входят в XXI век, гарантируя соблюдение основных прав человека — права на труд, на бесплатное образование, лечение, правовую защиту. Некоторые страны позволяют себе бесплатные детсады, ясли и дома для престарелых. Повышаются зарплаты и пенсии. А что же мы? Смущенно встроились в очередь среди аутсайдеров к тем же дверям в будущее, отказавшись от всех своих кровью и потом поколений заработанных прав. Почему? Во имя построения первобытного капитализма под пещерным лозунгом — «пусть выживает сильнейший!». Зачем?

Советская социалистическая система требовала усовершенствования, но не отказа от нее, не разрушения. Я в этом убежден. Как и в том, что социализм получит достойное развитие в будущем.

Примеры Китая и Запада, рассмотренные во взаимосвязи, все настойчивей говорят о творческой совместимости былых крайностей в рамках единой политэкономической модели. Сложная структура собственности становится общим знаменателем европейского эволюционного капитал-социализма и китайского достроенного социал-капитализма.

Сей новый фактор объективно ведет к сближению Запада и Востока. На базе этого движения в будущем может воплотиться идея Евразийского союза от Атлантики до Тихого. Как естественное продолжение Европейского.

Дискуссия, которую мечтал организовать профессор Хайек в 1978 году, на мой взгляд, должна все же состояться. Сейчас, после окончания холодной войны, она может быть по-настоящему интересной и полезной. Уже не будет откровенного политического про- и contra-. Теперь вероятно осмыслить с большей объективностью то, что вчера казалось только враждебным и посему подлежало огульному отрицанию. Такие диспуты профессиональных противников доказывали одно — крайние политические взгляды в одинаковой степени бесплодны. На полюсах нет жизни. Она — между, как результат стремления полюсов друг к другу.

В холодной войне потерпел поражение не социализм, а формы его невероятных воплощений.

Одним из достижений «горбачевского прорыва» должно считать и это — постепенно выявляется новое общее, на чем могут базировать свои будущие отношения бывшие противники.

Социализм для Запада перестает быть пугалом, Как и капитализм для бывших соцстран. Оказывается, эти явления генетически совместимы в границах одной экономики.

Какие небывалые возможности для интеллектуального броска в будущее предоставляет человечеству эта возникающая ситуация! И не использовать их будет непростительной бесхозяйственностью. Как и недоучет опасности «пира победителей».

Человечество вступает в XXI век, убежденное в преимуществах свободной конкуренции без ограничения потребностей. Мир, увлеченный этой гонкой, безоглядно движется по пути максимального, исчерпывающего использования природных ресурсов. Американец расходует их уже в 500 раз больше, чем житель Мозамбика. Кто запретит «второму» и «третьему миру» пойти этой же дорогой, потреблять не меньше американцев.

Через три-четыре десятилетия истощатся запасы органических полезных ископаемых — угля, нефти, газа. Если озон не закончится раньше. Тогда XXI век станет финалом истории Человека, авансом названного Разумным.

Но человечество может спастись. Спасая природу. Выработав общую модель развития, общую культуру выживания, культуру третьего тысячелетия, в основе которой будет платоновский гуманизм и принцип самодостаточности, подсмотренный в биологическом мире, где эволюционные изменения, как писал дарвинист Дж.Говард, нацелены на максимальную экономию в использовании ресурсов.

И эти темы могли быть рассмотрены в дискуссии о социализме, которую не стоит ограничивать во времени: она может длиться годами, как постоянная Женевская Конференция по разоружению. Поддерживая огонь гуманитарной научной мысли, совсем было угасшей во времена холодной войны.

...Этот рубежный год для некоторых стран СНГ может стать боевым (надеюсь, лишь в переносном смысле): грядут парламентские выборы. В России около 300 партий и движений претендуют на места в Думе. В казахстанский Мажилис — несколько десятков. Для нас тоже немало.) Но чрезмерного разнообразия программ ожидать, думается, не стоит. Общего в них будет значительно больше, чем различий. Это общее — «левизна».

Возрождение веры в утраченные ценности следует понимать, как проявление некой тенденции, заметно набирающей силу в мире. В одиннадцати из пятнадцати стран Евросоюза незаметно для нас к власти пришли социалисты и социал-демократы. В обозримом будущем объединенная Европа будет представлять собой союз социалистических государств. И в странах Восточной Европы, еще недавно клятвенно отрекавшихся от всего социалистического, избираются

левые правительства. Социализм продвигается на Восток вместе с НАТО. Пожалуй, даже быстрее. Уже достигает России.

...Результаты выборов в России, уверен, станут реальным толчком для ренессанса социалистической идеи и в других странах СНГ.

Социализму как идее, как «мечте человечества» было предопределено судьбой пройти очередное мучительное испытание, чтобы возродиться в новом качестве. В качестве эволюционного, «мирного» социализма: для таких многонациональных стран, как Россия и Казахстан революционные потрясения противопоказаны.

И вполне возможно, обновленный, предельно развитый мировой социализм определит гуманистический характер третьего тысячелетия. Я в это верю.

*«Независимая газета».
10 марта 1999 г.*

ИСПОЛЬЗОВАТЬ ШАНС!..

4 ноября 1999 г.

— Олжас Омарович, после прошедшей недавно кампании, в которой партия «Народный Конгресс» принимала участие, естественны вопросы, касающиеся результатов выборов. Знаю, что Вам не хочется включаться в хор недовольных голосов, но все же рискну спросить: как объяснить такое расхождение — перед 10 октября из лидеров всех партий Вы имели по опросам самый высокий рейтинг, а партия получила весьма скромный процент голосов?

— Хорошо, что рейтинг лидеров подсчитывали не избиркомы.

— Выдвинутый Вашей партией программный лозунг «Земля и недра — народу!» оказался единственным интеллектуальным приобретением общества после двухмесячной предвыборной кампании. А может быть, — и за все последние годы. Он действительно шире партийной программы, поэтому был поддержан практически всеми партиями и движениями. Вы обещали, что будет продолжена работа над правовым механизмом реализации этой идеи.

— Да, создан научный коллектив, в который вошли и продолжают включаться ученые — юристы, экономисты, геологи, социологи и другие. Думаю, что к началу работы нового Парламента, то есть к январю 2000 года, проект будет готов для открытого обсуждения.

— Возвращаясь к первому вопросу. Вы не считаете, что власти, занизив показатели «Народного Конгресса» хотели доказать, что народ не приемлет идеи «Земля — народу»?

— Только недалековидные администраторы выступают против идеи, которая может обеспечить мир и согласие в стране. Может сплотить все этносы республики в один народ — в граждан Республики Казахстан, сделать всех нас патриотами такой страны, которая устами Конституции скажет гражданину: «Ты — хозяин земли, всех ее богатств, ты имеешь право со дня рождения и пожизненно на свою долю — гражданскую квоту — от каждой тонны проданной, использованной нефти, угля, меди, железа, золота... Гражданская квота — фундамент твоего материального благополучия, а стены ты нарастишь своим трудом и способностями». Земля, ее недра — это единственное наследство, которое каждый гражданин по закону справедливости получил от своих предков, проливших кровь и пот за эту землю, освоивших и сохранивших ее для всех последующих поколений. И если мы с 2000 года введем в Основной Закон базовую статью, объединяющую две ныне разрозненные (ст.3 и 6), в такой редакции: «1. Народ Казахстана является единственным источником власти в Республике. 2. Земля, ее недра, воды и воздушное пространство находятся в исключительной собственности народа Казахстана», тогда выправится весь свод демократических законов, базирующихся на этой Главной статье. «Мы — рачительные хозяева нашей земли!» — это, по сути, национальная идея народа каждого государства. «Мы — хозяева нашей Земли» — это общечеловеческая идея, которая, если станет убеждением, может спасти эту единственную во вселенной планету, одаренную жизнью. Воплотив идею в практике демократического процесса, республика может сей интеллектуальной собственностью поднять свой международный авторитет, более чем туманными обещаниями прикаспийского шельфа.

— У нас новое правительство. Вы знаете Касым-Жомарта Токаева по его прежней работе. Действительно ли приход мягкого, интеллигентного руководителя открывает новые горизонты казахстанской политики, как считают некоторые?

Я в их числе. Мягкий, интеллигентный Токаев сделал МИД, может быть, самым профессиональным и современным из всех

министерств республики. Во главе правительства мы с давних пор привыкли видеть фигуру крепкого хозяйственника, который и на ферме рядом с коровой хорошо смотрится, и в забое не чужой. Такие у нас были. Один Терещенко чего стоит! А нынешние хозяйственники и вовсе бизнесмены-частники. Их тоже успели повидать и в Кабинете, и во главе. Результаты известны. В идеале, глава правительства суверенного государства-члена ООН должен быть, прежде всего, политиком. Политиком с широким, международным кругозором. Не с областным, не с районным, а действительно — мировоззрением. Необходимо видеть страну свою в мировом контексте, встроеной в механизмы планетарных процессов развития. Искусство современного управления сродни дипломатическому искусству. Подготовленный, профессиональный политик, он и в современной экономике не профан: из вариантов, предложенных специалистами, сможет выделить наиболее нужное стране. Этого умения были лишены руководители трех прежних правительств. Они загнали Казахстан в экономический тупик. Можно, конечно, выразиться дипломатичнее. Но ради дела не стоит говорить эвфемизмами. Премьеру надо оглянуться, осмыслить прошедшее десятилетие. Итоги деятельности первого правительства период независимости (Терещенко) не уместить в одну строку, но самое главное, на мой взгляд, что останется на его боевом счету — разрушение агропромышленного комплекса. Стремительная деколлективизация, развал совхозов и колхозов и брошенное на произвол судьбы новорожденное фермерство.

За правительством Кажегельдина — полный разгром отечественной промышленности и ее распродажа. Бюджет втягивается в зависимость от западных займов.

Правительство Балгимбаева, в основном, продолжило традиции предшественников. Новшество — прокручивание бюджетных средств в «родных» банках стало более откровенным. К тому же закончился семилетний период льгот: западные кредиторы потребовали начать выплаты. В этом году возврату подлежал почти миллиард долларов. Дважды в один год урезается расходная часть бюджета. Ветераны лишились последних социальных поддержек. Другого резерва у правительства Балгимбаева не оказалось. Доходную часть бюджета увеличить нечем.

От нового Кабинета потребуется вывести Казахстан из этого болота прямо в XXI век. А это значит — расплатиться по старым долгам и не сделать новых катастрофических.

— Задача, прямо скажем, нелегкая. Как это возможно сделать? Последняя расширенная программа кредитования МВФ в размере 450 млн. долларов завершилась в июле этого года. Вероятно, деньги эти не дошли до Казахстана, вернулись в уплату за долги. Правительство сразу стало просить новый кредит в 350-400 миллионов. И они, если получится, уйдут на погашение. Может быть, Токаеву с его международными связями удастся убедить МВФ и Мировой банк продлить сроки возврата кредитов?

— Едва ли на такую поблажку приходится рассчитывать. В первых, отношение Запада к странам СНГ по сравнению с началом 90-х успело решительно измениться. Тогда это были новые государства, вырвавшиеся из «империи зла»: центробежные устремления нуждались в поддержке и стимуляции. Запад задаривал кредитами на самых льготных условиях с отсрочкой на 7, на 10 лет. С развалом СССР ядерная держава разделилась на четыре. Сколько Казахстану наобещали за отказ от ядерного арсенала! Потом — шельф. Под это давали. Распределили шельф, что осталось привлекательного для Запада? Эйфория прошла. С запада подули северные ветры. За прошедшие годы образ новых государств в глазах Америки и Европы заметно потускнел. Переговорные позиции начала 90-х утрачены безвозвратно. Кредиты явно не пошли на пользу. Теперь кредиторы хотят получить их обратно. Нам надо рассчитывать на свои силы. Прежде всего, на свои мозги. Почти десятилетие они были невостребованы. Нужно осознать реальность, что мы можем, а что нам не под силу. Куда идем? С кем нам по пути? И тогда будет яснее, что делать. Необходима простая и четкая программа действий. Контур ее были заявлены в докладе Касым-Жомарта Токаева 19 октября на первом заседании нового правительства. Финансовые игры, которыми так увлекалось правительство Балгимбаева, в списке приоритетов оттеснены с первого места в конец. Подъем отечественного производства — расширение налоговой базы — главный приоритет.

— А разве раньше не было известно, что в нормальных государствах бюджет, в основном, наполняют не кредитами, не распродажей месторождений и предприятий, не виртуальными деньгами, но только подоходным налогом с физических и юридических лиц? Это азбука, ее наверняка знали все предыдущие правительства. Но тогда почему все они наперегонки сокращали налоговую базу? Распустили колхозы и совхозы, но не поддержали фермеров. Разорили базовые отрасли промышленности, но не создали условий для роста малых и средних частных предприятий.

Отсюда массовая безработица в городе и на селе. Зарплата не выплачивается, значит, нет подоходного налога с физических лиц. Нет оборота денег в экономике — нет покупательской способности. Нет рынка. Почему этот абсурд продолжается так долго?

— Развратила возможность легкого получения любых кредитов. С этой наркотической зависимости начиналась политика абсурда. Зарабатывать вроде теперь и не требовалось: деньги с небес сыпались. Премьеры-временщики безоглядно занимали, раздавая государственные гарантии, зная, что возвращать придется не им. У Токаева таких возможностей не будет. Если говорить образно, у последнего верблюда ноша тяжелей: на него взваливаются тюки, уроненные разбредшимся караваном.

Правительству Токаева придется срочно создавать условия для развития приоритетных базовых отраслей, восстанавливать то, что еще поддается восстановлению — агропромышленный комплекс, нефтехимию, фосфорную промышленность...

— А зачем Казахстану фосфорная промышленность?

— Любопытно, что такой же вопрос мне в прошлом году задал Нурлан Балгимбаев. Хотя премьер должен был знать, что фосфор для Юга Казахстана значил то же, что и нефть — для Запада, полиметаллы — для Востока и так далее. Фосфор давал работу десяткам тысяч в городах Джамбулской, Южно-Казахстанской областей. Их зарплаты поддерживали сельхозпроизводство. Сотни тысяч человек «кормились», благодаря фосфору. Кто-то убедил нас, что химические удобрения вредят почве. Спросите ученых-аграриев в любой стране. Они скажут — без фосфорных удобрений пахотные земли деградируют. Мы уже потеряли 17 млн. га целинных земель. Они теперь способны выращивать только саранчу. Оставшиеся 15 млн. надо удобрять, пока не поздно. Если и дальше будем перепасовывать развалины Большого Фосфора разномастными офшоркам, мы добьем его окончательно. Надо бы вспомнить, что фосфорные предприятия в 1989 году дали один миллион долларов прибыли. И они могли существовали автономно в отрыве от общесоюзной химии, потому что имелась и имеется своя могучая рудная база и оборудование было новейшим. Но абсурд, который называли рыночными реформами, требовал обанкротить, разорить самые высокоэффективные государственные предприятия, чтобы облегчить их приватизацию за бесценок...

— Какие задачи, требующие срочного решения, следовало бы, на Ваш взгляд, предусмотреть в правительственных планах?

Среди первых — создать условия для ускоренного развития густой сети малых и средних предприятий в отраслях с относительно высоким потенциалом роста. Например, в отрасли, производящей товары народного потребления — пищевой и легкой промышленности. Частные предприятия здесь возникали бы не на пустом месте — большинство доставшихся от советских времен казахстанских предприятий вполне жизнеспособны при условии их модернизации и внедрения современных систем управления. Сегодня они ждут, когда иностранные инвесторы обратят на них внимание. Не дождутся. Никакая страна не будет помогать нам оживлять производство продукции, которую фабрикует сама. К этой мысли надо привыкать, не драматизируя ее. Государство должно, наконец, обязать свои казахстанские банки помочь новым собственникам поднять такие предприятия.

— Вы сказали, что финансовый сектор в списке приоритетов Токаевым отнесен на задний план. Почему? И удастся ли поднять отечественное производство, опираясь только на наши банки?

— К сожалению, финансовые гении у нас не появились. С гениями всюду напряженка. За неимением таковых малообразованные посредственности стали вершить судьбу финансов СССР 90-го года и далее в России и в Казахстане. Крах рубля — тотальное ограбление поголовно всего населения Советского Союза, сотен миллионов людей — такого не знала история. Дабы избежать стремительной девальвации нового рубля и новых других валют, младофинансисты, выполняя одно-два правила арифметики вульгарного монетаризма, начисто исключили проблемы производства из круга своих интересов. Ни один из сотен образовавшихся банков за эти годы не выделил кредита на производство. Тогда зачем они, эти банки? В чем их назначение?

Наши младофинансисты гордились тем, что тенге не так быстро девальвируется по сравнению, скажем, с турецкой лирой. Использовали верный способ, подсказанный монетаристами из МВФ, — не увеличивать денежную массу. Даже, если придется пожертвовать производством. А может быть, сверхзадача подсказки в том и заключалась? Только легковесную, пустую валюту можно держать в воздухе на искусственном поддуве. А настоящая, полновесная требует более серьезного основания. Никто им не подсказал, что фундамент любой валюты — экономика, то есть система «производство — рынок — потребитель». Растет экономика, поднимается и курс валюты. Нет производства, значит, нет рынка, и тенге неизбежно летит вниз. Что и происходит.

Примат экономики — интегральный взгляд на систему отношений Дела и Денег — давно и активно заявляет о себе в экономической науке Запада — в работах Леонтьева, Манделла, Кейнса... И то, что в наметках будущей программы Токаева проявляет себя именно такой подход — обнадеживает. Лишь бы оперативные заботы не «съели» время, отпущенное новому Кабинету на выработку научной программы развития.

— Кажется, в 93-м или в начале 94-го Вы писали о необходимости государственной программы развития малого и среднего частного бизнеса... Помнится, вывели какой-то пятипроцентный показатель.

— Было. В начале 90-х я задался целью выявить индекс экономической развитости. Дабы определить, сколько в стране должно быть предприятий, чтобы наполнить налогами бюджет. Сделал допуск в духе времени — количество предприятий равняется количеству хозяев. Это работодатели — владельцы концернов, заводов, мастерских, ресторанов, ферм, магазинов. Слава богу, эти цифры не являются секретными, публикуются ежегодно в открытой печати. Я разделил количество населения США, Японии, Германии, Франции, Англии, Канады, Италии — семерки самых развитых государств — на число предприятий («хозяев») и получил примерно одинаковые результаты — 5 с лишним процентов. Только в Италии цифра зашкаливала за 7%. Но, думаю, это за счет того, что количество зарегистрированных предприятий в этой стране значительно больше действующих, чем в других странах семерки.

Я сделал вывод, страна может считаться экономически развитой, если 5% ее населения — работодатели, организаторы производства. Иначе говоря, хозяева.

Выявилась закономерность — в развитых странах ежегодно разоряются и возникают миллионы предприятий, но общее количество действующих остается примерно одинаковым (5%) из года в год. Если больше — перегрев экономики, кризис, сброс до 3-4%.

Из стран бывшего СССР к индексу развития первой приблизилась Эстония. Уже в 1993 году она была признана наиболее активно развивающейся страной Восточной Европы по всем принятым показателям. Я проверил их подлинность своим индексом. В Эстонии ни одно крупное предприятие не было разорено, но открылось более 60 тысяч новых, частных, которые мы называем малыми и средними. Всего выжило около 40 тысяч. На миллион населения — 4% хозяев. Очень хороший показатель.

Я опубликовал тогда эти результаты, подсказал экономистам — проверьте, изучите индекс развитости, выйдите на универсальный закон, примените его в правительственных программах развития! Но правительству было не до того: оно было занято разрушением налоговой базы, сокращением количества предприятий. Богатели не хозяева производств, богатели чиновники, распродававшие активы государства, его будущее. Я подсчитал, сколько необходимо предприятий Казахстану, чтобы вступить в ряд развитых государств. Примерно 850 тысяч. Нас тогда было 17 миллионов. А работало всего 10-12 тысяч новых малых предприятий. В основном, торговые точки, «комки». Интересно, каков индекс у нас сейчас? Теперь, когда нас 15 миллионов, задача полегче — нужно всего 750 тысяч... (Лишь бы дальше так не облегчать!). Сможем ли мы к 2030 году приблизиться к этой цифре? Да, сможем раньше, в течение первой пятилетки века, если теперь твердо осознаем всю абсурдность предыдущих реформ и поймем, наконец, что рыночная экономика — это не тотальная распродажа, а производство. И это мы, кажется, начали понимать. О чем свидетельствует доклад Токаева. В начале было слово, как говорится. Теперь нужно дело. Создать правовые условия для стремительного расширения сферы малого и среднего производственного бизнеса. Законом заставить банки кредитовать производство. Невыполняющих эти условия — лишать лицензии. Усовершенствовать налоговую систему. Оптимизировать отношения с иностранными владельцами и управляющими.

— Заканчивая нашу беседу, подытожим. Вы убежденно верите в возможности Правительства Токаева кардинально выправить положение в казахстанской экономике. Ответьте коротко, почему?

— Потому что отступать уже некуда: это Правительство последней надежды. Во-вторых, во главе стал интеллектуал. В самом составе и с другими включениями повысился уровень интеллекта и опыта. Надеюсь, процесс поумнения Правительства не остановится. Талантливые люди — это возможности общества, его шансы на самореализацию. Не используя их упуская свои шансы, народ опускается до уровня стада. Наши народы так бездумно растрачивали свой интеллектуальный потенциал в XX веке, что не могут рассчитывать на лучшую долю, чем имеют. Но мы хотим — лучшую. Пока еще не утасла мечта об идеальном государстве, которая вдохновляла нас с первых дней независимости.

*Аргументы и факты,
Интервью 4 ноября 1999 г.*

СВЕТ ДРУЗЕЙ

Посвящается Рашиде Зуевой

7 июня 2007 г.

Я познакомился с Рашидой в конце 60-х. Нас сближало общее увлечение филологией. Для нее это была профессия, для меня – хобби. Хотя и литература была, да и остается, пожалуй, этим самым хобби. Особенно сейчас мало кто из моих коллег назовет писательство профессией. Но филология всегда мне была интересней сочинительства. И, может, поэтому я так вчитался в «Слово о Полку Игореве» и во все с ним связанное, а затем в тюркское слово и Слово вообще. До сих пор этим занимаюсь, не имея от него досуга. И, конечно, заработка. Ничего, кроме истинного наслаждения.

Вот это общее увлечение и сближало нас – некоторых писателей и некоторых филологов. Я тогда подружился и с учителем Рашиды – профессором Махмудовым. Незабвенный Хайрулла Хабибуллович. Профессор ХаХа. Почему-то его звали еще псевдонимно – Семен Михайлович. Возможно, за буденновский нрав. Я показывал статьи о тюркизмах «Слова», о роли князя Игоря во взаимоотношениях Руси и Поля сначала Рашиде. Затем, выдержав доброжелательную мягкую критику Зуевой, номера журнала «Простор», где тогда печатались первые статьи, попадали вечно спешащему ХаХа, который мне, своему заочному аспиранту, делал деловые замечания по аппаратуре:

— Вот здесь должна быть ссылка на Д.С.Лихачева, типа: «Как правильно заметил...». А здесь на Б.А.Рыбакова, такого же типа: «Согласен со справедливым суждением...». Свободней, по-писательски, не как заскорузлый МНС!

— Но я же не согласен с его даже справедливым суждением! И не считаю, что правильно заметил Лихачев!

— Тогда не защитишься...

— Тогда буду нападать!

Поддержала Рашида. Хайрулла Хабибуллович любил меня и хотел «сделать» из меня «настоящего научного работника, но с масштабом» и, убеждая, что «академики вне критики», пытался оснастить мои работы научной аппаратурой принятого стиля; пусть даже сноски противоречат содержанию самого текста, внушал он мне, зато работа становится более проходной. Потому что «оппоненты читают только сноски!».

Но в итоге у меня получилась книга о «Слове» и Слове, которую прочли миллионы именно потому, что она была написана «свободно, по-писательски». Как правильно заметил в самом начале мой профессор и поддержали первые читатели Р.С.Зуева и А.Л.Жовтис.

Когда рукопись «Аз и Я» была сдана в издательство «Жазушы» (редактором был Адольф Арцишевский), дирекция вознамерилась было послать ее на отзыв в московские и ленинградские академические институты. Я уговорил Г.И.Толмачева, отвечавшего в издательстве за русскоязычную литературу, ограничиться внутренними рецензиями наших казахстанских ученых – профессора Жовтиса и доцента Зуевой.

Благодаря этому книга вышла в 1975 году. Потом, сравнивая отзывы московских и ленинградских ведущих специалистов по «Слову», опубликованные в центральной печати, я убеждался, что издательство поступило правильно. Академики, членкоры и доктора наук из Центра, десятилетиями занимавшиеся «Словом», кормившие им в прямых смыслах этого выражения, проявили в своих раздраженных откликах гораздо меньше понимания «Слова» и профессионализма, чем наши рецензенты, для которых «Слово о полку Игореве» в науке не было основным занятием. Но общая филологическая культура в столице Казахстана тех лет, благодаря таким университетским ученым, отличалась большей озонированностью. В ней не было той затхлости, какая накапливается в академических институтах с некритикабельными корифеями-основоположниками.

В 1985 году мы вдвоем – Д.С. Лихачев, Андрей Вознесенский и я – поехали на Сицилию поучаствовать в каких-то литературных бегах.

И однажды у нас состоялся интересный диалог. Дмитрию Сергеевичу было тогда уже за 80. Он впервые за границей: после Соловков не выпускали, а здесь началась Перестройка. И дух свободы повлиял на Лихачева. «Эх, — сказал он, — если бы Вы с рукописью приехали ко мне в Ленинград, мы бы пару вечеров посидели вот так рядышком. Я бы, возможно, красным карандашом на полях сделал несколько замечаний – вышла бы прекрасная книга!.. И мне бы не пришлось писать ту статью «Об ошибках О.Сулейменова», с которой началась кампания против «Аз и Я».

Я опять не согласился: «Если бы я приехал с рукописью или прислал ее по почте, то книга вообще бы не вышла. И Вы, я думаю, со мной согласитесь, дорогой Дмитрий Сергеевич».

...До перестроечных времен мы часто встречались и говорили по несколько часов в постоянной компании с Рашидой, Мариной Насыровой, Николаем Ровенским и Морисом Симашко. Темы

брежневско-кунаевской эпохи. Никакой озлобленности или отчаяния, веселая озорная застойно-застольная атмосфера. Я испытывал на профессиональных слушателях свои новые этимологии.

Потом времени на общение почти не осталось — два Верховных Совета (Республики и СССР), руководство Госкино, Союзом писателей Казахстана, Секретарь в СП СССР и пр., и пр. Поездки по республикам и всему миру.

Меня загрузили основательно, чтобы не осталось времени «на глупости» вроде «Аз и Я».

Ни одной новой книги я более не написал до скончания СССР. Потом — «Невада-Семипалатинск», партия «Народный Конгресс», оппозиция, Италия и так далее. Так в сутолоке незаметно и XX век кончился.

А работы, начатой тогда вместе и недоделанной — еще много. Надо постараться отразить на бумагу душевный свет, которым с тобой щедро делились твои добрые друзья — Хайрулла Хабибуллович, Рашида, Морис, Александр Яковлевич, Гена Толмачев, Саин Муратбеков, Галя Кузембаева, Болатхан Тайжанов...

Париж, 7 июня 2007 г.

ВЕК ПРОЗРЕНИЯ

(Письмо молодому поэту)

Ты из поколения, рожденного на исходе двадцатого столетия. Твоя юность совпала с наступлением нового. На таком рубеже поэты предлагают миру отречься от всего дурного и взять в будущее только доброе. Не слишком ли легким будет багаж?

«Кроха-сын к отцу пришел,
И спросила кроха:
Что такое хорошо?
Что такое плохо?»

Юный герой Маяковского задавал свои вопросы много десятилетий назад. Они и сейчас не утратили свежести.

Поэтому старшим поколениям достался век, которым можно гордиться и проклинать. Время, измеряемое вершинными взлетами разума и пропастями падения человеческого. Мы увидели в действии все разновидности своих благих иллюзий — капитализма, социализма, фашизма. Две мировые войны, нескончаемую череду «справедливых» и «несправедливых» войн, тотальные голоды, эпидемии, репрессии тиранических режимов — сотни миллионов погубленных жизней, миллиарды униженных, затаивших злобу, ждущих своего часа.

К перечню плохого нынешний «кроха-сын» может прибавить и другие достижения века, отмеченного двумя крестами — XX: рождение оружия массового уничтожения, эпидемия СПИДа, пандемия наркомании, озоновые дыры, парниковый эффект, подстегивающий скорость опустынивания планеты.

Однако было и хорошее. Человек вышел в космос, побродил по Луне, покончил с колониализмом, придумал телевидение, компьютер, разработал и опробовал стандарты демократии, открыл границы в Европе, изобрел витамин С и кетчуп. Завершалось надоевшее противостояние Востока и Запада. Все говорило о том, что мы вступаем в новую эру, в которой будет больше света...

XXI век начался с обрушения полыхнувших пламенем столпов Центра Мировой Торговли — символа рыночной экономики и всеобщего процветания.

Можно ли, ты спрашиваешь, назвать время новым, если все по-старому? Если люди так нетерпимы друг к другу. Гении обеспечивали взлет уровня средств визуальной информации только для того, чтобы вся планета увидела крах нового Вавилона?

...В молодости я был членом Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Такая существовала до конца 70-х годов. Руководил ею египетский литератор Юсеф эс Сibaи. Чем-то провинился перед исламскими экстремистами. А чем может провиниться поэт? Только словом. Он выступил против терроризма. На заседании бюро Ассоциации, оно проходило на Кипре, в зал заседания вошли не поэты и расстреляли Генерального секретаря. И Ассоциацию убили: мы более не собирались.

А до того провели несколько конференций — в Египте, Индии, в Казахстане, Узбекистане, Анголе...

О чем говорилось на этих встречах? О назначении литературы и голодных, стреляющих, освобождающихся обществах Азии и Африки. Есть ли у поэтов общественный долг или есть только право? Для меня такого вопроса тогда не существовало. Я родился на степном Востоке,

где поэту издревле отводилось высокое общественное предназначение. Его слово разрешало межплеменные споры, останавливало войны. Только поэт мог сказать правду народу и правителю. Но если однажды солгал, смалодушничал — его забывали. Память народная, что лоток золотоискателя. В нем ветром и водой промывается песок, тонны, Сахары пустого легковесного песка, чтобы на дне лотка остались несколько тяжелых песчинок. Золотые имена.

У поэта есть право молчать, но есть долг — сказать.

Кочевник, встретив в пустыне умирающего от жажды странника, никогда не проедет на своем верблюде мимо. Он напоит бедолагу, накормит, довезет до ближайшего колодца, где всегда есть люди.

И уйдет дальше, чтобы никогда более не встретиться. Тысячи подобных случаев уложились в степной закон: «Если ты встретишь человека, обрадуй его: может быть, ты видишь его в последний раз». Это выражение бескорыстной доброты благородней морали, встречавшихся мне в детстве сказок, где герой помогает выброшенной на берег рыбе, а когда его лодку опрокинул шторм, спасенная им когда-то рыба чудесным образом, помогает ему.

Когда человек испытывал счастье? Спасая. Если народ добр, он стал таким благодаря поэтам. В этом я вижу долг поэзии — делать людей добрыми. Долг, сопровождающий нас со времен Адама и Евы. А, может быть, и раньше. Человечество пересекает реку Лету, переходя из тысячелетия в следующее, словно перепрыгивая со льдины на льдину. Вот еще одна встала на дыбы, пытаюсь не удерживать нас на себе.

В начале каждого нового тысячелетия человечеству позволено оглянуться с высоты прожитого миллиона лет на пройденное, чтобы понять, куда идем, далеко ли ушли народы, ведомые слепыми поводырями?

Что есть человек как феномен? Какой качественный скачок эволюции вознес его над братьями по природе?

Социалист Фридрих Энгельс первый ответил: способность к труду. Когда обезьяна, которую Дарвин определил нам в предки, взяла в руки палку, дабы выкопать земляной орех, она сделала шаг на пути к Человеку. Но второй шаг по этой дороге сделал ее возлюбленный. На вопрос подружки, сколько ему нужно орехов, он показал пятерню и, подумав, показал вторую. От него и пошел, говорят, Homo Sapiens. Но самый большой шаг сделал их детеныш. Он заверещал от боли, увидев сверху, как пантера догнала зебрёнка, ударом лапы сломала хребет и вонзилась клыками в полосатое горлышко. У того детеныша уже появился

зародыш души, достаточно объемный, чтобы вместить почти весь ужас, который дано было испытать несчастному зебренок в тот миг.

Безусловно, черты всех трех типов развиваются в нас. Какие научные определения человека наиболее точны? Человек Работающий? Да. Человек мыслящий? Да, конечно. Но портрет ждет последнего мазка, завершающей характеристики — Человек Сострадающий! Вот эта черта наиболее человеческая. В природе можно найти и работающих животных, и даже думающих. Но, увы, нет сострадающих. Иначе бы этот тип животных определил человечество в развитии. Они бы и стали царями природы. Еще есть возможность успеть, потому что процент Сострадающих в человечестве все еще ничтожно низок. Работающих и Мыслящих — подавляюще больше.

XX век нас не раз убеждал в том, что нации великих тружеников и мыслителей способны вмиг озвереть и безжалостно уничтожить миллионы себе подобных.

Мы начинаем прозревать, понимая, что растем по мере возрастания души. Когда она способна вместить все страдания мира, тогда и происходит Человек.

Труд развивает тело, науки — сознание, поэзия — душу.

Религия близка к поэзии. Библия, Тора и Коран — это, прежде всего, поэтические произведения. Они стремятся воспитать человека доброго, отвратить его от дурных поступков. Все они пишут — не лги, не укради, не убей. Но Человек Работающий и Мыслящий — жлет, крадет и убивает! Он не нуждается в поэзии — это не комикс и не гамбургер. «Что тебя заставляет писать стихи — выражаться вычурно? Зачем?» Этот вопрос не мучает домохозяйек и служащих. Читающего томик стихов ни в метро, ни в автобусе не увидишь. И в книжных киосках стихов нет. «Они себя не окупают». Окупает себя порнография и «Майн кампф». Закон рынка.

Но ты пишешь, я знаю, пишешь. Стихи — это всегда письма себе. Благодаря энергии этой работы формируется твоя личность, совершенствуя мир вокруг себя. Поэзия улучшает природу человека. Ты это почувствуешь годам к тридцати. И далее. Когда в тебе будет все чаще вскрикивать твой далекий предок — тот детеныш, увидевший, как из последних сил пытается уйти зебренок...

Ты видишь по телевидению картину наводнения. Плышет сорванная крыша дома. Никак не могу избавиться от этого видения. Длинная черепичная крыша, переломившаяся в середине. Провал делает ее чем-то похожей на двуглавую вершину Арарата. Символ спасения, уносимый потоком.

И снова, в который раз приходят строки Тагора: «Неужто ты не слышишь громкий зов твоей страны, плывущей в никуда?»

Сломанная ударом тяжелой лапы спина зебрёнка. Верещит детеныш, он не может помочь зебрёнку. Его сострадание бессильно. Но мы можем спасти мир.

Что такое поэтический талант? «Это способность описать словом явление». Да, конечно. Но, прежде всего, это дар сострадания.

Раздираемый презрениями и ненавистями мир ждет очеловечивания — его может спасти только поэзия взаимного могучего сострадания.

*Любая влага, влитая в кувшин,
Спешит принять его литую форму.
Но слово, проникая в глушь души,
Ей сообщает собственную форму.
Так, в мир входя, мы изменяем мир,
Дыханием отогреваем снова.
Мой мир, рябясь, морщинаясь,
Как эфир,
Приобретает очертанья слова.*

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОШЕДШЕМ ТРИДЦАТИЛЕТИИ

(21 февраля 2022 г.)

События начала 2022 года заставили меня отложить давнюю работу о происхождении арабских цифр. Ещё свежие воспоминания возвращают к недавним годам, когда из-за бездарных правителей своих погибал, разрушался вполне здоровый, развивающийся Советский Союз, вызывая растерянность и непонимание сотен миллионов советских людей, теряющих страну, ставшую общей родиной.

(Так бы я начал рассказ о 1989-1991 годах, которые провел в бурлящей Москве).

Президенты наспех собранных «независимых» государств (столь же не щедро одаренных небом, как Горбачёв и Ельцин) все тридцать лет обещали своим народам счастливое благополучие и сытость в самом ближайшем будущем, ну, а настоящее надо, понимаешь, перетерпеть.

В новых поколениях накапливалось опасное нетерпение. В январе им воспользовались, поначалу удачно, те, кто хотел создать во всем Казахстане митинговый подъём, чтобы заставить Токаева сложить полномочия, и счастливое Тридцатилетие продолжилось бы бесконечно. Но, однако, кличем всех митингов стало требование — «Шал кет!» («Старик, уйди!»).

Тогда в дело вступили подготовленные родней Елбасы боевые группы, чтобы стрельба, пожары, грабежи создали обстановку, которая заставит-таки Президента подписать бумагу об отречении. Но Токаев обратился к ОДКБ.

...Сейчас уже понимаешь, что время конца 70-х и начала 80-х оказалось рубежным. Кто из историков обратил внимание на такие вполне рядовые события, случившиеся в тот период?

1. Руководитель Ставропольского крайкома М.С. Горбачев неожиданно получил повышение — стал секретарем ЦК КПСС (1978 г.) и вскоре — членом Политбюро (1980 г.) и уже недалеко до кресла Первого Секретаря (1985 г.)[1].
2. Съезд Компартии КНР избрал Председателем партии Дэн Сяопина (1978 г.).

Последствия этих событий проявились уже в ближайшее время. Советский Союз в 1991 году перестал существовать. Вечно голодный, всегда нищий миллиардный Китай впервые накормил себя (1990 г.) и заявил о себе как о самой развивающейся экономике мира.

В том же периоде на планете происходили незаметные или мало-заметные акты, тоже влияющие на политику.

Ранней осенью 1978 г. в солнечном Ташкенте собралась очередная Конференция писателей стран Азии и Африки, организованная Союзом писателей СССР. Завершался первичный этап глобальной деколонизации, предложенной США в победном сорок пятом. Америка тогда убедила своих союзников уходить из колоний. Британская администрация начала уходить из Индии, Ирака, Арабских стран, из Восточной Африки. Французы — из Западной и Северной Африки, но нехотя, что породило первые национально-освободительные

движения. После смерти Сталина и СССР начал поддерживать деколонизацию, помогать идеологически, деньгами и оружием через полуофициальный Комитет по связям со странами Азии и Африки.

Я был одним из руководителей этого Комитета. Посетил почти шестьдесят стран этих континентов за два десятка лет. И, наверное, поэтому руководство Союза писателей СССР поручило мне подготовить основной доклад и выступить с ним в начале конференции. Участвовать в обсуждении основных вопросов времени прилетели многие руководители освободительных движений деколонизированных стран.

Большую часть текста я посвятил изложению впечатлений, полученных от посещения некоторых стран, еще бывших колониями. Ухоженные, тучные плантации. Работающее местное население. Проблемы, которые, конечно, были, но не бросались в глаза. Потом, через несколько лет после деколонизации я снова туда приезжал. И видел уже другие картины. Племена боролись за власть. Сожженные дома, опустошенные плантации, голодное, нищее население. А рядом такие же страны, озлобленные независимостью.

Такие рассказы угнетающе действовали на зал. Руководство нашего Союза переглядывалось. Огласил вывод.

«Хочу назвать главную ошибку национально-освободительных движений. Основной и конечной целью деколонизации виделась только Независимость. А что будет после достижения цели, борцов не интересовало, и это губительно сказалось на программе освобождения.»

В конце доклада предложил Формулу Пути в будущее, назвав другую стратегическую цель освободительных движений:

«От веков **зависимости**,
через период **независимости**
к эпохе осознанной **взаимозависимости**».
(Осознанной, а не навязанной взаимозависимости).

В перерыве узбекские писатели устроили для гостей обильный обед. Для президиума — в отдельной комнате, где представители организаторов провели небольшую дискуссию.

Виталий Озеров — секретарь Правления Союза писателей СССР, высказал мнение, что новая светлая цель едва ли будет понятна борцам Азии и Африки.

— Сейчас большинство стран этих стали самостоятельными, — говорил он — Они еще не успели освоить независимость, а вы предлагаете им сразу шагнуть к следующей цели? Весьма туманной, к тому же.

— Надо сразу начинать сотрудничать с соседями как с членами одной семьи. Взаимодействовать, как братья и сестры, а не воевать. Семья — лучшая модель взаимозависимости.

«Советский союз — говорил я — доказывает действенность такой модели. Мы называем наши республики братскими. У казахов, узбеков и россиян разное прошлое, но общее будущее, которое мы созидаем вместе.» Я уточнил, что эта Формула Пути не только для интеллектуалов этих двух континентов. Она для всех народов мира. Потому что все этносы и общества планеты испытали бремя Зависимости — социальной, экономической, национальной, расовой, религиозной и, конечно, стремились к Независимости хотя бы в мечтах и надеждах. Некоторые страны получали ее, но вскоре снова попадали в зависимость. Обязательно попадали, ибо Независимость, как оказалось, не может быть завершающим пунктом исторического пути народа. Часто она становилась самым опасным этапом на пути к свободе.

В конце 1991 г. распался Советский Союз, образовались новые, независимые друг от друга государства. И многие из них повторили опыт переживаний бывших африканских и азиатских колоний, получавших независимость.

...В 1990-м я дважды встречался с Нельсоном Манделой, вышедшим из тюрьмы, где провел 27 лет. И все эти годы он из тюрьмы руководил своей партией Африканский Национальный Конгресс. Партия стремилась объединить тысячи племен Африки в единую нацию, и примером этого служил для Манделы опыт Советского Союза, создавшего из множества разных национальностей единую нацию — советский народ. Так мне объяснил Мандела при встрече в Йоханнесбурге весной 1991 года, куда я прилетел по поручению Верховного Совета СССР и Комитета по присуждению Международной Ленинской Премии, членом которого я состоял.

Мандела пообещал прилететь в Москву сразу после предстоящего полета в Северную Европу (был нарасхват). Но так и не прилетел. В Норвегии, куда тогда собирался, его наградили Нобелевской Премией Мира и Ленинская, конечно, не монтировалась рядом. Отговорили. Но Африканский Национальный Конгресс продолжал работать, утверждая в сознании племен идею взаимозависимости африканских народностей, подсказанную Советским Союзом.

Формула Пути за прошедшие после Ташкентской конференции сорок с лишним лет озвучивалась мною на конференциях ООН, ЮНЕСКО, с трибун национальных.

Недавно, когда Азербайджан вернул Карабах, тридцать лет бывший под оккупацией Армении, журналисты Баку спросили: «Как дальше строить отношения с соседней республикой, враждебное на- строение которой к тюркским народам было и будет?».

Я сказал, что близким соседям легче совместно выработать состо- яние взаимозависимости системой сначала экономических, транс- портных, политических коммуникаций. И тогда постепенно нарастут и межкультурные связи.

Взаимозависимость должна стать программной задачей всех со- седей не только в Закавказье.

В декабре 2021 года официальный Казахстан торжественно от- метил Тридцатилетие своей Независимости. А в январе 2022-го мас- совые митинги высказали своё понимание такой независимости. То время оказалось тридцатилетием культивирования абсолютизма Одной личности, в зависимость от которой попало все население страны. А в собственность этой личности и ее семьи попала вся земля и ее богатые недра, все промышленные предприятия, доставшиеся стране от СССР.

Каким сознанием обладала эта уникальная личность, воспитан- ная советской школой-семилеткой и ФЗУ? Был комсомольцем, состо- ял в Коммунистической партии. Может быть, эти идеи воспитали в нем сознание социалистическое или коммунистическое? Нет, не вос- питали. Тогда, может быть, национальное или даже националистиче- ское сознание сказывалось? И эти — нет.

В казахском языке гражданское понятие «нация» и этническое — «национальность» еще не отделились друг от друга. Определяются одним словом ұлт.

Мы — народ, состоящий из нескольких племен, когда-то объеди- ненных в три союза (жуза).

За века такого сосуществования у большинства народа воспиты- валось племенное сознание. И своеобразный жузовский патриотизм.

Итак, каким же сознанием был наделен человек, овладевший всей страной? За тридцать лет накопились аргументы в пользу не наци- онального, даже не племенного, а родового его сознания. Конечно, самая почитаемая им личность — Он Сам (эго!), потом — Родня и, наконец, — Род шапрашты. Что означает это слово, никто не знает. Происходит явно от какого-то нетюркского имени Шапраш. Возможно, джунгарского, калмыцкого, но не казахского. Хотя в просто народном лексиконе казахов есть слово шапраш. Так называют девицу, родив- шую дитя, не выйдя замуж.

Обитает этот немногочисленный род недалеко от Алма-Аты, в Каскеленском районе (Каскелен — диалектная форма казахского Қаскельген — «враг пришел». Возникло, возможно, после прихода в это место джунгар.)

В предгорьях Ала-Тау на высоте тысячи метров есть прекрасное урочище Ущ Коныр, откуда хорошо виден Каскелен и поселок, где родился Сам.

В урочище небольшая сеть прекрасных дорог, несколько очень уютных жилых строений, архитектурно не уступающих Швейцарии. Это для отдыха Самого и Дочерей. А на окраине урочища — ухоженное кладбище, где хоронят только тех, кто из рода Шапрашты.

В этом роду, как и в любом другом, есть и невежды, и талантливые люди. Однако именно шапрашты оказались наделены Назарбаевым особыми возможностями, что заставило некоторых современников пересмотреть свои шежіре (родословные) и обнаружить в числе предков шапраштинца. В паспорт такое открытие не впишешь, но система устного оповещения помогала таким находчивым карьеристам попадать в политическую и деловую элиты страны. Моя мама из рода шапрашты, но не это помогало моему росту.

Все выходцы из этого рода и приписавшиеся получили в прошедшее тридцатилетие должности не ниже министерской и незаметные обществу доходы. Но приходит час, и каждого из них везут не на общее место захоронения в Алма-Ате или в столице. Спец. самолетом доставляют в Алма-Атинский аэропорт, поднимают в урочище Ущ Коныр на родовое кладбище, которое, по-видимому, ближе к небу.

Ни в каком другом, даже в самом отсталом африканском, государстве культ президента не доходил до такого совершенства!

Это родовое кладбище было предназначено для «рядовых» сородичей. А для Самого строилась грандиозная мраморная гробница в самом историческом месте Казахстана — в Туркестане.

...Еще обсуждаются январские события, но мы должны признать главное, что этот январь — и начало 2022 года, и, надеюсь, начало нового Казахстана — современного, демократического, свободного государства. Возникают новые партии, мы возрождаем партию НКК («Народный Конгресс Казахстана»), которая возникла в 1992 году, участвовала в формировании проекта первой Конституции, утвержденной напех собранным Верховным Советом юной республики.

И важнейшие предложения этим уже ручным Советом не были приняты. Все последующие тридцать лет такой парламент принимал

предложения президента стопроцентным голосованием (поднятием правой руки, хотя правильной было бы поднимать обе).

НKK предложила в начале текста Конституции соединить последовательно две главные статьи:

I. Единственным источником власти является народ.

II. Главной собственностью народа является земля и её недра. Эта собственность всегда принадлежит всему народу.

Две эти основные статьи Основного Закона обеспечивали демократическое будущее республики и благосостояние населения. Председателем того состава Верховного Совета был коммунист Серикболсын Абдильдин.

От президента поступила редакция как указание:

«Земля и её недра принадлежат государству».

Я снова попросил слова:

«Государство — это несколько человек, которых мы только что избрали в руководство. Даже не рассмотрев их внимательно. А нам предлагается отдать им во владение нашу землю, которую народ веками собирал, защищал, отвоевывал как свое основное богатство. Если мы отдадим её этим нескольким персонам, то где гарантии, что до следующих выборов, которые состоятся через пять лет, они не распродадут это основное народное богатство? Не забывайте, что мы, отказавшись от социализма, вступили в период, где правят рыночные отношения.»

За предложение НKK было поднято несколько рук. За президентское — послушно подняли остальные.

Так тогдашние парламентарии проголосовали против того, чтобы поколения народа создали свое благополучное настоящее и будущее.

В 1994 году НKK предложил уже детально проработанную Программу материализации статьи:

«На имя каждого гражданина республики Госбанк открывает лицевой счет, на который будет падать капелька от каждой тонны нефти, крошка от каждой тонны угля, цветного, черного и редких металлов, добываемых в стране, и тогда не будет нищих поколений. Надо изучить опыт некоторых арабских эмиратов, и наши математики создадут совершенную систему распределения этих народных богатств во благо народу и государству.»

Но то обсуждение закончилось доделкой Конституции в 1995 году, где добавились не наши предложения, а статьи Закона, укреплявшие единоличную власть президента.

И теперь, когда тридцатилетие Зависимости Казахстана от Елбасы, кажется, заканчивается, НKK будет снова настаивать на

совершенствовании Основного Закона о внесении в него статьи «Земля и её недра принадлежат не государству, а народу».

Пытаясь годами понять сложную семантику термина — взаимозависимость, я всё чаще гляжу на карту.

Казахстан окружен разновеликими государствами-соседями. С запада и севера республика соседствует с Россией, 7 тыс. км граница. Тысячи горных километров соседства с Китаем. На юге — республики Средней Азии. Такое окружение не обещает долгой независимости. Только ускоренная взаимозависимость с соседями подсказывается такой географией.

Взаимодействие и взаимосотрудничество Казахстана с окружающими странами вполне возможно. И легко подтверждается экономически и политически.

Но как добиться реальной взаимозависимости, скажем, Китая, великого населением, пятитысячелетней историей, и крошечного числом населения Казахстана, который, все знают, начал свою письменную литературу и историю только в XX веке.

Зависимость казахской культуры от древних китайских хроник особых доказательств не требует, а взаимозависимость, особенно в древности, конечно, невозможна? Вопрос потребовал годы погруженности в тему и что-то еще, чтобы добыть необходимые доказательства. Я руковожу Центром сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, и эта обязанность помогла.

С 60-х разгадывал происхождение древнейших иероглифов, и уже удалось установить биографию арабских цифр (от единицы до десяти). Понять их **китайское происхождение**[2].

Почему проблеме взаимозависимости я уделю время в наши плотно занятые дни? Я пытался пристроить это, скорее духовное явление к разным религиозным философиям. И даже к таким атеистическим, как марксизм. Если бы предмет взаимозависимости классов обсуждался в XIX веке учеными-марксистами! А он, думаю, обсуждался, потому что классовые противоречия, видимо, получили разное научное истолкование в Европе. В северной части материка эти естественные противоречия не развились в классовую борьбу, как это случилось в России. В Швеции и Норвегии противоречия рабочего и работодателя получили эволюционное развитие. В России — революционное.

Явление сие в таких ракурсах пока не пытались рассматривать. Просто употребляют в публицистике термин «шведский социализм», не задумываясь о его происхождении.

Такое научное отставание и сегодня может сказаться на развитии России и новых государств, идущих за ней, потому что после развала СССР и «восстановления капитализма» возрождается конфликт рабочего класса и класса работодателей, грозящий свернуть на привычный путь. К чему это может теперь привести, не надо гадать. Есть только два продолжения — очередная революция или социализм. Пусть даже «эволюционный». К чему призывает Программа Народного Конгресса Казахстана[3].

[1] Карьерный взлет Горбачева — куратора северо-кавказских здравниц случился не без помощи Д. Кунаева. Об этом можно, наконец, более полно сообщить.

[2] Статья «Познавать соседей» о забытой эпохе взаимозависимости китайских — тюркских — семитских культур опубликована в этой книге.

[3] Для патриотов, не признающих иностранные термины в названии казахстанской партии, поясню, что «конгресс» — международное слово, означающее — «соединение», «сближение» (лат.).

древнего Египта, в иероглифы Китайской древности — она не отвлекала меня. И в последние три-четыре десятилетия, когда знакомые люди становились очень богатыми, делали стремительные карьеры, она ни разу не упрекнула меня, не направила на «правильный путь». Хотя я сам должен был подумать о наследстве, которое достанется дочерям и их детям. Раскрытые мною тайны истории культуры человечества, увы, не принесут им прибыли.

Разве сыну моей внучки Карины, которая дала ему имя моего отца — «Омар», принесет какую-то пользу то, что я прибавил тюркской истории несколько доказательных тысячелетий, разгадал этимологию китайских и арабских цифр, приблизился к началу многих культур, сблизил биографии народов на маршрутах в будущее?

Омарчику пока всего три месяца от рождения. Пусть будет здоров и растет! Когда он достигнет совершеннолетия, эти и другие знания, добытые его прадедом, будут изучаться человечеством как таблица умножения.

Уход Маргариты еще сильнее приблизил ко мне моих дорогих сестер — Шолпан, Раушан, Жибек. Красавицы, умницы! Четвертая сестра — Гайни уже несколько лет далеко от дома. Ее сыну Искандеру я подарил компьютер в 1990-м году, купив его за 6 тысяч долларов в Москве, где работал. Это был, пожалуй, первый в Алма-Ате компьютер. Искандер и его отец Мырзахан быстро его освоили. И в 90-е Искандер стал очень успешным предпринимателем. Не миллиардером, но мог поддерживать моего брата Серика, попавшего в автотрагедию и двадцать лет проведенного в кровати, под наблюдением частных врачей. Один из них недавно навестил меня, вместе со своим сыном. Врача зовут Олжас, а сына он назвал — Омар. Вот такая история.

Но Искандеру не повезло. Назарбаевские прокуроры нашли «родственника Сулейменова с деньгами» и упрятали его за решетку. Несколько лет Искандер просидел в «пыточных» камерах. Все его предприятия были разворованы (кондитерская фабрика, компания вертолетов и др.). Никаких убедительных доказательств его незаконной деятельности так и не было представлено. Хотя они и не старались. Новый президент — Токаев выпустил Искандера, и он уехал за границу вместе с родителями — Гайни и Мырзаханом. И вот уже несколько лет Гайни не может приехать в Алма-Ату: судимость с Искандера не снята. Силы назарбаевского правосудия еще вполне в «форме» и в любой момент готовы продлить свою деятельность с новой силой.

Сегодня воскресенье. Конец сентября. Уже не так жарко, как было. Лето кончилось. Я дочитываю последние страницы отпечатанной рукописи книги «Так было...».

Это первая моя книга, рукопись которой напечатана не Татьяной Георгиевной, с которой я работаю почти полвека. Она вместе со мной провела всю Римскую командировку, потом — всю Парижскую и, вернувшись в Алма-Ату, мы уже несколько лет продолжаем нашу работу. Она знает мой почерк и обладает абсолютной грамотностью, поэтому я не переписываю страницы, а фотографирую их и посылаю ей как есть. И получаю обратно уже отпечатанный и грамотный текст. Такая у нас выработалась практика за многие годы сотрудничества.

Но книгу мемуаров я создавал с помощью Игоря Крупко. Я не писал черновиков, а надиктовывал текст. Он записывал его на свой маленький диктофон, дома расшифровывал, отпечатывал и приносил мне, помогая выстроить книгу живых свидетельств памяти поэта, не единожды бывавшего в эпицентре исторических событий. Пусть воплотит наши новые планы по сближению культур вместе с коллективом, сформированным за эти годы.

У нас в Центре трудятся люди, которые сближают культуры натурально, следуя Уставу и в семейной жизни. У Стаса, моего водителя и помощника, есть жена — Мадина. У них скоро родится ребенок (мальчик). Пусть будет здоров и счастлив. Стас возит меня уже 8 лет и за эти годы показал себя не только хорошим помощником. Его фамилия — Пьянкин, но он не пьет. Такой вот парадокс, выражающий сближение и борьбу (с пьянством).

Я вновь возвращаюсь к тому, чему посвятил более 60 лет.

И понимаю, что наши названия устарели. Организация, которую я возглавляю, называется «Центр сближения культур». Большинство все равно путает это определение с мелкими понятиями культуры районных и областных масштабов, не дотягивая даже до национальной.

А мы пришли к сближению **мировых культур**. Увы, мировые культуры борются тысячелетиями. И никакого мира в этой войне не предвидится.

Мы пришли к пониманию того, что человечество — Восток и Запад — это две половины одного мозга.

Когда идея ясно выражена, она работает, объединяя мир.

Сейчас мир расколот на куски.

Единственный **Центр сближения мировых культур** будет действовать именно в Алма-Ате. Мы заслужили это право.

Здание, в котором мы работаем, было построено в 1936-м году, что тоже символично. В этом же году была создана первая Конституция СССР, которая по-своему тоже была направлена на сближение народов. Я стал одним из первых ее граждан. Это время — начало нового периода, но и конец старой эпохи. Тогда уничтожали последних интеллигентов начала XX века. Среди них был и мой отец. Мне было четыре дня от роду, когда он ушел. Но напоследок, своей жизнью и судьбой, он успел передать мне какую-то важную информацию — программу, которую я развивал всю свою жизнь.

Наше здание расположено на улице Кунаева (бывш. Карла Маркса). Эти две фигуры тоже по-своему выражают эту идею. Об этом мы не должны забывать.

А на стене его нужно написать «Центр сближения мировых культур». Это закрепило бы нашу идею, назначение Центра и его адрес.

Алма-Ата — город яблوك — символ земледелия и сладкой жизни. Неслучайно этот плод сохранился в легендах о драматических отношениях двух половин, любви и борьбе, отразившись в библейских преданиях.

И это мы тоже подчеркнем — стянем все символы в одну точку.

А затем расскажем — где рождался образ земного мира.

Он появился там, где люди осознали купол неба и плоскость земли.

Этот образ рождался в степи.

Образ неба с солнцем превратился в модель первого дома — купол юрты и круг света. Тогда, правда, еще поклонялись луне. Но солнце служило светом.

Потом появился крестообразный шанырак. Мы уже знаем — как он принимал эту форму сквозь тысячелетия. Здесь совместились знаки — круг и крест. И появился солнечный шанырак.

Укреплялись стены, со временем принимая отвесные формы — так вырастали дома. И тогда шанырак переместился на стены — появились окна, крестообразные до сих пор.

Так создавался мир.

Детали встречались, накапливались в целое, соединялись и создавали предметный мир человека. А затем и другие миры культуры. Все будущие идеи и идеологии, логики и аналогии, музыкальные произведения и немые артефакты — происходят из того первого образа. Со-творчество человека и природы сотворило мир. Изображение мира началось с двух половин: изогнутого купола

неба над плоскостью степи. Древней степи. Тысячелетиями люди расходились по горам, долинам рек и морским побережьям в поисках пищи. Там они выживали. И теряли те первые ощущения пространства, давшие начало культуре. А сейчас мы их собираем. Перед концом. Неожиданным концом этого мира, приближение которого испытывает пока только один его представитель.

Мы помогаем человечеству осознать:

Ты стоишь перед концом!

Соберись!

Вспомни — что ты сотворил за все эти годы, века и тысячелетия!

Мы должны внушить всем народам: никто из вас не открыл слова первым. Ни слово «Бог», ни «боқ». Открывали все вместе.

И казахская юрта — не досадный признак отсталости кочевников, но свидетельство древнейшей истории — воплощение первого образа, увиденного человеком. В самых нижних культурных слоях Вавилона (IV тыс. до н.э.) найдены глиняные таблицы с рисунками первых юрт, которые я считал до-иероглифами.

Мы ухватили кончик — дальше нить времени разворачивает картины истории Человека Мыслящего...

Осознание купола неба и земли — первое образное мышление. Возникает стремление сблизить две половины. Мир уже тогда состоял из двух половин. Кто-то осознал закон парности. И сближение их воспринималось как сближение Адама и Евы. Борьба и любовь. Без этого нет жизни.

Сближение половин пронесли сквозь века. Из этих сочетаний знаков они создавали жилища, дома, храмы, страны. И обитали в них. Боролись и любили.

Из двух этих понятий происходит все. Они позволяют жить и не умирать. В этом выражается главный человеческий дар. Ни собаке это не дано, ни быку. Да и Богу не дано. А дано человеку.

Потому что Бог — один. А мыслящих — всегда пара. Они борются с неверной мыслью, поддерживают правую, преодолевают противоречия. А те, кто хотят быть Богом, как некоторые руководители — дураки. Сытые дураки. Потому что они одни. У них в мозгах не два полушария мозга, а одно. И даже не полушарие, а тупик. Я общался

со многими руководителями стран и знаю это. Для развития нужен диалог, спор. А они не хотят спорить — только властвовать. Слышать только себя.

А слушать нечего.

Сегодня меня навестил врач — Ахат Аминович Мулюков, 20 лет лечивший Кунаева и видевший его в последний день. И вместе с ним пришел мой друг — Аман Шабдарбаев, с которым мы сблизились во времена, когда он работал личным телохранителем Кунаева. После 1991 года он работал в службе охраны Назарбаева, а затем и председателем КНБ. Когда в 1995 году Назарбаев разгонял наш Верховный Совет, Аман, зная мой характер, пришел ко мне и попросил вернуть пистолет, который дал мне ранее для самозащиты. В те сложные времена было трудно ходить без такой поддержки.

Но мы говорили не об этом.

Несколько раз в должности председателя КНБ Аман спасал президента. Но самое главное — контролировал вопросы безопасности территории нашей страны и ее недр. В частности, запасы урана, заполучить который хотели многие. В стране действовали и исполнители таких планов. На плечах одного из них до 60 процентов нашего урана ушло за границу. Его посадили на 10 лет. А сейчас из этого человека делают борца за справедливость. Некоторые условные политики даже предлагают сделать его следующим президентом.

Будущий президент должен соответствовать тем требованиям, которые мы обозначили. Он не должен быть одиноким, как уже привыкли руководители. Руководитель всегда должен взаимодействовать с аудиторией, которая спорит с неверными решениями и поощряет верные.

Об этом мы говорили с Аманом. Он сейчас пенсионер, волейболист, а не политик. Может быть, в этом и выражается политика нашего времени. Ты осознаешь себя ответственным за решения и шаги, которые твоя страна делала или собирается сделать.

Так прошел мой день. Мы не придумываем заключение книги, оно возникает естественно. Строки диктует жизнь. Я был бы обижен, если бы было по-другому.

Пора миру поверить поэтам: Восток и Запад — это два полушария мозга, и они взаимозависимы. Эта модель сознания подсказана природой.

Необходимо стремиться создать такой Центр, который по-настоящему утвердит в сознаниях эту формулу. Не чиновников, а людей. Об этом нужно писать в газетах, журналах, социальных сетях. Призывать другие республики участвовать в этом. Через время возникнут филиалы в разных уголках Земли. И тогда мы сможем влиять на мировые процессы. Утверждать мир в сознании людей. Сближать их: азербайджанцев и армян, русских и украинцев — все народы. Так мы будем бороться за единый мир. Возникающие углы регионов объединятся эпохой осознанной взаимозависимости. Таким будет сближение мировых культур. И мы будем все время держать над этим процессом символ идеологии сближения — юрты, что сближает кереге и все другие составные части.

Это послесловие — не Олжаса Сулейменова, а человечества. Голос человечества, которое осознает себя, свое прошлое и предвидит будущее, которое не настанет, если вовремя не спохватиться.

Напомним ему — так было всегда.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I ВОСПОМИНАНИЯ

ПОЭЗИЯ — ЭТО ВСЕГДА ПОСТУПОК

Начало.....	5
Эстафета Чокана	12
Исправляя метафорой мир	16
Мгновения. <i>О поэтах-шестидесятниках</i>	28
Глиняная книга.....	46
Аз и Я. <i>Бестселлер по-советски</i>	51
V Конференция писателей стран Азии и Африки.....	66
О Кунаеве и его времени	72
Невада-Семипалатинск: как это было	91
Черный январь в Баку	105
Последние дни Советского Союза	109
День защиты детей. 1 Июня 1993 г.....	121
Политика независимости в 1990-е годы	125
О культурной дипломатии в Италии	130
От знаков — к знаниям: сближение культур и проекты Казахстана в ЮНЕСКО.....	139

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

Слово о Шакене	151
О 60-летию Расула Гамзатова	153
О Гагарине. <i>О том, почему иногда выгодно не выпивать и судьбе казахского рабочего класса</i>	161
Минута молчания на краю света.	172
..Я шел путем, который не увидишь пока не станешь на него подошвами	178
О Юрии Домбровском. <i>Сапиенсы против эректусов</i>	187
Знак Эйзенштейна.....	190

Пижон Калмыков	191
«Каганы красок, падишахи слов...»: о Чингизе Айтматове	196
Анару Расул Оглу Рзаеву	198
О Бауржане Момышулы и Рахимжане Кошкарбаеве	201
Почему мы пьем за чужое здоровье? <i>Все болезни твои на себя принимаю.</i>	209
Жаса, Олжас! Живи и твори! <i>Э. Ахундова</i>	212

ПАМЯТЬ МИРА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ ИЗ «1001 СЛОВА»

Первые слова	219
Глиняные книги и другие	242
Родина и чужбина. <i>Памяти Гейдара Алиева.</i>	247
О чем рассказали кольца?	257
Дороги шёлка	264
Познавать соседей	270

ЧАСТЬ II ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ (Выступления, публикации, интервью)

Портить отношения. <i>Январь 1972 г.</i>	282
Слово о Мухтаре Ауэзове. <i>Доклад на праздновании 90-летнего юбилея писателя. Сентябрь 1987 г.</i>	300
К эпохе осознанной взаимозависимости. <i>Доклад на ташкентском симпозиуме писателей стран Азии и Африки. 1978 г.</i>	308
Может, это твой город. <i>1985 г.</i>	329
Создание движения «Невада-Семипалатинск». <i>28 февраля 1989 г.</i>	330
Выступление на Первом Съезде народных депутатов СССР. <i>Июнь 1989 г.</i>	332
Из текста выступления на митинге МАД «Невада-Семипалатинск» близ села Караул. <i>6 августа 1989 г.</i>	336
Компенсации — да, взрываю — нет! <i>19 июля 1991 г.</i>	337

Выступление на Последнем Съезде народных депутатов СССР. 6 сентября 1991 г.	340
Строить здание на крепком фундаменте. 6 июля 1992 г.	343
Шоковая? Нет, гуманная экономика. Деловое предложение Правительству РК. 26 января 1994 г.	350
Народный конгресс. Ноябрь 1994 г.	356
«Верховный Совет в России разогнали танками — нам хватило одной Таньки». Интервью 6 апреля 1995 г.	364
«Народ мой, не забывай историю». 1995 г.	368
Об ошибках критиков социализма. 10 марта 1999 г.	373
Использовать шанс!.. Интервью 4 ноября 1999 г.	386
Свет друзей. 7 июня 2007 г.	394
Век прозрения. Письмо молодому поэту	396
Размышляя о прошедшем тридцатилетии. 21 Февраля 2022 г.	400
ПОСЛЕСЛОВИЕ	409

Олжас Сулейменов

ТАК БЫЛО...

ISBN 978-601-354-123-5

Редактор Крупко И.В.
Технический редактор Жандаулетов В.А.
Дизайн, верстка Кожевников Я.И.
Корректор Ахриева Д.М.

Подписано в печать 19.10.2023 г.
Формат 60х90 1/16. Объем 26,5 у.п.л.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура: Cambria.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 471/7742.

Отпечатано в типографии «Service Press»
г. Алматы, ул. Халиуллина, 32
Тел.: 8 (727) 352-82-02

...Мы ухватили кончик — дальше нить времени разворачивает картины истории Человека Мыслящего...

Осознание купола неба и земли — первое образное мышление. Возникает стремление сблизить две половины. Мир уже тогда состоял из двух половин. Кто-то осознал закон парности. И сближение их воспринималось как сближение Адама и Евы. Борьба и любовь. Без этого нет жизни.

Так создавался мир.

Все будущие идеи и идеологии, логики и аналогии, музыкальные произведения и немые артефакты — происходят из того первого образа. Со-творчество человека и природы сотворило мир. Изображение мира началось с двух половин: изогнутого купола неба над плоскостью степи. Древней степи. Тысячелетиями люди расходились по горам, долинам рек и морским побережьям в поисках пищи. Там они выживали. И теряли те первые ощущения пространства, давшие начало культуре. А сейчас мы их собираем. Перед концом. Неожиданным концом этого мира, приближение которого испытывает пока только один его представитель.

Мы помогаем человечеству осознать:

Ты стоишь перед концом!

Соберись!

Вспомни — что ты сотворил за все эти годы, века и тысячелетия!

Сближение половин пронесли сквозь века. Из этих сочетаний знаков они создавали жилища, дома, храмы, страны. И обитали в них. Боролись и любили.

Из двух этих понятий происходит все. Они позволяют жить и не умирать. В этом выражается главный человеческий дар. Ни собаке это не дано, ни быку. Да и Богу не дано. А дано человеку.

Потому что Бог — один. А мыслящих — всегда пара. Они борются с неверной мыслью, поддерживают правую, преодолевают противоречия. А те, кто хотят быть Богом, как некоторые руководители — дураки.

...Пора миру поверить поэтам: Восток и Запад — это два полушария мозга, и они взаимозависимы. Эта модель сознания подсказана природой.

Олжас Сулейменов